

**МАКС ТРИЛЛЕР.
ТОЧКА БЕДЫ**

(роман)

«... самой культурной страной на земном шаре являются, вне всякого сомнения, Соединённые Штаты Америки» (см. «Послесловие»)

Часть I

ЧЁРНЫЙ ОПАЛ

1. Америка, Америка...

Макс Триллер родился в тexasском городе Даллас 8-го мая 1961 года. Во всемирной истории человечества этот день ничем особенным не знаменателен, если не считать родившегося под таким же числом за семьдесят семь лет до Макса бывшего президента США Гарри Трумэна, выпятившегося из международного ряда вселенских преступников тем, что сбросил две самые первые американские атомные бомбы на мирные японские города Хиросима и Нагасаки. Этим совпадением дней рождений общность между Гарри Трумэном и Максом Триллером уже и заканчивается, если не брать в рассмотрение тот факт, что Гарри Трумэн был в молодости артиллеристом, а Макс Триллер стал в дальнейшем профессиональным минером и подрывником, то есть в определённом смысле тоже бабах-мейкером. Ну да черт с ним, с этим Трумэном, кому он интересен сегодня по большому счету? Чем он знаменит? Что мир земной атомными бомбами встряхнул? Так Макс Триллер и вовсе перевернёт этот мир с ног на голову. Определённо: Макс Триллер содрогнёт планету гораздо громче и чувствительней, чем Гарри Трумэн. Поэтому речь пойдет здесь не о всем известном, покойном Гарри Трумэне, а о Максе Триллере – безвестном американском герое, о котором мир до сих пор ничего не знает, но узнать обязан.

Итак, Макс Триллер родился в Далласе. Всемирную известность этот город приобрел, однако, не благодаря рождению Макса Триллера, но

вследствие того, что 22 ноября 1963 года при до сих пор не выясненных обстоятельствах там застрелили очередного президента США Джона Кеннеди. Спустя четыре года после этого печального события, в 1967 году семья Триллеров перебралась поближе к канадской границе, в индустриальный мегаполис Детройт – автомобильную столицу планеты Земля. Леонард Триллер, отец Макса, бежал из Далласа, конечно же, не из-за стыда за город-убийцу и не в порядке протеста или вследствие опасений за собственную жизнь, но сугубо по семейнобюджетным мотивам: он надеялся поправить в Детройте свои маклерские дела.

На тот исторический момент Детройт представлял собой апофеоз индустриальной мощи человеческого общества, демонстрацию гигантских возможностей свободного рынка, раскрученного капиталистическим, конкурентным способом производства. Детройт в те годы все еще являлся автомобилестроительной столицей мира и вызовом господу Богу от имени человечества, вооружённого черчением, материаловедением, сопроматом, теорией машин и механизмов и наукой о постоянно растущей прибавочной стоимости. С помощью этих могучих интеллектуальных инструментов человек вознамерился построить собственный рай на земле в обход Создателя. Одним из храмов такого приближающегося земного рая и являлся, казалось отцам Америки, автомобильный Детройт.

Но гордыня – великий грех. За неё ли, или за атомные бомбы, сброшенные на человечество, а может быть и за все преступления разом, совершённые Америкой за недолгий, но кровавый исторический срок её существования, начиная с загубленных краснокожих индейцев и кончая убиенным рабом Божиим Джоном Кеннеди, решил Творец, что пора наказать Америку. И покарал он её тем, что послал её к дьяволу и отвернулся от неё. И дьявол-Бафомет был тут как тут и, засучив рукава, начал с Детройта. Результат налицо: на сегодняшний день город Детройт фактически уже не существует. За последние сорок лет он обезлюдел, опустел и замер. Автомобильные заводы закрылись, городской бюджет растворился, дороги зарастают бурьяном, дома обрушаются, пустые небоскребы качаются на всех ветрах и ждут, когда доржавеют их бетонные подпорки, чтобы завалиться набок и поставить окончательный крест на городе. Детройт – это город-призрак посреди печальной реальности, это предупреждение Америке о её ещё более печальном будущем.

Ну да речь, опять же, не о Детройте, а о Максе Триллере, который, держась за руку матери, переехал в шестилетнем возрасте в этот город, чтобы отсюда начать движение по орбите предназначенной ему судьбы.

Семья поселилась в недорогом квартале, соседствующем с чёрным даунтауном. До белого пригорода у Леонарда Триллера, отца Макса, расходная часть семейного бюджета не дотягивалась. Туда, за пределы темнокожего даунтаун-центра, из дымного, жирного от копоти, гари и технической вони индустриального района-монстра уносили быстрые автомобили состоятельных детройцев в конце рабочего дня. Там, за городом, платёжеспособные участники-создатели земного рая укрывались от побочных эффектов своего творения. Индустриальный рай из последних, но все еще чудовищных по мощности сил изрыгал на ненасытное человечество сотни автомобилей ежеминутно, изымая взамен из живой природы чистый воздух, солнечный свет и божественную тишину.

Семья Триллеров очутилась, таким образом, между светом и тьмой и в этом полусвете училась выживать в сложном, интернациональном мире металла, рекламы и ненависти всех цветов кожи – бок о бок с китайцами, поляками, мексиканцами, греками и дюжиной прочих представителей земной цивилизации, заманенных в Детройт длинным и юрким как ящерица болотного цвета долларом.

Леонард Триллер, бывший европейский полуеврей-полунемец со странным, непонятным и даже немного таинственным прошлым – тоже соблазнился Детройтом, вообразив себе, что там его ждет персональное Эльдorado со взлетом на верхние этажи собственного небоскреба. С этой безумной идеей, которую он называл гениальной и считал её посланной ему Богом, он проснулся однажды ночью еще в Далласе и уже не мог уснуть до рассвета. Идея, хранимая им в страшной тайне от возможных конкурентов, но о которой теперь уже можно рассказать, состояла в следующем: гигантский Детройт вдвигается в серьезный кризис, решил Леонард. После войны, привлеченные отчаянной послевоенной потребностью в дешевой рабочей силе, город наводнили агрессивные, чернокожие гости юга, которые расселились вблизи заводов, в том числе в центральных районах города, почти срастающихся с заводскими территориями. Это было понятно: не театры и парки с фонтанами привлекали пролетариев, а просто не было у них возможности добираться до рабочих мест издалека. В результате белое население Детройта, традиционно и массово владеющее личными автомашинами и следовательно более мобильное, чем население темнокожее, кинулось врассыпную и в кратчайшие сроки заселило окраины, как по мановению волшебной палочки обросшие особняками и коттеджами улучшенной планировки с крепкими заборами и высокими воротами. Стоимость жилья в центре города стала падать, что уже само по себе не могло не

привлечь внимания агентов по недвижимости, маклеров, риэлтеров и прочих спекулянтов квадратными метрами. Но когда-нибудь, очень скоро, думал изобретательный маклер Леонард Триллер, лёжа без сна в несчастном, тоже уже проклятом богом Далласе, эти цены упадут ещё больше, устремятся к нулю. И вот почему: детройтские автомобили станут никому не нужны!

В отличие от других маклеров, Леонард был еще и аналитиком окружающей его действительности. Он любил отыскивать внутренние связи между предметами и событиями и строить причинно-следственные модели. Он много читал и размышлял над прочитанным. Он часто видел то, чего не видели другие. Если прав тот мыслитель, который сказал, что гениальные идеи приходят только в подготовленные головы, то сказано это было в том числе и про Леонарда Триллера. Его мозги были настроены на великое и подготовлены теоретически, поэтому гениальная искра сверкнула в одну из далласких ночей именно ему. Толчком для великой идеи послужила довольно-таки скучная журнальная статья со статистическими данными о динамике мирового роста продаж автомобилей – Триллер читал и такое! Приведенные графики призваны были, судя по всему, возбудить в патриотах Соединенных штатов перед лицом предстоящих выборов дополнительную гордость за безусловное доминирование американских производственных кривых над всеми прочими мировыми статистиками автомобильной продукции. Кривые призваны были сделать американцев более счастливыми. Леонард Триллер, однако, рассмотрел в этих графиках нечто совсем иное. Он увидел, что японские кривые, расположенные хотя и намного ниже американских, идут вверх гораздо круче. Он достроил японские кривые обычным грифельным карандашом по шкале времени до восьмидесятых годов и сказал сам себе: «Гм...». Но и это не было еще самой идеей, а лишь предвестником её. Сама идея, вызрев латентно, приснилась Леонарду, чуть позже, как уже сказано было – ночью, как периодическая система элементов великому Менделееву. Леонард понял вдруг, чем так интересна крутизна японских кривых: японцы, а также южные корейцы и немцы строят маленькие и экономичные автомобили, доступные каждому человеку и гораздо более пригодные для тесных городов, которых в мире куда больше, чем просторных американских. А в скором будущем еще более дешевыми машинами завалят мир Китай и Индия. Плюс цены на нефть. Стоит саудитам и прочим арабам, сидящим в ней по шею, взвинтить на нее цены, и удар Тунгусского метеорита покажется американцам с их десятиметровыми «кадиллаками» легким насморком по сравнению с той катастрофой, которая обрушится на Америку. Детройт зашатается. Потому что прожорливые американские автомобили станут неконкурентоспособными,

производство их остановится и автомобильная индустрия рухнет, а вместе с ней, как некогда Атлантида, исчезнет с лица земли и Детройт.

Но! Но отцы Америки никогда не допустят гибели главной американской мечты и обязательно кинутся спасать автомобильную звезду планеты – город Детройт. Они вложат в заводы колоссальные средства, перестроят производство и снова обгонят весь мир автомобильной промышленности. Догонят и перегонят! Вот за этими двумя словами и пряталась гениальная идея Леонарда: Детройт сначала отстанет от мира, а потом догонит его. И на нисходящей линии графика процветания автомобильной столицы мира цены на жильё в нём будут катастрофически падать, а на восходящей кривой – столь же стремительно расти! Продолжительность этой «ямы» Леонард Триллер оценил примерно в десять лет: пять на сползание, пять на новый взлёт.

Гениальная идея сформировалась окончательно в виде конкретного решения: нужно срочно переехать в Детройт и ожидать там начала конца города. Затем купить его тысяч за пять-шесть долларов у властей штата Мичиган и ждать его восстановления. Десять лет – не срок. Можно выждать и пятнадцать. Ему еще и шестидесяти не будет тогда: хватит времени насладиться жизнью за облаками, в пент-хаузе собственного небоскрёба, там, наверху, вблизи Солнца...

Следует заметить, что Леонард Триллер переехал в Детройт с удивительной точностью в смысле реализации задуманного: семья сошла с поезда в июне шестьдесят седьмого года и поселилась вблизи пересечения Чикаго-бульвара и 12-й улицы, а светопреставление (главное действие которого разыгралось как раз на 12-й улице!) началось уже в июле этого же года. Сам Макс события детройтского бунта запомнил слабо, что и понятно: он был еще ребенком. Он помнил только, как над соседним домом поднимался столб дыма, а на улице, за окном что-то громко трещало, чего жутко боялась мать и соседи. Там солдаты стреляют в людей, говорили жильцы дома. А еще в их дверь громко стучали кулаками, и им было страшно, но они не открыли, и ломатели двери ушли. Позже, уже в школе Макс узнал, что, подстрекаемые из Советского Союза, в Детройте поднимали восстание черномазые, чтобы установить в стране власть коммунистов во главе с Мартином Лютером Кингом – таким чёрным Лениным Америки. Революционеры разграбили и сожгли более двух тысяч зданий и ранили с полсотни пожарников, которые пытались бороться с огнем. Они захватили почти весь город, и только Greek town – район греков – им не поддался: греки выстроили баррикады, сколотились в отряды самообороны и отбили все атаки разбойников. Но армия подросла вовремя, и восстание было подавлено. Несколько десятков негров было расстреляно,

остальные разбежались. После разгрома повстанцев отток населения из Детройта пошёл по нарастающей, и это была первая ласточка ожидаемого Леонардом большого кризиса: цены на жилье, как и предсказывала идея, стали падать. Производство и продажи автомобилей в Детройте тоже начали снижаться по мере того, как на рынок проникал и теснил его дешёвый японский автохлам.

Но Леонард Триллер всё ещё тянул с инвестициями. Он ждал. Подсекать рано, подсказывал ему божок наживы. Леонард знал: процесс пошел, но главное еще впереди, нижняя точка падения ещё не достигнута. Кое-кто из нетерпеливых спекулянтов, не владеющих тайным знанием Триллера, принялся скупать жилье и прогорел: недвижимость продолжала дешеветь в затяжном режиме. Шесть долгих лет еще подстерегал Леонард Триллер свою удачу, и она прилетела к нему, наконец, на крыльях нефтяного кризиса. Последний явился с Ближнего востока и со страшной силой ударил по трем главным монстрам автоиндустрии – заводам Форда, «Крайслеру» и «Дженерал моторс», а заодно и по всей связанной с ними империи поставщиков, продавцов и кредиторов. Детройт закачался по-настоящему. Вслед за автомобилестроителями из города кинулись бежать и маклеры, бормоча на ходу: «Дешевый город – хорошо, мертвый город – плохо». Но Леонард Триллер остался и лишь потирал руки: все шло как по нотам, идея работала. Квадратный метр стоил уже десятую часть того, что стоил пару лет назад и обещал, как предсказано было, подешеветь до нуля. Надо было еще чуть-чуть, еще немножко подождать.

И Леонард почти дождался. Перебиваясь мелкими сделками для поддержания штанов и прокорма семьи, он носился по городу, скупал или просто собирал в кузов грузовичка всякий брошенный офисный хлам, иной раз отличного качества и без царапинки, и развозил эти остатки тонущей Атлантиды по городам и весям великой Америки, сбывая их там по бросовой цене. Разбогатеть на этом бизнесе было невозможно, но и с голоду помереть – тоже затруднительно. Ждать настоящего богатства оставалось недолго. Иногда, в потаенных мечтах своих Леонард придумывал новые названия для города после того, как тот будет принадлежать ему. Например, «Триллертаун».

Мечтать в целом не вредно. Вредно мечтать на поле боя. А Детройт после начала своего заката стал полем боя. А бой есть бой, и Леонард Триллер из этого боя не вышел. Он не дождался осуществления своей мечты. Однажды он не вернулся домой ни вечером, ни через неделю, ни через месяц. Возле 35-этажного небоскреба Дэвид-Бродерик-Тауэр обнаружился лишь его старый грузовичок, полностью сгоревший. А ещё в те дни неизвестными тёмными

личностями из реки Детройт выловлен был плывущий мимо труп мужчины со следами множественных ножевых ранений. Передавать тело властям для идентификации Леонарда Триллера тёмные личности не стали. Обнаружив, что карманы пиджака утопленника вывернуты, часы сняты и бумажник отсутствует, неприязнательные грабители стянули с зарезанного утопленника вполне еще пригодный для скромной, внесалонной жизни серый костюм в мелкую клеточку и отправили голый труп бывшего Леонарда Триллера плыть себе дальше с миром вниз по течению Стикса, то бишь, пардон, реки Детройт.

Конечно, это большая человеческая трагедия, и нельзя не пожалеть осиротевшую семью бедного Леонарда Триллера и его самого, как нельзя не пожалеть любого несправедливо убиенного чада божия. Хочется каждый раз сказать что-нибудь доброе в память о павшем от ударов злобных сил. Но что доброго можно сказать в память об Леонарде Триллере, о котором почти никто ничего не знает? Ну разве что вот это: «Он умер счастливым человеком, верящим, что находится на пути к своей удаче, к своему триумфу, к осуществлению главной мечты своей жизни! Он верил, что до счастья остается всего лишь шаг! Он умер в этой счастливой уверенности!».

Но как бы хороши не были слова сочувствия и утешения, которые им высказывали соседи, семье Леонарда – матери Макса, ему самому и его младшей сестенке Матильде, рожденной уже в Детройте – житья легче от этого не стало. Для них, наоборот, настали самые темные времена – темней некуда. Но Бог есть. И на сигналы SOS, которые мать Макса разослала по всем частям света, один сердобольный родственник все-таки откликнулся: он ответил телеграммой с приглашением семье покойного брата перебраться к нему на постоянное место жительства. Это был старший брат Леонарда Теодор, который жил где-то в другой части Вселенной, на диком Западе, на краю пустынного, знойно-пальмового штата Аризона, в городе Юма. Теодор спекулятивный образ жизни брата Леонарда никогда не одобрял и, чтобы снова и снова не покрывать маклерские убытки Триллера-младшего, предпочитал держаться от авантюриста подальше. Именно поэтому в возрасте своих четырнадцати лет Макс Триллер своего дядю Теодора всё ещё ни разу не видел, да и мать встречалась с Теодором только единожды, на собственной свадьбе. Но теперь, в этой бедственной ситуации именно Теодор, а не родственники матери, протянул гибнущим благородную руку помощи. В этом жесте содержался, правда, элемент вполне житейского расчёта, но это никак не умаляет спасительного эффекта теодорова приглашения. В результате семья покинула умирающий Детройт и отправилась в далекую, легендарную страну ковбоев – Аризону. Дядя Теодор прожил в городе Юма

долгие годы, имел здесь оружейный магазинчик и сменил несколько жен, ни одна из которых не сумела подарить ему наследника или наследницу. В скором времени после смерти последней, третьей жены с шестидесятисемилетним Теодором стряслась следующая, еще одна крупная беда: он споткнулся о пластиковый корпус противотанковой мины у себя в магазине и упал, отчего в руке его взорвался флакончик с нитроглицерином, который он использовал для приготовления особо гремучего динамита, заказанного ему неким привередливым клиентом. В результате взрыва Теодор остался без кисти правой руки и без магазинчика, который сгорел в результате последовавшего за взрывом пожара. Магазинчик был надежно застрахован, поэтому финансово Теодор пострадал минимально, но психологически он оказался совершенно раздавлен: он был до такой степени правойшой, что левой рукой ни ложку ко рту поднести не мог, ни туалетную бумагу (не ко рту, разумеется). Короче говоря, стареющий Теодор впал в беспросветную тоску. Чтобы не оставаться в полном одиночестве среди аризонских песков, ему уже несколько раз приходила в голову отчаянная мысль написать Леонарду покаянное письмо, предложить ему денег на его безнадежные авантюры и даже перебраться в Детройт и войти в долю маклерского бизнеса дуроломного младшего брата. И тут выяснилось вдруг, что маленький Леонардик трагически исчез и, по всей видимости, навсегда. Но зато оставалась жива милотвидная рыженькая ирландочка Маргарет, которая очень понравилась Теодору ещё на свадьбе и которой было теперь, по его прикидкам, около тридцати пяти лет: почти девчонка ещё. И уже вдова. Бедняжка. Которая молит белый свет о срочной помощи. Теодор воспринял эту мольбу в качестве ниспосланного господом Богом спасения ему лично и немедленно предложил Маргарет приехать к нему и разделить с ним стол, и кров, и кастрюли на плите, и швабру в углу, и газонокосилку во дворе и даже двуспальную пружинную кровать на втором этаже собственного дома, если, конечно, она не побрезгует всеми этими скромными богатствами. Бедная Маргарет с двумя детьми на руках, была не в том положении, чтобы брезговать любыми, даже самыми скромными богатствами, и в начале семьдесят шестого года она вместе с Максом и Матильдой прибыла по месту вызова.

К чести дяди Теодора нужно сказать, что он оказался весьма порядочным человеком: сестру Матильду не обижал, определил в хорошую школу, а Макса пристроил через знакомого девелопера на фирму, занимающуюся сносом зданий. Там орудовали веселые ребята-подрывники, и пятнадцатилетний Макс таскал за ними провода, взрывчатку, штативы и прочие принадлежности, необходимые для демонтажа цивилизации. Когда он побывал на первом подрыве и увидел, как вздрогнув всем корпусом, величественно оседает начиненная взрывчаткой четырнадцатипятиэтажная бетонная громадина, и как она

проваливается внутрь ею же порождённого атомного столба пыли, Макс Триллер закричал от неконтролируемого восторга и хронически «заболел» профессией подрывника. Этот миг стал поворотным пунктом в его судьбе, а возможно и в судьбе всего человечества.

До сих пор о Максе Триллере рассказано было мало, ибо слишком малую роль в истории человечества играла его персона до пятнадцатилетнего возраста – до середины семидесятых годов, начиная с которых земная цивилизация, ещё не зная об этом сама, повернула в сторону катастрофы. На этом рубеже все изменилось в том числе и в жизни Макса, полюбившего взрывы. Формирование личности Макса Триллера под действием взрывов стало быстро завершаться. Однако, оглядываясь на прошлое, обнаруживается сегодня, что и детройтское детство Макса содержало элементы, повлиявшие на его дальнейшую судьбу. И, опять же, учитывая, что личная судьба Макса и судьба мировой истории, как показало будущее, оказались зависимыми, интерес для истории представляет в том числе и детская часть биографии Макса Триллера, во всяком случае те узловые эпизоды её, которым суждено было повлиять на ход истории.

Несмотря на то, что капризы клячи-удачи изрядно мотали папу Леонарда, так что он оказывался то на невысоких вершинах её, то на самом дне, Макс посещал школу достаточно стабильно – как начальную, так затем и Public School –, и учился вполне хорошо благодаря не столько большой усидчивости, сколько феноменальной памяти, природной внимательности и быстрой реакции на события – качества, унаследованные в изрядной степени от отца. Эти же свойства сделали его первым учеником по части языков: иностранные языки и любые наречия Макс усваивал с лету, так что к тринадцати-четырнадцати годам, через семью, школьные программы и широкое интернациональное общение со сверстниками на улице он, помимо родного английского с десятком его говоров и диалектов, свободно изъяснялся по-немецки (от папы), по-испански, по-гречески, по-итальянски, по-французски и, наконец, по-русски. Что касается русского, то на этом языке Макс умел даже читать и немного писать. Русскому он обучился почти сразу после переезда семьи в Детройт, потому что первым его приятелем и соседом по широкому коридору многоквартирного дома, в котором они жили, оказался малолетний сынишка русского эмигранта из Ленинграда Лёвочка. Этот Лёвочка по-английски почти ещё не говорил, и предпочитал общаться на забавном, упругом, гибком, то постукивающем, то пощелкивающем, то мягко поющем русском языке, который Макс научился, однако, понимать и имитировать весьма быстро. Этим обстоятельством он невероятно обаял папу Левочки, Иосифа Моисеевича Славянского (такие вот у

русских красивые имена по сравнению с американскими Питтами и Смитами!) – школьного учителя русского языка, тоскующего по этому языку и по городу Ленинграду, из которого он вынужден был – через Болгарию и Италию – бежать вместе с семьёй в Америку от агрессивных идеологических комиссаров коммунистического режима. Ради этого спасения Иосифу Моисеевичу ценой колоссальных ухищрений и немалых денег пришлось даже вступить в коммунистическую партию Советского Союза, ибо только при таком условии партком отпустил его, наконец, однажды на курорт в Болгарию, чтобы он мог подлечить там печень и почки.

Папа Лёвочки, оценив невероятную способность маленького соседа-американца к иностранным языкам, усадил его вместе со своим Лёвочкой за домашнюю парту – столик на кухне: учить русский язык по-настоящему. Иосифа Моисеевича больше всего поражало то, что Макс Триллер, непоседливый и впечатлительный американчик, усваивает русский язык намного быстрее спокойного, интеллигентного русского мальчика Лёвочки Славянского. Макс и диктанты писал лучше Лёвочки, и русские стихи запоминал мгновенно, не бубня и сбиваясь по несколько часов кряду. Даже собственные стихотворные произведения доверял литератор Славянский своему малолетнему, талантливому ученику. Отдельные рифмы своего дармового учителя Макс Триллер помнил еще и двадцать, и двадцать пять лет спустя. Такие, например:

«...Здесь иностранцев, между прочим,
Полно, и сам я видел даже,
Как на ступенях Эрмитажа
Два африканца белой ночью
Пьют спирт (а спирта нет в продаже!)

Тут гондольеры среди ночи
На водных скуттерах гоняют,
Каналы мутят, спать мешают,
И, как в Венеции, их очень
Похожим словом называют

Петра мечты осуществились:
Мультикультурны наши лица,
Все флаги в гости к нам явились
(Точней, на голову свалились),
Чтоб без прописки расселиться...

Маме Макса Маргарите Джоновне (так уважительно называл ее Иосиф Моисеевич) ленинградский учитель клялся, что из Макса с его выдающимися способностями обязательно вырастет великий лингвист и профессор-полиглот. Маме это очень лестно было слышать, но сам Макс относился к своему дару безразлично. Иностранные языки его совершенно не интересовали, они прилипали к нему сами собой. Если что-то Макса и увлекало из наук, то это была химия. Его завораживал тот факт, что от смешения разных веществ возникают совершенно новые материалы, с иными свойствами. Это походило на фокус, на волшебство, но волшебство было реальным, рукотворным, совершаемым по точным рецептам и правилам. И возможности этого волшебства казались беспредельными: от создания сверхпрочных, сверхгибких и сверх-чёртнаеткакихещё материалов до живых существ когда-нибудь в будущем. На Хэллоуин и для новогоднего фейерверка школьники под руководством учителя химии изготавливали самодельные ракеты, и снаряды Макса взлетали выше других и взрывались громче других.

Во всем остальном Макс Триллер был обыкновенным американским школьником, одним из тех, из которых постепенно формируется базовый материал нации. Не слишком импульсивный и не черезчур флегматичный; не склонный к бурным изъявлениям чувств, будь то страх или любовь; не лезущий в первые ряды, но и не дающий себя затирать в последнюю шеренгу; храбрый в пределах рассудительности, умеющий без промедления дать в глаз наглому агрессору, но и вовремя смыться от врага, намного превосходящего его силами. Смерть отца Макс пережил с горем в сердце, но без того глубокого отчаянья, в которое впала его мать. Надо сказать, что к матери он был привязан больше, чем к отцу, ибо находился при ней постоянно, а отца видел гораздо реже. Он не столько тосковал сам, сколько сочувствовал отчаянью матери, печалась попутно и о собственной сиротской участи, которая вряд ли приведёт его теперь в колледж или в университет, так что не видать ему профессорской мантии и не процветать ему на солнечной стороне жизни, а служить ему, скорей всего, где-нибудь в наёмной армии, воевать с коммунистами и сложить голову в грядущей войне одним из первых. Но даже такие пессимистические мысли переживались Максом без большого надрыва души: ведь предстоящая жизнь в пятнадцать лет кажется одним сплошным приключением независимо от её направления.

Переезд к дяде Теодору все изменил в благополучную сторону. То, что мать столь быстро сошлась с другим человеком, Макса не обижало. Скорей наоборот – он воспринял это с облегчением: с него, с его пока ещё не слишком крепких плеч как будто свалилась мужская ответственность за мать и сестру. Эту ответственность взял теперь на себя добрый дядя Теодор. А за

восхитительную профессию, к которой привёл его дядя, Макс и вовсе остался ему благодарен на всю оставшуюся жизнь. Он через пятнадцать лет даже специально прилетит из Австралии, чтобы проводить Теодора в последний путь.

Но то будет потом. Здесь же, в Аризоне, в процессе формирования самого себя, молодой Макс Триллер с руками-ногами, сердцем и головой углубился во взрывное дело. На фирме „Blow and Blast Ltd“, куда Макса устроил практикантом его дядя-отчим Теодор, очень скоро разглядели неординарное рвение и искренний интерес ученика и приставили его к отличному мастеру своего дела, бригадиру Джино Педрилло. Это был тощий, желчный тип, выжимавший из Макса все соки на подсобных работах, но и секретов подрывного ремесла от толкового ученика не скрывавший. Спустя год Макс уже мог считать себя профессиональным подрывником. Он свободно разбирался в тонкостях этой профессии: типах и особенностях детонаторов, степенях бризантности различных взрывчатых веществ, составах аммонитных смесей, правильном распределении зарядов в шпурах и других нюансах взрывного искусства. Из статуса ученика он перешел в категорию рабочего, стал получать деньги за труд и по совету Теодора завершил среднее образование в платной вечерней школе, после чего записался здесь же, в Юме, в технический колледж западной Аризоны на двухлетний курс обучения по программе «химия».

В доме дяди Теодора Макс бывал часто, у него сложились со стариком замечательные отношения. Макс говорил с дядей по-немецки, и тот время от времени пускал по этому поводу сентиментально-ностальгическую слезу, вспоминая отдельные эпизоды из своих молодых годов на далекой родине. Однажды он так расчувствовался, что показал Максиму сильно затертую фотографию из семейного архива, на которой стояли рядом два солдата. В одном из них, повыше ростом, можно было опознать дядю Теодора в эсэсовской форме, а рядом с ним, белоголовый пацанчик с тонкой шеей, торчащей из обвислой шинели вермахта удивительно напоминал совсем еще молоденького Леонарда Триллера. «Ты служил в армии у Гитлера, дядя?, – изумился Макс, – и мой отец тоже?». Но Теодор лишь засмеялся жиденьким голосом: «Ты же видел фото. А это документ, между прочим». – «Но как такое возможно? Ведь Гитлер евреев преследовал! Отец сказал однажды, что вы все, вся семья сбежали из Германии в конце тридцатых годов через Швейцарию...». Теодор снова мелко засмеялся и похлопал Макса по плечу: «Никогда ничему не верь, сынок. Весь мир – театр, и мы в нем все актеры...». – То есть ты хочешь сказать, что вы с отцом играли эти роли в театре? – попробовал уточнить Макс.

– Да, да, в театре, где же еще, – усмехнулся старик, – я ведь сказал уже: весь мир – один сплошной, помойный театр абсурда. Грязная клоака! Был, есть и будет...

Распространяться на эту тему дальше Теодор не пожелал. Таким образом, вместо ясности дядя в вопрос о прошлом отца навел лишь «новую тень на плетень», как говорят русские. Впрочем, Макс по этому поводу сильно не переживал: он был весь нацелен на будущее, на собственное будущее, и история древнего мира волновала его минимально. Тем не менее, после разговора с Теодором Макс поинтересовался и у матери о прошлом своего отца, но та отнеслась к вопросу легкомысленно, махнув рукой: «А, кобелёк он был на всю катушку. Девочек водил до меня – все подушки в разноцветных перьях были! Но потом женился и стал примерный». Это было все, что она знала. Хорошо она помнила только то, как Леонард на ней женился:

– Он дом выкупил, в котором я комнату снимала, и всех выселил вон. И вот я сидела во дворе на трех чемоданах очень злая и соображала, куда мне теперь податься. А он бегал туда-сюда и демонстрировал дом каким-то очередным покупателям. Но я им всем мешала, как бельмо на глазу: я служила им укором их нечеловеческой бесчеловечности. И тут он подскочил ко мне и спросил, почему я не убираюсь к дьяволу с этого чёртова двора, бес меня забирай. Я сказала ему, что я потому не убираюсь, что у меня всего две руки и две ноги, а чемоданов – три. Тогда он предложил мне отвезти меня немедленно на моё новое место жительства, а я ответила ему, что нет у меня по его милости никакого нового места жительства. Тогда он сказал мне: «Милочка моя, у меня совсем нет времени на всякие-разные дискуссии. Но я могу отвезти тебя к себе домой. Ты там переночуешь – не бойся, меня до завтра не будет –, а в понедельник мы с тобой поженимся, и твой квартирный вопрос будет таким образом улажен». Я ему сказала, что он псих и дурак, но он ничуть не расстроился, вообще пропустил мои слова мимо ушей и объявил, что других вариантов у него нет: либо я иду с ним под венец, либо – вон с чужой территории. Я предпочла первое. Работы у меня все равно не было, а парикмахерская, где я практиковалась, накануне разорилась. Позже Леонард объяснил мне, что глаз на меня он положил с самого начала. Это он таким образом в любви мне объяснился. Но человек он все равно был хороший..., – и мать на несколько секунд загрузила, а потом стала смеяться. Макс заулыбался тоже. Он видел: после того, как мать сошлась с Теодором, она помолодела, покруглела и стала веселой и доброй, какой Макс ее никогда не знал. Переезд из сумасшедшего, стеклобетонного, холодного Детройта в жаркую, солнечную Аризону пошел ей на пользу. И Макс был рад этому.

В 1979 году Макс исполнилось 18 лет и он стал на военный учет. С 1973 года срочная служба в американской армии была отменена, но на случай войны с этими проклятыми коммунистами, которая могла разразиться в любой момент, обязательный мобилизационный учет оставался. Чиновник, принявший у Макса заявление, одобрительно постучав пальцем по строке анкеты, где указано было «подрывник», спросил, не желает ли мистер Триллер записаться в армию на контрактной основе. – «Хорошие деньги, – сказал он, – престижная служба, достойные отпуска». Макс колебался: он к такому варианту готов не был. – «Подумайте, не пожалеете», – заключил чиновник и всучил Макс пачку рекламной и информационной литературы. Нет, армия Макса не привлекала. Как-то однажды мимо него маршировала длинная колонна солдат, в ней были одни черные. И Макс выбросил рекламу в ближайшую урну. Но в армию он все же угодил. Его туда столкнули, можно сказать, обстоятельства мистической силы. Эта загадочная история, имеющая глубокую психологическую подоплёку, случилась с уже набравшим опыта подрывником Максом Триллером три года спустя, когда фирма „Blow and Blast Ltd“ получила от города заказ на снос высокой кирпичной трубы, оставшейся от давно заброшенного керамического заводика. Труба одиноко торчала на краю негритянского района, население которого долгие годы обслуживало этот заводик. После того как завод разорился и покупателя на него не нашлось, поселок превратился в настоящее преступное гетто, проклятие города. По инициативе городской власти на месте завода должна была возникнуть консервная фабрика с ангаром для хранения и переработки овощей и фруктов. Мэр города в преддверии очередных выборов бессовестно пиарился по этому поводу, расписывая свою ведущую роль в этой великолепной инициативе и обещая горожанам превратить негритянское гетто в процветающую Мекку, населенную добрыми, любящими самаритянами («...А племянника своего – в председателя правления консервной фабрики», – злословили недоброжелатели). Как бы то ни было, сроки были поставлены фирме жесткие, и на фирме забегали. Инженеры быстренько сверстали проект работ, мастер Педрилло составил план закладки зарядов, план этот утвердили и можно было приступать. Задание было относительно простым: труба невысока – всего 73 метра, а дополнительных факторов риска – стеклянных окон, дверей, листов шифера или металла, которые могли бы разлететься вокруг и посеять посёлок в мелкую капусту – никаких. Все было готово, шуры просверлены, экскаваторы и самосвалы для вывоза останков трубы заказаны, население поселка об эвакуации на момент взрыва предупреждено. И надо же тому случиться, что в ночь перед подрывом Джино Педрилло, бригадир и старший мастер, ответственный за снос трубы, попал на операционный стол с прободной язвой.

Уже собрались рабочие, съехались самосвалы, установлена была трибуна для торжественного митинга, кинооператоры устанавливали аппаратуру, полиция выгнала из домов поселка черную, вопящую, размахивающую кулаками и мотыгами толпу, а главного мастера-разрушителя всё не было. Послали за ним домой и узнали про язву. Впору было трубить отбой. Градоначальник схватился за голову и заорал на руководителя фирмы: – «Это ваш убыток! Город его оплачивать не собирается!». – «Все пойдет по плану, – заверил его шеф, – у нас есть и другие специалисты, кроме Педрилло». Но из всех других специалистов, занимавшихся этим проектом, под рукой оказался лишь помощник мастера Педрилло, молодой подрывник Макс Триллер.

– Работу знаешь? – спросил его босс.

– Конечно знаю, – пожал плечами Макс, – там все готово: шурфы просверлены. Остаётся заложить двадцать пять зарядов, соединить детонаторы и надавить на кнопку. Полчаса дел.

– Вперед, действуй! – приказал ему босс, – сделаешь быстро – получишь премию.

– Слушаюсь, босс! Будет сделано! – заверил шефа Макс и кинулся к ящикам с зарядами.

Как он и пообещал, через полчаса все было готово. И вот в тот момент, когда Макс совершал контрольную проверку закладки, некая мистическая сила заставила его совершить невероятную вещь: он быстро и незаметно отсоединил восемь контактов на стороне, противоположной негритянскому поселку. Потом вернулся бегом к трибуне и объявил: «Готово!». Мэр города, встав в плакатную позу, занёс палец над пусковой кнопкой взрывного пульта. Полыхнули фотовспышки. Загорелись красные глазки камер. Мгновенье... взрыв... и труба, глухо охнув, начала оседать, но вдруг, вместо того чтобы сложиться внутрь себя, стала заваливаться набок и ухнула почти что всей длиной своей на чёрное гетто. Поселение исчезло из вида в буре пыли. Наблюдатели стояли несколько секунд с открытыми ртами. Потом жители поселка завопили единым визгом, и все разом пошли на штурм трибуны. Потрясенный Макс едва успел унести ноги. Он спрятался в туалете у дяди Теодора и в сотый раз спрашивал себя зачем он это сделал. Ответа у него не было. Чертовщина не объясняется. Но Макс точно знал другое: если его не арестуют, то выгонят наверняка. И его выгнали. Началось следствие. Но раскопать из-под обломков причину ошибки было не так-то просто. Поэтому всю вину свалили для начала на фирму „Blow and Blast“ с ее некомпетентными кадрами. Фирма понесла чудовищный имиджевый и финансовый урон и зависла на грани разорения. В городе только об этом и болтали. Старик

Триллер пребывал в депрессии: фамилию его трепали на всех углах. Макс нужно было драпать куда глаза глядят и побыстрей. И он сбежал. В армию. Контрактником. Сроком на четыре года.

Когда осенью 1984 года армейский автобус начал забираться в холмы, унося Макса и ещё шестерых добровольцев на восток, Макс оглянулся на долину, в которой оставалась лежать распластанная зноем Юма, и неожиданно для самого себя проговорил:

– Это все, что я мог для тебя сделать, папа...

Эти спонтанно вырвавшиеся из него слова изрядно перепугали Макса: с кем он разговаривает? Он поднял глаза к вечернему небу. Но там было пусто. Синее небо глядело на него наивно и доверчиво, и Макс Триллер стал постепенно успокаиваться. Армейский автобус уносил его в новую жизнь. Растянувшись во весь рост на жёстком сиденье автобуса и задрёмывая в вечерних сумерках от легкой качки, Макс, обращаясь к гудящим под ним колесам повторил, теперь уже вполне осознанно:

– Это все, что я мог для тебя сделать, папа..., – и засмеялся.

Описание армейской жизни Макса Триллера можно опустить. Не в силу ее особой секретности, а потому, что это были годы обычной служебной рутины. Трудней всего оказалось привыкнуть поначалу к дисциплине и бесконечным, издевательским кроссам по пересеченной местности с полной выкладкой. К этой дурацкой беготне добавлялись еще и оскорбления, которыми сержанты осыпали отстающих, обвиняя их в слабости, трусости и никчемности. Но когда учебка осталась позади, стало намного легче и даже интересно стало Максиму в армии, поскольку его приписали к саперной роте, и он расширял и совершенствовал свои подрывные знания и умения в совершенно новых, диверсионных приложениях. Подорвать человека, броневик, мост, поезд, самолет, военный крейсер или мирный танкер – хоть из укрытия, хоть из космоса: все было посильно, на все имелись, оказывается, пригодные технологии у современной армии. Однажды довелось Максиму даже грузить в транспортный самолет партию мягких игрушек, начиненных динамитом. Для кого, для какого детского сада предназначались эти плюшевые мишки и зайчики, солдатам не сообщили: готовящийся рейс был секретным. Шел 1986-й год. Возможно, это были новогодние подарки для Афганистана. Или для Кубы. Или еще для кого-то из бесчисленных врагов Америки, в число которых входили, надо полагать, и малые дети. Но вопросы такого рода в армии не поощрялись. Дисциплина и список врагов США: это были основные две науки, которыми американская армия вооружала своих воинов. Не считая новых

диверсионно-подрывных методов борьбы с врагами свободы и демократии, которые Макс Триллер освоил в совершенстве.

В 1988 году контракт Макса подошел к концу, и он бы, пожалуй, продлил его еще на четыре года, если бы не увлекся Австралией. Это увлечение возникло из двух событий. Одним из них был стереофильм об Австралии, увиденный Максом в кинотеатре на Гавайях, куда группа саперов Триллера была заброшена для выполнения одного несложного задания. Австралия в фильме поразила и восхитила Макса до такой степени, что начала ему даже сниться по ночам в казарме.

Вторым же толчком послужило объявление в газете о том, что некая фирма в Сиднее приглашает опытных подрывников со стажем работы для разработки новых месторождений опалов. Стаж у Макса был. Зов новых горизонтов тоже ещё не умер в нём. Про опалы он знал мало, но хотел узнать больше. Австралия манила. И Макс Триллер, завершив контракт с министерством обороны Соединённых Штатов, покинул армию и отправился за приключениями в далекую Австралию. Ему было двадцать семь лет.

2. Андамука

Макса приняли на фирму «Скотт и Грей» сразу. Правда, с полугодовым пробным сроком. В сиднейском бюро фирмы некто Стив – то ли заместитель по кадрам, то ли завхоз, то ли пресс-секретарь и шофёр фирмы в одном лице – объяснил Макс, что испытательные площадки фирмы, на которых фирма занимается внедрением собственной инновации – метода щадящего разрыхления опалоносных грунтов с помощью прецизионных, направленных взрывов – находятся в двух тысячах километрах от Сиднея, в пустыне. Этот же Стив, выгружая коробки и ящики из внезапно появившейся во дворе офиса фуры (к чему моментально приспособил и свежеприбывшего Макса, нового сотрудника), на бегу вводил Триллера в специфику австралийской жизни. Повествуя о ней, Стив время от времени резко останавливался и ставил коробки на пол. Они мешали ему взмахивать для наглядности руками, без чего представление об Австралии не может быть полноценным – так ему, очевидно, казалось. Впрочем, всё то, о чём он рассказывал, и в самом деле завораживало. Особенно про опалы. Их, оказывается, до сих пор добывают в Австралии примитивным способом, киркой и лопатой. В разных местах по-разному. На рыжих склонах красных гор Квинсленда от тела земли отковыриваются хрупкие пласты бурой породы, в которой тут и там многоцветными огоньками неземной красоты вспыхивают любопытные глазки

болдер-опалов. Эти праисторические послы земной тверди – драгоценная глазурь земной коры, спеченная в адовых печах преисподней миллионы лет назад из железных руд –, извлечённые из земли, с радостным удивлением взируют на солнечный мир, которого они отродясь еще не видывали. И этот радостный мир вспыхивает в них и переливается всеми цветами радуги. На юге же, в окрестностях Андамуки земля выглядит иначе: она густо изрыта норами, и конуса меловой, подземной породы беспорядочно устилают белыми кротовыми кучками прокаленную солнцем, рыжую поверхность пустыни. Здесь добывают загадочно-полупрозрачные, полыхающие изнутри многоцветными искрами и плещущие чарующими волнами света, кристаллические опалы.

– Опалы, – кричал Стив, – это игрушки огненных богов! Это камни, опаляющие воображение!

Да, воображение Стива было действительно опалено опалами. И описывал он их необыкновенно художественно. Он называл их чрезвычайными и полномочными представителями Австралии на земном шаре. Он наизусть перечислял имена знаменитых опалов-арлекинов, названия месторождений и их особенностей. Он говорил о драгоценных черных опалах из Лайтнинг-Ридж к северу от Сиднея; о ярких, железнорудных болдер-опалах Квинсленда; о полупрозрачных кристаллических и белых опалах Андамуки в Южной Австралии; об огненных опалах из Кубер-Педи. Он повествовал о том, как сто лет назад невиданной красоты минералы эти поразили и покорили человеческий мир, и как толпы опалолов и опалокропателей ринулись в австралийский аутбэк – красную пустыню, жаровню земного шара –, чтобы навеки и неизлечимо очароваться фантастическим свечением Вселенной, исходящим от волшебных австралийских камней.

– Макс Триллер! Ты скоро тоже заболеешь этими камнями! – кричал страстный Стив, – ты заболеешь ими в тот же миг, как увидишь их впервые! И ты не будешь понимать – эти божественной красоты кусочки земной материи посланы нам из рая или из ада? Ибо красота исходит из рая, а деньги на неё производит сатана.

Опалы соединяют в себе и то и другое, говорил Стив, – неземную красоту и большие деньги. В погоне за которыми старатели домучиваются до усыхания идохнут как мухи. До сих пор опалодобытчики ещё ютятся подчас в тех же колодцах-норах, которые они роют в поисках опалов, ибо выжить продолжительное время под паяльной лампой австралийского солнца человеческому организму невозможно. Аборигенские названия поселений опалокропателей убедительно подтверждают это. Например, «Кубер-Педи» на языке аборигенов означает: «Белый мужчина в яме». Эти белые мужчины в ямах

выглядели дико всегда, с самого начала опаловой лихорадки, но и сегодня австралийские охотники за опалами выглядят всё еще точно так же.

– Каждого опаленного опалами легко узнать по глазам! В них безумным огнём горят опалы!, – завершил Стив свою вдохновенную поэму об опалах.

Макс невольно всмотрелся в глаза Стива. Ему показалось, что и они безумны, ибо что-такое в них мерцало... Наверное, это и были те самые опалы.

Первую ночь на австралийской земле Макс отпраздновал беспокойным сном на горбатом диванчике в крохотной квартирке Стива, куда они, разгрузив трёхвагонную фуру, приехали уже в темноте. На поиски гостиницы не было ни сил, ни времени, да и смысла тоже, поскольку наутро Макс предстояло лететь дальше, на «точку». Так сказал ему Стив.

Домик, в котором Стив квартировался, стоял на возвышенности, и внизу, среди пальм и джакаранд копошились огни Сиднея, а над головой не менее интенсивной жизнью жили огоньки самолетов – взлетающих и заходящих на посадку. Но Макс слишком утомился после долгого перелета через океан и первого дня суеты на своей новой фирме, чтобы любоваться красотами города. Он выпил чаю, съел пару сэндвичей, упал на диван и провалился в тёмные шахты, по которым скакали кенгуру и швырялись опалами в форме бумерангов. Время от времени они летели в сторону Макса, и он дёргался во сне. Но ранним утром один из бумерангов угодил в него, надо полагать, потому что он проснулся вдруг от душераздирающих криков за окном. Макс подскочил на диване весь в поту. Он понял: там, за окном кого-то убивают. Нет, не одного даже, а сразу нескольких... Но что же Стив? Неужели не слышит? Надо что-то делать! Надо звонить в полицию!

– Стив! Стив! Проснись! Проснись, Стив! Убивают! Стив! Убивают! Полиция!...

Вспыхнул свет, и всклоченный, испуганный Стив возник на секунду в проеме двери, но тут же отлетел в сторону от мощного толчка: в дверях, расставив ноги, стояла высокая дама в ночной рубашке и направляла на Макса пистолет. У нее была короткая прическа, прищуренный глаз и четкий голос:

– Полиция уже здесь! Где кого убивают?

– Там, за окном... Слышите?..

– Все понятно, – сказала дама с пистолетом и освободила проем двери, в котором тут же снова возник злой Стив.

– Чёрт бы тебя подрал, американец! Чуть из-за тебя в кровать не наделал со страху. Ты придурок! Это же попугаи! Проснулись и гуд морнинг друг другу желают. Тьфу ты! Ладно, спи дальше, янки бестолковый..., – и Стив вышел и затворил за собой двери в спальню. Потом Макс услышал, как два

голоса хохочут. Потом все стихло. Потом раздался набирающий силу храп. К нему дискантом присоединился другой. И тут попугаи затеяли новую серию взаимных поздравлений с добрым утром, от которых у Макса снова чуть пульс в горле не остановился. Он спрятал голову под подушку и выругался всерьдцах:

– Туземцы гребаные! Висельники британские...

За утренней чашкой кофе, который они пили уже в офисе, чтобы не разбудить женщину с пистолетом, Макс деликатно спросил Стива, что это за дама собиралась его спасать ночью.

– Это гражданская жена моя Элис. В полиции работает. Пришла поздно, ты уже спал. Я думал, ты слышал. Ну и дрыхнуть же вы горазды, американцы! Так и конец света проспять немудрено. Ваши все так умеют, что ли? Или только подрывники? Профессиональный мёртвый сон, так сказать?

– Не знаю. Научный вывод я делаю отсюда другой: австралийские попугаи способны разбудить мёртвого в морге. Надо попробовать – а вдруг получится? Вот ведь бизнес будет обалденный! И ты разбогатеешь безо всяких опалов, Стив, на одних попугаях. Ты же знаешь – есть нефтяные магнаты, стальные короли, кокаиновые бароны. А ты будешь бароном попугайным.

– Пошёл к чёрту!

– Почти уже там, судя по всему...

После завтрака (австралиец пил чай «по-английски»: с молоком и сахаром) Стив, поговорив по рации «с аутбэком», объявил Макс, что Том Грэй, руководитель фирмы, уже ждёт его в Андамуке. На Тойоте-пикапе он повёз Макса в сиднейский аэропорт, проехал прямо к дальней стоянке частных самолетов и подрулил к маленькой двухмоторной «Чесне». Пилот отсутствовал, и Стив с Максом принялись самостоятельно грузить ящики и коробки из «Тойоты» в небольшой грузовой отсек самолётика. Туда же затолкали и вещи Макса – рюкзак и большую армейскую сумку. Потом Стив усадил Макса в пассажирское кресло и, к большому его удивлению, полез в кабину, где упаковался в кресло пилота и запустил моторы. Он был, оказывается, ещё и лётчиком, этот опалённый опалами, оглушённый попугаями и охраняемый полицейской женой сиднейский Стив! Самолетик вырулил на взлетную полосу и легко взмыл в воздух. Погружение Макса Триллера в австралийские просторы началось.

За их спиной ширился океан, заливая синевой бескрайний, распаивающийся до космоса горизонт. Где-то там, между верхом и низом мира, Тихий океан превращался в голубое марево и сливался с огромным небом, которого становилось все больше и больше. Под крыльями самолета уплывали назад, в сторону моря, величавые фиолетовые скалы Голубых гор –

австралийских Кордильер, древних, как сама Земля. При всей своей древности горы эти все еще успешно молодились густыми альпийскими лесами и яркими зелеными волнами лугов, набегаящими друг на друга, рассеченными тут и там серыми стенами скал и глубокими ущельями и постепенно стекающими на запад, где поверхность земли демонстрировала небу геометрически расчерченные лоскуты возделанных полей и пёстрые муравейники городов и посёлков. Но вот остались позади и эти следы человеческого присутствия, и два цвета природы, вытеснив все остальные краски земной палитры, воцарились в пространстве: синий в небе и красный на земле. Макс Триллер никогда не был на Марсе, но если бы Стив сообщил ему сейчас, что они летят над красной планетой, то Макс поверил бы ему на слово. Внизу тянулись и уходили за все горизонты, не имеющие конца и края, ярко-рыжие пространства, подернутые то рубиновой рябью песков на широких барханах, то белыми мазками солончаков. Розовые ленты пересохших речных русел разбегались в разные стороны, и бурые морщины странных трещин пересекали пустыню с востока на запад. Время от времени в поле зрения Макса попадали правильной формы багровые пятна плосковерхих холмов, беспорядочно встроенных в пустыню. Эти платформы рождали в очарованном воображении подозрение о покинувших землю миллион лет тому назад цивилизациях. Зачем они её покинули? Что им тут не понравилось? Неужели и тогда уже были на земле кровожадные коммунисты, которых пришлось принуждать к свободе и демократии с помощью атомных бомб, следы от которых и остались там, внизу в виде этих гигантских кругов на песке.

– Подлетаем! – предупредил Стив. Позади были три часа полёта и две тысячи миль пути.

Стив посадил машину в красную пыль разглаженной грейдерами пустыни, и когда пыль улеглась, Макс разглядел на краю «аэропорта» серебристый «джип». – «Это шеф», – коротко сообщил ему Стив. Макс почувствовал себя многократно польщенным. Мало того, что его доставили в центр Вселенной персонально, на фирменном самолете, да еще и главный босс лично встречает его. Стив подрулил к самому «джипу», выключил моторы, открыл дверь и спустил лесенку:

– Добро пожаловать в пекло!

Макс шагнул в красный мир и отшатнулся: его ударила в лицо стена мартеновского жара. В следующую секунду он глотнул невидимого огня и погрузился в раскаленный прозрачный сироп зноя. Он попятился было, но Стив напирал на него сзади.

– Жарковато, – сказал Стив. Сорок восемь. На-ка, обуй башку, – и он насадил на голову Макса кожаную шляпу из шкуры кенгуру. Потом сунул ему в руку солнечные очки и сообщил: «Шляпа и очки – подарок фирмы авансом. Не от избыточного человеколюбия, а из чистого экономического расчёта. Если ты сейчас помрёшь от солнечного удара, то не оправдятся даже транспортные расходы по твоей доставке сюда. Да плюс похороны – сплошной убыток для фирмы...». Они спустились по лесенке на поверхность красной планеты и пошагали в сторону «джипа».

Босс уже вышел из машины и стоял, расставив ноги, в ожидании подчинённых. На нем был легкий, белый, холщовый, немного измятый костюм, белая соломенная шляпа и зеленые очки. Он был невелик ростом, коренаст, широколиц – этаким канадский лесоруб лет сорока пяти. Когда прибывшие подошли поближе, босс очки снял – надо полагать, не столько из вежливости, сколько из желания максимально точно, неискажённо оценить цвет лица новичка. Так почудилось Максусу. Что-то в фигуре босса ему не понравилось. Возможно, сработали ассоциации: в армии, в учебной роте у него был похожий сержант, немало попивший пота и крови сбитых ног и рук у новобранцев. Тот любил стоять так же, в растопырку.

– Хай, Стив, – приветствовал босс пилота, – Хау ду ю ду, мистер Триллер! – обратился он к Максусу, – как долетели? Меня зовут Грэй. Томас Грэй. Начальник австралийской пустыни, если угодно.

– Sir, good afternoon, Sir. Очень приятно. Все О'кей!

– Говорить можете – уже хорошо, – усмехнулся Грэй, – кто от солнечного удара не свалился в первые десять секунд, тот в аутбэке приживется, – пообещал он. У него были великолепные голливудские зубы, обильно обнажающиеся в широкой, но кривоватой усмешке, придающей улыбочной гримасе некий тайный подтекст, о смысле которого как бы следовало догадаться самому. Но главной особенностью лица Грэя были его глаза, чёрные как угли, такие чёрные, что не видно было зрачков. Глаза эти напоминали акулы, в них таилась опасность. Рыбешки малого калибра испытывают беспокойство от такого взгляда. На малое мгновение не по себе стало и Максусу, но вот его новый босс снова спрятал свои чёрные глаза за тёмно-зелёными стёклами очков, и чувство тревоги сразу исчезло. На Макса смотрело дружелюбное лицо, правильное, округлое, вполне мужское. Жесты и слова выдавали в Томасе Грее уверенного в себе, волевого руководителя и корректного человека с замашками истинного джентльмена. Преодолев первое смятение чувств от удара красным зноем, Макс стал быстро проникаться доверием и уважением к своему новому начальнику: воистину стальным героем нужно быть, чтобы активно работать и командовать в такой жаровне. Ещё

неизвестно как он сам будет усмехаться здесь через месяц – небось, ещё кривей.

- Садитесь в машину, – распорядился мистер Грэй с ярко выраженным ньюйоркским акцентом, – кондиционер включён. Мы со Стивом ещё потолкуем коротенько...

Стив между тем перегрузил из самолета в «джип» коробки с почтой и вещи Макса. После недолгих переговоров с боссом под крылом самолета – в единственной тени на всём окружающем пространстве – Стив запрыгнул в кабину, лихо затянул лесенку, задраил дверь, запустил моторы и взлетел, разгоняясь прямо с места стоянки.

– Лихач, – усмехнулся Томас Грэй. Не дожидаясь пока уляжется пыль от самолётки, он развернулся на рыжем взлетном поле и, набирая скорость, погнал машину по гудящей, каменисто-пыльной, идеально прямой дороге, ведущей в багровое никуда.

– Едем в поселок Роксби Даунс, – пояснил Грэй, – там располагается наш лагерь. Там вы будете жить в вагончике. Джим Спайкс, наш подрывник, уже заждался. Очередной подрыв он планировал произвести сегодня утром, у него с вечера все готово, но я приказал ему дожидаться Вас, чтобы Вы сразу увидели, чем мы тут занимаемся. Джим – отличный парень, он вертолетчик по профессии и подрывник по совместительству. Но методами направленного взрыва, к сожалению, не владеет, всё осваивает методом тыка, а нам его эксперименты дорого обходятся. Да и аборигены нервничают: они считают землю живым телом и злятся, что землю терзают. Могут и на копьё нанизать, если зазеваешься. Так что мы сильно рассчитываем на Вас, Макс. В опроснике Вы подтвердили, что имеете опыт работы с направленными взрывами. На каких грунтах Вы работали? Скалистых? Песчаных?

– Сэр! На разных, сэр. На любых.

– Ах, да оставьте Вы этого своего армейского «сэра». Мы с Вами теперь коллеги. Зовите меня просто Том. Окей?

– Да, сэр, то есть... окей... Том.

– Ну вот и порядок, Макс. Мы в пустыне. Перед богом и солнцем все равны. Не так ли?

– Сэр... так точно, Том: все равны.

– Очень хорошо, что мы одного мнения. Очень важно, чтобы у нас было полное взаимопонимание. Чтобы мы говорили на одном языке. Вы ведь многими языками владеете, как следует из Вашей анкеты, не так ли, Макс?

– На разговорном уровне, сэр... Том. Говорю без акцента на семи языках, но писать могу только по-английски, по-французски и еще по-немецки... но

немножко совсем. И еще чуть-чуть по-русски... но тоже так себе. Сосед-иммигрант обучил русской азбуке, в детстве еще.

– По-русски – это здорово, Макс! Русский – это большая ценность, если им владеть без акцента. Русский нам, американцам, ещё пригодится... когда время придёт. А язык этот трудный, уж это так. Наши цивилизованные органы речи почти не способны, к сожалению, освоить это тарабарское наречие... kalinka-malinka-posholnahu: так что, Макс, как видите, я тоже владею русским в пределах минимального общения, ха-ха-ха... Как Вы находите моё произношение, Макс?

– Если честно, то слабовато... Том. Но и австралийского говора у Вас я не слышу. У Вас явный восточно-американский акцент. Так говорят в Нью-Джерси.

– Ого! А у Вас отлично поставленное ухо, Макс. Вы не музыкант случайно по совместительству?

– Нет, сэр. Моя музыка – это взрывы.

– Отлично сказано!.. Что касается моего акцента. Я американец и есть. И именно из Нью-Джерси родом. Поздравляю. Из Вас, помимо взрывника, получился бы отличный разведчик.

– Приходилось в армии и разведкой заниматься, Том. Такое дело: прежде чем заряд заложить, надо знать – куда и под кого, а также кто может этому помешать.

Томас Грей захохотал:

– Да уж, всё это знать желательно... Только я имел в виду другую разведку..., – Грэй шельмовато покосился на сидящего рядом Макса Триллера, – я имел в виду... разведку полезных ископаемых! – и он снова засмеялся, как показалось Максу – не слишком натурально. Но может быть, то был нормальный смех Грэя? «Музыкальное ухо» Макса не было изощрено настолько, чтобы разбираться в нюансах смеха человека, с которым он познакомился всего несколько минут тому назад.

– Впрочем, давайте-ка вернемся к делу, Макс. Поговорим о Вашей главной музыке – о взрывах...

И остаток дороги доктор Томас Грэй вкратце посвящал Макса Триллера в суть идеи, которую небольшой коллектив фирмы «Скотт и Грэй» пытался внедрить и проверить здесь, в опалоносных грунтах Австралии, чтобы заодно с отработкой технологии еще и денег на опалах заработать.

Прежде всего он объяснил Максу почему фирма выбрала себе испытательной площадкой именно пустынную Андамуку. – «Здесь разрешена индивидуальная регистрация старателей. Всю остальную добычу опалов контролирует государство», – сказал он, – кроме того, здесь просторно, нет

опасности обрушить взрывом чужие объекты. А с самими взрывами проблема возникла следующая: нужно научиться на нужной площади и на нужную глубину аккуратно сотрясти породу таким образом, чтобы она не поднялась дыбом, не распалась в крошево, а лишь нежно разрыхлилась. С тем, чтобы «корочки» – каменные, опалонесущие жилы – отделились от спрессованного латерита и песчаника и свободно изымались затем из рыхлого грунта ковшом экскаватора или с помощью все того же «бловера» – высшего достижения сегодняшней механизации при добыче опалов».

– Blower – Вы скоро сами увидите, Макс – это такой здоровенный пылесос, изготовленный из большой железной бочки, в которую засасываются камни из глубины шахты, чтобы не поднимать их вручную. Когда эта бочка набивается породой доверху, пылесос отключают и содержимое вываливают на свет божий – желательно в тень – на разгребание. «Бловер» работает, разумеется, прицельно, то есть в него засасываются камни, уже заведомо содержащие опалы, обнаруженные старателями на глубине. «Бловер» существенно ускоряет добычу, но при этом сильно портит опалы. Иные бесценные куски и пласты дробятся и теряют большую часть своей стоимости. А опалы требуют ласковых рук. Вот мы и стараемся отработать технологию «ласковых» взрывов, – заключил Грэй, – в принципе, у Джима уже получается иногда, но только при одинаковых условиях грунта, на одинаковых глубинах и одинаковых площадях. А надо, чтобы было на разных – в зависимости от характеристик опалонесущего участка: глубин залегания, плотности пород и так далее. То есть каждый раз – иное количество, распределение, объем зарядов. К тому же надо по-возможности еще и тихо взрывать. Из-за аборигенов – я уже говорил: их духи не должны быть потревожены, которые растворены в земле и в небе и в них самих. Сотрясется земля – сотрясутся и души, как мертвых, так и живых. У аборигенов всё сущее едино в мире, всё представляет собой один живой организм – живое и мертвое. Неглупо, не так ли?

Макс, углубленный в размышления о направленных взрывах, не сразу понял суть последнего вопроса о живых и мёртвых, но тем не менее кивнул с задержкой и подтвердил:

– Да, это звучит неглупо.

Грэй засмеялся и сказал:

– Вы дипломат, Макс – Вы же меня совсем не слушали. Но Вы хотите меня о чем-то спросить, не так ли?

– Какую взрывчатку использует ваш Джим?

– Разную пробует. Аммонит, тринитротолуол, динамит. Недавно стал цефоры сам лепить. Так он их называет. Сидит у себя в вагончике и лепит их,

как добрый кондитер. И раскладывает булочками на столе. „Композиция С4“ зовут ее военные: Вы должны знать, Макс.

– Знаю, – буркнул Триллер, – отличная штука. Но коварная.

– Вот именно. Мы боимся с Николь, что он вместо опалов нас самих в один несчастный день на воздух поднимет. Николь – это моя жена.

Последовала за мной в пустыню как рабыня за своим господином. Очень преданная женщина, героиня. Но я подозреваю, что она боится просто, что меня тут аборигенки совратят без нее и утащат в буш с целью улучшения породы местного населения, ха-ха-ха... Вы ведь не женаты, Макс?

– Нет, сэр.

– Это хорошо при определенных профессиях... прошу прощения, я без намёков... Так что вот Вам совет на самом входе в Австралию: берегитесь аборигенок! Это такие красавицы, скажу я Вам! Почище любого динамита, да... Короче, взрывчатка не проблема, Макс. Взрывчатку мы Вам любую и в неограниченных количествах доставим – скажите только какую. Уран хотите, например? – и Томас Грэй снова шельмовато ухмыльнулся.

– Уран? Понятия не имею. Ураном не взрывал никогда. А что, есть уже и такие методы при добыче опалов?

– Для добычи опалов, Макс, все методы хороши. Шутка. Методов нет, Макс, а урана тут полно поблизости. Из него, между прочим, атомные бомбы делают.

– Ах вот что Вы имеете в виду, Том! – засмеялся Макс, – нет, атомные бомбы я не взрывал еще, к сожалению.

– Почему «к сожалению»?

– Ну это я так, в профессиональном смысле слова. Пробел в профессии. Хотя и следовало бы, как подумаешь другой раз...

– О чем подумаешь? О том, что Советы творят на планете? Эти агрессивные, кровожадные коммунисты с их идеями мировой революции?

– Именно так... Кошмар, что они сделали с Афганистаном. В Аризону, в Юму, где я жил, прибыли несколько семей беженцев оттуда. Ужас что они рассказывали! Коммунизм – это величайшая опасность для мира, сэр!

– Очень правильно, Макс, очень, очень правильно.

– А почему Вы, Том, про уран упомянули? Это же стратегическое сырье. Оно у Вас тоже имеется, что ли?

– У меня лично урана нет, а здесь рядом его – навалом. В десяти километрах отсюда, Макс, находится одно из богатейших залежей урана на планете. «Олимпик Дамм» называется это месторождение. Его обнаружили давно, но разрабатывать начнут только в следующем году. Кстати, благодаря

именно этому урану мы в живем в Роксби Даунс в относительно цивилизованных, человеческих условиях – не так, как те кроты в Андамуке.

– Что, Австралия тоже хочет собственную атомную бомбу построить?

– Австралия – нет. Кишка тонка. Да и мы, американцы, им не позволим.

Пока, во всяком случае. Но ей выгодно продавать уран «атомным» державам. Спрос велик и всё растёт по мере борьбы за мир, ха-ха-ха.... Уран, Макс, это современное золото. «Люди гибнут за металл!», – поёт Мефистофель в «Фаусте». Все думают, что он про золото поёт. Ан нет: он имеет в виду уран. За золото, спору нет, погибло много народу на земле. А благодаря урану, Макс, сгинут, как пить дать, все остальные, хе-хе-хе. Но я шучу, конечно. Уран – двигатель прогресса сегодня. Только ни в коем случае нельзя допустить, чтобы этот австралийский уран попал под контроль Советов. Иначе коммунисты с его помощью взорвут весь мир. Как Вы полагаете, Макс? Возможно такое?

– Сэр!.. Вполне возможно, Том.

– Отлично, Макс. Мы понимаем друг друга все лучше и лучше, как я погляжу. Это великолепно! Это очень важно, чтобы мы с Вами имели взаимопонимание и доверяли друг другу. Ведь мы, американцы, тут одни в Австралии, как марсиане, которым предстоит подтащить Марс поближе к Америке... Снова шутка, Макс...

– Вы сказали, Том, что поселились в этом, как его, Роксби-Таун...

– Роксби-Даунс.

– Прошу прощения: поселились в Роксби Даунс благодаря урану. Как это следует понимать? Что, добыча опалов имеет какое-нибудь отношение к разработке уранового месторождения?

– Нет, не имеет. Отношение ко всему этому имею я сам, хе-хе-хе. Просто мы взаимовыгодно договорились с правительством штата и с фирмой WMC, которая будет вести разработку урана, вот они и позволили нашей опаловой банде поселиться в их фешенебельном поселке. Штат и фирма WMC построили его совместно, специально для уранокопателей. Чужих, посторонних в Роксби не пускают: уран – это вам не шуточки, мистер! Но есть в Австралии одна волшебная палочка. Точней – волшебный камешек. Называется «опалы». Вот мы с помощью опалов и подружился с отдельными ребятами из WMC. Дипломатия, Макс, всё дипломатия. Дипломатия с толстым кошельком в заднем кармане – это двигатель прогресса, а я, стало быть – оператор этого двигателя на фирме «Скотт и Грэй». Помимо меня, как Вы можете заметить из названия, Макс, есть у фирмы ещё мистер Скотт. Это мой компаньон. Но Скотта здесь, в Австралии не бывает. Скотт – это денежный мешок, он сидит в Америке безвылазно, сторожит свои мешки. Ну а я, стало быть, потрошу его карманы тут, в Австралии. Единоначально, так сказать. Вот

так-то, Макс. Таким образом, я командую деньгами. А кто командует деньгами, Макс, тот – позвольте мне поучить Вас общеизвестному – командует и всем миром. В данном конкретном случае этот весь мир представлен здесь Стивом, Джимом и вот теперь еще и Вами, Макс. Такие вот дела: мы копаем опалы и не сводим при этом недремлющего взора с «Олимпик Дамм». Чтобы к нашему австралийскому урану никакие враги Америки не подобралась. Так что, Макс, если услышите где-нибудь в пустыне: „Kalinka-malinka posholnahu“, или что-то похожее, то немедленно рапортуйте мне, а уж я с этими коммуняками разберусь по законам жестокой пустыни. Помните: я командую миром. В радиусе пятнадцати километров, во всяком случае, ха-ха-ха... Как видите, мы тут, в австралийском аутбэке любим шутить, Макс. За неимением других забав.

Макс с удивлением воззрился на своего нового босса, большого шутника Томаса Грэя. А тот улыбался во весь свой белозубый, голливудский рот. Акульки глаза Грэя надёжно прятались при этом за плотными зелёными очками и поэтому кривая улыбка, обращённая в сторону Макса, выглядела очень заразной. Вследствие чего Макс засмеялся в ответ:

– Обязательно отрапортую, сэр... прошу прощения: Том, – отшутился он.

Они подъехали к поселку Роксби Даунс. Городок производил славное впечатление: серый асфальт улиц, мощеные плиткой тротуары, газоны, эвкалиптовые деревья вдоль дорог, белоснежные бунгало с широкими террасами на столбах, прячущие в глубокой тени навесов окна жилищ от ярости полуденного солнца. Эти затенённые окна уютно выглядывали из-за полыхающих розовыми, красными и желтыми цветами кустов бугенвиллей. Дорожные знаки, зеленые газоны с подстриженной травой и искрящимися на солнце фонтанчиками столь драгоценной здесь воды, черепичные крыши особняков, лёгкие гаражи-карпоты во дворах, и парк, и торговый центр – все это имело удивительно мирный, курортный, беззаботный вид, абсолютно не ассоциирующийся с грозным ураном, вышедшим из ада земного и породившим этот город. Ухоженный, чистый, тропический городок, очень приятный для глаз: так воспринял в первые минуты Роксби Даунс американский пришелец Макс Триллер. Сам он прожил много лет на американском юге и успел насмотреться на человеческие поселения под пальмами. Поразить его южной экзотикой было трудно. Но то были селения, выросшие по воле случая и буйной прихоти искателей приключений, здесь же, в Роксби Даунс хорошо просматривался планомерный замысел профессионального человеческого разума. В который особенности природы внесли свои посильные дополнения. Так, вместо разморенных жарой, конвульсивно дышащих американских собак под кустами, вываливших в горячую пыль вареные языки, здесь, изящно балансируя

тяжелыми хвостами, упруго скакали вдоль дорог и по зелёным газонам маленькие, коричневые австралийские кенгуру с огромными, мечтательными глазами.

Позже, поколесив по австралийскому аутбэку и насмотревшись на поселения искателей опалов, охотников на кенгуру и на жилища аборигенов, Макс стал смотреть на Роксби Даунс ещё более ценящими глазами – как на величайшее чудо цивилизации. А однажды, пролетая с Джимом на вертолете над Роксби Даунс, Макс обнаружил вдруг, что городок напоминает сверху аборигенскую картинку: графический сюжет из точек и плавных, волнообразных и концентрических линий, складывающихся в чарующую сказку формы и цвета, в некий художественный философский привет от неведомой цивилизации. Намеренно ли проектировщики так спланировали этот городок в аборигенской пустыне, или это случайно так получилось у архитекторов, насмотревшихся картин аборигенов и незаметно пропитавшихся самобытным искусством коренных австралийских художников, неповторимым и незабываемым? Макс было интересно знать это. Но Джим лишь пожал плечами: «Да дьявол его знает! Какая разница, что у тех архитекторов в голове? Они тебе что хошь сгородят – были б бабки. Главное – тут пива холодного в любом пабе хоть залейся, а то бы уже все сдохли давно от иссушения. Поэтому городок хороший, спору нет. Второго такого ни в одной другой пустыне мира не существует». Но это будет потом. А сейчас, когда новый босс вез Макса по молодому городу, здесь повсюду велось строительство.

– Городу и года еще нет, – пояснил Грэй, – а что еще будет! Я проект видел, когда мы место выбирали: шикарный парк в центре, с озером, фонтаном и аттракционами для детей; кинотеатр «драйв-ин»; торговый центр с супермаркетом; боулинг-центр, сити-центр, гольфовое поле, стадион. Ну и, конечно, новые жилые кварталы по периферии. Райский сюжет, короче. Зелёный изумруд, вправленный в красную планету чёрных опалов. Вот в каком красочном месте, Макс, предстоит Вам жить, творить и... или разрушать, хе-хе-хе. Вы довольны такой перспективой?

– Так точно, сэр! Вполне доволен, Том.

– Ну и отлично. А вот и наш приветливый домик.

Приветливый домик представлял собой небольшое, ничем особенным от соседних одноэтажных строений не отличающееся бунгало под розовой черепичной крышей, с круговой асфальтовой дорожкой вокруг местами пожухлого газона, в центре которого серебрился листиками юный эвкалипт. Разве что черная металлическая ограда вокруг всего участка, достаточно высокая, чтобы через неё не могли перепрыгнуть кенгуру, выделяла это

жилище из ряда других, не менее приветливых домиков по обе стороны длинной, обсаженной эвкалиптами и уходящей плавной дугой за поворот улицы. Слева от дома до самой ограды пространство занимал просторный, в данный момент пустующий карпот на две машины. Асфальтовая дорожка, достаточно широкая для проезда машины огибала дом справа и вела за дом. Именно туда Том Грэй и направил свой «джип».

– Это наш «скрэб», – пояснил он Макс, – садово-огородные заросли, в которых ничего полезного не произрастает. Николь сельское хозяйство недолюбливает, только цветы.

«Скрэб» и впрямь являл собой уголок дикого травянисто-кустарникового буша, утыканного, однако, тут и там и вдоль дорожки буро-зелёными шишками сортовых ананасов. Эти породистые тропические аристократы торчали из земли уверенно и высокомерно и, казалось, в злорадном торжестве направляли во все стороны неухоженного сада толстые кукиши ребристо-чешуйчатых плодов своих: «Вот вам, запустенцы драные, твари бесполезные!». Единственное, что украшало «скрэб» помимо ананасов – это была коллекция совсем пока еще маленьких бугенвиллей, уже цветущих, однако, цветами всевозможных расцветок. Бугенвиллеи тянулись почти по всему периметру участка.

– Николь бугенвиллеи обожает, – ещё раз уточнил Грэй, подметив интерес Макса к ярким кустам, которые не боялись бесовой жары и цвели на всю катушку. Грэй усмехнулся:

– Но ещё больше цветов она любит фотографировать и делать «шоппинг». Вот и сейчас она бежит где-то по Аделаиде, щёлкает затвором и совершает ценные закупки. Наверное, еще пару кустов бугенвиллей притащит в дом. Между прочим, она у меня – профессиональный фотограф, – с некоторым вызовом в голосе заявил Макс Томас Грэй. Макс на это ошарашенно покачал головой, а затем одобрительно кивнул: мол, надо же, какие чудеса бывают на белом свете, и какие талантливые женщины попадают в сети настоящих мужчин! Грэй в ответ на это похлопал Макса по плечу: он по достоинству оценил пантомимный комплимент своего нового подчинённого.

– А вот это уже Ваш дом, Макс, – объявил босс, останавливая «джип» перед белым вагончиком строительного типа со входом по центру. Перед вагончиком припаркован был «Лэндровер» бодрого вида, тоже белый, на борту которого выведена была эмблема фирмы: „S&G“.

Из вагончика выскочил, морщинисто улыбаясь, малюсенький человечек в джинсовом костюме, старомодных очках и панамке набекрень, похожий на радостную обезьянку, и сразу же завопил, двигаясь навстречу Макс, с протянутой рукой:

– Великий мастер Макс прибыл! Близится конец нашей старой, доброй Австралии: поставим её теперь раком и задвинем под Антарктиду, к чёртовой матери! Очень рад. Джеймс Спайкс к Вашим услугам, сэр. Для друзей и начальства – просто Джим, – и вертолётчик Спайкс энергично тряхнул руку Макса, – „How are you, man!.. Умею взрывать всё подряд ракетами «воздух-земля» и «воздух-воздух», а вот зарядами «земля-земля», как шеф велит, получается так себе. То есть бабахает громко – аж земля дыбом встает и голуби на лету в обморок падают, но шеф всё равно недоволен: от опалов, дескать, одна пыль остается на двадцать центов за тонну. Он уже выкинул бы меня давным-давно с фирмы, да вертолетом управлять не умеет. Я ему нужен. Без вертолета здесь – труба дело. На шарабане этом, – ткнул он пальцем в сторону «лендровеера», – один месяц, и покрышки долой: пустыня сожрала. А воздух тут надёжней земли: плавится от жары, докрасна раскаляется, но стрекозку мою держит. Так что вертолёт – мой, а дурак этот землеройный – твой теперь. Я его только что в «Мишелины» переобул. Но пустыня и эти сожрёт через месяц – можно и к шаманам не ходить... Прошлых «Гудйеров» вмиг сжевал, сволочь: вон под вагончиком валяются. А шеф думает, что это я виноват, дороги похуже выбираю, чтобы ремонтом машины заниматься вместо взрывов, – Джим ослабил и подмигнул ухмыляющемуся Грэю. Видно было, что эти двое отлично ладят между собой.

Забавный тип был этот Джим Спайкс. Ростом не выше метра шестидесяти, морщинистый как черепаха, усохший до состояния вавилонской мумии, сохранившей, однако, круглые и очень даже живые глаза с нахалинкой – этаким сбежавший из египетской пирамиды праправнук Хеопса, жизнерадостный, веселый, болтливый и подвижный, как черт из табакерки. На первый взгляд ему можно было дать и семьдесят лет и сто семьдесят, но это впечатление моментально исчезало, как только Джим разевал широкую пасть, утыканную мелкими, острыми, белыми зубками и начинал громко трещать в режиме вертолетного двигателя на форсаже. От своего вертолета он, надо полагать, и перенял эту оригинальную фонетику, напоминающую стук швейной машинки. И вот когда он начинал тараторить, то появлялась уверенность, что этому пацанёнку не больше двенадцати годиков, и маску старичка он натянул на себя в порядке розыгрыша собеседника. А потом выяснялось (со скромным намёком глазами в сторону неба), что ему ровно тридцать три, и что он в самом расцвете всех своих сил – эмоциональных, физических и тестостеронных. И вот уже два существа – болтливый ребёнок и мудрый старичок – сливались воедино в абсолютно неповторимый в живой природе образ Джима Спайкса – бывшего австралийского военного лётчика-вертолётчика.

– Хватит тарыхтеть, трепач винтокрылый, – оборвал Спайкса Грэй, – помощи-ка лучше мастеру Максу вещи занести и покажи ему его жильё.

– Ноу проблем, босс! – немедленно откликнулся Джим и подмигнул теперь уже Макс: – «Пройдёмте в царские палаты, великий мастер Макс! Апартаменты у тебя – супер-люкс! Пять звездочек! Три из них завалились, правда, куда-то под вагон, и я их долго искал перед твоим приездом, но не нашел. Зря только двухметрового тайпана спугнул: он просвистел мимо меня как проткнутая велосипедная шина, чуть не цапнул мимоходом...», – так болтая, словоохотливый Джим провел Макса на правую половину домика, в квартирку, состоящую из двух крохотных комнатушек, кухоньки и санузла с душем.

– Кондиционер включается тут, свет – тут, педаль от унитаза – вот она. Все!, – Джим обернулся к шефу, стоящему в дверях и отрапортовал: «Инструктаж завершен, мистер Грэй. Разрешите лететь на точку?».

– Дай мистери Триллеру хоть душ принять и переодеться, фанатик ты ненормальный, – возразил начальник.

Джим тут же развернулся опять к Макс и приказал: «Принять душ и переодеться! На все про все пятнадцать минут! После этого приготовиться к передаче всего подрывного хозяйства вместе с колоссальной ответственностью за него. Я жду на своей половине дома. Условный стук в дверь – три быстрых удара, два медленных, затем одна красная ракета в небо и ещё один стук в дверь. Время пошло...

– Вот же балабол несчастный! – оборвал вертолётчика Грэй, – Значит так: я полечу с вами, господа.

– Слушаюсь, сэр! Хотя втроем и не положено, могу лицензию потерять. Но гнев босса еще страшней. Придется одному из пассажиров меж кресел втискиваться. Боюсь, что эта честь выпадет сегодня Великому мастеру Макс. Не босса же буквой «зю» погибать. Окей, мистер Грэй, летим втроем: как прикажете, сэр. Я найду за Вами, когда Великий мастер освежится и будет готов к полету, – за веселой трескотнёй пилота угадывался скрытый протест ущемленного достоинства, который рефреном прорывался в ироничном обращении «Великий мастер». Что ж, недовольство подрывника-любителя можно было понять: каждый знает, что незаменимых работников не бывает, но всякому тем не менее обидно, когда его заменяют.

– Да, уж ты найди, не сочти за труд, буду тебе очень признателен, Джимми, – буркнул Томас Грэй, удаляясь к себе домой.

Через полчаса они вышли через заднюю калитку «скрэба» сразу в пустыню. Там, за оградой, обреченно повесив уши винтов, как грустный ослик, их ждал ярко-желтый, пузатенький, двухместный Robinson-22. Макс с трудом,

раскорячившись не буквой Z даже, а сложным японским иероглифом, вжался между своими новыми коллегами и потолком кабины, после чего вертолетик взмыл в ослепительно синее небо, заломил крутой вираж и устремился в оранжевое марево бескрайней австралийской пустыни. Минут через пятнадцать-двадцать они сели непонятно где, в «чистом поле», и Джим выключил моторы. Еще метров триста они шли пешком. Джим нес коробку запальника, Макс предложил тащить десятилитровую канистру с водой и кирку. Макс хотел спросить зачем вода, но он решил для солидности вопросов не задавать. Раз уж он «Великий мастер». Подрывники подошли к месту, где из песка торчала пара проводов. Джим присел над ними и привычными движениями стал присоединять провода к клеммам электродетонатора. Затем объявил: «Сначала рванем, а потом будем обсуждать».

– А где укрытие? – удивился Макс.

– Прячься за шефа: это верней всего! – нахально сострил вертолетчик, но тут же объяснил, как бы извиняясь перед боссом: – «Не бойся, Великий мастер, участок находится в ста метрах отсюда, заряды слабые, на воздух не взлетим. Ну, с нами Бог!», – и он яростно накрутил ручку соленоида и нажал на кнопку. Ничего не произошло.

– Shit! – завопил Джим, – Shit! Shit! Shit! Я же говорил: надо сразу рвать, не ждать до утра! – Он повернулся к Макс и стал кричать на него:

– Это всё ваша хваленая американская демократия! Она нужна для того, чтобы народ мог свободно решать: спереть ему что-нибудь ночью или не спереть! Спёрли, как видишь... Хорошо ещё, что Джим Спайкс всегда запасную бухту с собой возит. Так что антракт, господа, можете пока пройти в буфет... – и Спайкс потопал обратно к вертолёту.

– Специфика, однако, – пожал плечами Грэй, – вот, привлекаем к работам туземцев. Кое-что из используемых нами материалов вызывает у них интерес, и они возвращаются потом ночью, чтобы изучить предмет интереса поподробней. Слава богу, взрывчатка пока ещё не привлекла их пристального внимания. Пробовали однажды динамитом натираться для придания себе дополнительной энергии, но им это не понравилось. Вся энергия ушла в натирание, и ни один из них не превратился в супермена. Впрочем, всё извлечённое из земли они воровством не считают. Всё найденное ими в земле принадлежит им: земля им это дарит. Такова их природная философия. Вот, «нашли» ночью кусок провода: спасибо тебе, земля-кормилица за полезную вещь. Можно ею штаны подвязать, или две палки скрутить вместе. А для выгоды, ради бизнеса они не воруют, нет. Олигархи из них нулевые.

– Много они выкусить не могли, – как бы вторя шефу, заявил Джим, вернувшийся от вертолёта с мотком провода. Он принялся вытягивать старую проводку из песка и скоро нашёл обрыв.

– Ну, я же сказал: всего два метра не хватает, – радостно сообщил он и принялся сращивать концы проводов.

– Дубль второй! – скомандовал он, когда всё было готово.

– А сколько зарядов заложено? – не удержался с вопросом Макс. Дикция его странным образом изменилась. Ему показалось, что язык застревает во рту и шуршит.

– Ага! – злорадно заметил речевые изменения у Макса вертолётчик, – Великий мастер уже по-китайски заговорил. Усыхать начал, стало быть. А пива я с собой не взял, извините, господа: мы на работе. Пей воду, Великий мастер, ради тебя мы эту канистру за собой и таскаем. А то новички с непривычки мгновенно усыхают и превращаются в урюк... ничего, Великий мастер, я научу тебя выживать в пустыне... Ах да, твой вопрос: пятнадцать штук. Итак: алле... гоп!

Землю под ногами встряхнуло, и впереди вспухли и осели по кругу невысокие красные фонтанчики. Над «полигоном» поднялось облако рыжей пыли, которая постепенно оседала.

– Ну вот, теперь можно обсуждать! – разрешил Джим, направляясь к месту взрыва. Интересно узнать для начала мнение Великого мастера.

– Пока мнения не имею. Сейчас посмотрим. Надо понять сначала, какой результат требовался.

– Во всяком случае, не эти песчаные фонтаны, – недовольно проворчал Грэй, – хотя сегодня вроде бы и лучше получилось, но все равно это не подземная разрыхляющая волна, а так – полтора десятка мелких террористических актов, скорей всего снова неудачных, – Грэй поднял кирку и принялся ковырять ею землю под ногами. Из-под песка время от времени выворачивались куски твердой розово-серой породы.

– Нет, не то. Нужно, чтобы песок остался внизу, а все эти обломки вышли на поверхность. Можно это сделать, Макс?

– Думаю, что да. Джим, как ты закладывал заряды и какие?

– Под сорок пять градусов в направлении центра участка ручным буром на глубину четырех метров просверлил дырки, задвинул толовые цилиндры, засыпал дыры землей: готово! Опыт показал, что чем точнее на центр направлены шахты, тем лучше эффект. Но все равно взрыв выплевывает землю из дырок и теряет при этом мощность. А если увеличить заряд, то воронка на месте закладки получается – и вообще без эффекта разрыхления.

Если взять участок метр на метр, то получается неплохо, но этого шефу мало: нерентабельно, говорит.

– Конечно, нерентабельно! – возмущенно подтвердил Грэй, – три аборигена квадратный метр в пять раз быстрее разрыхлят, чем ты своими взрывами. Макс, слово за Вами.

- Шурфы надо копать глубже, до двадцати метров. Это раз. Во-вторых, даже это мало что даст, если не устанавливать за каждым зарядом железобетонный экран примерно метровой толщины. Через фокусировку экранов – попарной или групповой – можно тогда оптимизировать величину зарядов и глубину их залегания для каждого конкретного участка с учётом типа грунта. Но всего этого вручную не сделать. Нужна тяжелая техника: экскаватор, бульдозер, кран, трейлер.

– Видали академика! – с деланным восторгом возопил Спайкс, – «оптимизировать ... как его... попарно и с учётом...».

– Прекрати паясничать! – оборвал его Грэй и обратился к Макс:

– Какую площадь можно охватить при этих условиях?

– Где-то пятьдесят на пятьдесят метров. Может быть до ста. Надо пробовать.

– И заряды на глубине двадцати метров?

– Десяти-пятнадцати – не меньше.

– И опять же методом «тыка», – ядовито прокомментировал Джим.

– Не совсем. Скорей, это последовательная и целенаправленная отработка технологии.

– А к отработке технологии фактор стоимости не относится, что ли? Бетонные блоки, экскаватор, кран... Хотя чего я беспокоюсь: мне же легче. Не надо будет вручную на пятидесятиградусной жаре четырёхметровые колодцы рыть. Ты вон сотню метров прошагал, Великий мастер, и уже полканистры воды выглушил...

– И ты в одиночку выкопал все эти шпуры? – изумился Макс.

– А ты думал – кто? Святой дух, что ли? – вскричал Джим и покосился на шефа, – ну, аборигены копали тоже... немножко... а я ими руководил. Только с ними как... не успеют начать, как уже бегут с жалобой: дух земли недоволен, виски просит. Виски им давай. Духа уговаривать. «Виски вы будете уговаривать, а не духа», – говорю я им...

– Все, господа, выездное совещание объявляю закрытым. Мистер Триллер увидел все что ему надо. Жду от Вас расчетов и сметы, Макс. Необходимая техника будет. Полетели обратно.

В этот же вечер Макса хватил удар. Не тепловой. Хуже. Удар, который пустил его кувыркаться по дороге жизни столь стремительно, что сама судьба его озадачилась, сбита с первоначальной программы, заданной ею для Максимилиана Триллера на много лет вперёд.

Первый удар зноя, испытанный Максом при выходе из самолётка Стива, оказался нежным приветом аутбэка по сравнению с тем цунами, который подхватил Макса, когда он явился вечером на званый ужин к Грэям, посвященный первому дню его работы на фирме „S&G“, и увидел жену Грэя Николь. В этот миг невесть откуда явившийся пухлый древнегреческий амурчик пронзил Максу сердце не тонкой золотой стрелой из золотого же колчана, и даже не боевым копьём Афродиты, которым она в начале своего боготворчества поражала врагов своих, но гигантским рабоче-крестьянским ломом, подобранным им в пригаражной подсобке: саданул по всем клапанам и кардиокамерам разом, наповал и навывлет. От этого удара Макс пошатнулся, и Николь вскрикнула – она подумала, что гостю стало плохо от жары. Но Макс лишь помотал головой: «Нет, мне хорошо». Однако, хорошо ему или плохо, он и сам не понимал. Он знал только, что с ним что-то приключилось. Что-то огромное, с последствиями. Заторможенный и косноязычный, он, не замечая времени, пересидел званый вечер в свою честь, боясь отчего-то смотреть в сторону жены своего босса, между тем как невидимый амурчик хулиганил вовсю: заставлял Макса то краснеть, то бледнеть, то потеть, то заикаться. Наконец, после того как прекрасная Николь пришла к окончательному выводу, что новый подрывник ни в коем случае не кретин, а просто перегрелся в первый день в пустыне и безумно устал от ярких впечатлений дня, хозяйева отправили Макса спать. И всю первую ночь свою в аутбэке Максу снились не пески, не ядовитые австралийские змеи, ядовитей которых не бывает на земле, не кенгуру с мечтательными глазами, не аборигены, закусывающие толовыми шашками, а волшебная красавица Николь – женщина-королева, приплывшая к нему из космоса на двухвесельной шлюпке с алой бугенвиллеей на корме и сообщившая ему, что любила его уже три тысячи лет тому назад, когда её звали ещё Шехерезадой. Макс Триллер влип и знал наперёд, что влип трагически и безвозвратно.

С того дня сердце Макса забилося иначе, совсем иначе. Теперь при каждом его ударе в ушах Макса отдавалось волшебное слово «Николь». Так он и ходил с этим словом в ушах, повторяющемся от шестидесяти раз в минуту по утрам и до ста двадцати днём, на жаре, когда он в рабочем движении с усилием

преодолевал обжигающие наги красные барханы австралийской пустыни. И ничего с этим поделать было невозможно – от древнего вируса чувственного обожания, запущенного когда-то Адамом и Евой, объевшихся греховных яблочек, лекарства не существует на белом свете.

А Макс Триллер, похоже, и впрямь сошел с ума: Николь мерещилась ему везде, даже в образе мохнатого паука, навестившего его однажды под тентом палатки. Таково было воздействие на него трех одновременных факторов: жары, одиночества и поразивших его женских глаз. Взаимное усиление эффекта воздействия нескольких факторов называется синергизмом. В жуткую воронку такого синергизма, как в черную космическую дыру как раз и угодил бедный Макс Триллер. Его биопсихическая система вошла в подобие авторезонанса, бездонно черпающего энергию из пока что неизученной темной материи и доводящего систему до саморазрушения. И Макс саморазрушился бы очень скоро, если бы все три фактора продолжали доводить его до исступления ежесекундно. Но на его спасение третий и главный фактор по имени Николь большую часть времени выпадал у него из поля зрения вследствие работы. Ведь он уезжал «на точки» и жил там в палатке по несколько дней, а то и недель кряду. Только благодаря этому обстоятельству Макс не свихнулся совсем. Разве что в беспокойные сны его закрались признаки безумия. Так, вместе с Николь они были однажды скорпионами и семенили по песку хвостами вперед, улыбаясь друг другу. В другой раз они мчались куда-то рядышком по эвкалиптовому лесу вместе со стаей диких собак динго.

Такая вот беда приключилась с Максом, называемая иногда любовью. Безнадежной любовью, если быть точней. Ибо весь ломик амура достался одному Максиму – к Николь амурчик остался безразличен. И поэтому критического состояния Макса она даже и не заметила, кажется. Или заметила всё-таки? Ведь только очень глупые женщины, вернее, женщины без женского начала не замечают такого. А Николь Грэй глупой женщиной не являлась. Она была очень даже умной женщиной, к тому же еще и очень наблюдательной. Возможно потому, что она была профессиональным фотографом. Все стены в доме Грэев увешаны были ее фотоработами, одна лучше другой – от портретов Тома Грэя до видов Австралии и макроснимков насекомых. И еще она любила Фрэнка Синатру, Энгельгарда Хампердинка и бугенвиллеи. Это было все, что знал о ней Макс Триллер. Но и этого вполне хватило Максиму для обожествления Николь.

Почему? Почему такая беда стряслась с Максом? И ещё одно почему, гораздо большего размера: почему вообще история любви Макса Триллера должна быть кому-то интересна? Ну, влюбился и влюбился некий индивидуум

рода человеческого, ну втрескался по самую крышку – что в этом особенного? Все на планете – а нас, жителей земли, уже за семь миллиардов перевалило – влюбляются и втрескиваются вдоль и поперёк, а некоторые так и по многу раз подряд, и это повторяется при каждом новом поколении снова и снова. Если все эти влюблённости описывать – десять солнц успеют остыть и сто новых галактик возникнуть, а мы будем всё сидеть и описывать. Но только история любви Макса оказалась исключительной. Любовь Макса Триллера, как покажет время, сыграла особую роль в истории человечества, и поэтому разобраться во всем этом приключении детальней представляется не просто необходимым, но **исторически необходимым**.

Скорей всего, случившееся с Максом имеет причиной то обстоятельство, что Макс Триллер «засиделся в девках». Как-то так получилось в его жизни. То есть, опять же, не в том смысле, что он слишком долго не понимал разницу между мужчиной и женщиной, а когда понял, наконец, то было уже поздно: время пылкой, романтической, безоглядной любви для него ушло. Нет, всё это было не так. Макс развивался вполне в такт со своим поколением, и отнюдь не являлся наивным ребенком, до десяти лет верящим в существование Санта-Клауса и аиста со сверточком на капустном поле. Скорей даже наоборот. В возрасте четырнадцати лет мастер-класс по части секса предложила ему шестнадцатилетняя гостья, сидевшая рядом с ним за столом на дне рождения у школьного товарища. Два часа спустя она исполнила своё обещание в хозяйском ватер-клозете, усадив Макса на унитаз. Но Максу первый опыт плотской любви не понравился совершенно. Девица была пьяна, груба, надсмехалась над ним и обзывала его обосранным щенком и импотентом. В довершение всего, в разгар «мастер-класса» ее стало рвать от выпитого, так что Макс едва успел сползти с унитаза и подобрать ноги. Все это было очень пошло и противно. Юный, опозоренный Макс Триллер со спущенными штанами, лежащий на холодном полу возле блюющей, синезадой девицы пережил в тот момент такую порцию омерзения, что надолго отвратился от остро волнующей тинэйджерской темы секса. Он закомплексовался «по Канту»: акт половой любви с его неэстетичными движениями и зверскими звуками стал представляться ему проявлением в высшей степени свинским – грязным и неприличным. При этом с тестостеронами в крови и с сексуальной ориентацией у него было все в полном порядке. Позже, уже будучи в армии, он свой неблагополучно приобретенный в детстве комплекс в значительной степени преодолел: и в бордели похаживал вместе с другими солдатами, и с десятком скоростных перепихон-романов на разных континентах пережил, однако все это лишь ради удовлетворения биологического зова плоти, при неизменной затаённой

брезгливости к процессу и полном отсутствии представления о большой любви. А любовь – просто любовь, или настоящая любовь, как её ещё иногда называют – она прошла мимо Макса. Но вакуум неиспытанной любви продолжал, очевидно, незримо углублялся в его душе, и пустота эта требовала заполнения со всё большей силой, и в какой-то миг неосознанный зов любви перешёл некий критический рубеж и породил торнадо, внезапным вихрем которого и принесло незваного и нежданного амурчика со стальным ломом из ближайшего гаража наперевес. И это был тот миг, когда Николь Грэй распахнула перед Максом двери своего дома, очаровательно улыбнулась и произнесла голосом нежного небесного ангела:

– А я уже знаю: Вас зовут Макс, и Вы прилетели вчера из Америки специально, чтобы принести нам славу и богатство. Проходите, дорогой Макс: Вы нам очень-очень-очень нужны, и мы Вам очень-очень-очень рады...

Вот при этих её словах Макс и покачнулся. А Николь вскрикнула. А он увидел вдруг, какая она неземная красавица. И у него заболело сердце – заболело в первый раз в жизни: до этого он вообще не имел понятия, с какой стороны оно у него расположено. А она подумала, что это от жары. А это было не от жары – это произошло от удара амурчика ломом в самое яблочко его сердца: от этого удара широко распахнулись глаза Макса и вобрали в себя всю вселенскую любовь, у которой отныне было имя: Николь!

Но, конечно, Николь Грэй была очень хороша собой и без вмешательства всяких там древнегреческих амурчиков. Она была много – лет на десять – моложе своего мужа, но ей и этого возраста невозможно было дать благодаря нежнейшей коже лица без единой морщинки и изящной фигуре богини со скульптур всё тех же древних греков. Она смотрелась лет на двадцать пять, не больше, а улыбка и вовсе превращала ее в юную, прелестную девчонку с умильно вытарчивающим из ряда, любопытно выглядывающим при каждой улыбке из-за пухлой губы верхним зубиком в углу рта. Плюс серые... нет, светло-голубые, как раннее утреннее небушко... нет, всё же скорее серые глаза, такие прекрасные, каких Макс Триллер никогда еще не видел ни у одной земной женщины. Немного придя в себя, он произнес не самые умные слова:

– Хау ду ю ду, мисс!

– «Миссис Грэй», – ласково поправила его хозяйка дома, – меня зовут миссис Грэй. Но Вы будете звать меня просто Николь, договорились? Хелло, Макс. Добро пожаловать, Макс.

Когда он проходил мимо нее, у него снова закружилась голова. От запаха ее духов, наверное. От Николь исходил тончайший, чарующий аромат цветов. А может быть это был ее собственный запах? Определенно, да, конечно: так пахла она сама. Так должны пахнуть и ангелы на небесах. С этой секунды Макс

Триллер стал зачарованным пленником этого запаха. Иногда легкий ветер пустыни приносил на рассвете едва уловимый, похожий аромат, и у Макса заходило сердце. И оно готово было остановиться навсегда не только от любви, но и от тоски. Ибо он знал и понимал: Николь ему не принадлежит и никогда принадлежать не будет. Впрочем, а почему бы и нет? Она ведь не рабыня Тома Грэя! Если бы она его, Макса, полюбила... Она развелась бы с Грэем, и Макс Триллер носил бы ее на руках до конца своей жизни... Максиму было уже двадцать семь лет, но он мечтал как двенадцатилетний. Вот что вытворяет с человеком любовь. Тем более – любовь неразделенная. Потому что Николь относилась к Максиму благосклонно и даже порою ласково, но не более того. Когда она поворачивалась к своим бугенвиллеям, она забывала о существовании Макса. Так ему казалось. Но ведь он не являлся специалистом в области женских сердец. «Может быть, я все-таки ошибаюсь», – думал он? – «Может быть она просто делает вид, что его не замечает?». Так думал иногда Макс, стоя рядом с Николь и тайно мучаясь. – «О, Вы еще тут, Макс?», – замечала она его через пару секунд, и он внутренне сжимался от обиды и горя. Ну что, что он мог сделать такого, чтобы она заметила его любовь?

И однажды он понял, что он должен сделать. Он должен найти опал невероятной красоты – такой, каких не дарят даже королевам – и преподнести его Николь. И тогда она всё поймет без слов. Но как найти такой опал? Ведь он занимается только взрывами. Его дело – сотрясти землю, чтобы затем экскаватор выбрал освободившуюся от сыпучей фракции породу, а нанятые аборигены и китайцы отсортировали ее и сложили опалосодержащие камни в отдельную кучу. А в это время сам Макс уже в другом месте готовил следующий подрыв.

Подобрать опал из кучи нельзя, понимал Макс, это будет воровством, ибо все эти добытые опалы принадлежат фирме Грэя. И вообще: украсть опал у мужа, чтобы подарить его жене этого мужа – это уже полный абсурд. Но может случиться нечто еще более ужасное. Грэй за подобное преступление может просто уволить его, Макса. И тогда все! Тогда – конец! Тогда он должен будет уйти отсюда, чтобы никогда больше не видеть Николь. Никогда! И жизнь сразу потеряет всякий смысл.

Так как же добыть этот чёртов драгоценный опал, ломал себе голову Макс? Может быть, скопить денег и купить? Но сколько же нужно работать, чтобы заработать миллион? – именно столько должен стоить опал, достойный Николь!

И вот, в один прекрасный день Макс придумал как это сделать. Ведь ему в соответствии с контрактом полагались выходные, два дня в неделю. Которые

он обычно игнорировал. Часто он работал и по субботам, и по воскресеньям – лишь бы возник повод лишний раз постучаться в дом Грэев и предупредить, что в выходные дни он будет работать.

Это было глупо, запретить ему работать по воскресеньям никто не мог, но Макс всё равно делал это в надежде увидеть Николь и дожидаться ее игривого вопроса: «А не к милой ли аборигеночке собрался наш дорогой Макс под видом работы?». На что Макс отшучивался: «Сердце дорогого Макса занято». – «О!. – округляла свои ангельские глаза Николь, – и как же зовут эту счастливицу?». – «Её зовут Работа!», – заявлял Макс, и оба они смеялись. И, честное слово, что-то нешутливое проскакивало туда-назад в их взглядах. Так, во всяком случае, чудилось Макс. Или ему просто хотелось так думать? После такого обмена шутками Макс уезжал в пустыню счастливым человеком и обещал себе в следующий раз на вопрос Николь ответить иначе, ответить так: «Нет, Николь, нет у меня никаких аборигеночек. Я люблю только одну женщину на всём белом свете, и эта женщина – Вы!»... Но бывало и так, что Макс уходил из дома Грэев в тоске и печали. Например, если Николь, выглянув на секунду в прихожую и равнодушно ответив на приветствие, снова исчезала, или если она, вместо вопроса об аборигеночке восклицала:

– О, Том должен очень высоко ценить Вас, Макс. Вы преумножаете его богатства даже по выходным дням!

Максу слышалась в этих словах скрытая издевка, и он удалялся, рыдая сердцем. Однажды, ещё задолго до идеи с опалом, ему пришла в голову удачная мысль помогать Николь по выходным с посадками кустов бугенвиллей. Он вызвался это делать, заявив, что любит сажать кусты. Китаец Ли, слуга Грэев, их повар и дворник, был страшно доволен такому обороту дел и с удовольствием передал Макс саду-огородное оборудование. И всё бы ничего, да только Николь не каждые выходные сажала бугенвиллеи, а иногда сажала их и в будние дни, или вовсе уезжала куда-нибудь, поручив Макс через слугу посадить в «скрэбе» то-то и то-то – не обязательно даже и бугенвиллею. В этих случаях злой как чёрт Макс, разгоняя пауков и скорпионов, махал мотыгой в полном одиночестве за домом Грэев, стараясь не попадаться на глаза ликующему Джиму, который, заметив Макса, обязательно произносил что-либо гадостное типа:

– Ах, какое замечательное у Вас хобби, Великий мастер Макс. Мне бы такое! – и шагал себе дальше в город пить пиво, чтобы не усохнуть от жары.

Потерпев крах с проектом бугенвиллей, Макс предпочёл снова работать по выходным в пустыне. А с бугенвиллеями он впредь помогал Николь лишь изредка, когда она специально просила его о помощи. И это было хорошо, потому что просить Николь умела очень ласково-вкрадчиво, как кошечка, и в

эти мгновенья Макс любил её особенно сильно, чему даже сам удивлялся: ведь любить её ещё больше было просто уже некуда!

Так вот, как уже сказано было: однажды Макса осенило как осуществить проект подарочного опала для Николь. Отныне по субботам он забирал белый фирменный «Лендрровер» и уезжал в сторону Андамуки. Там он отыскивал ту или иную заброшенную шахту-нору, спускался в неё с фонарем, небольшим буром и аммонитом, закладывал маленький заряд в подходящем месте, выбирался наружу, делал мелкий подрыв и спускался снова – теперь уже с киркой и мешком – искать свой опал, оставленный для него безвестными старателями и богиней-Удачей. Но королевский опал и богиня удачи, сговорившись, играли с Максом в прятки. Кое-что попадалось, конечно, и по меркам отдельно взятого опалокопателя вполне даже немало, но все эти мелкие сокровища Макса не интересовали. Он подстерегал большую добычу, и он ждал её с тем же одержимым фанатизмом, с каким её поджидает каждый австралийский диггер.

Диггеры. Если пролетать над окрестностями Андамуки на вертолете, то россыпи белесых холмиков внизу можно легко принять за результат нашествия на австралийскую землю экзотических космических кротов. В сущности, сравнение с кротами в данном случае вполне корректно, только кроты эти, выбравшись из глубоких и протяженных нор своих, ходили по поверхности на двух ногах, разговаривали, пили пиво, имели многочисленные национальности и объединялись единым названием: диггеры. Это вроде бы и люди, но представляют они собой некий внерасовый подвид или подотряд – что там стоит у Дарвина в нижнем ряду его классификации?

Диггеры – это опалоинфицированные искатели подземных искр. Это зачарованные зовом несметного богатства существа, которые годы напролет ползают по ими же выдолбленным узким норам с карбидными лампами и кирками в поисках заветных «корочек» – жилок десятисантиметровой толщины, разбегающихся по глиноземно-известково-железистым австралийским недрам безо всякой научной предсказуемости и содержащих – это если повезёт, если счастье свалится на голову диггеру в буквальном смысле этого слова – сверкающие глазки опалов. Вот за ними, за этими искорками счастья, и охотятся диггеры. Они, то с маленькими триумфами, то снова безуспешно роют и год, и пять, а то и всю жизнь напролёт, если хроническая болезнь опаломания зашла слишком уже далеко. Причём не только роют, но и живут в своих норах, прячась там от убийственной жары наверху, и даже умирают в них, и в этом удачном случае их и хоронить-то больше не требуется, драгоценное время терять. В сущности, они себя и так уже, можно считать, заживо похоронили в

тот день, когда впервые спустились вниз по шершавому, обдирающего кожу со всех частей тела колодцу на поиски опалов.

Но когда диггера посещает удача (а везёт, конечно, многим, иначе не носили бы дамочки и толстосумы всего мира столько опаловых украшений на пальцах, шеях и сытых брюшках), тогда он становится калифом на час: продав свой случайный улов пауку-скупщику, он мчится в столицу, снимает особняк, заказывает оркестр, красавиц и павлинов с перьями и безумствует, пока не растает в пальцах последний цент. Потом, всё еще пьяный от сказочных воспоминаний, он возвращается попутками в жаровню аутбэка, лезет под землю и все начинается с нуля, но только теперь уже на следующем, еще более обострившемся витке болезни. Отчаянно заразной болезни, надо добавить, ибо остальные диггеры, вдохновленные удачей «калифа», начинают рыть еще яростней, пробиваясь всё глубже в чертоги дьявола, навстречу ожидающим их неизбежным трагедиям. Однажды, повествует легенда, некий диггер в тесной норе, где едва можно пошевелиться, уткнулся в опал невиданных размеров и красоты. Он чуть не ослеп от счастья и ударил киркой под «корочку», чтобы высвободить камень из породы. Но жестокий черт, который там, внизу, чувствует себя хозяином положения и всегда находится рядом с диггером, дернул его за кирку, и острое угодило в центр опала, который рассыпался мелкими брызгами. Осознав размеры катастрофы, произошедшей после стольких лет лишений и страданий, диггер, тоненько завывая, дал задний ход, дополз до выхода, упер кирку в вертикальные стены колодца и удавился с помощью веревки, которая у каждого порядочного диггера всегда в наличии, в комплекте с мешком и фонарём. Одним безумцем стало меньше на этой несчастной планете.

Андамука – истинная столица диггеров в штате Южная Австралия. В Андамуке полно контор скупщиков опалов и пивных заведений. За последний факт, а также за кинотеатр под открытым небом диггеры считают Андамуку самым культурным местом на поверхности земного шара. И всю эту великую наземную культуру целиком и полностью питает подземная активность окрестностей Андамуки. Вокруг посёлка нарыты сотни километров разветвлённых подземных ходов – шахт, частью заброшенных, частью все еще изрыгающих на поверхность породу, в которой неторопливо копошатся аборигены, чтобы острыми глазами уцепить пропущенную диггером искорку. Из этой искорки вскоре возгорится пламя: превращение опалов в виски происходит в Андамуке чрезвычайно быстро.

Но Макс к активным норам не приближался. Диггеры – народ суровый, живут в режиме налоговых уклонистов, добычу свою не легализуют, продают

скупщикам «по-черному», от финансовых комиссаров скрываются и к любому незнакомцу относятся крайне подозрительно. Тем более – обнаруженному в собственной шахте. Так что непрошенного гостя запросто может и камнями завалить в штреке, а то и просто закружится у него голова от теплового удара и упадёт он кумполом вниз в бездонный колодец. Да мало ли что может случиться с человеком в дикой, безводной пустыне, полной змей и скорпионов? Не менее яростно ненавидели диггеры и империалистических хищников с их экскаваторами, выгребающими хрупкие сокровища австралийской земли тоннами и кубометрами, безжалостно корёжа при этом драгоценные опалы, кроша их в мелкую пыль. А ведь это были те самые сокровища, за отдельные искорки которых тощие, жилистые, отрёкшиеся от белого света и всех земных благ диггеры ежедневно ставят на кон свои жалкие жизни. Экскаваторы были личными врагами каждого диггера – ещё большими, чем прядильные машины для лионских ткачей в своё время. И типичным представителем таких промышленных, экскаваторных разбойников являлся Макс Триллер – сотрудник фирмы «S&G», разворотившей своими взрывами и бульдозерами полпустыни вокруг. С учётом последнего обстоятельства Макс в поисках достойного Николь опала держался от диггеров подальше и после осторожной разведки забирался лишь в отдаленные, давно заброшенные колодцы. Спускаться в колодцы он научился, наблюдая за диггерами издали. Поначалу их способ погружения в шахту представлялся ему неосуществимым. Диггеры погружались в бездонную глубину по узкому колодцу безо всякой веревки, с лампой на шее, сбросив вниз кирку и упираясь руками и ногами в неровности вертикальной стены. В первый раз, осваивая эту акробатику, Макс подстраховался веревкой, привязанной к лому, но после наловчился спускаться по-обезьяньи, в растопырку, по-диггерски, и на поверхности не оставалось никаких следов от его пребывания на глубине, если не считать «Лендровера», спрятанного за камнями в отдалении.

Найденные опалы Макс притаскивал в свой вагончик и складывал их под койкой, где они постепенно накапливались и составляли уже, наверное, приличное состояние. Но к этому исподволь растущему богатству Макс относился пренебрежительно. Для него всё это была чепуха, мелочь, побочный мусор. Главный опал, особенный, великолепный, достойный Николь, всё никак не попадался. Попасться, напротив, рисковал сам Макс: ведь он копошился в австралийской земле без лицензии. Он, по сути дела, элементарно браконьерствовал. Если он влипнет, Грэй, скорее всего, выручит его, вызволит из тюрьмы или штраф заплатит, надеялся Макс. Ну а если нет? Если Грэй не придёт на помощь, а вместо этого ещё и вышвырнет его с фирмы – тогда что?

А ответ прост: тогда прощай, Николь, прощай навсегда... Постепенно от всех этих чёрных мыслей, Макс становилось всё тревожней на душе. Мелкий, холодный озноб охватывал его теперь каждый раз, когда он спускался в заброшенную шахту, и это несмотря на жару вокруг. А внизу, в штреке, у него тряслись ноги и мёрзла спина. Всё это были плохие, очень плохие симптомы. А Большой Опал между тем всё не являлся. Зато стали Максу являться кошмары. Ночные, во сне, когда Макса опять и опять заваливало в штреке и замуровывало до прекращения кислорода в лёгких; и наяву, когда в подземных шорохах он начинал слышать то сладкое женское пение, то печальные завывания беса. Требовалось сделать нечто решительное, а именно – отказаться от безумной затеи и прекратить поиски королевского опала. Но это означало потерять Николь – так полагал несчастный Макс, нанизанный сердцем на злой вертел Амурчика.

И вот однажды, закладывая очередной заряд, Макс неожиданно для самого себя сделал невероятную вещь: он стал на колени перед бикфордовым шнуром и стал молиться всем языческим богам, аборигенскому духу земли и богине любви Венере: «Земля, родненькая, драгоценная моя, единственная и неповторимая, любимая и несравненная моя...,- обращаясь к богине-Земле Макс внутренним взором видел перед собой нежно улыбающуюся Николь...,- пошли мне свой лучший опал, подари мне его, пожалуйста, я молю тебя об этом! Он мне так нужен! Он нужен мне для любви! Ты же сама, Земля, создала жизнь и наделила всё живое способностью любить, чтобы оно, это живое размножилось и могло защитить тебя, Земля, когда ты будешь старенькая. Так дай же ты мне этот несчастный опал ради моей любви! Когда-нибудь, когда я умру, я верну тебе всё, и тело своё, и душу свою, и любовь свою! Так подари же мне этот прекрасный опал, Земля! Он мне так нужен! Сейчас! Срочно! Пожалуйста! Аминь!».

Возможно, Макс произносил другие слова, но смысл их был именно этот, бредово-возвышенный, даже если и глуповатый, если не сказать, слушая со стороны – просто идиотский. Ну да Земля и не таких кретинов видела у себя в недрах, так что вряд ли она сильно удивилась, услышав Макса. Только как она могла его расслышать, если и сам он почти не разобрал, о чём бормочет? Отмолившись таким вот глупым образом и несколько пристыженный своей романтической выходкой, Макс попятился на карачках к выходу из штрека, разматывая катушку с бикфордовым шнуром. Снаружи он долго очухивался, озирался, затем перекрестился раз десять и, необычайно волнуясь, поджег конец шнура. В ожидании взрыва он повторял молитву «Отче наш» на немецком языке – единственную, которую помнил с детства. Потом земля вздрогнула и пророкотала, и из норы вырвался и метнулся вверх заряд пыли.

Еще с четверть часа подождал Макс пока она уляжется, после чего, натянув на рот и нос самодельный тряпичный респиратор, полез вниз.

Но в шахте обнаружилась авария: Макс неправильно рассчитал заряд, и взрывом обрушило весь штрек. Чертыхаясь, Макс начал разгребать его. Он полагал, что каменистая «корка» с опалами, выбранная старателями и вроде бы оборвавшаяся, еще может продолжиться через несколько метров. Такое уже бывало. И на сей раз оказалось так же. Причём Макс повезло: он всё чаще находил и складывал в мешок куски породы с замечательно красивыми, хотя и мелковатыми опалами всевозможных рисунков и расцветок. С возрастающим азартом Макс прокопал метра два или три, но скоро ему пришлось остановиться: большой камень, целый валун перекрывал проход. Он был слишком велик, и его не удавалось даже пошевелить. Часа два подкапывал Макс проклятый камень, мешающий ему двигаться дальше, и наконец глыба поддалась. Макс подцепил ее киркой и что было сил потянул на себя. Камень опрокинулся и... Макс решил, что он надорвался: в глазах его мерцали цветные огоньки. Он отчаянно проморгался и потёр глаза, но мерцание не исчезло. Оно исходило от камня! Перед ним лежал опал. Громадный – больше не бывает! – и совершенно восхитительный. Он изображал карту Вселенной, со всеми ее галактиками, туманностями, звездными скоплениями, пульсарами, квазарами и цефеидами. И историю Земли со всеми ее геологическими тайнами он содержал тоже. Это было то самое сокровище, которое Макс Триллер выпрашивал у Земли и которое она, поддавшись непредсказуемому капризу, подарила ему. И тогда Макс, стоящий перед камнем на изодранных в кровь коленях, обхватил голову руками и истерично взвыл-зарыдал. Потом он наклонился и в священном восторге поцеловал камень пересохшими губами. И прошептал: «Спасибо тебе, Земля. Я отслужу...».

Теперь он заторопился: скорей, скорей наверх, на поверхность и назад, домой, в безопасность. Не дай бог, его прихватят с этим сокровищем. Ведь он его не отдаст! Он за него теперь... убить готов, если его будут задерживать.

Но его не прихватили. Была уже глубокая ночь, когда Макс благополучно добрался до своего вагончика. В доме Грэев света не было, и Макс лишь большим усилием воли удалось отвлечься от мысли о том, что там сейчас возможно происходит между мужем и его прекрасной женой... На половине Джима было тоже темно. Скорей всего, Джим всё еще пил пиво в городе (в учение Джима о выживании в пустыне входила и его теория о пользе пива. Вода, которую человек выпивает, не успевает дойти до писюна и выходит потом, утверждал Джим. Если все время пить одну только воду, то нижние трубки тела, ведущие к писюну, усохнут за ненадобностью и отомрут вместе с писюном. И тогда пипец благородному гомо-сапиенсу. Нужно поэтому пить не

воду, а пиво. После пятой кружки оно струится сквозь организм так быстро, что успевает благополучно омыть все элементы мочеиспускания и добраться до последней форсунки. Джим заявлял, что само по себе пиво он терпеть не может, но вынужден его пить в больших количествах во имя спасения своего драгоценного писюна, с которым у него всё ещё связаны были определённые планы на многодетное будущее). Убедившись, что Джим действительно отсутствует, Макс затащил камень к себе в кубрик и бережно, как спящую любовницу, опустил на центр пружинной койки, которая под весом нестандартного груза взвизгнула и прогнулась до пола. Затем Макс заперся на задвижку, опустил жалюзи на окнах и включил свет. Только теперь он смог по-настоящему, во всем его великолепии рассмотреть этот дар Земли, эту фантастическую находку свою, пришелицу из древних огненных недр, сверкающую звёздами карту мироздания, драгоценную переводчицу с неведомых языков космоса на немой язык человеческого восторга.

Перед Максом лежал и излучал космическое сияние черный кристаллический опал, вплавленный в полупрозрачное основание, возникшее миллионы лет тому назад в раскалённых печах остывающей земной коры. Макс был искушен в науке химии и знал, что смотрит всего лишь на минерал, на кусок твердого гидрогеля оксида кремния, структурно организованного определенным образом: тонкие, одинаковые сферы твердого кремния сложены в трехмерную решетку, которая «плавает» в растворе кремния, создавая причудливые наносферы, свитые из тончайших кислородно-кремниевых цепочек. Но до чего же слепа наука, не имеющая человеческих глаз! Да, наука невероятно мощна сегодня и в то же время она совершенно беспомощна в постижении непостижимого. А непостижимым этим является красота – нерациональная ценность, для которой не существует формул, стандартов и расчетных таблиц. Наука не умеет обращаться с чудом. А перед Максом лежало сейчас именно чудо, и он погрузился в первобытное, всепоглощающее созерцание его, подобное тому, с каким пещерный предок его любовался живым даром неведомых богов – горячим огнём костра.

Картина Вселенной, увиденная Максом внутри опала в шахте, при свете тусклого фонаря, теперь, под яркой электрической лампой запылала ещё ярче: в камне оживал и рвался наружу бездонный, сверкающий огнями бессчётных галактик космос. В далёкой чёрной глубине вспыхивали белыми сполохами и умирали золотые звезды, а на их месте рождались новые, ярко-голубые; тут и там в синем мраке бесконечности разгорались оранжевые скопления неведомых солнц, и над изумрудными полями иных миров мерцал Млечный путь; там, в камне, переливалось живым светом и манило к себе всё,

что было в мире раньше и всё то, что еще будет... Долго, очень долго не мог Макс оторвать взгляда от этого волшебного окна в мир... прозаических кислородно-кремниевых наносфер. С трудом вернулся он в режим реального восприятия действительности. А реальность эта была такова: находка Макса представляла собой цельный благородный опал, флораль, кабошон с категорией яркости от 4 до 5 и массой около 500 карат. Воистину сокровище, настоящее сокровище! Остальную многокилограммовую массу слитка составлял валун, железистая основа. Ее требовалось аккуратно и бережно срезать снизу и с боков, чтобы королевский опал мог удобно лежать на плоском основании. После обработки хорошим ювелиром и придания опалу овальной формы ему не будет цены, подумал Макс. «Триста тысяч долларов, не меньше, – прикинул он, – а то и четыреста. А может быть и миллион!». И ни разу, ни единого раза мысль о том, чтобы вернуться в Америку, продать опал и зажить там богатым человеком, не посетила Макса. Он пытался представить себе лишь глаза Николь, когда она увидит это чудо. Да, да, да!!! Он подарит ей опал на день рождения! И тогда она все поймет без слов. А старый Грэй пусть себе думает на здоровье, что Макс Триллер простофиля и дурачок. Потому что Макс скажет Грэю, что подарил его жене Николь этот случайно подобранный им в заброшенной шахте опал из дружбы и уважения к нему, своему шефу. Николь же он шепнёт украдкой что-нибудь совсем другое... Да, так он и сделает!

Однако до дня рождения Николь оставалось ещё время. И за этот срок требовалось выпилить опал из валуна и хранить сокровище в величайшей тайне.

С обретением драгоценного опала безумие любви не только не вошло в берега, но лишь усилилось в очарованной душе Макса Триллера. Его мечты обрели новую цель. Теперь уже недостаточно ему было просто предъявить Николь вещественное доказательство своей великой любви к ней, но с помощью волшебного опала задумал он пойти ещё дальше: влюбить Николь в себя! А что? Вполне реально. Почему бы и нет? Редкая женщина устоит против предложенного ей богатства, а если к нему прилагается ещё и молодость, и пылкость, и любовь до потери пульса, то против такого счастья не устоит ни одна земная красавица... И Макс принялся строить дальнейшие планы. У него достаточно скопилось опалов, думал он, чтобы открыть магазинчик где-нибудь в Элис-Спрингс, например, где полно туристов, и зажить там в достатке, балуя жену бытовыми излишествами и растя умных и красивых детишек. Их будет пять. Пять прелестных дочек разных возрастов, обязательно похожих на Николь как две капли воды. И тогда, в какую бы сторону он не повернулся и до

каких бы седин не состарился – он повсюду и всегда будет видеть её – Николь, Николь, Николь, и потом снова Николь, но уже во внучках и правнучках... Макс спятил до такой степени, что начал сочинять стихи. Хорошо ещё, что стихомания его продолжалась недолго, так что он не успел набить руку и начать публиковаться. А отвадил его от этого позорного занятия не кто иной как Джим Спайкс. Как-то однажды Макс сидел в тени палатки, в центре знойной пустыни и корябал в блокноте. Джим с его суперлёгким весом возник из марева бесшумно, подобно призраку, и столь быстро, что Макс не сумел вовремя захлопнуть блокнот. Застигнутый врасплох, он вздогнул, и блокнот упал в песок. По закону подлости бутерброд всегда падает маслом вниз, а блокнот, наоборот – компроматом вверх. Джим, из чистого любопытства бросивший взгляд на страничку блокнота, увидел не математические расчеты Великого мастера, связанные с предстоящей серией взрывов, чему бы он ничуть не удивился, но нечто совсем другое, поразившее его до краткосрочной немоты: на покрасневшем от песчаной пыли листочке бумаги неуверенным почерком накорябаны были две строки отнюдь не инженерных слов. Острые глаза вертолётчика мгновенно загрузили их в скандальный, бунтарский, вечно перевозбуждённый мозг вертолётчика:

«Ночь с небес спустилась наземь,
Выплыл месяц, ветер стих...»

– Это что такое? – спросил Джим, – неужто стихи? Ты что же – сочиняешь стихи, Макс Триллер? Сам сочиняешь, лично? Или это из Лонгфелло что-нибудь, чего я не помню? Ну-ка, ну-ка: «Ночь с небес спустилась наземь...»: нет, не помню таких строк в мировой литературе... Разве что у лорда Байрона есть что-то похожее... или у Бёрнса... Нет, не помню. Отвечай мне, Макс Триллер: что это за стихотворное произведение, которого я не знаю? Я требую ответа! Немедленно!

Но Макс сконфуженно молчал, и тогда Джим театрально схватился за голову и завопил:

– О Джимми Спайкс! Хорошо, что папа твой утонул на китовой охоте и не может видеть отчаяния своего сына! Пережить такое! Мастер-подрывник сочиняет стихи! Макс Триллер, подлец ты этакий! Мало того, что ты взорвал полавстралийской пустыни – ты теперь еще и всю мировую поэзию хочешь взорвать своими пошлыми виршами? Что это такое? Что это такое, я тебя спрашиваю? Что это за безобразия? Что это за глупые слова такие: «Двиг-пих, ветер стих»?.. Позор! Позор, я тебе говорю! Причем позор, совершаемый в рабочее время!..

– У Николь Грэй скоро день рождения, – дрожащим голосом вынужден был сознаться Макс, – вот я и решил ей открытку подписать с оригинальным содержанием.

– Что? У Николь? Открытку? День рождения? Это интересно! Ты в неё втрескался, что ли? Это неудивительно – я тоже в неё влюбился, когда увидел в первый раз. Но это бесполезно, забудь на месте, – моментально изменил настроение импульсивный вертолетчик, – Гм! Оригинальную открытку? Это и впрямь оригинально! Тогда мне все понятно. Тогда ты молодец, оказывается. И зря я на тебя накричал. Прости. Ну а дальше как? «Выплыл месяц, ветер стих». А дальше как?

– Дальше я еще не придумал. Сижу вот, мучаюсь.

– Ага, понял. Тебе повезло, что я подошёл как раз вовремя. Я тебе помогу. Я много стихов сочинил на своем веку. В основном в сортире, на толчке: там отлично рифмы складываются... Так, значит, вот что я тебе предлагаю: вместо «ветер стих» ты напиши: «ветер спал». Это хорошо рифмуется со словом «опал». И тогда получится вот как:

«Ночь с небес спустилась наземь,
Выплыл месяц, ветер спал», – э-э-э, сейчас, сейчас... ага:

«Всю пустыню я облазил,
Чтоб найти тебе опал!» , – ну как: шикарно получилось?

У Макса вытянулось лицо и похолодели внутренности: этот треклятый Джим, он что же – мысли умеет читать на расстоянии? Или нашел драгоценный опал в рюкзаке под койкой? Неужели он вскрыл дверной замок?..

Но Джим за между тем уже успел забраковать свой первый вариант:

– Нет, сказал он, – при таких словах к открытке придётся какой-нибудь опал прикладывать. Не пойдёт... Во, придумал! Давай-ка мы с тобой «ветер стих» все же оставим. Тогда еще шикарней получается:

«Ночь с небес спустилась наземь,
Выплыл месяц, ветер стих,

А я сижу на унитазе
И выдавливаю стих!»

– Вот теперь высокий класс! Настоящий Лонгфелло! Или даже Лафонтен! Достоинно великого Шекспира! Николь будет в полном восторге! Оригинальней не придумаешь, можно даже не пытаться: Джима Спайкса в стихотворчестве переплюнуть невозможно! Но только чур, я теперь соавтор. Подпишешь открытку так: «От любящих Макса и Джима». Нет, лучше – «От любящего Джима и его друга Макса»: все-таки я старше тебя, и в пустыне живу дольше, и стихи сочиняю лучше. Так будет справедливо, ты не находишь?

– Пошел ты к черту, пивной идиот!

– Что? Я? Идиот? И это вместо спасибо? Дуэль! Я требую сатисфакции! Завтра на рассвете! Каждый выбирает себе оружие сам! Я выбираю вертолет! А ты можешь биться со мной толовыми шашками! Мы устроим бой под окнами спальни миссис Николь Грэй! Пусть она увидит, как я тебя вдавливаю в красный песок аутбэка, негодяй ты американский!..

– И как ты взлетаешь при этом на воздух, негодяй ты австралийский!

– Да, я взлечу! С огромным удовольствием даже! Мне не впервой. Но сначала в пыль пустыни будешь вдавлен ты!

– Пошел к чертовой матери, я сказал!

– А я и так уже главный черт в ее гареме! И ты, между прочим, находишься рядом со мной, в тех же самых жарких объятиях этой вечной чёртовой бабушки. Вот так-то вот, Макс Триллер, внучек ты чёртов!..

Браниться или зубоскалить со Спайксом – только время терять: последнее слово все равно останется за ним. Он и с того света успеет что-нибудь прокричать обидное, когда пробьет его последний часик. Поэтому Макс прекратил пикировку с буйным вертолётчиком и ушел в палатку, сильно огорченный. Однако, благодаря Джиму стихи он с тех пор сочинять перестал, и это, возможно, уберегло его от самой тяжёлой из всех форм любовного умопомрачения – стихотворной.

Однако, пора вернуться к чудесному опалу. В Роксби Даунс уже появились первые магазины. В одном из них Макс заказал себе ручной станок со сменными алмазными полотнами, незаметно протащил его в свой вагончик и с величайшей осмотрительностью, каждый раз убеждаясь, что поблизости нет ни Джима, ни вездесущего китайца Ли, готовил свой подарок для Николь. Периодически, пропилив несколько сантиметров, он вглядывался в магический камень, в его искрящуюся звёздами Вселенную: не изменилось ли в ней что-нибудь к худшему? Но нет – она оставалась в порядке, слава Богу. И наконец все было готово. Плоская, слегка выпуклая квадратная плитка размером сантиметров десять на десять при толщине около пяти, пряталась в рюкзаке у Макса в ожидании подходящего сундучка. Его, под размер камня, Макс заказал у ювелира Дрabbса, который с воистино паучьим расчетом, загодя, задолго до пуска в эксплуатацию уранового рудника раскинул в Роксби Даунс свои сети, готовясь к большому наплыву туристов. Передавая Максу через пару недель шкатулку из розового лайсвуда, ювелир намекнул Максу, что вскорости будет готов продавать ценным клиентам отполированные сувенирные кубики урановой руды. «О цене договоримся», – тоном рискующего жизнью заговорщика проскрипел он, глядя в сторону.

– Заказываю себе плитку под размер большой кастрюли с регулируемой цепной реакцией. Буду на ней макароны варить, – радостно откликнулся Макс и шагнул за порог, бережно обнимая тщательно запакованную шкатулку и оставив ювелира в состоянии большой озадаченности, с приоткрытым ртом и высоким напряжением мыслей в глазах, медленно вызревающих без малейшего намёка на какую бы то ни было цепную реакцию. В конце концов Драббс рассмеялся – шутка дошла.

Хотя Драббс был полный дурак, но шкатулка его оказалась бесподобна: обитая изнутри мягким, упругим и тоже розовым бархатом, она оказалась достойнымместилищем для драгоценного опала. Уложив в неё свой волшебный опал, Макс, намёка ради, обернул шкатулку ещё и подарочной бумагой с золотыми сердечками по белому фону (которую он тоже предусмотрительно приобрёл у ювелира Драббса), после чего для пущей интриги перевязал пакет бикфордовым шнуром: мол, держись, милая Николь – сейчас рванёт!

Дело было сделано. Драгоценный подарок самой прекрасной женщине Земли был готов. И аборигенская Земля, подарившая Максиму чёрный опал с целью охмурения Николь стала, таким образом, прямой соучастницей всей этой безумной авантюры.

И вот великий день приблизился вплотную. Была пятница. Юбилей Николь приходился на субботу, назавтра. Макс решил, что пойдёт с утра рыхлить бугенвиллеи в скрэбе, чтобы держать под постоянным визуальным контролем машину Грэя. Как только тот отъедет куда-нибудь, Макс тут же заскочит к Николь и вручит ей подарок вместе с волнительными объяснениями, пламенные слова которых Макс постоянно репетировал, редактировал и заучивал заново.

Но вышло всё иначе: в пятницу Том Грэй принимал участие в очередном подрыве. Это был сотый на счету Макса, юбилейный подрыв, проведенный им в Австралии за три года. Три года! Он уже три года прожил здесь, оказывается. Он уже три года любил Николь! Любил, не зная взаимности... Книга Гиннеса, знаешь ли ты подобные рекорды? Вильям Шекспир, знакомы ли тебе такие трагедии? Или такого рода феномены возможны лишь в историях болезни психиатрических пациентов? Ну да это теперь уже неважно. Существенно другое: время это пролетело не зря. Ибо теперь у Макса имелся волшебный опал для завоевания Николь, и было у него достаточно прочих мелких опалов, чтобы открыть магазин, жениться на Николь и начать свое собственное дело. С такими мыслями в раскалённой голове готовил Макс свой юбилейный, сотый подрыв.

Подрыв прошел успешно, Грэй поздравил Макса, пообещал ему премию и оплаченный отпуск на Мальдивы, ещё раз пожал руку на прощание и пошагал к вертолёту, где Джим его уже ждал за рычагами, пощёлкивая тумблерами и ухмыляясь. Но вдруг Грэй вернулся и произнёс:

– Ах да, чуть не забыл: мы завтра отмечаем день рождения Николь. Вы приглашены, Макс. Это воля Николь. Я предложил ей полететь в Сидней, в оперный театр, но она сказала, что хочет провести вечер в кругу друзей. Вы же наш друг, Макс, не так ли?

– Так точно, сэр! Конечно, Том, я ваш друг.

– Стало быть, мы Вас ждём.

– Спасибо, очень признателен. Приду обязательно, – Макс не решился спросить у босса кто будет ещё на празднике.

И вот Грэй с Джимом улетели в Роксби, а Макс остался возиться с железобетонными экранами, проверяя их пригодность для следующих взрывов. Он костерил бульдозериста за слишком короткие тросы, которые тот привез взамен оборвавшихся, давал рабочему ценные указания, но мысли его заняты были при этом совсем другим. Что ж, он вручит Николь опал в присутствии Грэя. Так даже ещё и лучше получится – без партизанщины, честно, во весь рост и с открытым забралом: вот, мол, дарю и имею полное право дарить своим друзьям что хочу... И тут Макса поразила мысль: цветы! Нужны цветы! Как можно явиться к прекрасной женщине без цветов? Это невозможно! Отец всегда дарил матери цветы на день рождения. Но то был Детройт, где цветами торговали на каждом перекрестке. А тут, в пустыне, в этом крохотном Роксби Даунс разве что несколько плетей бугенвиллей можно срезать. Но это не подходит. От бугенвиллей Николь, того гляди, разозлится. «Ишь ты, плут какой, – подумает, – моими же цветами меня удивить решил!». И тут Макса осенило: Харвильд! У неё могут быть цветы. Она завозит их иногда, в основном по заказу, из Аделаиды, Мельбурна или Сиднея на самолётиках компании WMC, летающих вдоль и поперёк континента по делам уранового рудника.

Эти цветы Хавильд сваливала в ванну с холодной водой и постоянно подкладывала туда лед. Поэтому цветы её стоили безумно дорого, и покупали их очень редко случайные, романтично настроенные туристы с толстыми кошельками, либо хипующие рюкзачные бродяги бэг-пэккерсы, сумасшедшие от рождения. Похорон в Роксби тоже пока еще не происходило, так что миссис Харвильд давно бы разорилась уже с этими своими цветами, если бы не приторговывала ружьями, капканами, патронами, лопатами, канатами, пилами и прочим ходовым товаром пустыни. Иногда кое-что по мелочи приобретал у нее и Макс. В частности, это именно у нее купил он ручной станок для резки

камня. И теперь, в этой отчаянной ситуации спасти его могла лишь старая миссис Харвильд.

Бросив свои бетонные экраны и пригрозив бульдозеристу накостылять ему самым тяжелым ломом по самой середине горба, если завтра утром все экраны не будут извлечены из земли, Макс прыгнул в «Лэндровер» и помчался в Роксби. Он подкатил к магазинчику миссис Харвильд уже в сумерках. Лавка, конечно же, была уже заперта. Но свет горел наверху, в жилом помещении, и Макс принялся колотить в дверь. Он колотил долго и стучал бы до самого утра, если нужно, но тут распахнулось окно над его головой и раздраженный голос миссис Харвильд приветствовал его:

– Какой подлец мешает мне принимать ванну? А, это Вы, мистер Триллер, – (миссис Харвильд знала в лицо каждого в Роксби и половину всех прочих жителей Австралии), – Вы что же, не знаете разве, что я в этот час принимаю ванну? Ах, эта молодежь: она никогда ничего не знает! Что вы хотите? Авиабомбу? Подводную лодку? Они кончились сегодня утром. И вообще: магазин закрыт, а я принимаю ванну. Приходите завтра с утра, и у нас с Вами все сладится. Хотя могло бы сладиться и сегодня, если бы Вы ко мне поднялись в мою одинокую квартирку. Но Вы ведь ужасно торопитесь, как я погляжу...

– Миссис Харвильд, мне нужны цветы.

– Что? Мне вода попала в ухо. Я плохо расслышала. Что вам нужно? Фломастеры?

– Цветы. Flowers. Белые хризантемы. Шестнадцать штук.

Некоторое время наверху все было тихо. Макс уже подумал было, что хозяйка ушла обратно мыться, но она заговорила:

– Пытаюсь сообразить. Вы уверены, что вам нужно именно шестнадцать штук? Шестнадцатилетних невест в Роксби нет, насколько мне известно. Разве что у Роджера Кукса ручному кенгуру скоро стукнет пятнадцать или шестнадцать, но ведь цветы ваши не для кенгуру предназначены, не так ли, мистер Триллер? Это раз. А во-вторых, давайте-ка сделаем лучше восемнадцать. На всякий случай. Потому что преподнесение цветов юной особе, не достигшей восемнадцати лет, может при неблагоприятных обстоятельствах закончиться тяжелой статьёй о растлении малолетних. Вы такую опасность учли, господин Макс? И в третьих, наконец, у меня вообще нет цветов вот уже целую неделю. Ни одного цветочка. Очень сожалею. Но если Вы мне скажете для кого они, то я Вам, так и быть, добуду Ваши хризантемы. Но не сегодня. Завтра к вечеру.

– Я Вам скажу, если получу их завтра в пять часов вечера. А если в семь – то уже не скажу!

- А в полшестого?
- Посмотрим.
- Тогда не забудьте кучу денег!
- Всегда с собой.

Окно захлопнулось. Что ж, есть надежда, что цветы будут. Миссис Харвилд, конечно, старуха зубоскальная и даже кусачая, но слово свое держать умеет – это знали все. А для кого цветы, Макс ей, разумеется, не скажет. Хотя она может пронюхать это потом и окольными путями. Ну да наплевать, что будет потом. Главное, чтобы цветы прибыли вовремя.

С утра в субботу Макс первым делом принял душ, после чего отправился в парикмахерскую «Фигаро» и записался на три часа дня к лучшему мастеру Роксби Даунса (и единственному) Тони Монтанелли – беглому сицилийцу. До трех у Тони было все расписано. Тони процветал. В свое время в столице Палермо, увлекшись радиокomentarием с футбольного матча и взмахнув в отчаянии рукой, когда англичане забили итальянцам гол, Тони опасной бритвой наполовину рассек ухо очень важному мафиози, контролирующему рынок лобстеров в масштабе всей Европы. Пока визжащий свиньей и брызжащий кровью босс шарил по карманам в поисках своей «беретты», Тони во весь опор уже мчался в сторону порта.

– Всё бросил, всё!, – кричал он трагическим голосом великого Карузо, и песнь его горя в очередной раз неслась по улицам Роксби Даунс. При этом страстный Тони всё так же опасно взмахивал острыми ножницами над очередным клиентом: – «Всё, всё я потерял! Зеркала, оборудование, простыни, красавицу-уборщицу – всё! Потому что собственная жизнь человеку дороже имущества, не так ли, уважаемый сеньор? Теперь мафия гоняется за мной по всем столицам мира – они уверены, что я могу скрываться только там! Только там может отыскаться такой мастер как Тони Монтанелли – в Париже, Стокгольме или Вене. Но я их всех перехитрил. Я спрятался здесь, в Роксби Даунс, и тут они меня не найдут никогда! Так что городу Роксби чрезвычайно повезло со мной!

Свою драматическую историю Тони рассказывал каждому, кто садился в его кресло. Макс слышал ее по меньшей мере пятьдесят раз за время своего пребывания на службе у Грэя.

Великий Монтанелли принял Макса лишь без четверти четыре, и туго затянув ему простыню на шее, начал: «Не помню, рассказывал ли я Вам, мистер Триллер историю о том, как я попал в Австралию. Вот, послушайте...». Макс на полчаса отключился, репетируя поздравительную речь для Николь, а когда маэстро скомандовал: «Готово! Можете теперь отправляться хоть на

свидание к святой Марии!»), из зеркала на Макса Триллера смотрел очень презентабельный джентьмен со знакомыми чертами лица, твердыми скулами, мужественной складкой меж бровей, похожей на боевой шрам, и красивым пепельным ёжиком волос, говорящим о силе характера. Макс остался доволен своим зеркальным отображением.

- Хорошо, что мафия не успела Вас пристрелить, Тони!, – похвалил он мастера.

- Но они меня здесь не найдут, мистер Триллер!, – напомнил ему парикмахер.

- Ни за что на свете! – подтвердил Макс, желая сделать приятное маэстро Монтанелли. У Макса было отличное настроение, при всём волнении от мыслей о предстоящем вечере.

Ровно в пять вечера Макс вошел в магазинчик миссис Харвильд. Цветы уже лежали в ледяной воде.

– Вы настоящая волшебница, мадам! – воскликнул Макс.

– Я это знаю. Кто она?

– Миссис Харвильд, эти цветы – для меня лично. Ровно шестнадцать лет назад я в этот день потерял невинность.

– Вот негодяй! Сколько же Вам было лет тогда? Десять? Вы лжец, Макс! Ладно, гоните денежки. Пятьдесят долларов за штуку.

– Ничего себе!

– А что Вы себе думали, молодой человек? Невинность стоит дорого, господин Триллер. Моя так вообще обернулась катастрофой... До сих пор расхлёбываю...

Макс уходил от миссис Харвильд с улыбкой до ушей. Восемнадцать ослепительно белых хризантем прятались в объемистом кулке из бумаги и фольги, который едва умещался на заднем сидении «Лэндровера».

«А секрет цифры «18» не разгадает никто!», – ликовал Макс по дороге домой. Только Николь он шепнет при удобном случае, что их восемнадцать потому, что именно на столько лет она смотрится. Лесть, конечно, совершенно бессовестная, но очень, очень искренняя...

Макс постучал в заветную дверь в такт толчкам сердца, то есть очень сильно и часто.

– Входите, открыто!, – услышал он серебряный колокольчик ЕЁ голоса. Осторожно обнимая большой кулек с цветами одной рукой и придерживая другой рукой рюкзачок на плече с увесистым подарком внутри, Макс вошёл.

Навстречу ему пахнул аромат запеченного мяса, специй и... роз. Макс осторожно опустил рюкзачок на пол в передней и шагнул в столовую, откуда лились голоса и запахи. Но там было пусто. Шум доносился из кухни, где голос Ли верещал: «не нада хватаса, обсигаса мосна!»...

– Один момент, Макс, я сейчас выйду... а то они меня ужалят..., – это был уже голос Грэя из кабинета. – «Что он там – с кобрами репетирует своё поздравление, что ли?», – подумал Макс.

– Макс, я сейчас, – это была уже Николь, – а то Ли тут все перепутал...

– Нициво путал! Савцэм нициво путал! – запротестовал голос Ли. Что-то там звякнуло, грянуло, стихло, и из кухни вышла веселая Николь.

Прекрасная лицом и телом всегда, сегодня она была совершенно и неопишимо восхитительна: от золотого нимба волос до кончиков золотистых туфельек.

– Здравствуйте, Макс. Я рада, что Вы пришли. Что это у Вас в руках такое огромное? Это мне?

– Конечно Вам, кому же ещё. Вот. Поздравляю. Happy birthday!

– Спасибо, Макс, милый. Что это?

– Цветы. Хризантемы. Белые. Восемнадцать штук. С намеком на Вашу ослепительную, ослепляющую красоту, Николь, и на Ваши восемнадцать лет, которые, после восемнадцати... уже не меркнут и не померкнут никогда!.. – Макс забыл слова, понял, что запутался и пробормотал, почти уже неслышно: – «...для меня, во всяком случае...».

Он совершенно смутился не только от собственных слов, сколько от того, как смотрит на него Николь. Глаза ее сияли, но она, кажется, и сама была смущена немного. Ляпнул ли он бестактность?

– А Вы отменный льстец, оказывается, – засмеялась, наконец, Николь.

Порозовев лицом, она приняла кулек, бережно положила его на край стола и принялась осторожно разворачивать.

– Боже мой, какой чудо! – воскликнула она, когда роскошные белые полушары, издающие новогодний запах ёлки, показали на свет божий. И в этот момент в столовую вошел доктор Грэй с огромным букетом алых роз, уже установленных в большую хрустальную вазу.

– Посмотри, Том, что мне Макс подарил! Нет, ты только посмотри на это!: это же... это же сам Господь сотворил, собственными руками! Это же божественно!

– Да. И это – тоже!, – протянул своей молодой жене вазу с розами Том Грэй. – Happy birthday, Николь!

При этом заметно было невооружённым глазом, что Грэй уязвлен ревностью.

– Ну что ты, родненький! Розы – королевы цветов! С ними не сравнится ничто. Но только твой подарок я уже видела. А хризантемы Макса – это полная неожиданность. И где он их только добыл? Кроме того я знала, что ты мне подаришь розы. Ты на каждый день рождения даришь мне розы по числу моих лет. Сколько роз на этот раз в вазе? Явно, что больше восемнадцати. А вот Макс принес мне восемнадцать штук, Том. Он думал, что мне восемнадцать лет, не так ли Макс?

– Абсолютно верно.

– Неужели Вы действительно так думали, Макс? Это характеризует Вас с совершенно неожиданной стороны, однако. Напомните, когда у Вас будет день рождения. Следуя этой логике, я Вам тоже подарю штук пять, гм... ну, например, кактусов. Или нет: шесть – ведь через год Вы будете уже на год старше... – яд брызгал из Грэя как из кобры.

- Том, прекрати, не ревнуй же ты как ребенок. А впрочем, ревнуй больше! Мне это даже нравится! Вот смотри: я целую Макса за его хризантемы! – и Николь подскочила к Максиму и чмокнула его в щеку, – ну что, съели, мистер Грэй? Это Вам наказание за Ваши тридцать две розы, – Николь подмигнула Максиму (на самом деле ей исполнилось тридцать семь), – в следующий раз подаришь мне девятнадцать, слышишь? Макс задал новую систему отсчета для моих лет.

– Слушаюсь, мадам. Моему же карману легче будет.

– Циник!

– Вертихвостка!

Макс наблюдал эту сцену со смешанным чувством радости и тоски одновременно: Николь хорошо относится к своему пожилому Грэю, это было ясно, а он ее обожает абсолютно и никому не отдаст, и это было видно еще чётче.

И тут без стука отворилась входная дверь и на пороге возник Джим Спайкс. Он торжественно прошествовал к Николь и манерно поцеловал ей руку, потом привстал на цыпочки и, не спрашивая позволения, стремительно чмокнул ее в подбородок. После чего повернулся к Грэю и помпезно заявил: «А теперь можете меня хоть расстрелять за это, шеф!». Затем снова сделал полоборота в сторону Николь, отставил ножку в сторону, прижал руку к сердцу и ужасно фальшивя, заголосил песню Франка и Нэнси Синатра „Something stupid“, содержащую слова „...I love you...“. В исполнении вертолетчика эта песня звучала, однако, не нежным бормотанием, но визгом свиньи перед заклинанием.

– С днем рождения, Николь! – завершил Джим свое любовное обращение, – поздравляю от имени всего нашего славного авиаполка в лице его единственного представителя – меня самого, Джеймса Спайкса!

Николь смеялась. А Джим посмотрел на Макса, вопросительно вздернул свои белобрысые бровки и сварливо спросил:

– Открытку уже вручил небось? Не мог друга дожидаться, негодяй?

– Какую открытку? – заинтересовалась Николь.

Максу бросилась кровь в лицо: ах, этот подлец Джим! Но он ничего не успел объяснить. За него это сделал паразит Спайкс, который расписал всю историю со стихотворением в лицах и продекламировал обе версии их совместного – это он подчеркнул особо – творения. Как и предсказывал вертолетчик, Николь хохотала от души, и Том Грэй вторил ей вполне искренне, как показалось Макс. Сам же герой момента Джим Спайкс напыщенным петушком разгуливал по комнате, время от времени приостанавливаясь и принимая наполеоновские позы. Он наслаждался своим триумфом. С каким удовольствием засунул бы ему сейчас Макс толовую шашку с горящим шнуром в его белые парадные джинсы! Но о такой мести нельзя было даже и помыслить: ведь рядом с подонком Спайксом стояла она, прекрасная Николь...

Именинница пригласила гостей к столу. Расселись, застучали фарфором, зазвенели стеклом бокалов и столовым серебром. Салаты, холодные закуски, экзотические микросэндвичи на палочках: Ли постарался на славу. Сам китаец время от времени забегал в столовую, чтобы что-то унести, что-то принести и держать при этом руку на пульсе на предмет момента, когда пора будет подавать горячее. Макс исправно накладывал себе в тарелку, поднимал бокал, улыбался и кивал. Вот только вспомнить впоследствии что они ели и пили, Макс никак не мог. Потому, возможно, что всеми органами чувств воспринимал в те минуты одну лишь Николь и озабочен был одной лишь мыслью: как вручить ей подарок, чтобы проклятого Джима не было при этом рядом? Коварный амур, так жестоко повредивший его ум и сердце три года тому назад, на сей раз пришел ему на выручку. А именно: он занялся Джимом. У того внутри отчаянно завывало, Джим налился пунцовой краской натуги, как штангист перед рекордом, затем торопливо извинился, ринулся к дверям и исчез. Макс искренне позлорадствовал: он хорошо знал проблему Джима. Когда тот ел непривычную еду, то его пивные «внутренние трубы» начинали петь фуги Баха, и Джиму нужно было срочно мчаться на большой, сольный клозетный концерт, который он исполнял сразу на всех регистрах и в режиме «фортиссимо». Макс приходилось это слышать не раз и рукоплескать до оваций. Вот и теперь, чтобы не пугать хлебосольных Грэев, непривычных к подобной музыке, он убежал к себе в вагончик. Деликатесы китаец Ли были тому причиной. Милый Ли... Макс понял: час его пробил. Он прошел в прихожую, достал завёрнутый в наволочку бесценный пакет из рюкзака, который всё ещё бедным

родственником жался к старому венику в углу, распеленал подарок, сунул дырявую наволочку назад в мешок и вернулся в комнату. Вид у Макса был, надо полагать, не слишком стандартный, потому что и Николь, и Грэй смотрели на него с любопытством. Удивление на лице Николь, впрочем, тут же сменилось интересом: она смотрела на руки Макса, на белый пакет, усыпанный золотыми сердечками. Она уже догадалась, что сейчас произойдет что-то приятное для неё. И предчувствие её не обмануло: Макс двинулся ей навстречу, открыл рот для поздравительных слов, но в горле что-то лишь противно квакнуло: голос изменил ему.

– Смелей, Макс! – подбодрил его Грэй. Голос начальника вернул Максиму дар речи.

– Дорогая... миссис... Николь.. – пролепетал он, – в ознаменование нашего с Вами знакомства, то есть, я хотел сказать, по поводу вашего замечательного дня рождения... позвольте мне преподнести от всего сердца, которое... вот, случайно обнаружилось в заброшенной шахте... небольшой сувенир... на долгую память обо мне, – пот струился по лицу Макса, щипал глаза и губы.

– Что это? – услышал Макс неприятный голос Грэя со стороны.

– Это сюрприз! – резко ответил Макс, продолжая безотрывно смотреть на Николь.

– Сюрприз? Ещё один? – проворковала Николь. Глаза ее сияли подобно двум голубым бриллиантам. От этого свечения Макс замер на секунду, но потом очнулся и прохрипел:

– А вот Вы разверните и увидите! – Эти слова прозвучали почти грубо. Но Николь даже не заметила, кажется, странного тона Макса. Она была сосредоточена на подарке. Макс вложил ей пакет в руки.

– Ого! – вскрикнула она, – тяжелый какой! – Она положила пакет на стол и дотронулась до неэстетичного шнура:

– Какая забавная верёвочка!

– Это бикфордов шнур, дорогая, – пояснил подошедший поближе Грэй, – им подрывают динамит. А внутри, по логике вещей, запакована бомба. Я угадал, Макс?

– Типа того. Но в другом смысле.

– Вот теперь уже и я заинтригован до предела. Что может подарить моей жене опытный подрывник такого, что взрывается лишь в переносном смысле слова? Развязывай скорей, Николь! Или нет: пусть Триллер сам распакует. На всякий случай.

Узел на шнуре затянулся так, что распутать его и впрямь пришлось самому Макс. После чего он сделал шаг в сторону. Николь бережно сняла с пакета праздничную обертку. Возникла полированная розовая шкатулка.

– Ой, какая прелесть! – воскликнула Николь.

– Откройте её, пожалуйста, – попросил Макс. Сердце его стучало в горле и еще где-то там, понизу. Николь нажала на кнопку и откинула крышку. Повисла тишина...

Грэй пришёл в себя первым.

– Макс, – сказал он изменившимся голосом, – Вы в своём уме? Вы хоть соображаете, что это такое? Где Вы его взяли? Это же... это же настоящее сокровище... Это уникал! Такого второго нет на земле! Откуда он у Вас, Макс?

Но Макс молчал. Он смотрел на Николь. А Николь смотрела на опал. Она была бледна.

– Это «арлекин»? – спросила она.

– Нет, Николь. Таких «арлекинов» не бывает. Это ещё ценней. Это чёрный опал, кристаллический многоцветный опал на темной основе. Я дал ему имя «Николь».

И снова повисла тишина. И опять Грэй повторил свой вопрос:

– Где Вы его взяли?

Макс понял, что пришла пора объясняться. Он принялся рассказывать Грэю в подробностях, как он лазил по заброшенным шахтам в поисках опалов и как ему попался этот камень. Но шеф продолжал иметь озабоченный вид:

– Зачем Вы это делали?

– Когда-нибудь открою магазин драгоценных камней. Начну с опалов.

– Но ведь Вы без лицензии искали?

– Да, виноват: рисковал немного. Но больше не буду. Куплю лицензию.

– Хотите уйти от нас?

– Что Вы, Том! Конечно, нет! Я в свободное от работы время это делаю. В порядке хобби, так сказать. А взрывчатку я оплачу. Я и попользовался-то ею совсем чуток, подрывы ведь мелкие делал, чтобы шахта не схлопнулась. Виноват, конечно. Но я надеюсь, что Вы меня простите за это.

Грэй оставался хмурым.

– Взрывчатка – ерунда, – сказал он, – не ерунда другое: почему Вы решили эту ценность подарить моей жене? Вы ведь должны понимать, что у каждого подарка есть разумные пределы. Такие дары не всякой царице преподносят. У Вас что – не все дома? Что-то не замечал я за Вами пока... до этих цветов, во всяком случае... В общем, так: Николь не может принять от Вас такого подарка.

– Я не могу его принять, – тихо повторила Николь. И тогда Макс в отчаянии вскричал:

– Нет, можете! Нет, обязаны! Это подарок! Если Вы его не примете, я разобью его молотком! Я клянусь! Я разобью его, и он уже никому больше не достанется! Я для Вас его нашел, Николь, для Вас пилил и для Вас упаковывал!... – Макс тяжело дышал, он понял вдруг, что сделал большую ошибку этим своим криком: он выдал себя раньше времени, причём в уродливой, истеричной форме, и что ещё хуже – он выдал свои чувства перед Грэем! И, пытаясь хоть как-то исправить положение, он торопливо заговорил:

– Из уважения к мистеру Грэю, из величайшего почтения перед ним я хотел сделать совершенно особенный, незабываемый подарок его жене, а Вы мне говорите: «Не приму»! Да, он дорогой, наверное, этот камень, ну и что с того? Я что – только простой булыжник с дороги имею право подарить жене моего начальника? Пожалуйста: не обижайте меня, не оскорбляйте меня своим отказом. Клянусь Вам: я не возьму этот камень назад. Делайте с ним что хотите! Я...

И тут Грей, прерывая его, положил ему руку на плечо:

– Успокойтесь, Макс. Ладно уж... Видимо, Вы и впрямь безумны, но это вне моей компетенции, я не психиатр. Что ж, если Вы к этому так болезненно относитесь, если Вы действительно так любите... жену своего начальника, что готовы отказаться ради нее от собственного богатства на всю оставшуюся жизнь, то я... я просто завидую ей. Это – царский подарок, хоть и совершенно сумасшедший. Я организую Вам психологическое освидетельствование, и если доктора подтвердят, что Вы в порядке, то опал останется у Николь. Договорились? Не хмурьтесь – я шучу. Николь, скажем Максу Триллеру спасибо и... поцелуй его, что ли, пока он не заплакал...

Но Николь его не поцеловала. Она просто посмотрела на Макса долгим взглядом, и он видел, что она все поняла. В ликующей душе Макса авантюрный Амурчик протрубил в фанфары, но в сердце прокрался холодок. Он шагнул за черту, далеко за черту – Макс это понимал. И что теперь будет – неизвестно. Неизвестность эта и пьянила радостью, но и пугала одновременно. В этот миг хлопнула входная дверь, сразу вслед за этим в прихожей загрохотало и зачертыхался Джим: он зацепился ногой за ремни рюкзака на полу и чуть не упал вместе с гардеробной вешалкой, за которую ухватился.

– Какой ещё свихнутый чётров идиот догадался его тут бросить! – вопил в прихожей Джим, обращаясь, надо полагать, к вешалке. Том Грэй между тем быстрым взмахом сгреб со стола шкатулку вместе с обёрткой и бикфордовым шнуrom и стремительными шагами удалился с подарком Макса в соседнюю

комнату, служившую ему кабинетом. Когда Джим ворвался в гостиную, всё здесь опять уже имело свой прежний, застольный вид.

– А вот и я! – бодро объявил вертолетчик, – электроплитку забыл выключить, оказывается. Хорошо ещё, что вовремя вспомнил...

Но присутствующие не обратили на слова Джима никакого внимания. Все были заняты переживаниями совсем другого рода. Чтобы не вступать с Джимом в глупый диалог, Николь включила кнопку магнитофона и предложила, глядя на Макса:

- Потанцуем?

- О! Хампердинг! – одобрительно воскликнул Джим, – хорошо поет старикан, я под него чуть не женился однажды, – и он кинулся к Николь. Но она сделала шаг вперед, мимо Джима, и оказалась стоящей прямо перед Максом. В следующую секунду она положила Максу руку на плечо. Джим крикнул и отправился к столу, наполнять «чем бог послал» свои опустевшие «внутренние трубы».

А Макс танцевал. Или нет: он просто обнимал Николь, медленно покачиваясь в такт музыке. Он обнимал ее трепетно, осторожно, как драгоценный дым, который может улететь от неосторожного дыхания. Он держал ее двумя руками за талию, ее руки лежали на его плечах. Ему показалось, что она придвинулась к нему. Он чувствовал жар её тела. У него закружилась голова: наверное, он действительно прекратил дышать. И он услышал её шепот:

– Зачем ты сделал это?

– Я люблю тебя, – ответил он, и головокружение его усилилось.

- Ты сумасшедший, – прошептала она.

– Да, – ответил он едва слышно. На секунду она прильнула к нему, и в этот миг в комнату вошел Грэй. Он кривовато усмехнулся:

– Танцуем? Вот и правильно. И мистер Спайкс уже тут, отлично. Джим, пора наполнить бокалы! Выпьем за наше сокровище! Я имею в виду мою дорогую Николь. Эй, вы, молодые люди, вы с нами, или как?

Николь отпрянула от Макса и с явно преувеличенным энтузиазмом в голосе воскликнула:

– Конечно, давно пора! Я есть хочу! Ли!

И застолье закрутилось по второму кругу. Макс сидел расслабленный и счастливый. Он сделал всё, что хотел. Он всё сказал. Она теперь знает. Макс поднимал бокал за бокалом в ее честь и не сводил с нее взгляда. Но она избегала смотреть на него. И он понимал почему и не обижался на неё: конечно, она потрясена, она смущена, да и Грэй следит за ней внимательным взглядом. И на него самого посматривает странно, между прочим. Ещё бы ему

не посматривать: только что унес в соседнюю комнату полмиллиона долларов – его, Макса Триллера, подарок...

Но Грэй не только посматривал странно, но и постоянно подливал Максу вина в бокал и предлагал пить за Николь – за разные ее достоинства. Макс исправно пил – как можно было отказаться? Не искушенный пьянством, он скоро упился и с хитростью пьяного догадался, что Грэй спаивает его намеренно, чтобы он выглядел назюсюкавшейся свиньей в глазах Николь. А вот вам фиг, мистер Грэй! Не дождетесь! Макс Триллер будет сидеть вежливый и культурный и чушь пороть не станет ни при каких условиях! Коварный амурчик в его сердце был с ним заодно: «Правильно, – нашёптывал он, – помалкивай и жди. Ты камешек скатил – теперь жди лавину, она придет». – «Сам знаю, – обрывал его Макс, – чтобы только она меня самого не завалила...». – «Поздно, Дубровский, – злорадно, голосом учителя русского языка Иосифа Моисеевича из детройтского детства Макса пропел амурчик, – посеял ветер – пожнешь бурю!». Но Макс был рад любой буре впереди, лишь бы идти по ней вместе с Николь. И он пил все подряд, что наливали ему Грэй и Джим с двух сторон и только улыбался молча: хорошие подрывники на собственной mine не подрываются. А он был хороший, он был очень хороший подрывник!

А Грэй всё подливал. Подливал и улыбался. И подмигивал. И снова подливал. Провокатор... Рядом с Максом бубнил пьяный Джим – молот всякую бессмысленную чепуху, не доходящую до сознания Макса. Лишь однажды вертолётчик выступил внятно и предложил всем пойти танцевать, но возможная партнерша имелась в наличии лишь в единственном экземпляре, и она участвовать в танцах отказалась. Она видела: Грэй дуется на неё и танцевать с ней не станет, таскать же на себе пьяного Джима не представляло большого удовольствия. Что касается счастливо улыбающегося Макса, не отрывающего от неё глаз, то приближаться к нему было тем более опасно – ещё отчебучит чего-нибудь нестандартное от избытка чувств. Поэтому Николь предложила Джиму потанцевать с Ли. Спайкс с негодованием отверг эту перспективу, заявив, что предпочитает обнимать молодых и красивых женщин, а не старых китайцев. Где-то на краю сознания Макс слышал, как из кухни прокричал Ли: «Я посёла томой, миссис Глэй...», после чего Николь ненадолго удалилась. Потом она вернулась и снова уселась за стол. И тут Макс начал смеяться. Поводом явилась маленькая дикая пчелка, которая взялась из ниоткуда и врезалась в пышные золотые волосы Николь, после чего начала в них копошиться. Наверно, волосы Николь пахли медом, и пчелка подумала, что это самый прекрасный цветок из всех, которые ей доволилось посещать. Николь закричала «Ой-ёй-ёй!», и Грэй воскликнул «Не бойся, это пчела. Вот дура! Ей спать давно пора, а она мед собирать наладилась...». – «Она меня

сейчас ужалит!», – паниковала Николь. – «Сейчас вытащу, не дергайся только», – распорядился Грэй. И в этот миг на самого Грэя из дальнего угла комнаты с ревом пикирующего бомбардировщика налетела большая, зеленая, навозная муха и стала тыкаться в его измазанные жиром губы. Муху явно привлекало что-то из праздничного меню, поглощенного гостями за ужином. Почему именно рот Грэя оказался при этом центром ее вождения, остается непознанной загадкой живой природы – все ели одно и то же. И вот перед глазами Макса его начальник Томас Грэй одной рукой трепал свою жену Николь за волосы, а другой отмахивался от мухи. Вот тогда Макс и начал смеяться. А вслед за ним захохотал Джим. А потом и Грэй с Николь присоединились к смеху. Но ни один из них не понимал истинной причины смеха Макса. А Макс смеялся вовсе не над пчёлкой, запутавшейся в волосах Николь, а совсем по другому поводу: ему на ум пришла рифма, рожденная из спиртовых паров застолья и остатков стихотворной интоксикации, всё ещё томящей его отравленное любовью сознание.

«Пчелке спать пора давно, а муха тычется в говно...», – декламировал пьяный амурчик у него в голове, и Макс хохотал вместе с амурчиком, а остальные – вслед с Максом, который принялся к тому же ещё и уморительно икать. Чем дело кончилось с пчелой и мухой, Макс уже не помнил. Последнее, что приходило ему впоследствии на память от того вечера – это как они с Джимом пробивались неведомыми партизанскими тропами сквозь огородный скрэб Грэев к себе в вагончик.

Очевидно, Джим, как более опытный австралиец, был лоцманом и штурманом, и по непонятной логике этого факта голова Джима была зажата у Макса подмышкой и вещала оттуда о направлении движения и оставшемся расстоянии до цели. Курс был сложным, если не сказать – загадочным, и первопроходцы то утыкались в колючие кусты, то спотыкались об ананасы вдоль дороги к вагончику. Помимо штурманских речей Джим время от времени произносил слово «Николь», и тогда Макс просыпался. – «...Ты не вздумай к Николь прикасаться, – бубнил вертолетчик, – тебя шеф убьет за это! Он из тебя кровяную колбасу сделает... Ты слишком сильно прижимался к Николь сегодня, я сам это видел... Берегись, Макс... Ты думаешь, что он просто Грэй? Ну да, он Грэй, конечно, но только он куда больше, чем просто Грэй... В тот момент, когда ты узнаешь кто он такой на самом деле, ты наложишь себе в штаны сразу две порции! Или даже три! Вот так!... Это ж надо: его любимую жену вздумал обнимать у него же на глазах. Совсем спятил!... Я ей тоже цветы подарил однажды... поначалу... уж больно хороша была, а кругом одни аборигенки, первобытно-общинные женщины... а я любитель современности, ты сам знаешь... Ну, раз подарил, два подарил – просто так подарил, клянусь

тебе, Макс, от полноты эстетических чувств, никакой тайной эротики не имел ни в помыслах, ни в планах. А на третий раз Грэй поднял меня за шиворот над домом и показал в какой стороне находится гора Джомолунгма. Туда он меня закинет вместе с вертолетом, пообещал он мне. И закинул бы! Ей-богу, закинул бы: он такой, сволочь!... Но я его все равно люблю... И тебя я тоже люблю, Макс...

– И я тебя тоже люблю, Джим, хотя ты и свинья распоследняя... зачем ты с этими стихами... – пробормотал Макс и нежно поцеловал колючий затылок друга у себя подмышкой. Ему на секунду показалось, что это голова Николь. Но от этой головы почему-то пахло мясной подливкой, и Макс понял, что ошибся. И они шли дальше. К вагончику вышли почему-то с торца и долго искали входную дверь. Но её не было, она исчезла. Три раза обошли они вдоль стен, тщательно ощупывая их в четыре руки. Двери не было! Но друзья наткнулись вдруг на крылечко и присели, чтобы обсудить этот удивительный феномен, и Джим поведал Макс, что в жизни происходит точно так же: ищешь вход в мир собственного счастья, с детства ищешь, знаешь, что этот вход где-то должен быть, потому что ты рождён именно для того, чтобы отыскать его и войти, а его всё нет и нет... – «Я ненавижу империализм и глобализм! И вас, капиталистов поганых американских, я тоже ненавижу!», – завершил Джим свою глубокую философскую мысль и откинулся назад, чтобы увидеть большие и чистые звёзды над головой. Но стена вагончика за его спиной подалась назад, и Джим завалился в коридор. Таким вот прозаическим образом дверь всё же нашлась. И это было последнее, что помнил Макс от дня рождения Николь.

Утро выдалось кошмарным. Голова кое-как работала, но тело не слушалось Макса совершенно. Оно хотело умереть. И как только выживают алкоголики, интересно знать? Когда нужно каждый день возвращаться к жизни с того света, чтобы снова умереть через пару часов? Ну да черт с ними, с алкоголиками: пусть живут как хотят. Макс жить не хотел. Подлый амурчик кричал ему, что Макс сам виноват, что он все испортил тем, что набрался как зюзик. И теперь из замечательного, щедрого, великодушного, любящего Макса, нашедшего великий опал для прекраснейшей из женщин, он пал в глазах Николь до жалкого пропойцы, не умеющего произнести ни одного умного слова. Великовозрастный влюбленный debil с цветочками: вот каким увидели его вчера оба Грэя – и Том, и Николь. О, господи, что ты натворил!.. Бежать, бежать, бежать куда глаза глядят...

Но как раз ноги-то бежать и не желали. Подламываясь и мотая тело меж тесных стен вагончика, они кое-как доставили Макса до унитаза и рухнули там на колени. Макс приглашение понял и сунул два пальца в горло. Разрываемый

чудовищными спазмами со слезами и кашлем, он долго освобождался от похмельной хвори, после чего совсем ослаб. Но часть свинца с его сердца сползла. Может быть не все еще потеряно? Дрожащие ноги тоже повели себя уверенней. Они понесли Макса к выходу. На свежий воздух, в пустыню, подальше от дома! Не дай Бог, Николь вздумает говорить с ним сейчас о вчерашнем... Упаси, Господи! Бледный, дрожащий, вонючий Макс. Что ты скажешь ей? «Выходи за меня замуж, Николь»? О, Боже!..

Кое-как Макс забрался в «Лэндровер», трясущимися руками запустил мотор, осторожно миновав дом Грэев, выехал на улицу, а оттуда – в бескрайний аутбек. Хорошо, что была уже осень. Март в Австралии – это как сентябрь в Детройте. Солнце светило, но воздух был прохладен и свеж. И днем термометр выше двадцати трех не поднимется. А во второй половине дня, возможно, пойдет дождь: у Макса жутко ломило кости. Хотя у Макса ломило сегодня всё в теле, и по этому признаку впору было ждать вселенского урагана...

Макс ехал долго, сначала по грунтовой дороге, а потом напрямую по пустыне, в направлении сизых холмов. Так он прозвал эту возвышенность к югу от Роксби. Там, на высоте нескольких десятков метров над всей остальной австралийской планетой, Макс надеялся обрести душевное равновесие и ясность мыслей. В холмах ему будет легче дышаться, полагал он. Там даже цветы весной цветут... Цветы! О, Господи, не напоминай!... Но там, помимо цветов, среди камней и змей полно. Тех самых знаменитых австралийских змей – самых ядовитых змей в мире: латунных тайпанов и тигровых змей, лежащих палкой поперек дороги, ничем не отличаясь от удобной для похода клюки. Поднял и... А может быть, так даже и лучше: пусть его цапнет тайпан, и тогда всем проблемам и мукам придет конец. В «Лэндровере» всегда имеются, правда, шприц и сыворотка на такой случай, но он ею не воспользуется. Зачем? Николь все равно не уйдет от Грэя. Зачем ей это нужно? Грэй богат и не уродлив. Чуть ниже её ростом. Ну и что с того? Он хороший и богатый муж, он любит Николь. Она это знает. От добра добра не ищут. А счастье? С ним как же быть? Счастлива ли она с ним? Знает ли она что такое настоящее счастье с человеком, который боготворит её, ставит выше Бога? – «Прости меня, Господи, но ведь это ты сам меня таким сотворил вместе со всеми моими чувствами, а значит все правильно, и я не грешу, говоря такое. Я прав, Господи?», – Макс Триллер уже некоторое время говорил сам с собой вслух. – «Зато она теперь знает, что я ее тоже люблю, – заключил Макс, – так что будь что будет. Выбор за ней...».

Придя к этому выводу, он уже не хотел больше подбирать тигровую змею с дороги или наступать на свирепого тайпана. Он постепенно приходил в себя, ему становилось легче. Перед холмами он оставил машину, забрался выше по

склону, сел в теплый песок и долго смотрел вдаль, не размышляя ни о чем конкретном, постепенно наполняясь чувством осени и тихо умиротворяясь. Ведь осень умиротворяет не только в северных широтах. Она умиротворяет везде. И в Австралии тоже. Когда уходит страшная жара, и небо обещает природе отдых. И воду: много воды. Посреди дня над горизонтом медленно поднимается чёрный полог и играет гигантскими золотыми молниями, безмолвными как северное сияние и не менее чарующими. Каждый день он поднимается всё выше, и однажды... Всё иссохшее замирает в вожделении воды, воды, воды... Но и без грозных туч хорошо осенью в южных пустынях Австралии. Когда просто светит весь день над миром приветливое солнце, светит ласково и ободряюще, как будто вовсе не оно совсем ещё недавно яростно вплавляло все живое в красный песок пустыни и в скором времени, через пару месяцев всего займется этим убийством снова. Но главное – осенью исчезают мухи. Именно с их исчезновением поселяется у австралийца мир в душе, даже если и ненадолго, и хочется тогда поехать в гости к хорошему человеку, совершить без надрыва красивый подвиг, или просто перекреститься, вспомнив, что Бог – есть. И всё это благодаря мушке.

Хотя австралийская мушка – это нечто совсем другое в сравнении с сибирским гнусом или канадской мошкаррой. Там мошка жрет человека и зверя живьем, микротвари пикируют, жалят, грызут кожу и мясо, пьют кровь и доводят живой организм до паники, истерики, исступления. Австралийская же мушка просто назойлива. Она добродушна и любознательна. Она тучей клубится перед лицом человека, залепляя ему глаза, ноздри, уши, губы, мешая смотреть, дышать и говорить. Возможно, она очень близорука, и ее просто тянет рассмотреть этот венец природы – человека – в подробностях, чтобы изучить его получше, узнать, как сделаться такими же большими и мощными – достаточно мощными, чтобы уничтожить всех своих врагов, хотя бы даже и ценой собственных жизней... И вот мушка исследует глазные яблоки, и гайморовы полости, и области среднего уха, и гибнет десятками тысяч на пути этого научного подвига, но на месте сгинувших возникают новые миллионы и исследуют, исследуют, исследуют. Но не жалят, не грызут человеческое мясо, не пьют человеческую кровь. Они любят человека. Они просто назойливы. Как реклама, как политики, как пресловутые берёзовые листики на голой коже в парилке. При этом австралийская мушка еще и пуглива. Она боится резких движений. И человек, распознав эту слабость характера в самых мелких братьях своих, бессовестно этим пользуется. Только в Австралии можно купить шляпу, с полей которой свисают по всему периметру веревочки с пробочками на конце. При движении пробочки качаются, и бедные мушки держатся на отдалении, напрасно теряя драгоценное исследовательское время в ожидании

того мига, когда пробочки остановятся. И если такое всё же случается на секунду, то настаёт миг их торжества – миг атаки на бастионы непознанного. Из-за этих любознательных мушек у каждого жителя пустыни постепенно вырабатывается треморный синдром головы – постоянное мелкое подергивание и подрагивание, вызывающее у непосвященных неавстралийцев подозрение о психическом неблагополучии собеседника. Но это абсолютно не так – собеседник может запросто оказаться лауреатом Нобелевской премии, прожившим долгое время в австралийском аутбэке, или философом-нигилистом, потряхивающим головой не от пессимистических убеждений, но исключительно по привычке, привитой ему австралийской мушкой. Хотя возможна и обратная связь явлений, и именно австралийская мушка, вынуждая потенциального мыслителя покачивать головой с детства, постепенно и глубоко закладывает в него диалектическую категорию отрицания отрицания. Но этого феномена никто ещё не изучил, к сожалению.

Частенько мысли подобного рода посещали Макса при созерцании пустыни. Но только не в тот день на вершине холма. В те минуты, незаметно сливающиеся в часы, он просто смотрел вдаль и сам не знал, о чем думает. Возможно, он без слов размышлял о своей жизни, интуитивно чувствуя, что она приближается к порогу больших и драматических событий. Устав сидеть, Макс лег на красный песок и немного поспал, утешенный и успокоенный, как может спать лишь пострадавшее дитя земли на груди у своей доброй матери. Через час Макс легко пробудился, уже вполне здоровый, и ещё немного побеседовал с наливающимся вишневым соком вечерним солнцем. Затем спустился с холма, сел в машину и медленно покотился назад в Роксби, намереваясь вернуться домой по возможности затемно. Встречаться глазами с Николь или Грэем он был пока ещё не готов. Ему требовалось окрепнуть психически после всего того, что он сотворил накануне.

Кое-как, между тягучими сновидениями и разглядыванием смутных теней на темном потолке вагончика, Макс дотянул до утра и ускользнул на «точку» ещё до рассвета. Рабочая неделя началась, и все дни до следующей субботы Макс прожил в палатке на «объекте». Джим прилетал к нему дважды, доставлял воду, хлеб и консервы и был на удивление неразговорчив.

– Шеф злой как собака, – коротко объяснил он своё настроение, – отпуск мне не подписал. А у меня круиз уже оплачен. В Японию и назад. Хочу на японке жениться. У них дети красивые получаются – как игрушки! Наделаю себе таких игрушек и буду их учить на вертолете летать... Теперь всё пропало: нет отпуска – нет и японки... Про тебя, между прочим, Николь спрашивала. Куда ты,

мол, задевался. Я сказал ей, что тебя паук укусил и что ты свихнулся от этого: бегаешь по пустыне и мух ловишь рыболовной сетью...

– Пошел к черту! – радостно встрепенулся Макс.

– Не пошел, а полетел! – мрачно огрызнулся Джим и запустил винты.

Пыльный ветер сдул счастливого Макса в сторону «объекта», к раздраженному бульдозеристу-малайцу, который с утра уже жаловался на хлипкие тросы и неподъемные железобетонные блоки, подтекающее масло и дожди, мешающие видеть тусклое настоящее и беспросветное будущее.

– Рой давай! – весело приказал ему Макс, – я на сегодня дождь отменяю.

И вот настала пятница. В полдень у малайца снова лопнули тросы, и работа до понедельника остановилась. Макс забрал малайца в «Лендрровер» и поехал домой, в Роксби. На душе у него было сложно. Николь беспокоится о нем – это здорово. Но... Но разговора не избежать, и что он принесет – неизвестно. Макс приближался к дому с настроением больного, которого катят на операцию: либо он вернется с нее излеченным, либо его отвезут в морг, и белый свет он видит в последний раз.

Макс ссадил бульдозериста на перекрестке, приказав ему ждать на этом же месте в понедельник в семь утра, и медленно, оттягивая время, покатил дальше, в сторону дома. Когда он въехал в ворота, под навесом бунгало мелькнуло синее платье, и на дорожку торопливо выбежала Николь. Она махнула Максу рукой, и он остановился.

– Макс, здравствуйте, – немного задыхаясь, проговорила она, – мне нужно с Вами поговорить. Вы так стремительно исчезли... Вы поставьте машину и зайдите ко мне, пожалуйста.

– Да, конечно, сейчас. А... мистер Грэй?

– Тома нет. Я жду Вас, – Николь повернулась и быстро пошла в дом.

Макс отер внезапный пот с лица. Ну, вот, час пробил. Скальпель занесен. Что будет дальше?

В дом он вошел на ватных ногах. Николь ждала его в дверях. Пригласила в гостиную, усадила в кресло. Оба молчали. Некоторое время она внимательно рассматривала его. Перед ней сидел стройный, мускулистый мужчина с хорошим, почти красивым, скуластым, твердым лицом по имени Макс Триллер. И этот мужчина глядел на неё робко и в то же время слегка вызывающе, жалобно и восторженно одновременно. Он молчал. Тогда заговорила она сама. Она волновалась – это было видно.

– Макс, Вы всё перевернули вверх дном... Я спать не могу. Том тоже нервничает. Ваш необыкновенный подарок... И то, что Вы мне сказали потом не идет у меня из головы. Я хочу... понять.

Макс видел, что она ждет ответа. Он сделал усилие над горлом и пробормотал:

– А что тут понимать? Я ведь уже все сказал. Я сказал, что люблю Вас, и это правда. И больше ничего я не сказал.

– Ну и что? Что теперь? Зачем Вы мне это сказали? Что... что Вы хотите, Макс?

Макс удивленно посмотрел на нее:

– Не знаю. Я просто признался Вам в моей любви к Вам, которая загорелась во мне с первой секунды, когда я Вас увидел. Вот и все. Чего я хочу? О чем я мечтаю, правильней спросить? О том, что Вы меня тоже полюбите, например. Что Вы уйдете от Грэя и станете моей женой. Что у нас с Вами будет счастливейшая из всех семей на земле. Что у нас будет пять детей, которых мы будем любить вместе, и которые будут любить нас, когда мы состаримся. И что я до конца дней своих буду носить Вас на руках и осыпать Вас цветами – об этом я тоже мечтаю. Я ответил на Ваш вопрос, Николь?

Но она молчала. Она была потрясена. Она побледнела. Потом заговорила, напряженно, с остановками.

– Макс, родной мой... Милый Макс. Я... мне так драгоценно слышать то, что Вы мне говорите... Но...

– Но Вы не любите меня, я понимаю.

– Нет, нет, это не то. Это всё сложнее... Я... я очень хорошо к Вам отношусь, Макс. С первого дня тоже. Но... но не до такой степени, чтобы уйти от Тома к Вам и... Все это так неожиданно, что Вы только что произнесли... И это невозможно, Макс. Это же абсурд! Как это может быть возможно?...

– Если Вы меня не любите, Николь, то это действительно невозможно, но если бы Вы меня любили, то Вы бы и без меня знали правильное решение. Любовь – это главное на белом свете. Это главное, чем Бог наградил человека, и любовь оправдывает все. Так я считаю.

– Это слишком сложно, Макс. Нет, наоборот, это слишком примитивно. Ну а если несколько человек любят одного – тогда как? Том любит меня, Макс. Том ради меня бросил семью – жену и двух детей. Он поставил из-за меня на карту свою карьеру, свое будущее...

– Какая может быть карьера у бизнесмена? – сердито буркнул Макс, – у них деньги делают деньги – вот и вся карьера...

Николь посмотрела на него странным взглядом, но ничего не ответила. Она продолжила своё:

– Том Грэй любит меня. Вы любите меня. За чьей же любовью скрывается та единственная правда, которую завещал нам господь Бог, как Вы говорите?

– Это Вы должны спросить у Вашего сердца.

– И если мое сердце скажет мне, что я люблю Вас больше, то я должна пойти за Вами?

– Да.

– Ой, Макс, ой, Макс, ой, Макс... Как у Вас все просто. Вы просто ослеплены, Макс. Вы заболели любовью, вот и все. Милый Макс... не обижайтесь, что я Вам все это говорю. Я ведь давно уже заметила, как Вы на меня смотрите, и мне это было очень приятно, должна признаться. Но я не могла, не имела права подавать Вам какие-то надежды. Потому что... все намного сложнее, чем Вы думаете. Давайте поговорим серьезно. Очевидно ли Вам, что я старше Вас на десять... теперь уже на одиннадцать лет. Макс! Не смотрите в угол, смотрите на меня! Мужчины и женщины стареют по-разному, Макс. Вы будете еще цветущим пятидесятилетним мужчиной с амбициями и потенциями, когда я превращусь в старую, климаксную бабушку. Вам это не очевидно, Макс? Более того, к слову о ваших мечтах: у меня нет, не может быть и никогда не будет детей. В-третьих, мне хорошо рядом с Томом, и я не собираюсь его предавать. Есть еще и в-четвертых и в-пятых, но уже и сказанного достаточно, чтобы Вы поняли, Макс: мы не сможем быть вместе... Простите, что я вынуждена Вам это заявить. Мне самой очень больно. Но... чувства проходят, а жизнь, обыкновенная, обыденная жизнь, наполненная заботами – она остаётся.

– Вы имеете в виду мои чувства, или свои? – это прозвучало почти грубо.

– Я имею в виду чувства вообще. В данном случае – Ваши... И мои – тоже.

– Значит, у Вас есть тоже чувства... особенные... ко мне?

– Да, Макс, они есть. Но этого недостаточно, чтобы... чтобы ломать жизнь Тому и... мне самой... бросаться в новый океан. Это одно, что я хотела Вам сказать, Макс. Я люблю Вас, но быть с Вами не могу. Ну вот, теперь я это проговорила, наконец, и надеюсь очень, что Вы меня поймете, и простите и... не разлюбите...

– Николь, Николь, родная, любимая Николь...

– Подождите, Макс, подождите. Я еще не все Вам сказала. Вот второе, что я должна Вам сообщить. Том Грэй приказал, чтобы я вернула Вам опал. Категорически.

– Что? Опал? Николь! Приказал? Вы что – его рабыня, что он Вам приказывает? И потом это не его опал вовсе! Он не имеет к этому опалу ни

малейшего отношения! Это Ваш опал! Это мой подарок Вам! И если Вы мне его вернете, то это будет таким оскорблением с Вашей стороны, такой пощечиной, таким плевком!...— Макс вскочил с места, глаза его горели огнем безумия.

Николь испугалась:

– Сядьте, сядьте на место, Макс. Бог с ним, с этим опалом. Вы правы, действительно, он мой и я могу им распорядиться по своему усмотрению. Вы меня неправильно поняли с этим словом «приказал», то есть это я сама неправильное слово использовала. Я просто хочу Вам объяснить, почему Грэй считает необходимым вернуть Вам камень. Понимаете, Макс, дело в том, что Том – необычный человек. Как бы Вам объяснить. Он не любит неаккуратности в делах. Не любит оставлять следов на полу, например. После него всё должно быть чисто. Наверное, это можно считать порядочностью. В общем... и это третье, что я считаю необходимым Вам сообщить... Том Грэй очень ревнует и... короче говоря, он хочет Вас уволить. Я уговаривала его не делать этого, но лишь подлила этим масла в огонь. Он боится, что Вы отберете меня у него. Я клялась ему, что этого не произойдет, но уговорить ревнивого мужа невозможно, чтобы Вы знали. Он кричал, что ни одной спокойной минуты не будет иметь отныне, уезжая из дома. Мы поссорились с ним, потому что я крикнула ему, что я не шлюха и рогов ему наставлять не собираюсь, и что если он меня подозревает, то значит считает меня шлюхой, а я этого не заслужила. Я следую за ним во все пустыни, во все горячие точки, куда его бросают... Я имею в виду... В общем, мы поссорились, но и это ничего не изменило в его отношении к Вам, Макс. Он очень упрям, как баран. Он решил Вас уволить, Макс. И вернуть Вам опал, чтобы это не выглядело так, как будто мы ограбили Вас, получили от Вас сокровище и тут же выкинули Вас. Это увольнение имеет чисто личные мотивы, но никак не служебные. Он считает Вас лучшим мастером на белом свете по взрывам, Макс. Но личное в данном случае оказалось выше интересов фирмы, как видите. Я с этим ничего не могу поделать. Простите его, но и поймите его.

– Когда он меня уволит?

– Не знаю. Думаю, что сегодня еще. Или завтра.

– А если я откажусь? На каком основании, спрашивается? Ведь есть законы. Есть контракт. Что я нарушил? Я через суд восстановлюсь...

– Конечно, восстановитесь, Макс. Только при этом всплывет мое имя. И все скажут: «Миссис Грэй – шлюха!». Вы этого хотите, Макс?

– Нет, не хочу. Так что же мне – просто уйти? Помахать Вам ручкой и уйти? Чтобы никогда больше Вас не видеть? Вы этого хотите, Николь?

– Нет, Макс, я этого не хочу, совсем не хочу... Но так получается. И остается только надеяться.

– На что надеяться?

– На то, что мы еще увидимся, Макс.

– Когда? Как?

– Когда и как я не знаю. Но только у меня с детства имеется дар предчувствия, и он меня ни разу еще не обманывал. И я точно знаю, Макс, что мы с Вами еще увидимся. При каких обстоятельствах и когда – не ведаю, но уверена, что мы увидимся.

– На том свете, может быть? – горько пошутил Макс.

– Нет, на этом. И скоро... А теперь идите, Макс, – поднялась Николь, – Грэй должен вот-вот вернуться из «Олимпик дам». Я не хочу, чтобы он разозлился еще больше, увидя нас вместе в растрепанных чувствах. Прощайте, Макс!

– Николь, можно... я Вас поцелую... на прощание хотя бы, – выскочил из своего кресла и Макс.

– Нет, Макс, не нужно. От этого нам обоим будет только больней...

– Нет, не будет! Я буду жить дальше с этим воспоминанием! – и Макс кинулся к любимой, драгоценной женщине, которую он терял навеки и схватил её в охапку. Она, почти не сопротивляясь, подставила ему губы. Как сладок и как горек одновременно был этот поцелуй! Макс чувствовал по её горячему телу, что продлись этот поцелуй, страстный и нежный, хотя бы еще несколько секунд, и Николь сдалась бы, и тогда... Но Николь оттолкнула его с неожиданной силой и приказала:

– Уходи, Макс. Прощай. Верней, до встречи...

– До свидания, Николь. Я люблю тебя. Я буду ждать тебя. Я буду любить тебя вечно...

Макс брел к своему вагончику на автопилоте. В глазах его было темно, на душе – еще темней. Вот она и позади – эта операция на сердце. Он остался жив. Но что же за жизнь такая предстоит ему теперь? На что ему эта жизнь без Николь? Но нет, он не рассуждал, он был слишком изнурен душевно в те минуты, чтобы напрягаться мыслью. Он вошел в свой кубрик, посидел немного за столом, глядя в точку, а потом начал собираться. Бытового, холостяцкого скарба было у него совсем мало, и он быстро натолкал вещи в два чемодана и рюкзак. С опалами оказалось сложнее: их накопился целый склад под койкой и под столом. Из-под вагончика Макс извлек два пустых желтых ящика от взрывчатки, и стал укладывать в них свою браконьерскую добычу, бережно заворачивая камни в обрывки теперь уже ненужных ему простыней, которые он распустил для этой цели на полосы. Все это он делал в автоматическом режиме, ни о чем не раздумывая. За него думали, надо полагать, его немецко-

еврейские предки – практичные и меркантильные. «Раз встреча с Николь в будущем еще вероятна, – подсказывали они ему, – то и надо к ней готовиться основательно». Мысль о том, что Николь все еще здесь, рядом, мешала работе, и Макс время от времени останавливался и прислушивался к тому, что делается там, в доме. Приехал ли Грэй? Чем занята Николь? Может быть, плачет? «Я люблю Вас, Макс!», – сказала она. Господи! От счастья можно было бы ангелом взлететь, а оно вон как всё обернулось... И Макс упаковывал опалы дальше. Вдруг раздался удар кулаком в дверь, и голос Джима спросил:

– Пиво пить идем, Великий мастер?

– Нет.

– Ну и ладно. Дело хозяйское. Усыхай дальше. А мне жениться надо, прибор в порядке содержать..., – голос Спайкса отдалился и замер за кустами бугенвиллей. Макс опечалился еще больше: этого придурка ему тоже будет не хватать в дальнейшей жизни.

Увольнение состоялось в тот же вечер. Грэй подъехал на своём «джипе» прямо к вагончику. Макс ощущал себя спокойным и злым, когда открывал шефу дверь.

– Проходите, босс. И давайте сделаем все покороче. Я в курсе, зачем Вы тут. Вещи мои собраны, как видите. Остается одна заминка: Вы обязаны доставить меня в Сидней. Так что подавайте мне самолет.

Лицо Грэя было твердым как камень – таким Макс его еще не видел.

– Хорошо, что Вы уже подготовились, – холодно, но спокойно произнес он, – но мне представляется все же, что нам нужно поговорить, Макс. Давайте присядем.

– Стул у меня только один, можете присаживаться, если Вам охота. Я постою. А поговорить можно, ради бога. Но поскольку Ваше слово, босс, все равно будет последним, то начну я. Вы поступаете бесчестно и несправедливо, и Вы это прекрасно знаете. Вы не имеете права меня увольнять, у меня еще контракт не закончился, и я не совершил никаких служебных нарушений. Вы увольняете меня по личным причинам, из ревности. Вы используете при этом своё служебное положение. Любой суд меня восстановит, но я этого делать не стану. Из-за Николь – на Вас и на Ваше высокое реномэ мне наплевать. Я Вас уважал, Том, видит Бог: я Вас исключительно уважал. Теперь я Вас презираю. Не потому, что Вы меня увольняете, нет. А за то, что Вы не мужчина. То, что произошло, имеет личную причину. Вот по-мужски и надо было разобраться...

– На кулачках, что ли? – презрительно усмехнулся Грэй.

– Хотя бы. Но не обязательно. Есть и джентльменские способы. Тем более, что я с Вами драться считаю недостойным для себя. Я избивать

стариков не привык. Но если бы даже я и дал Вам пощечину, Том, то не за себя, а за Николь, которую Вы оскорбили своими подозрениями и своей ревностью...

– Свою жену я обсуждать с Вами не намерен, это не Ваша тема, Макс, и Вашей темой никогда не станет. В остальном можете считать, что Ваша ядовитая стрела попала прямо в цель, и я зашатался от Вашего удара: старый человек, которого нельзя бить. Сильная картина. Только меня, Макс, нельзя бить по другой причине, о которой Вам лучше не знать. Для Вашей же безопасности. Но давайте вернемся к формальной стороне дела. Я увольняю Вас на том основании, что свое главное контрактное обязательство – произвести не менее ста подрывов и подготовить ученика, в данном случае Джима Спайкса – Вы выполнили. Помимо этого, участки, предоставленные нашей фирме в этом районе для взрывов, закончились. У правительства существует соглашение с аборигенами о невторжении на их земли, и власти придерживаются его. Далее. Досрочное расторжение трудового договора контрактом предусмотрено. Фирма обязана, если это делается по её инициативе, выплатить увольняемому выходное пособие в размере годового оклада. Это сто тысяч американских долларов. Вы их получите. Кроме того, руководство фирмы в моем лице приняло решение выплатить Вам разовую премию в размере пятидесяти тысяч...

– Это за то, что я люблю Вашу жену, Том?

– Не хамите, Макс. Я уже сказал Вам, что жену свою обсуждать с Вами не намерен. Не Вашего калибра тема. Любите что хотите и кого хотите – нас с Николь это не касается. Правильно ли я понял, что Вы премию отвергаете?

– Нет, не отвергаю.

– Очень благоразумно с Вашей стороны. Когда Вы отказались забрать назад свой опал, я подумал, что Вы сумасшедший. Теперь вижу, что Вы спятили не до конца, и я рад за Вас: Ваше будущее не безнадежно. Вы покидаете нашу фирму не бедным человеком – даже и без уникального опала, который Вы упрямо не забираете вопреки нашим с Николь протестам и настояниям... И последнее: подать Вам самолет я не могу. Стив летает сейчас над Северными территориями. Но мы поступим иначе. Забирайте «Лэндровер», он Ваш, и поезжайте на нём в Сидней сами. Там Стив выполнит все формальности, связанные с Вашим увольнением и выдаст Вам документы. А чек на сто пятьдесят тысяч вот он, кладу на стол. Остается сказать Вам спасибо за работу, Макс, и желаю Вам удачи в жизни. Не делайте больше ошибок с чужими жёнами, и всё у Вас будет хорошо: Вы специалист высокого класса. Прощайте. – Грэй повернулся и стремительно вышел. Через минуту «Джип», теперь уже бывшего босса, развернулся перед вагончиком и уехал за дом, в свой гараж.

Ну, вот и все. Макс Триллер, все еще сидя, сгорбившись, на казенной походной койке в бытовом вагончике фирмы „S&G“, находился уже, фигурально выражаясь, за ее воротами. Слишком стремительно, чтобы все это осознать глубоко. Но Макс был подрывник. Взрыв! – и все уже иначе. И надо принимать следующие решения. Наркоз от передозировки событиями еще не отошел, но голова Макса уже начала работать. Он рывком поднялся, забрал со стола чек, сунул его в карман джинсовой куртки и принялся грузить ящики в «Лэндровер». Через пятнадцать минут он был готов. Он сел за руль, тоскливо, со стоном вздохнул, включил фары и тронулся с места. В темном окне бунгалло, показалось ему, мелькнуло белое перламутровое крыло сказочной птицы. Волшебной птицы, которая улетала от него. Возможно, навсегда. Хотя нет – это он покидал её сейчас, в эти секунды. Сердце Макса сдавило страшной болью, но он как-то преодолел приступ отчаяния и без рывков, медленно и ровно, как по дороге на кладбище, проехал мимо дома Грэв. Свернул на улицу, пересек город, и фары «Лэндровера» уперлись в черную бездну пустыни. Но Макс был к тому времени уже опытный австралиец, он знал дорогу: сначала на 97-ю «деревенскую» накатку до автотрассы Стюарта, затем на юг, до Порта Пири и оттуда налево, в сторону Сиднея. Каких-то несчастных две тысячи километров всего. Ерунда. «Бешеному кобелю сто вёрст не крюк» - говорил филолог Иосиф Моисеевич Славянский из далёкого Детройта. А немцы называют это „ein Katzensprung“: «один прыжок кошки». Что ж, как покажет будущее, именно прыжком на следующую спираль судьбы и явилось это бегство Макса из Роксби Даунс.

Макс выехал на трассу и дал полный газ навстречу этому самому будущему, но возможно и для того, чтобы оторваться от прошлого. Но только прошлое отставать его не желало. Оно сидело у Макса на плечах и нежно шептало ему то в одно ухо, то в другое, то в оба разом: «Я люблю тебя, Макс. Мы еще встретимся...».

3. Элис Спрингс. Белая игуана.

Через двое суток, поплутав по обширным предместьям Сиднея, Макс, утомленный дорогой и переживаниями, Макс въехал в огромный город на тихом океане – город, сделавший своим символом, своей мировой визитной карточкой белоснежную раковину оперного театра перед гигантским мостом через пролив, разделяющий город. Под этим мостом свободно проплывают многоэтажные океанские теплоходы, доставляющие в Австралию в том числе и будущих диггеров – охотников за опалами, которые останутся здесь навсегда, привороженные разноцветными искрами австралийских подземелий.

Макс остановился в католической миссии. Получилось это случайно. Он ткнулся в пару гостиц в центре города, но свободных мест нигде не оказалось. Последнюю попытку он сделал уже в сумерках. Снова неудача. Макс вышел из зеркальных дверей на темнеющую улицу и выругался: «Черт!».

– Этот Вами упомянутый персонаж еще ни одного порядочного человека не выручил, – раздался голос рядом, – это большая иллюзия, сэр. Спасает только Бог. Вы христианин? – к нему обращался небольшой человечек в темно-сером костюме-тройке, держащий в руке веер флаеров.

– Я христианин, мистер, да, но Бог меня не спас почему-то. Мест нет. После двух суток в пути я должен спать в машине.

– Вы плохо думаете о Боге, брат мой. Он всегда рядом. И сейчас он тоже рядом с Вами. И говорит моими устами. Вам нужен кров? Считайте, что он у Вас есть. Если Вы ничего не имеете против того, чтобы переночевать в католической миссии.

– В келье и на коленях?

– Ну что Вы, нет, конечно: на перине и в благоустроенной комнате. Всего лишь за сто австралийских долларов. Без завтрака, но с общей монастырской кухней, где к Вашему распоряжению чайник, микроволновая печь и даже вафельница. Вот рекламный листок с фотографиями. Вы можете убедиться сами.

– А Вы священник?

– Да, я скромный служитель нашего великого Господа Иисуса Христа.

– Вы служите ему на поприще сдачи номеров?

– Не иронизируйте, брат мой. Тяжелые времена бывают не только у агнцев, но и у их пастырей. Бог учит нас на него надеяться, но и самим не плошать, не так ли? Как говорится в миру: «Хочешь жить – умей вертеться». Пойдемте, я расскажу Вам одну притчу по дороге. О том как Бог спасал упрямого Натана. Пойдемте, пойдемте, Вы все равно не найдете себе места ни в одном из этих небоскребов роскоши – тут все забронировано на три месяца вперед: поверьте мне, я коренной сиднеец. Вы на машине? О, тем лучше – доберемся в один миг. Мы ведь тоже располагаемся в центре города, в тихом месте, на холме. Следовало бы просить за наши палаты втрое больше денег, но мы должны оставаться в рамках христианской скромности перед лицом взбесившегося золотого тельца. И тогда взоры людские снова обратятся к нам...

Центр города в Сиднее – понятие обширное, но до миссии на холме добрались действительно быстро – святой отец едва успел досказать свою притчу о глупом верующем Натане, который стоял на крыше дома, вокруг которого бушевало наводнение, и взывал к Богу о спасении. Мимо проплывали

соседи на лодке и звали Натана к себе, но Натан лишь отмахнулся от них: «Не мешайте, меня Бог спасёт!». Мимо проплывал катер береговой службы, и Натана хотели стащить с крыши, но Натан брыкался: «Убирайтесь! Любимый Бог меня спасёт!». Наконец, когда Натан стоял уже по шею в воде, в него ткнулось толстое бревно. Но он оттолкнул и его и продолжал горячо молиться. Но вот вода накрыла Натана с головой, и он утонул. Вскоре он предстал перед Творцом и стал с обидой пенять ему: «Господи! Я так верил в тебя! Почему же ты не спас меня?». – «Я тебя спасал трижды, придурок, – возмутился Господь, – но ты оказался слеп и глух к моим посланиям. Ты слушал лишь самого себя и собственные вопли. Верить в меня нужно не только душой и сердцем, но хотя бы немножко и разумом тоже. Для этого я дал вам, людям, думающие мозги!».

Что ж, можно считать, что Максу повезло: его приютили миссионеры, которые служили Богу не только душой, но и немножко разумом тоже. Но у милосердного Провидения, приведшего Макса Триллера в тихую обитель на одном из густозаселённых холмов Сиднея, была, надо полагать, и другая, еще более милосердная цель: погрузить измученного духом Макса в атмосферу покоя и смирения, чтобы в отражении Вечного времени он увидел себя, ничтожного, со стороны, и понял, что на ладони Случая, приведшего его в земное измерение, его страдания и страсти есть пустое ничто – суета сует.

Нет, стены миссии не излечили Макса от его любовной хвори: хитрый Амурчик, в пух и прах разгаданный Фрейдом, поселяется в тестостеронах хотя и не навсегда, но надолго, с рецидивными и суицидальными эффектами. Однако, самую острую фазу отчаяния Макса стены монастыря всё же заглушили и, бродя по территории миссии под меланхоличные звоны ее колоколов, Макс вобрал в себя не столько монашеского смирения, навеваемого этими звуками, сколько того духа разума, которым жили деловитые миссионеры-«антинатановцы».

Здесь, в миссии, Макс дождался Стива из его северных полётов, оформил должным образом своё увольнение, погасил в банке «Барклайз» чек Грэя, сердечно попрощался с разумными святыми отцами и, оставив на время свой «Лендрровер» во дворе миссии, на бело-красном лайнере с портретом кенгуру на хвосте улетел авиакомпанией «Квантум» в город Элис Спрингс, расположенный в геометрическом центре Австралии, в аутбэке еще более диком, чем тот, в котором Макс Триллер прожил три мучительных, но и счастливых года. Австралийская виза, оформленная под контракт, была действительна еще год, и он решил остаться в Австралии, поближе к Николь. Элис Спрингс лежал на автомагистрали Стюарта, соединяющей экваториальный Дарвин с Аделаидой, расположенной на юге страны-континента и почти уже заглядывающей в глаза Антарктике. Но плевать на

Антарктику, главное было в другом: хайвей Стюарта пробежал мимо Роксби Даунс, который находился всего лишь в тысяче с небольшим километров к югу от Элис Спрингс. А это – полдня пути на хорошей машине по прямой как стрела асфальтированной дороге, единственную смертельную опасность которой представляют собой кенгуру, перелетающие через проезжую часть, да еще, пожалуй, низины, залитые водой после грозových потопов. Которые случаются, впрочем, не каждый год и почти никогда не наполняют низины доверху.

Таким образом, осев в Элис Спрингс, Макс будет готов по первому зову и незамедлительно предстать перед взором Николь. Ведь она обещала ему встречу. А значит, она позовёт его! Или птицей счастья явится к нему сама, когда Грэй окончательно изведёт её своей стариковской ревностью. И ждать этого осталось, похоже, недолго. Ревность кормится немощью. А Грэй на секс-гиганта никак не похож – уж больно подбострастно смотрит он на жену свою, стараясь добрыми улыбками и широко распахнутым кошельком заменить все остальные обязанности семейной жизни. Дурак он: никакое золотое сердце старого мужа не заменит горячего железа молодого друга, как любили говорить солдаты в армии... Впрочем, Макс старался укрощать в себе такого рода мысли. Надо просто ждать и не думать о бегущем мимо времени – и это всё. Китайцы говорят: если достаточно долго сидеть у реки, то можно увидеть, как мимо тебя проплывает труп твоего врага. С той же вероятностью следует ожидать и бригантины под алыми парусами – как в той сказке, которую давал когда-то читать Максу Иосиф Моисеевич Славянский, учитель русской словесности.

В Элис Спрингс Макс поехал в первый же день. Он сразу нашел помещение для магазина вместе с квартирой наверху. Шагая по центральной улице городка, Макс увидел, как на соседнем перекрестке из распахнутых стеклянных дверей выносят стеллажи и картины. Он свернул и подошел поближе. В витрине освобождаемого помещения выставлен был фанерный лист с объявлением «Сдается». Съезжал арт-салон. Хозяин был тут же – длинный, тощий англичанин с седой, богемной шевелюрой. Рядом с ним вертелся маклер – потный деятель в клетчатой рубашке и австралийской шляпе. Маклеру было что-то нужно от выезжающего. Макс уловил, что речь идет о каком-то поврежденном дверном пилестре, ремонт которого старый владелец обязан оплатить. Англичанин же предъявлял маклеру поляроидный снимок с проставленной датой и доказывал, что пилестр был поврежден уже на момент въезда. Маклер кричал, что надо было этот факт вовремя обжаловать, а теперь уже поздно. Англичанин возражал на это кратко: „Go to hell!“, то есть «Пошёл к чёрту!». Оба обрадовались Макс поехал как третейскому судье, посланному

самим господом Богом. Спор закончился тем, что осмотрев повреждение, Макс вызвался исправить его за свой счет, если ему сдадут помещение на льготных основаниях с сегодняшнего дня. Маклер ответил „No problem“. Льготные основания оказались кусачими, но маклер заверял, что для этого элитного местоположения на пересечении всех туристических дорог города и тем более для будущего магазина опалов эта цена – считай что подаренная. Макс, для приличия поторговавшись и сбив арендную плату на сто австралийских долларов, согласился со всеми прочими условиями маклера, сообщив тому, что уступает исключительно из уважения к памяти отца, который тоже долгие годы пробавлялся чёрствыми маклерскими хлебами. Толстяк сделал вид, что приятно поражён таким удивительным совпадением судеб. Ударили по рукам и пошли внутрь подписывать бумаги. Англичанин в это время продолжал командовать погрузкой художественных изделий, и слова „bloody hell!“ и „shit!“ являлись при этом главными звуками, ответственными за организацию и управление процессом погрузки.

Внутри опустевшего магазина, посреди помещения, на одиноком стуле сидел печальный абориген высокохудожественного вида в красной кожаной жилетке поверх голой тёмной груди и с желтым галстуком-«бабочкой» в черный горошек на жилистой шее. Из синих, измазанных краской джинсов торчали босые ноги с крепкими ногтями янтарного цвета. Рядом с ним стояло пластмассовое ведро с кистями.

– Рафаэль, эй, Вандималунгу, ты можешь уходить. Мистер Сазерленд не останется, он же тебе сказал. Он уже грузится. Садись скорей к нему в машину, говорю тебе, а то останешься без работы. Иди, пока зовут. Послушай опытного человека. А то сопьёшься и будешь спать в высохшем русле под эвкалиптом, как все твои соплеменники. Иди, говорю я тебе!.. – «Это аборигенский художник Рафаэль Вандималунгу, – пояснил Максу маклер, – учился в Англии. Сазерленд на нем кучу денег заработал и хочет его в Мельбурн забрать с собой, а этот уперся: я тут родился, видите ли, тут моё племя, тут моя земля, тут мои духи живут – всякую подобную чушь мелет. Вон они, его духи, за городом в буше валяются, все уже пьяные в драбадан к этому часу дня»...

Но абориген не шевелился. Он смотрел в пол и о чем-то думал. Он был похож на красивого кроманьонца из учебника антропологии. Но вдруг он поднял глаза и на отличном, «высоком» английском языке произнес, обращаясь почему-то к Максу: „I'll stay here, I don't want to go“.

– Ну, слышали? Что я Вам говорил! – возмущенно взорвался маклер, - а ну пошёл отсюда, Рафаэль. Быстро, я сказал! Убирайся! Это помещение сдано другому человеку. Здесь будет теперь располагаться магазин опалов. Ты больше не нужен. Беги, а то хозяин твой уже отъезжает.

– No! – сказал абориген, – I'm not going! – но со стула поднялся, чтобы уйти.

– Погодите-ка, не уходите пока, – остановил его Макс. У него появилась внезапная идея. – Ждите меня здесь, мы сейчас поговорим, – сказал он художнику и вслед за маклером отправился наверх, в апартаменты, смотреть помещение и подписывать бумаги.

Через полчаса все было готово, шустрый маклер по имени Дабл'ю Роун – так он сам назвался – после сотни инструкций и советов, произнесённых скороговоркой, исчез, и Макс Триллер засмеялся – впервые за последние дни. Очень уж удачно все складывалось. И это был добрый знак. Знак судьбы. Значит, судьба ведёт его дальше. И приведёт его опять к Николь. Или её – к нему. Значит, судьбе так угодно было: отправить его в Элис Спрингс и вручить ему в первый же день ключи от магазина, офиса и жилья. Что ж, судьбе видней, судьба человека предвидит всё – от первого вдоха и до последнего выдоха. А это значит, опять же, что он на правильном пути, потому что другого для него нет...

Макс вспомнил вдруг, что внизу его ждёт абориген. Действительно, а почему бы и нет? Если это судьба действует, то, надо полагать, она ему и аборигена послала. Ну, будет магазин не только опалов, но и картин – тем лучше. Если, конечно, этот местный Рафаэль согласится работать не на зарплату, а за долю от проданных картин.

Рафаэль согласился сразу. Мало того – он поразил и обаял Макса своей деликатностью и умной речью. Говоря с ним, Макс никак не мог отогнать от себя ощущения из детства, будто он общается с говорящим медведем. Когда-то его другом стал бездомный детройтский пёс. Он сопровождал Макса в школу, знал расписание его занятий и встречал Макса после уроков, перебежал дорогу только по переходу и под зеленый свет и прятался от полицейских, заметив их задолго до того, как они замечали его – то есть вёл себя в высшей степени разумно. Часто он сопровождал Макса на рыбалку на реку Детройт, с деликатной благодарностью принимал от него хлеб-соль и объяснялся ему в любви полными преданности взглядами и вертолётным вращением хвоста. Он был до того умен, что Макс однажды принялся ему пенять за его примитивный собачий язык и требовать, чтобы пес перешёл, наконец, на нормальную человеческую речь. Вулу (так Макс окрестил пса – сокращенно от «Вельзевул») было до того стыдно от упреков бога-хозяина, что он каждый раз делал невероятные усилия, чтобы исправиться: выл, визжал, бормотал и даже чётко проговаривал «вау-вау», чтобы максимально походить на человека. И очень радовался, когда хозяин начинал хохотать: хозяин прощал ему его ущербность!

А молодой хозяин вынужден был раз и навсегда смириться с этим фактом: звери говорить по-человечески не умеют, даже самые умные из них. Они думать умеют, но как-то иначе. И вот эти воспоминания о Вуле вернулись, когда Макс говорил с австралийским аборигеном.

Перед Максом стояло странное существо в человеческой одежде по имени Рафаэль, похожее на пришельца с другой, древней планеты, и говорило с ним на хорошем английском языке – разумно, вежливо и логично. Макс испытал некоторое смущение от собственных мыслей. Безусловно, он разговаривал с человеком, причём с человеком интересным и, надо полагать, неплохим. Хотя бы потому уже, что Рафаэль привязан был сердцем и душой к своей земле и к своему народу: он был их неотделимой частью. Он имел прочные корни. В отличие от самого Макса, например. К чему был привязан Макс, если отбросить морок его любви к Николь? Чем питались его корни? Идеями свободы и демократии в американском, единственно правильном их понимании? Да и были ли у него корни вообще? Частью чего был он сам? Частью Соединенных Штатов Америки – страны, не имеющей даже собственного имени, подобно любой другой стране на земле? Да нет, он, конечно, мог гордиться тем, что является гражданином США – государства с самыми большими авианосцами и астронавтами, ходившими по луне, если это не брехня. Он и гордился, вне всякого сомнения, Америкой, и связан был с ней гражданством и паспортом. Но этих вот корней, как у Рафаэля – ощущения себя неотделимой частью своей земли, своего народа, его культуры и духа, его традиций – этого всего у Макса не было, этой связи с родной землёй он был лишен. Но зато он был свободен! Самый свободный человек в самой свободной стране мира! Эту истину ему прочно задолбили ещё в школе. И в армии продолжали задалбливать. И неграм в американских тюрьмах её тоже задалбливали не менее интенсивно. И негры верили. Свобода! В том числе и от всякого рода архаичных корней. Да здравствует свобода! Да здравствует Америка! «Каждый раз, когда у вас падает боевой дух и ослабевает вера в себя, повторяйте: «Да здравствует Америка!». И победа всегда будет за нами!», – инструктировал своих воинов бригадный полковник в армии. – «Да здравствует Америка!», – дружно вопили воины в ответ. Полковник был очень доволен: Америка могла гордиться своими сыновьями. Ну да наплевать на Америку в целом. Речь шла сейчас о конкретной судьбе Макса Триллера, её верного сына.

Аборигенский художник Рафаэль Вандималунгу согласился работать у Макса без раздумий.

– Сколько Вам платил Сазерленд? – спросил его Макс.

– Пятьсот долларов плюс десять процентов от проданных картин. Краски, кисти, холсты и рамы оплачивал хозяин.

– Я предлагаю Вам один доллар зарплаты, как у президента Америки, и восемьдесят процентов от стоимости проданных Вами картин. О красках, кистях, холстах и рамах Вы заботитесь сами – я в этом ни черта не соображаю.

– Согласен. Но еще хозяин разрешал мне спать здесь, а готовить за домом, во дворе. У меня нет жилья.

– Идет. Спите дальше. Только не на прилавке и не в витрине магазина, чтобы Вас не купили туристы по принципу: всё что выставлено, то продаётся.

– Нет, конечно. В подсобке.

– А много ли картин Вы продавали?

– Картины уходят сразу. Вечером закончу – утром уже нету. В сезон, когда туристов много, с мая по сентябрь. Хотя их всегда полно. Автобусами едут. Урулу смотреть. По Элис Спрингс толпами ходят, всё подряд скупают: опалы, картины, бумеранги, джидериду. Даже маленького кенгуренка купили у владельца гостиницы напротив. Он держит приют для кенгуру-сирот. Продавал вместе с бутылкой, соской и одеялом.

– А какие картины Вы пишете, Рафаэль? Я слышал, что есть две манеры: точечный геометрический орнамент и точечный «рентгеновский» орнамент с изображением животных.

– Я учился у знаменитого Альберта Наматжиры! – с гордостью сообщил Рафаэль. Его ваша королева даже наградила за его картины. Но он отошел от нашего стиля. Он стал рисовать акварелью пейзажи. Я кое-что у него перенял. Но не всё. Я не придерживаюсь строгого стиля. Я пуантелист, то есть рисую точками. А дальше – философия, природа и геометрия живут своей жизнью. Главное, чтобы было ярко и пластично и чтобы видна была красота моей земли Австралии. Туристам нравится. Хозяину тоже нравилось. Поэтому он всё, что оставалось, забрал с собой. По двадцать долларов за штуку. Хотя почти ничего не оставалось – пять картин только. Даже показать Вам нечего, к сожалению. Но Вы можете спросить людей: меня тут все знают.

– Я Вам верю, Рафаэль. А по какой цене Сазерленд продавал Ваши картины?

– По-разному, в зависимости от размера картины. По сто. И по триста долларов. Одну картину, которую я назвал «Спор бумерангов», он продал даже за две с половиной тысячи долларов.

– Хорошо, Рафаэль, о схеме сотрудничества мы договорились. Но остается одна большая проблема. Я хотя и живу в Австралии уже больше трёх лет, но бизнесом здесь не занимался. Помещение-то я снял, но как

зарегистрировать торговую деятельность, где взять нужные лицензии, то есть вообще, что делать дальше я не знаю. Кто может помочь в этом деле?

– Мой старший брат может. Он месяц назад вернулся из Перта. Там он закончил колледж бизнес-менеджеров. Он всё знает – и как фирму открыть, и как дело вести. Но он нигде не может найти работу по специальности. Нас, аборигенов, белые не считают полноценными людьми даже если мы имеем хорошее образование. Моему брату Адаму предложили после колледжа работу экскурсоводом на туристических рейсах. Он должен был в голом виде и в ритуальной расцветке кожи, с бумерангом на поясе рассказывать автобусным туристам об Австралии, чтобы им не было скучно в дороге. Он сделал два рейса и ушел. Ему было унижительно, что с ним все фотографируются как со зверем. А говорить с туристами на серьезные темы ему было запрещено. Например, о том, что он происходит из «отловленных» детей. Когда мы были маленькие, нас власти отнимали у родителей, чтобы мы перестали быть дикими. Нас отдавали в приюты, учили. Мы убегали. Нас ловили, били и воспитывали дальше. Многие дети переставали кушать и умирали. Много наших родителей умерло от горя, когда полицейские облавы находили нас в буше и отнимали нас у родителей, которые нас прятали там от белых. Это было страшное время. Теперь оно уже позади. Мы получили образование, а старики ушли в пустыни, погибли там или сдались, поселились вокруг городов и стали пьяницами и попрошайками. Только за счёт туристов, которые приезжают на нас посмотреть, нашим людям ещё и платят социальное пособие. Но его хватает на один день жизни. Только обо всем об этом Адаму запрещено было говорить с туристами, поэтому он и ушёл. У людей моего племени тоже есть гордость, мистер хозяин. Тем более, что эта земля наша. Была наша... Духи очень страдают, но ничего поделать не могут. Но Адам поможет Вам, хозяин, если Вы возьмете его на работу. Он очень хороший и умный, мой брат Адам Смит. Он как раз специалист по ведению бизнеса.

– Адам Смит? Это забавно. Почему Смит?

– Наши настоящие имена белые люди запомнить не могут, поэтому нам всем давали в приюте новые имена. «Белое» имя Адама – Смит. Так звали директора приюта. А меня нарекли просто Рафаэлем, без фамилии. Потому что я любил рисовать. Я рисовал все время. Рафаэль – это был знаменитый итальянский художник средневековой эпохи Возрождения.

– А кто был Адам Смит – Вы это знаете, Рафаэль?

– Нет, не знаю, хозяин. Я не получил такого хорошего образования, как Адам, хозяин. Я учился только шесть лет у художников. А потом вернулся в буш.

– Послушай, Рафаэль, прекрати называть меня хозяином, пожалуйста. Я тебе не хозяин, мы теперь партнеры по бизнесу, понятно? Ты зовешь меня с этой минуты просто Макс. Договорились?

– Да, мистер Макс.

- И без «мистера». Просто Макс. А то уволю... Шутка! Зови сюда своего Адама Смита. Слава Богу, что его не назвали в приюте Карлом Марксом.

– Почему же: один Карл Маркс у нас в приюте был. Карл-Маркс Выоррмувук. Его назвали так в честь ночного охранника. Выоррмувук тоже был из племени аранда, как и мы с Адамом.

– Ну что ж, очень даже символично: Карл Маркс, ночной сторож в им же опрокинутом мире..., – и Макс стал смеяться. Через мгновение Рафаэль, которому хватило этой секунды, чтобы понять, что белый Макс потешается не над аборигенами и не над ним лично, а над чем-то другим, присоединился к смеху, и это была сцена, достойная радостной встречи двух эпох: древней, исходной, настоящей, ещё здоровой и честной, и современной, фальшивой и, скорей всего, последней в истории человечества.

Первую ночь в городе Элис-Спрингс Макс Триллер провел на деревянном полу своих внезапно обретенных апартаментов, под одеялом, одолженным ему Рафаэлем. Сам художник ушел на ночь глядя в буш на поиски старшего брата, менеджера и экономиста Адама Смита. В восемь утра Макса разбудили экзотические запахи. Макс выглянул из окна. Внизу, во дворе два господина готовили похлебку и заваривали ароматный чай из неведомых корешков. Одним из них был босой художник Рафаэль, облаченный всё в ту же красную кожаную жилетку на голое тело и джинсы, хотя и без «бабочки» на шее. Другой рядом с ним, высокий джентльмен первобытнообщинной наружности, облаченный в строгий, черный костюм и белую рубашку, мог бы легко сойти за личного похоронного агента художника Рафаэля, если бы не был бос подобно последнему. Правда, чёрные туфли гостя стояли тут же, в сторонке, в ожидании приёма. Поперёк них лежал чёрный галстук. Макс догадался: ага, это и есть тот самый, легендарный Адам Смит из австралийского буша, дитя насильственного экономического образования. Макс вообразил себе экзотическую картину: по бушу шагают в сторону города два босоногих представителя древней цивилизации, один в жилетке и джинсах, другой в смокинге, и ведут неторопливую дискуссию о точечной интерпретации космогонических представлений в современном изобразительном искусстве и о конъюнктурной коммерциализации и прогрессирующей диссипации культуры под воздействием геоглобальных трендов последних десятилетий.

– Доброе утро, джентльмены, – окликнул братьев Макс, – сейчас я спущусь к вам.

Когда он вышел в огороженный сеткой дворик, Адам Вандималунгу был уже при галстукке и в штиблетах, а Рафаэль – в «бабочке» и жёлтых сандалиях. Значит они у него всё же имелись. Но ещё больше Макса поразило идеальное состояние смокинга Адама. И как только он ухитрился сохранить в буше свою наглаженную менеджерскую униформу? На какой пятизвёздочной вешалке, в каком лакированном шифоньере хранил он её и штиблеты из тонкой кожи неведомых зверей?

Вандималунгу-старший, при всей своей антропологической сходимости с братом, разительно отличался от Рафаэля: он был почти на голову выше младшего брата, шире в плечах, сумрачней взглядом и суровой всем своим видом. Черные как угли глаза под могучими надбровными сводами прятались особенно глубоко и смотрели особенно настороженно.

– How do you do, sir! – потряс он протянутую ему Максом руку. Голос у него был густой, басистый, приятный, фонетика чёткая, качественная. Далее он молчал, с разъяснениями причины своего появления не торопился, ждал что скажут ему. В этом чувствовались одновременно и скромность и достоинство. Макс это понравилось, хотя внешний вид его новых знакомых все ещё внутренне несколько напрягал его, ему все еще казалось, что говорящие медведи его разыгрывают, что все это – из области детской сказки про Алису в стране чудес. Адам Смит-Вандималунгу едва заметно улыбнулся, как будто прочел мысли Макса и деликатно напомнил ему:

– Вы хотели меня видеть, сэр.

Макс стряхнул с себя оцепенение:

- Да, конечно. Рафаэль, наверное, уже обрисовал Вам проблему? Хочу открыть магазин опалов, а теперь, в сотрудничестве с Рафаэлем, ещё и картин, но не знаю с чего начать. Не имею опыта, не имею знаний в области австралийского законодательства в этой сфере, ищу честного менеджера-администратора, который бы за всё это взялся. Рафаэль порекомендовал Вас. Вот, собственно, и все. Что Вы на это скажете?

Несколько секунд Адам Смит-Вандемалунгу рассматривал Макса в упор, задумчиво и строго. Затем спросил:

– И Вы готовы довериться незнакомому Вам человеку? Да ещё и австралийскому аборигену – ещё вчера, всего одно поколение тому назад представляющему собой дикого, первобытного человека-неандертальца? Ведь наверняка Вы нас с Рафаэлем такими воспринимаете и сейчас, в данный момент, не так ли, мистер Триллер?

Рафаэль обеспокоенно переводил взгляд с брата на Макса и обратно. Видно было, что Рафаэль не согласен со столь агрессивным стилем самопрезентации гордого своего брата Вандемалунгу при устройстве на работу. Но Макса слова Адама ничуть не задели. Вандималунгу-старший нравился ему всё больше. У него был характер, собственное достоинство. Он был мужчина. Кроме того, он говорил на отличном английском языке и отменно формулировал свои мысли. И, конечно, он был человек, настоящий, полноценный человек, наверное, очень даже хороший человек – по тому, как он смотрел и как он говорил. Поэтому Макс задвинул подальше тот снисходительный юмор, за которым старался спрятать своё напряжение, и ответил совершенно откровенно и доверительно:

– Ваш вид немного непривычен для европейца или американца, это действительно так, господа. Но я не турист с фотоаппаратом, гонящийся за экзотикой, я проработал в Австралии уже достаточно долго, и люди ваших племён работали бок о бок рядом со мной, так что я к их виду вполне привык. Это раз. Теперь второе. Да, доверяться кому попало в бизнесе рискованно и глупо. Тут Вы наверняка правы. Но ведь я Вам, Адам, поверьте, весь свой кошелек с деньгами и не собираюсь отдать прямо здесь, на месте... Ни Вам, ни другому возможному помощнику, которого я увижу в первый раз. Не настолько я идиот – тут Вы можете быть совершенно спокойны. Ну и третье: я, видите ли, специалист по взрывам. Можно сказать – минер. А это та профессия, в которой ошибаются только один раз. От этого развивается чувство опасности. Сейчас оно во мне молчит. Так что давайте забудем про неандертальцев, и обсудим суть дела.

Адам Смит удовлетворенно кивнул и принялся задавать вопросы по сути – один сложнее другого: от предполагаемого стартового капитала до планируемых фондов, от структуры закупок и бюджета на рекламу до количества счетов и банковских вкладов. Вступающий в бизнес господин Триллер должен был определиться с тем, будет ли он регистрироваться как частный предприниматель – Sole Trader, или как частная закрытая компания – Proprietary Company; платить налоги как резидент, или как нерезидент. Макс от всех этих вопросов взопреп больше, чем от палящего солнца, перевалившего через крышу дома и затеявшего откровенную жаровню во дворе вопреки осеннему графику работы. Пришлось уйти в дом, в тень. И очень скоро Макс убедился: Адам Смит-Вандималунгу – безусловно профессионал. И именно тот человек, который ему нужен.

К полудню, при поддержке чудодейственного аборигенского чая из розовых корешков партнеры по бизнесу завершили учредительное совещание и отправились обедать «к дяде Бэну» – в столовую быстрого питания KFC на

одной из центральных улиц Элис Спрингс. Всех кормил, разумеется, новый босс. Лишь здесь, управившись с большой порцией жареных куриных крылышек, Адам Смит дал согласие на своё трудоустройство за две тысячи австралийских долларов в месяц. Для начала. С испытательным сроком в три месяца. И повышением зарплаты в пропорциональной зависимости от прибыли. Ударили по рукам. Макс предложил скрепить соглашение выпивкой. Рафаэль воскликнул: «Да!». Но старший брат Адам нахмурился и сказал: «Нет!». Затем пояснил: «Нам нельзя, мы слишком легко спиваемся. Старшее поколение вы уже споили, считай – уничтожили. То, что не сумели довести до конца ружья, сделали джин и виски».

– Какие еще ружья? – не понял Макс.

– Обыкновенные. Которые стреляют. Когда вы пришли на нашу землю, то нас было два миллиона здесь. Но мы вам мешали, вам нужна была наша земля. И белые охотники носились на машинах по бушу и стреляли. В кенгуру стреляли ради мяса и шкур, а в аборигенов – для высвобождения пространства. И нас осталось всего шестьдесят тысяч. А потом вы создали для нас резервации, отобрали у аборигенов детей, воспитали их на свой лад, а старикам дали пособия и виски. После того как нас, аборигенов, перестали отстреливать, мы снова стали расти количественно. Сейчас нас уже двести тысяч. Двести тысяч спившихся и спивающихся мужчин и женщин. И ваши белые вожди очень этим результатом гордятся, как будто речь идет о спасенных для красной книги рептилиях...

– Вандималунгу, прекрати! – перебил брата Рафаэль, – ну что ты морочишь голову боссу этими древними историями. Что было, то прошло. Сейчас новая жизнь, и старую уже не вернуть. А не то мистер Триллер может подумать, что мы и в душе все ещё те самые дикие неандертальцы, на которых так смахиваем с точки зрения белых людей.

– Мистер Триллер так не подумает, – с жаром откликнулся Макс, – но все равно мне интересно, Адам. Кем Вы лично себя чувствуете: образованным, современным австралийцем или аборигеном из буша, для которого все белые – враги?

Адам Смит долго всматривался в темную жидкость кока-колы в своём стакане, после чего произнес с горечью и упрёком:

– Сердце моё с моим народом, а голова моя – с вами. Таким вы меня сделали. И таким я умру. Вы разорвали меня пополам. Вы всех нас разорвали пополам. Но я не виню вас. Я виню только охотников, которые нас убивали. А наши тающие племена... что ж, значит так было угодно нашим богам, и духи наши не сумели их переубедить, а нас защитить. «Таков неумолимый ход Истории», – говоря вашим языком, языком белых. Одним суждено исчезнуть

раньше, другим – занять их место и двигаться дальше, к собственному концу. Таков неумолимый ход истории, да. Придет и ваш черед...

– Наш Адам – большой философ, – торопливо принялся Рафаэль как бы извиняться за брата, но тот улыбнулся вдруг и сказал:

– А Рафаэль – большой художник. Во всяком случае, самую большую картину из всех которые я видел в Элис Спрингс – футов двадцать на тринадцать – нарисовал именно он. А ещё он красит заднюю сторону толстого стекла в черный цвет и рисует картины-опалы. Это очень красиво. Вроде бы и аборигентский стиль, но совсем по-новому. Появляется эффект глубины, как у настоящих опалов. Рафаэль – молодец! Он вас обогатит, мистер Макс!

– Он НАС обогатит, мистер Смит. И давайте, ещё раз призываю вас обоих, без «мистеров» и по именам. Так у нас, в Америке, принято. Мы не кичливые, как те ваши англичане, что взяли в плен Австралию.

Но тут абориген Адам Смит всё же сумел цапнуть Макса за живое, то ли защищая «своих» англичан, то ли просто демонстрируя хорошее понимание происходящего на планете:

– Вам, американцам, и не к лицу кичиться, вы для этого слишком большие и мощные. Кичатся лишь маленькие народы, которые ухитрились отщипнуть кусочек от мирового пирога и очень этим гордятся. А большие не отщипывают, не крысятничают, они просто берут что хотят. Весь мир разом кладут себе в карман! Именно так, как поступаете вы, американцы. Вы не отщипываете – вы просто забираете себе то, на что положили глаз...

Рафаэль снова засуетился: – «Вот уж болтун этот наш Вандималунгу, никаких нету сил терпеть его трёп! Критик всего мира! Вы бы послушали, Макс, как он наших собственных аборигенов чехвостит! Дерётся даже! Пустые бутылки им об головы разбивает! Так что нашим от него гораздо хуже достается, чем белым – что англичанам, что американцам. Он и китайцев ругает, и японцев – всех! Таков этот дурацкий Вандималунгу: он и в приюте со всеми скандалил. Но он очень-очень добрый и честный человек: я Вам клянусь в этом, Макс, и все наши аборигентские духи являются живыми свидетелями моим словам!»...

Но Макс уже смеялся от души, он уже не хмурился: до чего же замечательные ребята эти два аборигена, эти два говорящих медведя из старой, доброй, детской сказки!

Несколько ближайших дней Макс устраивал свой быт в Элис Спрингс и знакомился с людьми, с которыми его сводил Рафаэль – с ювелирами, торговцами, чиновниками. Рафаэль знал всех, и все знали его. Попутно Рафаэль просвещал Макса относительно порядков и традиций на окружающем

их пространстве, рассказывал о племенах и властях, дурных и хороших чиновниках. Историю Элис Спрингс Макс тоже услышал из его уст, а также уяснил для себя сотню других полезных вещей, необходимых для успешной продажи картин и опалов в современной Австралии. Так например, Макс Триллер узнал, что туристы среднего достатка прибывают автобусами как с юга, из Аделаиды, так и с севера, из Дарвина по Стюарт-роад. Богатеи же – только с юга, на поезде, потому что железная дорога здесь кончается, и её никак не могут завершить, дотянуть до Дарвина. Она называется «Ghan». Когда-то по этому маршруту с севера на юг двигались караваны верблюдов, ведомые афганцами: «Af-Ghan»-ами. Другие караванчики на этом гибельном пути не выживали. От афганцев это название трассы – «Ган» – и повелось и перешло затем на поезд. Билет на поезд очень дорог, но вагоны шикарные, с зеркалами и кондиционерами и, говорят, миллионеры в них даже ванны принимают на всём ходу. Их является в Элис Спрингс не так уж много, но зато они скупают самые дорогие опалы и самые большие картины. «В основном это американцы», – сказал Рафаэль и осёкся, опасливо глянув на Макса, после чего добавил: «Но за это американцев здесь и любят – прямо-таки праздник начинается в городе, когда богатые американцы наезжают...». Макс лишь усмехнулся на эти слова.

Адам между тем уже действовал. По вечерам Макс подписывал необходимые бумаги. Неделью спустя новоиспеченный бизнесмен был на пути в аэропорт: он летел в Сидней, чтобы забрать там свои опалы и вернуться. Адаму он оставил доверенность, а Рафаэлю – пачку денег на приобретение холстов и рам. Запас кистей и красок у художника ещё имелся. Рафаэлю не терпелось приступить к бизнес-творчеству, он не хотел терять времени. Его желание совпадало и с настроениями Макса: как можно скорее и понадежней встать на ноги и сообщить об этом Николь. «И вот тогда уже думай, королева моя. А что до Макса Триллера, твоего верного рыцаря, то он, со своей стороны, к совместной, безоблачной и обеспеченной жизни будет готов...».

В Сиднее Макс прожил – все у тех же предприимчивых миссионеров – около двух недель. Он посещал именитые художественные салоны и простые, тесные лавки для ширпотребных туристов – всевозможные места, где выставлялись картины аборигенов; он ходил по ювелирным магазинам и приценивался к опалам, прислушиваясь к вопросам туристов и присматриваясь ко вкусам покупателей. Он примерялся к собственному бизнесу, короче говоря. Помимо этого, он познакомился с несколькими ювелирами и оставил им с десяток камней из своих запасов: для пробной обработки. В Элис Спрингс были, разумеется, и свои мастерские по обработке опалов, но Макс хотелось

сравнить цены и качество работ. Кроме того, по настоянию Адама Макс наведалься еще и в дюжину туристических агентств с целью изучения графиков их маршрутов и состава туристических групп.

Наконец, загрузив «лендровер» под крышу согласно совместно с Вадималунгами составленного в Элис Спрингс списка, Макс двинулся в обратный путь. Дорога была ему знакома: совсем недавно, оскорблённый и изгнанный, он ехал по ней куда глаза глядят. А глаза его смотрели тогда в ночь и не видели ничего, кроме собственного горя. Теперь все окружающие его картины раскручивались в обратном порядке: синегорье, эвкалиптовые леса, красная пустыня с белыми соляными озерами. На второй день пути, поспав несколько часов на переднем сидении, новоиспеченный босс собственной фирмы выехал на Стюард-роад и взял курс на север. По мере того, как он приближался к заветному перекрестку, ведущему в сторону Андамуки, сердце его колотилось все быстрее. Повернуть? Навестить? Увидеть ЕЁ? Рассказать ей о своих успешных делах? Дать ей понять, ради чего и ради кого он всё это делает? Параллельный скептический голос возражал: «Не мельтеши, Максимилиан, сохраняй достоинство, ты ещё никто – так, бродяга на колесах с большими планами на будущее. Чем ты хочешь похвастаться – двумя аборигенами, которых приставил к делу? Том Грэй только рассмеётся, если услышит такое. А ведь он, небось, дома торчит теперь весь день, жену стережёт – теперь, когда доверия к ней больше нет у него... подлец!.. Но не в скрэбе же лежать в засаде, ожидая пока он удалится куда-нибудь. Так того гляди китаец Ли засечёт, чёрт вездесущий. А Николь только разозлится, пожалуй...». – «Нет, не заеду!», – объявил Макс самому себе и прибавил газу, чтобы на скорости проскочить приближающийся поворот.

Но когда впереди показался указатель, нога сама вдавила в пол педаль тормоза, а руки повернули руль влево, на обочину. Машина остановилась. Во рту было сухо, язык шуршал наждаком по деревянным зубам. Не от окружающей жары, нет: там было как раз почти прохладно, не выше двадцати градусов по Цельсию. А от жара внутреннего, сердечного, пересохла у Макса все «внутренние трубки», по Спайксу. Он выпил воды, отчаянно борясь с собой, усыхающим душевно. Глаза его смотрели то в сторону Роксби, то вперед. Дорога впереди была совершенно пустынна, лишь над горизонтом поднималась черная стена: там бушевал ливень. Возможно, он уже заливает дорогу. Может быть, к вечеру будет не проехать, и он застрянет на несколько дней посреди пустыни... Нет, надо ехать, надо торопиться. И Макс-деловой заставил Макса-влюбленного двинуться дальше, мимо перекрестка и вперед, на север. Теперь, когда поворот остался позади, деловой Макс успокоился и задремал, сделав трудное дело, тогда как Макс-влюбленный принялся

знакомым голосом подлого Амурчика обрабатывать больную душу хозяина призывами повернуть. «Сейчас, посреди дня, Грэя, скорей всего, нет дома, его никогда не бывает в это время, и можно будет столько всего успеть сказать Николь! Всё ей рассказать из последних событий! Ведь ты уехал, баран, даже не попрощавшись как следует с любимой женщиной»... И подлый Амурчик допек Макса до того, что он резко развернулся вдруг на пустой дороге и помчался обратно к повороту, от которого успел отъехать миль на двадцать. От этого брутального маневра всполошился прикорнувший под равномерный гул колёс Макс-разумный и ужаснулся: «Что ты делаешь, придурок? Ты же все испортишь! Если Грэй всё же дома, то разговора с Николь не получится. А если Грэя нет, то будет ещё хуже: ты набросишь на Николь тень изменницы. У стен есть глаза, у деревьев – уши. У китайца Ли – и то и другое. А ведь Николь – дама! И ты не имеешь права компрометировать её, болван динамитный: она тебе этого не простит! Она же сказала: «Мы ещё увидимся»? Да, она сказала это. Имея в виду, что она сама тебя позовет, когда придет час, или сама явится к тебе. Но это вовсе не звучало как приглашение навещать её без предупреждения по твоей собственной прихоти. Не верь этому пакостному Амурчику, Макс. Он провокатор! Вот, посмотри на себя, полюбуйся, во что он превратил тебя, коварно и вероломно: он приворожил тебя к женщине на десять лет старше тебя, а теперь, вместо того чтобы излечить тебя, отпустить тебя, увлекает тебя всё дальше в новые страдания. Опомнись, Макс! Ты на правильном пути с твоим магазином. Докажи ей сначала, что ты не бродяга и не болтун, что ты – серьёзный и надёжный человек. Богатый человек! И вот тогда ты увидишь положительный результат. Тогда вы и встретитесь опять, как обещано было»...

Макс-разумный уже не говорил, а громко кричал, заглушая совместный вой колёс и мотора, и продолжал кричать в тот момент, когда машина сворачивала на Андамуку, и кричал всё громче по мере удаления от поворота и приближения к Роксби Даунс. И Амурчик, подлая тварь, вопил тоже, и было уже непонятно, который из этих голосов прав. И вот в какой-то миг, в широком месте пыльной дороги, встав на два колеса и чуть не опрокинув «Лендрровер», Макс снова развернулся и погнал в Элис Спрингс – теперь уже окончательно и бесповоротно. Сердце его хотя и рвалось назад и грозило выпрыгнуть и остаться лежать умирать в одиночестве в песке посреди дороги, но уже сдалось перед жестокой волей разума, который таки победил. Обоим советникам своим, продолжавшим бубнить и препираться дальше, Макс приказал заткнуться в наигрубейшей армейской форме, и те подчинились от греха подальше, покуда хозяин не вздумал опрокидываться посреди дороги ещё раз.

Преодолев две залитые водой низины и ещё тысячу миль пути, сбив в темноте трёх перелетавших через дорогу кенгуру – двух маленьких и одного среднего, разбившего фару на «Лендровере», сопровождаемый периодическим дорожным знаком „PLEASE ARRIVE ALIVE!“ («Постарайся добраться живьем!»), Макс благополучно прибыл в Элис Спрингс на рассвете четвёртого дня своего непростого пути.

В Элис Спрингс его ждал приятный сюрприз: магазин был практически готов к открытию. И самое главное: над входом красовался большой темный овал зеркальной вывески, имитирующей огромный черный опал. Мерцающие разноцветные точки, рассыпанные изящными, плавными линиями австралийского узора, складывались в легко читаемое название магазина – «NICOLE». Таково было желание Макса, и Рафаэль исполнил его блестяще. В это же утро, облачившись в белый костюм и канареечного цвета сорочку, приобретенные в Сиднее специально для этой цели, художественно расстегнув пару верхних пуговиц, чтобы проглядывала мохнатая грудь настоящего мачо, и нацепив для пущей лихости выдавшую виды австралийскую шляпу, одолженную у Рафаэля, Макс в позе Нельсона-победителя сфотографировался перед входом в магазин-салон «Николь» и отправил Николь Грэй поляроидный снимок с наилучшими пожеланиями на обратной стороне, своим новым адресом и приглашением посетить лучший магазин опалов в Элис Спрингс.

Макс теперь уже хвалил себя за выдержку и осмотрительность: он правильно сделал, что не поддался соблазну и не заехал по дороге в Роксби Даунс. Действовать нужно осторожно и безошибочно, охота на жар-птицу – это дело тонкое и аккуратное, похожее на минирование сверхсложного объекта. А уж в минировании-то Макс кое-что соображал...

Ещё через неделю состоялось открытие художественного салона «Николь». Адаму удалось заманить на мероприятие мэра города, местную прессу и большое количество находящихся в городе туристов. Мэра – буфетом и наличием прессы, а прессу – мэром и аборигенами, собранными из окрестного буша, умытыми и приодетыми, раздающими гостям праздника бесплатные сувениры в виде брелков с изображением кенгуру, медвежат коала и попугаев кукабарра. Туристов же привлекли громкой музыкой деревянного духового оркестра в исполнении красочно разодетых аборигенов, издающих сложные звуки на многоголосых джидериду. Мэр, как ему и положено в подобных случаях, произнес короткую речь о дружбе народов и цивилизаций и о безграничном гостеприимстве Австралии по отношению к туристам всех мастей и клиентам всех банков планеты, пожелал новому предприятию больших налоговых отчислений в пользу города и под аплодисменты зрителей

прошел внутрь, в бар, где почётных гостей поили в тот день бесплатно. Бар при салоне – это было изобретение Адама: измороженные жарой туристы приглашались с горячей улицы в прохладное помещение салона, чтобы, освежаясь напитками из зеркального бара, уставленного напитками на любой вкус, расслабиться у стойки или в удобных, мягких креслах зала и незаметно погрузиться в изысканную тишину и мягкий полусвет австралийской художественной культуры, озирая стены, увешанные картинами и наблюдая за работой художника, создающего эти шедевры прямо на глазах у туристов, а то и побеседовать с маэстро и, уже выпив хорошенько, дать художнику пару ценных советов.

Отдохнув, утолив жажду, а то и опрокинув рюмашку, гости салона начинали бродить по залу, склоняться над опалами в витринах и в результате очень редко уходили без покупки. Хорошим покупателям напитки при расчёте прощались, и это обстоятельство настолько умиляло большинство туристов, что они возвращались на второй круг покупок с обязательным заходом в бар, где назюзюкивались до состояния абсолютного и безграничного восхищения сокровищами австралийской земли – с величайшим расточительством в пользу салона как результат такого охмурения. Со временем пришлось даже взять на работу рослого аборигена в тёмных очках, одетого бодигардом, который нёс бы покупки и сопровождал нечленораздельного покупателя до гостиницы или до купе поезда, чтобы его не ограбили по дороге. А заодно бодигард стал охранять и магазин, стоя в тени эвкалипта у входа и поигрывая бумерангом, что привлекало туристов к салону «Nicole» дополнительно. В общем, Адам Смит оказался большой молодец – знаменитый экономист, давший ему своё имя, мог только позавидовать с того света.

Открытие магазина, таким образом, удалось на славу, хотя и подорвало торговлю на неделю вперед, ибо все картины и опалы были раскуплены в первый же день, и все последующие дни Рафаэль не успевал рисовать, а Макс – подвозить обработанные опалы. В скором времени собственные камни у него закончились, и в дальнейшем он перепродавал уже чужие, или выставлял опалы, полученные под реализацию от ювелиров, а также скупал «сырые» камни у скупщиков и обрабатывал их за свой счёт. Новое дело и неожиданный успех затянули Макса в стремительное беличье колесо, из которого он не мог вырваться до самой весны, до октября. Но потом работа отладилась, вошла в более или менее рутинный режим, с которым Адам справлялся уже в одиночку, так что у Макса появилось больше времени для размышлений о себе и о Николь. Он всё ещё страстно мечтал о ней. Его хворь не прошла, она, наоборот, окрепла и перешла в хроническую фазу уверенности в стратегической правильности своих действий. Будущее счастье незаметно

превратилось в инженерный проект, а любовь служила ракетным топливом для осуществления этого проекта. Всё было подчинено единой идее-фикс: завоеванию Николь.

Сразу после открытия магазина, помимо поляроидного снимка Макс написал Николь подробное письмо с описанием этого события, и его очень огорчало и томило, что никакого ответа от неё не поступало. Неужели Грэй перехватывает его письма? Но вот в середине ноября, когда солнце уже окончательно рассвирепело, долгожданное письмо от Николь пришло. Она извинялась за долгое молчание, связанное с тем, что её несколько месяцев не было дома. Сразу после отъезда Макса из Роксби Даунс Николь улетела в Америку и оставалась там с больной матерью, пока той не стало лучше. Она нашла в своей почте открытку Макса и его письмо, о которых Том умолчал из ревности и ей в Америку не переслал, и поэтому лишь теперь может ответить. Николь называла Макса в письме «мой милый Макс», радовалась его успеху, очень душевно описывала свои смятенные чувства, связанные с названием салона, благодарила Макса за его нежное отношение к ней и высказывала надежду, что при первом же удобном случае она приедет в гости, чтобы приобрести в художественном салоне «Николь» что-нибудь очень драгоценное для себя. Письмо заканчивалось словами: «Я целую тебя, мой милый, милый Макс».

Суровый подрывник Макс Триллер чуть не разрыдался от счастья, читая эти строки, и бросив всё, уехал подальше в буш, чтобы еще и еще раз перечитывать там письмо и вычитать из него что-то очень важное, что он, возможно, упустил. «Приобрести в твоём салоне что-нибудь драгоценное...» – читал он. Разве это не есть достаточно прозрачный намёк? Не опал же она имеет в виду, и не картину! Конечно, нет. Она имеет в виду его, Макса! Да, это так! – и Макс снова перечитывал письмо, чтобы утвердиться в своей догадке. Коварный Амурчик восторженно хлопал в ладошки. И тогда Макс Триллер поднял глаза от письма и просветленным взором обвёл всё ту же, выжженную до красного железа марсианскую Австралию, утыканную серыми арматурными кочками триодии и занавешенную по склонам холмов густо-зелеными зонтиками мультги – пустынной акации на черных, кружевных ножках. Макс видел всё это изо дня в день все последние годы, но только сейчас потрясённо ахнул: до чего же прекрасна Австралия!

Несколько дней подряд Макс писал ответ Николь. Чем больше вариантов письма он изорвал, тем трудней становилось ему определиться с нужным тоном и нужными словами своего послания. В первом варианте он десять или пятнадцать раз написал «Я люблю тебя» и «Я жду тебя». Но это не годилось.

Это было слишком опасно. Это было черезчур агрессивно, это был штурм, подразумевающий определенный и решающий ответ: да или нет. Но именно этой окончательности Макс и боялся больше всего. А вдруг, испугавшись необходимости определиться и произнести желанное «да», она, наоборот, скажет «нет» и потребует не писать ей больше? Нет, такой штурм сейчас неуместен, ещё рано, решил Макс и переписал письмо. Но следующая версия показалась ему черезчур сухой, в новом письме было слишком много описаний сделок и прочих подробностей его бизнеса. У Николь могло сложиться впечатление, что нажива дорога ему больше неё. В результате возник третий вариант, затем четвертый, и далее без счёта. Измотавшись окончательно, Макс сократил до минимума информативную часть письма и выразил свою любовь к Николь завуалированно, спрятавшись за полушуткой: «Бизнес мой процветает, – написал он в конце, – но лишь потому, что я постоянно думаю о Тебе. А если бы Ты была рядом, то я сразу превратился бы в миллиардера! Это моё личное открытие в сфере бизнеса, пока ещё совершенно секретное, о котором знают сегодня на земле только два человека – Ты и я». Из-за нахально и необдуманно прыгнувших на бумагу слов: «Целую. Твой Макс» пришлось переписать письмо ещё раз. Окончательный вариант его Макс завершил более спокойно: «С сердечным приветом, пребывающий в ожидании несчётных миллиардов – Макс Триллер, бизнесмен из Элис Спрингс». Это письмо Макс и бросил в почтовый ящик двадцать четвертого ноября 1991 года, в жаркий полдень, яростно иссушающий и без того сухое русло реки Тодд с его розовым песком, усыпанным сухой корой эвкалиптов, ошметки которой серебрились там, на песчаной ряби, под жаркими вздохами ветра и солнечными стрелами, изображая древесных рыбок за неимением настоящих, живых.

На волне своего нового, радостного мироощущения и радужных настроений Макс теперь чаще чем прежде стал наведываться на курган воинской славы ANZAC в северной части города. Здесь, на высоте, вокруг мемориала, воздвигнутого в честь австралийцев, павших на полях сражений за родину, постоянно толпились туристы. Они фотографировали широкую чашу долины, осматривали панораму окружающих гор и обнимались для семейных альбомов на фоне памятника героям. Но Макс приходил сюда на исходе дня не для того, чтобы любоваться закатами и туристами, не ради красивых голубых волн горной гряды Мак-Донелл и не ради белых крыш жаркого города Элис Спрингс. И даже не в честь австралийцев, отдавших свои жизни родине. Макс вообще не верил, что человек может отдать свою жизнь добровольно кому бы то ни было. Родина посылает человека в пекло, и он погибает там поневоле, насильно, всегда нелепо, всегда невовремя, и будь его воля, и имей он выбор,

то отказался бы любой герой от своего геройства, летящего ему навстречу в виде пули или снаряда, отказался бы в пользу единственной и неповторимой жизни своей, отказался бы и от посмертного ордена, и от посмертной славы, как от чёрной чумы, и драпал бы подальше от мест своего посмертного геройства, от точки жертвоприношения, от той чёрной пропасти, из которой не возвращаются никогда – он улепётывал бы во все лопатки, взывая не к родине и конституции, не к свободе и демократии, а исключительно лишь к господу-спасителю и к маме своей родной. Слава героям!: это бесспорно, раз уж стряслось такое несчастье и жизнь отобрана, но только жизней своих все эти несчастные герои, ушедшие до срока, никому не дарили.

Такие вот непопулярные мысли приходили иногда в голову Макс на геройском холме над городом, но только глаза его были обращены при этом в сторону «Гэпа» – величественного разрыва в кольце гор в южной стороне. В этот разрыв уходила автотрасса Стюарт-роад – убегала в сторону Аделаиды, мимо Роксби Даунс... и к Николь... когда-нибудь... скоро...

Ведомый охватившим его внезапно, под влиянием письма Николь, обожанием Австралии, Макс совершил однажды стихийное паломничество к знаменитому пупу земли, святому валуну аборигенов Улуру, или Айерс Рок, как его переназвали белые пришельцы. Макс поехал туда один, хотя Рафаэль настойчиво навязывался сопровождать его в качестве телохранителя и гида. Местные аборигены туристов недолюбливают, объяснял Рафаэль, хотя и подкармливаются их щедротами.

– Улуру – священное место! – возмущался Адам, вступая в разговор, – на рассвете дух земли говорит с духом неба, духи совещаются о чистоте каждого наступающего дня, и в момент восхода солнца эту чистоту можно на протяжении нескольких минут видеть собственными глазами на поверхности красной горы. Аборигены вбирают в себя эту чистоту и черпают из неё удачу, и делают это молча, а туристы, наоборот, вопят, щелкают камерами, рукоплещут, а то и шумно завтракают перед лицом высших богов Природы. Это ужасное кощунство! Это отвратительно, что государство пускает туристов к Камню, торгует нашей святыней!..».

– Вот-вот! – вторил ему Рафаэль, – и поэтому в одиночку там лучше белому человеку не появляться: обиженные духи могут обратить на такого непочтительного туриста свой гнев и послать ему несчастье.

– А вдруг ваши духи полюбят меня и пошлют мне счастье, если я буду вести себя тихо и почтительно? – лукаво поинтересовался Макс.

– Да, это возможно... – неуверенно пробормотал Рафаэль, но Адам лишь хмыкнул и задумался: а действительно, почему бы мудрым духам не полюбить

хорошего человека Макса, если духи несут в себе высшую справедливость и не имеют расовых предрасположений?

И тем не менее Макс решил поехать к Улуру без сопровождающих. Оберегом от всех несчастий служило ему письмо Николь, которое он постоянно носил в левом нагрудном кармане. Заинтригованный легендами о Большом Красном Камне, он хотел выйти к нему на рассвете один на один и проверить собственные ощущения. А вдруг Пуп земли Улуру и впрямь подарит ему удачу? Удачу по имени Николь...

Макс ускользнул из дома после полуночи, когда братья-аборигены уже спали в подсобке магазина. Он выехал из Элис Спрингс с таким расчётом, чтобы к рассвету быть возле Айерс-Рок, до которого предстояло проехать около пятисот километров – из них двести по Стюарт-роад, а потом направо и вдоль придорожных щитов, приветствующих туристов, всё дальше на запад, в бескрайнюю глушь раскалённой, первобытной Австралии. В этой части света дорога вела мимо ещё одной достопримечательности австралийского аутбека – громадной красной горы Маунт Коннер, напоминающей плоское зеркальце с длинной ручкой, плашмя лежащее на красной планете Австралия, вглядываясь в космические глубины. А ещё гора эта походила на гигантскую медную монету, брошенную когда-то самим господом Богом на пустынный, плоский стол земли для привлечения взглядов путешественников в далёком будущем. И вот теперь, спустя миллиард лет, замысел Создателя реализовался: двухэтажные, оснащённые приятным искусственным климатом туристические автобусы-неопланы со встроенными пневматическими туалетами и сиденьями, превращающимися в кровать, двигались в сторону Улуру нескончаемыми караванами. Впрочем, сейчас, в лунной ночи, гора Маунт Коннер едва угадывалась тёмно-фиолетовой чертой на границе звёздного неба. Теперь до Улуру уже недалеко, знал Макс, изучивший карту загодя.

Время от времени Макс обгонял те самые, предусмотренные Господом, роскошные автобусы, несущие состоятельных граждан мира к заветному камню, объявленному аборигенами пуповиной мироздания. Любопытство несёт прогресс: асфальтовая дорога к национальному заповеднику Улуру и вокруг самого Айерс Рок хотя и не широка, но безупречна. На асфальте отлично жарилась бы яичница из яиц диких птиц, или вялилось бы мясо кенгуру, но аборигены не делали этого из-за слишком большого движения по дороге. Да и древние духи возражали: дорога слишком воняла цивилизацией: от мяса, пожаренного на ней, отрыгивалось чёрной кровью земли – нефтью...

Согласно спидометру, машина преодолела уже триста английских миль, цель была где-то рядом, и Макс пристроился за туристическим автобусом с

мельбурнскими номерами, чтобы не плутать по темноте и успеть к камню вовремя: опытные гиды в неопланах своё дело знали. Несколько минут спустя машины упёрлись в шлагбаум. Из будки вышел охранник-абориген в камуфляже, проверил документы у гида, пропустил автобус, затем подошёл к Макс, вежливо поздоровался на хорошем английском языке (тоже был, надо полагать, из «пойманных детей»), попросил документы и спросил куда и зачем едет...ммм... мистер Триллер. Мистер Триллер объяснил, что едет к камню Айерс Рок, чтобы посмотреть на него, и абориген кивнул и сказал, что проезд стоит пятнадцать австралийских долларов. Макс заплатил и получил квитанцию вместе с планом местности с указанием точек наблюдения, туалетов и сувенирных лавок. Пропуская «Лендровер», абориген предупредил господина Триллера ни в коем случае не переступать через ограждения там, где они есть и ни при каких обстоятельствах не пытаться взойти на Улуру в неполюженном месте.

– Очень много туристов погибло при этих попытках, – предупредил Макса абориген, – камень имеет вроде бы пологие на вид бока и при хорошем сцеплении подошв можно двигаться по нему вверх, но если Вы один лишь раз поскользнетесь и начнете съезжать, то всё, Вам конец: цепляться не за что, и Вы будете скользить триста метров вниз всё быстрее и быстрее, и камень будет снимать с Вас шкурку, как тёрка с морковки, так что внизу Вы окажетесь в виде голого скелета с намотанными на него дымящимися кишками! – глаза охранника горели изнутри фиолетовым светом неземного вдохновения.

Макс пообещал охраннику вернуться в собственной шкуре и не слишком сильно дымясь и, включая скорость, сделал аборигену комплимент:

– Вам обязательно нужно писать стихи, сэр.

– Уже пишу, сэр! Недавно книжку стихов выпустил, – успел ответить польщённый абориген, широко улыбаясь вслед очередному паломнику святого камня.

Макс проехал на территорию заповедника, высматривая огни ушедшего вперед автобуса. Через пару километров дорога упёрлась в Т-образный перекрёсток. Очевидно, это и было то самое кольцо обзора, которое огибает Айерс Рок по кругу. Сам валун-исполин уже угадывался впереди, густой чернотой на фоне всё ещё тёмного, но уже предрассветного неба. Макс повернул наугад налево и поехал по кольцевой дороге, удивляясь, что нигде не видно автобусов. Потом его осенило: все они собрались на восточной стороне камня. И это было правильной догадкой: через пять или шесть километров впереди запрыгали хромово-лаковые зайчики и засверкали отражатели большого количества автомобилей. Это было досадно, однако: одинокое общение с древним чудом природы исключалось. Раздражение аборигенов

можно было понять: Макс и сам ощутил его в полной мере. Но ничего не поделаешь – пришлось делить одно-единственное чудо на всех желающих им насладиться. Главное, чтобы чуда хватило на всех. Но тут как раз имел место тот редкий случай, когда чуда было много, с избытком.

Не без труда удалось Максиму запарковаться между двумя автобусами и кое-как выбраться из «лендровера». И лишь теперь, повернувшись лицом к валуну, стала ему очевидна огромность этого доисторического камня, напоминающего в этот миг серого, спящего мамонта на фоне просыпающегося, пока ещё тёмно-пепельного неба. Воздух был прохладен и неподвижен, и если бы не возбужденно-приглушенные голоса людей, то можно было бы услышать абсолютную, вселенскую тишину буша. Даже птицы не пели в ожидании исторического события, которое повторялось для них каждое утро снова и снова от начала времен и к которому они, очевидно, всё еще никак не могли привыкнуть.

Светало быстро. Все туристы покинули свои машины и автобусы. Сотни, а может быть и тысячи людей растянулись широким фронтом вдоль примитивного жердяного ограждения, отделяющего дорогу от владений аборигенов там, вблизи священной горы, и смотрели на пробуждающийся Айерс Рок, до которого было отсюда ещё метров семьсот. Древний бог аборигенов Улуру просыпался. Он наливался красным цветом. Сначала это был едва различимый, тёмно-бурый свет раскаляющегося в горне металла, затем глубокое пурпурное свечение стало насыщаться и густеть, набирая силу, и внутреннее горение это становилось всё ярче и ярче, и вот уже вся гора исходила алым сиянием на фоне пока ещё бледного неба и серого буша. По толпе покатился восторженный гул голосов. И Макс Триллер не менее других очарован был этим свечением, невиданным по масштабам и цветовому накалу. Но только это было не всё, это была лишь прелюдия к чуду. До настоящего чуда оставалось ещё несколько секунд... И вот, далеко за спинами туристов, над горизонтом взметнулся первый золотой луч солнца и ударил в вершину горы. И тогда произошло оно – великое чудо, никаким человеческим воображением не охватываемое. Вершина засияла пожаром такой яркости, алым светом такой силы, что сразу потускнели все остальные краски природы, и глаза уже не могли оторваться от этого священного огня. По мере восхода солнца алое пламя быстро спускалось вниз по склонам горы, и скоро уже пылала вся она – пылала так, что глазам стало больно смотреть, но и отвести взор было невозможно. «Вот она, та бездонная чистота, о которой говорили мои аборигены, – ахнул Макс, – вот она какая!..». Рядом с Максом молилась пожилая пара. Женщина молилась неслышным шёпотом, глядя на вершину

горы просветленным взором. Её муж, седой человек, смотрел на красный огонь расширенными глазами, и по щекам его катились слёзы. И вдруг ребенок, маленькая девочка, сидевшая на плечах у отца впереди Макса захлопала в ладоши. Аплодисменты были немедленно подхвачены толпой и покатались вширь, набирая силу и долго не умолкая. Околдованный светом горы, Макс поймал себя на том, что рукоплещет тоже. И это вовсе не было кощунством. Это было выражением благодарности Природе за её щедрый дар. Это была благодарность Господу Богу за то, что он есть. И неважно как его зовут – Иисус, Будда, Аллах или аборигенская Эра Сновидений. Важно другое: это был ОН! ОН сам, сам лично обращался к ним, к тварям земным, к детям своим! Он говорил с ними, и они видели это и понимали это. И охвачены были странным, священным чувством душевного просветления. Все вместе и каждый в отдельности.

Через несколько мгновений свечение стало слабеть, уходить в глубь камня, затухать. Вскоре величественный, красный валун просто доминировал надо всем сущим в этой части земли, но уже не гипнотизировал и не ворожил своим чарующим светом в потайных глубинах человеческих душ. Миг божественной чистоты был пережит и остался позади. Возможно, в ком-то он оставит свой след, возможно кто-то успел зачерпнуть Чистоты и унести её с собой по примеру аборигенов. Но Макс, замороженный чудом, не успел сделать того, что он запланировал. Он не успел попросить для себя у Великого Света... Николь. Остаться до завтра? Но практический разум уже диктовал своё: «Не будь идиотом, не будь язычником, иди к своей сердечной цели дальше – не с помощью мистики, но с помощью разума».

И Макс медленно двинулся в обратный путь. Он объехал на прощанье Пуп земли – божественный камень Улуру – ещё раз, по всему кругу, наблюдая, как цепочка людишек-муравьев карабкается вверх по западному склону, держась за трос. Оттуда, с огромной высоты они увидят австралийский аутбек до самой гряды Ката-Тьюта в одной стороне и горы Маунт Коннер – в другой. Возможно, оттуда можно увидеть даже Великий Каньон на горизонте. Но у Макса желания лезть на священный камень не возникло. Если бы оттуда можно было узреть Роксби Даунс – тогда другое дело. Но до Роксби было слишком далеко. Макс помахал камню рукой и отправился в Элис Спрингс со смешанными чувствами, отчасти просветленный внутренне, отчасти же непонятно чем опечаленный. Может быть, Свет Чистоты содержал послание о его будущем, которого он не сумел прочесть? Может быть, в этом послании зашифрована была его будущая трагедия, которую он смутно почуял? А может быть, всё это чушь, и он просто устал от бессонной ночи и пережитых

впечатлений. Да будет так и побоку меланхолию! Миром правят настоящие, деятельные мужчины. И за это им достаются прекрасные женщины. Такие как Николь... И Макс вдавил ногу в педаль газа.

Наверное, бог аборигенов, взглянувший в лицо Макса в утреннем сиянии горы Улуру, всё же прочёл что-то во взоре пришедшего к нему страдальца, потому что подарок Максиму он таки сотворил – даже и без специальной просьбы со стороны Макса. Потому что дома Макса ждало письмо от Николь – ответ на его скрытый призыв стать миллиардерами сообща. Правда, подарок оказался с горчинкой. Письмо Николь было по-дружески ласковым, с «милым Максом», но не более того. На прозрачную шутку с миллиардером она ответила шуткой же: якобы Рокфеллеру предложили однажды участвовать в телешоу «Кто хочет стать миллионером?», и он ответил редакции передачи: «Ни в коем случае! Мне и в миллиардерах хорошо». То есть Николь практически отвергала его, Макса, с его потенциальными миллиардами. Она намекала на то, что с триллиардами Грэй ей и так неплохо живётся. Или это была просто шутка, не имеющая двойного дна? Ведь написала она ниже и такое: «После твоего отъезда, Макс, здесь у нас тоже стало совсем скучно. Даже Джим перестал балагурить так как раньше. Я передала ему привет от тебя, и он прямо-таки расцвёл весь. «До чего же я люблю этого аммонитного американского троглодита!», – закричал он. Ну да ты его знаешь, на него нельзя обижаться. А в целом настроение такое, как будто после осени снова наступила осень. Но ведь так не бывает, милый Макс, не правда ли? Любая осень когда-нибудь да кончается...». Разве можно понимать эти строки иначе, чем приглашение Максиму набраться терпения и подождать ещё немного. Чего подождать? Да прихода весны – черным по белому ведь сказано! Весны для них двоих, надо понимать. Или ему просто хочется это так понимать?

В общем, неопределённость осталась, и она ползала по камерам сердца и грызла их – то тише, то больней. С ответом на это письмо Макс решил погодить. Ему надо было разобраться с завалами в собственных мозгах и на душе. Он был подрывником и хорошо знал, что картина проясняется только тогда, когда осядет пыль. А пыль от взвихрённых чувств пока ещё стояла столбом в его сознании. Поэтому он ограничился поздравительной рождественской открыткой со стандартными пожеланиями счастья, денег и здоровья и безо всяких излишеств в выражении личных чувств. Он даже передал в этой открытке небрежный привет Тому Грэй с пожеланиями ему надёжного пенсионного обеспечения в приближающейся старости. Это было ядовито, ну да и чёрт с ним, с этим Грэем. Если бы не он, то

Макс находился бы сейчас рядом с Николь... А Николь пусть простит ему эту язвительность, ведь она должна понимать отчего он готов плевать огнем...

К Новому году и Николь со своей стороны поздравила Макса – точно такой же стандартной открыткой, тоже без душевных излишеств, но и без колкостей. Если не считать колкостью подпись: «Николь Грэй». Как будто подчёркивая, что она носит фамилию Тома Грэя. Но, с другой стороны – ответила же! «Надо ждать» – был невесёлый промежуточный вывод, который сделал для себя Макс. И более активно занялся текущими проблемами своей фирмы, чтобы за делами быстрее летело время.

Однажды, в отсутствие посетителей, что случалось редко, затеялся у Макса неспешный разговор с братьями-аборигенами. Как обычно, вопрос очень скоро ушёл в философские дали: значение Эры Сновидений, её влияние на реальную жизнь и ошибочное отношение белых людей к земле и небу. «Нельзя продолжительно пить из той же чаши, в которую гадишь!, – кипятился Адам, – А вы, белые империалисты-глобалисты, делаете именно так! Вы обворовываете землю и убиваете небо. Вы производите ядовитую воду и хотите долго жить. Вы не можете долго жить в разладе с землёй, водой и небом. Час расплаты придёт. Наши духи говорят, что он уже близок. Мурр-мурр видит одну лишь черноту впереди.

– Мурр-мурр – это кто такой? Аборигенский предсказатель будущего? – поинтересовался Макс довольно рассеяно.

– Нет. Мурр-мурр – это наш колдун. Он умеет говорить с духами. И духи сообщают ему о событиях. У времени нет прошлого и будущего. Реально существует только настоящее, и в нём живут как прошлое, так и будущее. Есть события, выросшие из прошлого и имеющие влияние на будущее, и только эти события реальны в том смысле, что их можно видеть и слышать, они существуют на нашей стороне – на стороне живых созданий. Всё остальное – это духи, это те, кто уже ушёл от нас, или ещё не пришёл к нам. Они все вместе составляют Эру Сновидений.

– Послушай, Адам, ведь ты же образованный человек! Ну какие могут быть духи? И какие ещё колдуны умеют разговаривать с тенями? Это же всё шарлатаны чистой воды!

– Мурр-мурр не только колдун, он ещё и художник, – поддерживая брата, возразил из-за своего холста Рафаэль, – Мурр-мурр разговаривает с духами посредством картин. Они водят его руками, и он понимает, что они хотят ему сказать.

– И что же, они руками Мурр-мурра рисуют картины того, что будет?

– Что будет, или что было, или что есть: это уже мы сами должны понимать, что они нам рисуют. Но не все умеют это понимать. А колдуны могут. И Мурр-мурр может.

– А что это за Мурр-мурр такой? Почему его так странно зовут? Как дикого кота какого-нибудь...

– Он в детстве своём болел лихорадкой. Его трясло. «Мурр-мурр» означает на нашем языке – «Трясун». Потом, когда он вырос, приступы у него прекратились, а имя осталось.

– Ну и что за черноту такую страшную нарисовали Мурр-мурру ваши духи? Ядерную зиму? Космическую черную дыру?

– Не знаю. Но Мурр-мурр понимает духов правильно. Когда человек приходит к нему, чтобы спросить его о живых и мёртвых, то всё совпадает, о чем говорит Мурр-мурр. Для одного нашего родственника духи разрисовали скалу руками Мурр-мурра в ужасные цвета вихря. И через два лета наш родственник погиб в городе Дарвине от урагана по имени Трейси. Тогда погиб весь город – не только наш родственник. Но конечно, духи не знали, что город, который погибнет, называется Дарвин: этот город не относится к нашей культуре, и нашим духам он неизвестен. Мурр-мурр знал только, что в Эру Сновидений скоро вернется наш родственник, которого унесёт туда ветер. И он оказался прав, как видишь. Он всегда прав.

– Ну а... может ли ваш Мурр-мурр нарисовать что-нибудь для иностранца? Для меня, например.

– Этого я не могу знать. Захотят ли духи говорить о тебе с Мурр-мурром. Ведь они тебя не знают.

– Но из вашей Эры Сновидений должны быть видны все люди на земле, а не только аборигены? Любой бог объемлет всё сущее. Если он не шарлатан.

– Возможно, что ты прав, Макс. Но сказать это наверняка может только сам Мурр-мурр.

– Так давай же спросим его!

Австралийский экономист Адам Смит с удивлением воззрился на этого странного Макса, потом ухмыльнулся и пообещал: «Окей, я выясню».

Закончился январь, прошло полфевраля, и вдруг однажды Адам, раскладывая новую партию опалов в витрине, сказал Максу:

– Мурр-мурр согласился.

– Что? Мурр-мурр? Какой ещё Мурр-мурр? Ах, да, вспомнил: колдун. С чем он согласился?

– Он будет говорить с духами о тебе. Но ему нужны мыло и велосипед с насосом.

– Зачем духам мыло? Чтобы чистыми на велосипеде ездить?

– Не издевайся, Макс. Так сказал Мурр-мурр.

Максу стало смешно, но и немного тревожно на душе: от Николь вот уже полтора месяца не поступало никаких известий. Что это должно было означать? Может быть, хотя бы этот колдун-трясун Мурр-мурр от имени своих духов подаст какой-нибудь сигнал для зацепки? Чушь, конечно, но кто его знает? Всё-таки в древней культуре, во всей первобытной философии аборигенов содержится, помимо мистического и наивного, что-то чистое и здоровое, идущее от веры в единство человека и земли. И действительно ведь извлекают они из этой связи многое, часто наперёд знают что будет...

– Ладно, будет твоему Мурр-мурру велосипед с насосом, – пообещал Макс, улыбаясь, – пусть назначает встречу.

На свидание с колдуном Макс и Адам выехали ранним утром и прибыли в пустынную, холмистую, ярко-рыжую местность, уставленную гигантскими серыми валунами уже во второй половине дня. Промеж валунов извивались зеленые зонтики акаций. Местами деревья объединяли тощие кроны в подобие просторных, диких беседок, в прозрачной тени которых беспорядочно валялись вверх дном некие подобию речных лодок. Но то были не плавсредства, а кое-как сплетенные из веток жилища аборигенов. Их тени хватало ровно на то, чтобы не поджариться на полуденном солнце живьем. При всём уважении к своему соплеменнику Вандималунгу, вход чужакам на территорию суверенного поселения был запрещен, и посетители остановились в жидкой тени ближайшей акации в ожидании Мурр-Мурра. Но тот не торопился – где-то среди камней его задерживали злободневные колдовские дела. Устав плавиться на сидении и трясти головой, отгоняя мушек, Макс вылез из машины, откинул брезентовый тент «Лендровера» и позвонил в звоночек подарочного велосипеда. И в тот же миг из знойного марева материализовалась косматая фигура первобытного человека в джинсовых шортах. В остальном человек был гол, но кожа его расписана была красно-бело-черными татуировками такой плотности, что угадать натуральный её цвет не представлялось возможным. «За такую тонкую работу любой уважающий себя панк маму родную в ломбард бы сдал», – подумал Макс. По безумному взгляду призрака он догадался, что это и есть тот самый колдун Мурр Мурр – любитель мыла и велосипедов. Произошла не слишком бурная процедура знакомства, при которой Мурр Мурр в основном тряс ручки велосипеда, а к рукам прибывших клиентов едва прикоснулся, обозначая приветствие. Фанатический блеск в его глазах не прекращался – видно, это было от рождения, или профессиональное. Поздоровавшись таким образом с велосипедом, колдун чрезвычайно ловко

примостил коробку с мылом на багажник подарка, и нежно обнимая велосипед за руль, повел своего нового друга в сторону валунов, где и исчез бесследно.

– Он велел ждать здесь. Ночью он будет беседовать с духами, и если уломают их говорить о тебе, то завтра на рассвете приступит к делу.

– Я думал, что он уже договорился с ними! – возмутился Макс. – И потом: он ведь ничего тебе не сказал, откуда ты всё это знаешь?

– Он сказал это жестами и раскраской, – возразил Адам, – давай ставить палатку. Ночевать будем здесь. Если не хочешь – поехали назад.

- Ну уж нет. Велосипед получил – пусть теперь отрабатывает! – пробурчал Макс. Адам рассмеялся.

Установили палатку, собрали хворост и кору, развели костер, сварили чаю в котелке, открыли консервы и стали ужинать, провожая взглядами красное, расплавленное солнце, быстро стекающее в бурюю землю. Дотемна неспешно разговаривали о проблемах мироздания, дождались ночи, полюбовались на роскошные, махровые, многокаратные звезды, которые бывают только в Австралии, и забрались в палатку – коротать ночь в ожидании компетентного решения аборигенских духов. За брезентовыми стенами интенсивно шуршало и тявкало – там дикие собаки динго, а может быть опоссумы интересовались пустыми консервными банками. Или это были духи? Макс хотел было спросить об этом Адама, но медлил с вопросом, не желая обидеть своего менеджера пренебрежительным отношением к святой для каждого аборигена теме живых и мёртвых. Он медлил так долго, что уснул и тут же проснулся от слов Вандималунгу: «Макс, вставай: Мурр-Мурр пришёл».

Было уже утро, звезды погасли и валуны черными массами обступали палатку на фоне наливающегося золотом неба. Мурр-Мурр, материализовавшийся на сей раз из ночных теней, совершил короткий танец, обозначающий, очевидно, приветствие, хотя, возможно, это был рецидив утренней лихорадки, оставшейся у него от тяжелого детства. Затем он повернулся к гостям спиной и пошёл прочь, рискуя раствориться в сумерках. Вандималунгу подхватил канистру с водой и сказал Макс: «Быстро за ним...». Соискатели будущего бегом устремились вслед за тенью колдуна. Нагнали его уже в проходе меж двух валунов и дальше пошли цепочкой: Мурр-Мурр впереди, за ним Макс, потом Адам. Шли довольно долго, петляя среди валунов и забираясь все выше в каменистые холмы. Рассвело окончательно, и было видно, что Мурр-Мурр облачен в особенно торжественные перья. Стало быть, духи согласились на randevу – потолковать о портрете жизни белого человека Макса из Америки.

Внезапно Мурр-Мурр остановился и что-то проговорил.

– Дальше начинается запретная зона, – объяснил Адам, – я остаюсь здесь. Ты допущен. Иди за ним. Вот, возьми воду...

Но Макс в некотором раздражении от всех этих глупостей, лишь махнул рукой, воду не взял и двинулся за шаманом, жалея, что вообще соблазнился на эту идиотскую авантюру. Они поднялись по каменной россыпи ещё на сотню метров и уткнулись в почти плоскую стену горы, заляпанную краской от предыдущих переговоров с духами. Мурр-Мурр указал Макс на круглый камень и приказал вполне понятно, по-английски: «Сит. Вэйт». Макс сел и стал ждать, как было велено. Он огляделся. У подножья горы, немного в стороне лежала самодельная, кривая, вязаная лианами лестница из чёрных, кривых стволиков акации и стояло пластиковое ведро с торчащими из него черенками кистей. Всё это – средства общения с духами, догадался Макс. Мурр-Мурр двигался быстро: пристроил лестницу к стене, посредством бельевых веревок нацепил на шею несколько банок с красками и ведро с кистями и полез вверх – разговаривать с духами Эры Сновидений на вечном языке изобразительного искусства.

Обсуждать судьбу Макса с духами он начал на высоте примерно трёх с половиной метров, и Макс теперь уже с увлечением следил за действиями творца-шамана. Языка кистей и красок тому явно не хватало для разговора с духами, потому что он время от времени вступал с невидимыми собеседниками в визгливые споры, размахивал руками и дрыгал то одной ногой, то другой, совершая при этом акробатические телодвижения, бросающие прямой вызов земному тяготению. Потом, видимо договорившись о чём-то, он творил дальше. Верхняя часть картины была радужной и состояла из желтых, красных и зеленых полос, которые причудливо переплетались, утыкались друг в друга или закручивались в клубок. Из этого Макс сделал автобиографический вывод, что парень он не простой, запутанный, многоцветный, но преобладают в нем всё же светлые тона. Но по мере того, как солнце поднималось, а Мурр-Мурр опускался по лестнице, краски его становились всё темней. Теперь уже в графике судьбы Макса преобладали бурые цвета с вплетением лиловых, коричневых и черных пятен. Скандальные споры художника со своими вдохновителями становились при этом всё короче и, наконец, оборвались совсем. Мурр-Мурр взмахивал теперь своими кистями резко и раздраженно, если не сказать злобно. Когда художник спустился на землю и лестница стала не нужна, колдун орудовал только двумя кистями: черной и коричневой. Он был мрачен, часто останавливался, бормотал звуками, похожими на проклятья, затем бросил кисти в ведро, отошёл к подножью горы и сел, закрыв глаза. Закончил, что ли? Картина жизни Макса и впрямь представлялась завершённой – сверху светлая, снизу тёмная, с завитушками. Макс обратил внимание, что в

двух местах – один раз повыше, другой раз пониже картину его жизни пересекали извилистые пунктирные линии из бело-желтых точек, как будто здесь суетливо пробежала гигантская, измазанная мелом сороконожка.

– Эй, Мурр-Мурр, просыпайся. Что дальше-то?

Но Мурр-Мурр не шевелился – то ли умер, то ли впал в священный транс. Макс выждал ещё минут пять и поднялся с камня. Ему весь этот балаган надоел. К тому же страшно хотелось пить: зря он не взял с собой воду. Если бы не легкий ветер, гуляющий среди скал, то он давно бы уже запёкся в собственной шкуре на своём зрительском камне. К тому же ещё и солнце, перевалив через «художественную» скалу Мурр-Мурра и увидев чужака на камне, набросилось на него от имени всех термоядерных реакций Вселенной, вместе взятых. Макс, пошатываясь, пошагал вниз по тропе, по которой они пришли утром.

Адам ждал его, сидя на корточках под колючим зеленым кустом и потупившись. Кажется, он дремал. Но встрепенулся сразу на шорох шагов и спросил: «Где Мурр-Мурр?».

– Спит под своим мольбертом. Пошли отсюда. Надоела вся эта дуристика. Измазал стену краской и вырубился.

– Нет. Подождём. Он совещается с духами о твоей картине. Скоро придет.

Видимо, Адам Вандималунгу с процедурой аборигенского шаманства был знаком не по наслышке. Потому что через несколько минут колдун действительно появился – на вид подавленный и даже несчастный. На Макса он не смотрел. Адаму быстрой скороговоркой объяснил положение дел и скорбно замолчал. Вандималунгу помедлил и перевел Максу:

– Духи очень разозлились и обругали Мурр-Мурра за тебя. Ты падаешь в бездну, сказал Мурр-Мурр. Или уже упал. Или ещё упадешь.

– Чушь какая! А может я, наоборот, из темноты к свету двигаюсь? Снизу вверх?

Мурр-Мурр как будто понял, у него появился озадаченный вид на лице и он что-то пробормотал.

– Такое тоже возможно, – перевёл Адам, – будущего нет, верха и низа нет – есть только события.

– Короче: полная чушь. А что это у него за белые линии поперёк картины? Как будто гусеница проползла?

Вандималунгу спросил, Мурр-Мурр ответил, Адам перевёл:

– Это не гусеница. Это – белая игуана.

– Ну и что она такое делает на моём портрете? Что она обозначает?

Мурр-мурр снова что-то объяснил, на этот раз весьма эмоционально, с просторным вращением рук.

– Она может обозначать что угодно. Женщину или удачу. А может быть, и несчастье, если игуана в плохом настроении.

– А в каком настроении игуана?

– В данный момент она находится в панике. И духи тоже рассердились.

Мурр-Мурр просит, чтобы мы ушли и унесли свои несчастья с собой. Так потребовали духи.

– Пошёл он к чёрту, твой Мурр-Мурр. Элементарный жулик. Пусть велосипед вернёт. Переведи ему.

Адам перепугался не на шутку:

– Нельзя, Макс, никак нельзя. Духи оскорбятся. Они нашьют на нас ужасные беды. С духами лучше не заедаться, Макс – они гораздо сильнее живых людей, потому что объединяют в себе волю живых и волю мёртвых, которых много, очень много. Но ты всё равно не поймёшь. Я и сам не понимаю. Пошли скорей отсюда. А картину свою ты сам должен понимать лучше других: ведь она объясняет именно тебя. Кто может знать тебя лучше, чем ты сам? Вспоминай картину и пытайся понять что к чему в твоей жизни.., – всё это Адам проговаривал уже на ходу, торопливо спускаясь по горячим склонам священных владений Мурр-Мурра и рассекая густую жару, иссушающую тело и жалящую солнечными стрелами песок, и камень, и любую живность, имеющую несчастье угодить в её испепеляющий плен. Влага живых тел мгновенно отсасывалась ненасытным синим небом, чтобы где-то там, на невероятной высоте сгуститься в кристаллики воды, соединиться с миллионами других таких же облачков и где-то далеко, зацепившись за высокие горы, пролиться благодатным дождём, подарив земле воду для хлебов, цветов и детского смеха.

Не умом – спинным мозгом постиг вдруг Макс глубокую аборигенскую истину о единстве земли и неба, о связи живого с неживым. Сам лично на философской шкале аборигенов он находился в этот момент ближе к неживому, чем к живому. От живого в нём оставалась одна лишь злость.

Спотыкаясь, оступаясь, скользя по камням и глухо чертыхаясь, Макс следовал за Адамом. За эти проклятья духи Мурр-Мурра им отомстили: на обратном пути у «Лендровера» один за другим лопнули два ската, прорезанные острыми осколками кварца. Пришлось долго мучиться, меняя запасную камеру, сбивая пальцы в кровь и задыхаясь в фокусе адовой солнечной линзы. В Элис Спрингс вкатились на закате, полуживые и мрачные.

Ночью Макс проснулся. Ему казалось, что Мурр-Мурр сидит на стуле у окна. Его профиль четко проступал тенью на стене. Макс лихорадочно нашарил шнурок лампы торшера и включил свет. Стул был пуст. «Наваждение, –

подумал Макс, – чёртов Мурр-Мурр, теперь он будет являться мне в кошмарах со своей идиотской наскальной живописью. Питекантроп... Шарлатан... «Белая игуана»!.. Хотя... Хотя, если художественные видения колдуна хоть в какой-то мере содержат смысл, то под белой игуаной можно понимать Николь... Два раза она пересекает мою жизнь на картине Мурр-Мурра. Один раз уже был, он позади. Значит, быть ещё одной встрече... Ах, чушь какая!.. Хотя сказала ведь сама Николь: «Мы ещё увидимся». И за язык её никто не тянул при этом... «Осень кончится», – написала она. Ладно, пусть так. Сейчас в Австралии лето. Осень кончится в августе. В сентябре поеду к ней. Пусть скажет либо «да», либо «нет». Если «нет», то брошу всё и вернусь в Америку... «Белая игуана»... Путь в бездну»... – Макс выключил свет, и Мурр-Мурр вернулся на стул у окна. Чтобы его не видеть, Макс закрыл глаза. Но Мурр-Мурр перекочевал под веки и оставался с Максом до самого утра, изводя подрывника разными пакостями. В том числе он пикировал на Макса из кабины «Фантома» и давал по нему длинные очереди крупным калибром. Все пули попадали в тело и рвали Максую мясо в клочья, ему было очень больно, но он оставался жив, а раны его затягивались раньше, чем Мурр-Мурр успевал зайти на следующий круг атаки.

Тяжелое пробуждение избавило Макса от этих шаманских пыток, и он спустился в салон, к своим опалам. Там Адам Смит в белоснежной сорочке с зеленой «бабочкой» на шее уже включал кондиционеры и был готов к очередному нашествию туристов. Рафаэль в своём углу тоже творил вовсю: из-под его кисти по полотну холста в разные стороны разбегались... белые игуаны. Наваждение продолжалось.

В марте, к очередному дню рождения Николь Макс снова заказал у мадам Харвильд цветы: девятнадцать белых хризантем. Он позвонил в Роксби из Элис Спрингс и, удивительное дело, миссис Харвильд узнала его сразу.

– Запишите адрес доставки, миссис Харвильд, – попросил её Макс.

– Диктуйте, Макс, я пишу. Хотя я и так догадываюсь для кого они.

– Откуда Вы знаете?

– Я же сказала: догадалась. Я старая, догадливая ведьма, сынок, – сообщила ему миссис Харвильд и захохотала своим прокуренным басом. Тем не менее, адрес Николь Грэй Макс ей дал, чтобы исключить любую ошибку. Старая ведьма довольно хмыкнула: видимо, догадывалась она правильно. Ну да и чёрт с ней. Макс был далеко от Роксби Даунс и скомпрометировать Николь никак не мог. И пусть тамошние чопорные курицы хоть подавятся от зависти к чужой романтической любви, а кто-то, возможно, и вздохнёт печально: не каждой даме в австралийской пустыне посыльный приносит в день рождения белые хризантемы от далёкого принца...

Десять дней спустя от Николь пришло коротенькое письмо. «Спасибо Тебе за цветы и поздравление, мой милый Макс. Я смотрела на них весь день и пела. Я и сейчас на них смотрю. Кажется, на фирме назревают какие-то большие события. Я думаю, что мы скоро увидимся. Целую, Николь». Макс перечитал письмо сто раз подряд и всё не мог начитать. «Вот так Мурр-Мурр,! – возликовал он во весь голос после очередного прочтения, – ведь предсказал-таки старый прохиндей про белую игуану... Ах ты, игуанушка моя беленькая, ящерка ты моя драгоценная, королева ты моя из Эры аборигенских Сновидений... Жаль, конечно, что ты не подписалась: «Твоя Николь». Ну да всё правильно: ты пока ещё не моя Николь. Но вот же: «Скоро увидимся!», пишешь ты. Да, мы скоро увидимся, Николь, родная моя...»... И Макс отправился на курган ANZAC – смотреть в сторону Роксби Даунс. Душа его пела тонкими и торжественными голосами сразу нескольких амурчиков – как будто тот, его Амурчик собрал целый хор певцов в храм Афродиты, чтобы пропеть гимн во славу своей победы...

Прошёл ещё месяц. Макс ждал. Салон процветал. Более того: дела шли так хорошо, что Макс выкупил здание магазина вместе с апартаментами у владельца – одним разом, без кредита. Теперь ему не нужно было платить за аренду, и положительное сальдо магазина росло ещё быстрее. Макс стал полноценным хозяином небольшого, но собственного бизнес-мира и, в глазах местного истеблишмента превратился в авторитетную личность, заметную фигуру. В старину подобных молодых и богатых холостяков называли «выгодными женихами». Но «жених» Макс потенциальными невестами не интересовался. Он ждал Николь. И считал деньги. И радовался, что их много и становится всё больше. Всю эту кучу денег он мечтал положить к ногам любимой своей Николь.

А Рафаэль не успевал рисовать картины. И Адам занимался бухгалтерией уже ночами – белого дня ему перестало хватать, чтобы успеть сделать всё необходимое. А Макс подвозил всё новые опалы. За прошедшие месяцы у Макса появились разветвленные связи в ювелирных кругах. Он научился покупать выгодно.

Однажды в конце апреля Макс отправился к индусу Найяру – большому пройдохе, у которого можно было закупить опалы по очень низкой цене. Происхождение этих камней было не слишком прозрачным: Найяр, якобы, скупал их на таможенных аукционах по реализации контрабандного товара. Частично так и было. Опалы были преимущественно хорошие, только нужно было внимательно смотреть, чтобы не попались великолепные китайские подделки из пластмассы, почти неотличимые от настоящих опалов. Этим как

раз и занимался Макс в тот момент, когда в подсобку Найара вошёл, вежливо постучавшись, Адам, имеющий сюда допуск.

– Ты что? – удивился Макс, – а кто в салоне остался?

– Рафаэль присматривает. А я пришёл тебе сказать, что тебя дама ждёт и нервничает.

– Туристка? Что хочет? Всю лавку скупить? Зачем я-то нужен? А ты на что?

– Нет, не туристка. Я думаю, что это она... Ну, Белая игуана твоя. Перед магазином машина стоит – голубой «шевроле». Номерные знаки сиднейские. Дама очень красивая...

Но Макс уже бежал к выходу: он хорошо знал эту машину. Он бежал и думал, что это сон: сейчас он проснется. Но оставался позади перекрёсток за перекрёстком, а сон не прерывался. И вот уже он на своей улице, и вот уже показалась вывеска «Nicole», и вот он видит уже синий «Шевроле», и вот уже дверь, и вот уже... ОНА!.. поднимается ему навстречу с мягкого дивана... ОНА!... улыбается... Да, Это ОНА, и это не сон... Или всё же сон?...

– Здравствуй, Макс. Ты удивлён?

– Я... я не верю своим глазам... Я всё ещё думаю, что это сон... Николь! Jesus Christ! Николь!!!

– Да, это я, Макс. И это не сон. У тебя есть душ? Я десять часов за рулем, в глазах рябит.

– Что? Душ? Да, есть, конечно. Пойдем наверх. Я живу наверху... Господи! Николь!.. Николь!!!

– Я только сумку из машины заберу.

– Пошли вместе, я отнесу... а то вдруг ты исчезнешь...

Макс помогал своей неожиданной, драгоценной гостье подниматься по лестнице и всё ещё не верил своему счастью. Знакомый запах её духов кружил ему голову.

– Только у меня не убрано, – спохватился он в панике.

– Конечно, как и положено настоящему холостяку, – засмеялась Николь, – но это хорошо, Макс, что у тебя не убрано. Если бы было убрано, то я начала бы ревновать... Я шучу... Я сама виновата, Макс: приехала неожиданно, без предупреждения.

– Ты насовсем приехала? – задал Макс несвоевременный вопрос и прикусил язык: не следовало подталкивать судьбу. Они уже стояли у входной двери в его апартаменты. Николь ему не отвечала, как будто не расслышала вопрос. Ну и хорошо. Потом, скоро это и так станет ясно.

Макс выдал Николь чистое полотенце и бутылку шампуня, проводил её до занавески душа и сказал, что приготовит кофе. Сквозь грохот сердца и шум крови в ушах он слышал, как плещется вода в душе и тыкался невпопад руками, путаясь меж кастрюлек, ложек, чашек и прочей кухонной утвари, необходимой для кофепития. Дважды он пролил воду, затем понёс кипяток к холодильнику вместо того, чтобы достать оттуда молоко – короче, сдурел окончательно, сотрясаемый вопросом: зачем она приехала? Что теперь будет? Неужели свершилось? Неужели она останется? Неужели наступает для него новая жизнь? Жизнь, о которой он так мечтал все последние годы... От волнения он метался с горячим чайником в руке по комнате, другой рукой кое-как поправляя постель и затапливая беспорядочное бытовое тряпье куда попало с глаз долой. Чайник он снова поставил на газовую плитку, когда Николь, переодетая в домашний халатик, уже выходила из душа, прекрасная как русалка Лорелай из старой немецкой сказки. – «Халатик! Она взяла с собой домашний халатик!», – яростно шептал Макс в ухо перевозбуждённый Амурчик, - ты замечаешь что это значит?»... А Макс между тем застыл на месте, любуясь и восхищаясь Николь, но не мог не отметить взглядом дельца, которым он стал в последнее время, что Николь выглядит слегка постаревшей и сильно уставшей. Что-то её угнетало.

– Садись, Николь. И рассказывай. А я буду слушать. Потому что про меня ты всё уже знаешь – я тебе обо всём писал.

Николь опустила в кресло и стала смотреть на Макса странным взглядом: вроде бы ласковым, но в то же время и озабоченным, и печальным.

– Что, Николь? Что-то не так?

Она покачала головой, и нельзя было понять, что она хочет этим сказать: всё хорошо, или что-то случилось? Макс не выдержал её молчания:

– Николь, ты ко мне приехала? – Вопрос был глуповат: ну не к Адаму же Смиуту она приехала за деловой консультацией, на самом деле. Но Николь поняла его. Помедлив, она ответила коротко: «Да».

– Надолго?

Ответ снова был коротким и прозвучал горько: «Нет».

– Тогда... скажи мне... Я ждал тебя всё это время. Не вернулся в Америку, чтобы оставаться поблизости...

– Я знаю, Макс. Чтобы нам оставаться поблизости, приехала сюда и я... Это звучало непонятно, но Макс задал другой вопрос, который занимал его в данную секунду ещё больше:

– Грэй знает?

И снова Николь помедлила, и глядя чуть в сторону, мимо Макса, ответила неопределенно:

– Том в Америке. Возвращается послезавтра.

Повисла пауза. В тишину ворвался свист чайника. Макс бестолковыми движениями принялся заваривать кофе. Уронил пачку. Николь забрала у него ложку: «Я сама заварю, седи». Она казалась намного спокойней Макса. Хотя ложечка подрагивала и в её руке. Она разлила напиток по чашкам, сделала глоток и сказала:

– Мы уезжаем, Макс. Мы с Грэем покидаем Австралию.

У Макса оборвалось сердце.

– Как уезжаете? Почему? Когда? И ты тоже? Насовсем? Но я думал... – он замолчал, борясь со спазмом в горле.

– Макс, дело в том, что Тома отзывают. Фирма „S&G“ – это всего лишь одна из частей большого концерна... В общем, Грэй нужен в другом месте и обязан подчиниться. А я должна ехать с ним... Но я не хочу потерять тебя. Поэтому я здесь. Я... я хочу забрать тебя с собой... с нами...

Макс не верил своим ушам, он вообще ничего не понимал.

– Что значит забрать, Николь? Я что – чемодан? Или домашний пудель? Как это вы меня заберёте с собой? В какой роли?

– В роли профессионального подрывника высшего класса, Макс.

– Не понял. Я не работаю на фирме „S&G“, я уволен год назад. И я не подрывник больше, я – бизнесмен, владелец магазина. Я состоятельный человек. Я думал, что придет день, и ты останешься со мной, и мы будем жить здесь, в Элис Спрингс, или где-нибудь еще – где захочешь. Я ничего не понимаю...

– На самом деле всё просто. Три года подряд Грэй докладывал руководству в своих отчетах о том, что у него есть уникальный специалист-подрывник. Потом он тебя уволил. И вдруг у него потребовали, чтобы он откомандировал тебя в распоряжение Центра. Он сознался, что ты уволен. Его обругали. Потом его вызвали в Америку. Объявили о переводе. Узнавали о тебе. Он сообщил, что ты занимаешься другим делом, открыл магазин. Это я тебе сказала про тебя. Призналась, что ты мне пишешь. Мы поссорились. Но это теперь уже неважно... От него потребовали, чтобы он уговорил тебя вернуться в Америку. Ты нужен фирме на каких-то фантастических условиях, которые даже самому Грэю не снились, как я поняла... Что-то там с глубинным бурением, что ли – я не знаю... Но Том сказал, что убедить тебя не сможет, потому что ты с ним даже говорить не станешь. Вот. И тогда Грэй попросил меня, чтобы к тебе обратилась я. Чтобы уговорила тебя. Получилось смешно. Грэю посулили серьезные неприятности по службе, если он тебя не доставит в Америку, на фирму, а он ревнует к тебе, как бешеный, и всё равно просит меня

уговорить тебя. А я, со своей стороны, только обрадовалась: ты поедешь с нами в Америку, и мы снова будем поблизости.

– А дальше?

– А дальше время покажет. Всё меняется в жизни... мы с тобой уже говорили об этом. У меня есть такое подозрение, что Том... что Грэй вернется к своей первой жене. Она очень больна. Она всё ещё любит его. Сыновья поставили ему что-то вроде ультиматума. Он любит меня, но очень мучается. Он порядочный человек, Макс, но очень одержимый. У него космические идеи какие-то... Иногда из-за них он даже про меня забывает... В общем, если он решит уйти от меня, то я не буду его удерживать. Но я не хочу, чтобы первый шаг исходил от меня. Ты должен меня понять, Макс.

– Да, я должен тебя понять, Николь. И ещё я должен сидеть потом и ждать, когда Грэй примет своё историческое решение. А если он не примет его никогда, то чего мне останется ждать тогда – его похорон, что ли?

– Макс!

– Прости меня. Но всё это просто невероятно!

– Да, это невероятно. Пусть будет невероятно. Но ты ответь мне: ты вернешься со мной в Америку?

– С тобой – да. С Грэем – нет.

– Макс, я спрошу тебя иначе: ты поедешь в Америку вслед за мной, чтобы мы могли там видаться и... быть в дальнейшем вместе?

– В каком дальнейшем?

– Не знаю. Но без первого шага не может быть и следующих. В общем, я приехала сюда за тобой. Ты поедешь?

– Тогда ответь сначала ты мне: ты останешься у меня... до завтра?

Николь опустила глаза и тихо ответила: «Да». Сердце Макса подпрыгнуло, сделало кульбит и замерло. Амурчик ахнул. Пересохшим горлом Макс сказал:

– Я поеду за тобой в Америку.

Описание того вечера и последовавшей за ним ночи – не для посторонних. Воспоминание об этой ночи унесли с собой только двое – Макс Триллер и Николь Грэй. Да ещё Амурчик незримо находился с ними. Поначалу он жутко переживал, что от великого смятения чувств у его подопечного Макса ничего не получается, а потом, когда Николь взяла инициативу в свои руки и всё пошло-поехало-завертелось-запрыгало и застонало на высший балл с двумя плюсами, Амурчик пришёл в полный восторг, хохотал, взвизгивал и гремел посудой и мебелью. Он продолжал куражиться и после того, как измождённые любовники уснули под утро. Они уснули, а Амурчик продолжал носиться по райским кущам в образе говорящего попугая и декламировал стихи

неизвестных авторов любовного содержания. Время от времени он прекращал декламировать и, прикинувшись соловьём, оглушительно насвистывал мелодию свадебного марша Мендельсона. А один раз он упал с ветки прямо на плечи Макс, обхватил голову Макса мощными, душными крыльями и принялся страстно целовать его в губы. Макс отталкивал его, отплёвывался и кричал, что ему нужна белая игуана, а не зелёный попугай. Амурчик тут же обращался в голую игуану, и Макс падал с ней в траву. Он чувствовал себя абсолютно счастливым, таким счастливым, что от этой горы счастья делалось жутко...

А потом настало утро, и Николь уехала. Макс хотел сопровождать её, или поехать вслед за ней до поворота на Роксби, но она ему запретила. Машину она водит хорошо, сказала она, и память о безумной ночи не даст ей уснуть за рулём.

Когда её машина скрылась за поворотом улицы, Макс, сияя счастливыми глазами, вошёл в свой салон по имени «Николь». Его дорогие, бесценные друзья-aborигены, Рафаэль и Адам, встречали его широчайшими улыбками, хотя и отводили деликатно глаза: они у себя внизу всё слышали, он не давал им спать до рассвета. И за это их уважение к дорогому шефу и другу возросло ещё на порядок. Макс пригласил их вечером в ресторан – отметить годовщину блестящих успехов фирмы. Но только все трое знали, что отмечается на самом деле: ночь Белой игуаны.

Ещё через две недели Николь позвонила Макс, из Сиднея. Она и Грэй были уже там. Николь сообщила, что они вылетают в Штаты двадцать седьмого апреля, а Макс забронированы места на восьмое мая.

– Заберёшь билеты у Стива, – сказала она, – он тебя и в аэропорт доставит, если захочешь. Он будет в твоём полном распоряжении. Ты не забудешь? – восьмое мая, в двенадцать-сорок по местному времени. Да как ты можешь забыть? – это ведь твой день рождения, Макс: видишь, я тоже помню... А раньше мест не было, – начала оправдываться Николь, – но это даже как-то символично получается: в свой день рождения ты как будто бы рождаешься заново для новой жизни...

– Для новой счастливой жизни, – поправил её Макс. Но его интересовал в данный момент совсем другой вопрос:

– Как я найду тебя в Штатах, Николь? По какому адресу? По какому телефону?

– Макс, я еще сама не знаю точно. Сначала мы будем в гостинице фирмы, я так поняла Тома. Но ты сразу всё узнаешь, как только прибудешь. Тебя у трапа самолёта встретит сотрудник фирмы по имени Джереми Кларк. Он

отвезёт тебя в центральный офис. Он тебе всё объяснит и про новую работу, и обо мне. Макс, милый, поверь: я сама почти ничего не знаю... Грэй со мною в ссоре... сам понимаешь почему. Вместо того, чтобы быть благодарным за тебя... – и она засмеялась абсурдности своей последней фразы. – Да, и ещё, Макс. Грэй велел сообщить тебе, что на пятнадцатое мая тебе забронирован обратный билет в Австралию. Это на случай, если ты откажешься от делового предложения фирмы. Я допускаю, что Том будет не против, если ты откажешься. А я не хочу этого. Лучше бы ты порвал обратный билет. Но это твоё решение, Макс.

– Я порву обратный билет, Николь. Даже если откажусь от делового предложения фирмы.

– Прощай, Макс.

– До скорого свидания, Николь. Я люблю тебя, – в трубке возникла секундная пауза, потом голос Николь: «Макс, милый мой мальчик, я тоже... но мне нужно теперь положить трубку...» – и связь прервалась. Видно, Грэй был где-то рядом.

Восьмого мая Макс вылетел из Элис Спрингс в Сидней. Свой «Лэндровер» и всё своё имущество он оставил на сохранение друзьям-аборигенам. На имя Адама Смита он оформил всеобъемлющую доверенность на ведение дел магазина-салона – с правом нанимать и увольнять работников, распоряжаться всеми финансовыми вопросами и принимать решения по сделкам. Зарплату Адаму он повысил вдвое, оставив за ним право устанавливать вознаграждение за работу Рафаэля по собственному усмотрению.

Братья проводили Макса в аэропорт, и когда он уходил на посадку, они кричали ему вслед хором: «Возвращайся скорей, Макс, мы будем ждать тебя!». Вряд ли ещё кому-то из белых людей доводилось и ещё доведётся впредь слышать такие слова из уст австралийских аборигенов.

Часть II

ХУНЬ-ДУНЬ

(«ХУНЬ-ДУНЬ» - в понятиях традиционной китайской философии означает „хаос“. Хуньдунь - это мифологическое существо, передающее образ смутного и неопределимого недифференцированного хаоса)

1. В погоню за белой игуаной.

Машина вылетела на восток с сорокаминутной задержкой из-за двух медвежат коала для американского зоопарка, у которых что-то было не в порядке то ли с визами, то ли с прививками. Тем не менее, ветер дул самолёту в хвост, о чём радостно сообщил пассажирам капитан корабля, так что через полсуток нудного полёта машина, обогнав с дюжину часовых поясов и обдунив собственное расписание, приземлилась в Лос-Анджелесе на семь минут раньше положенного. Возможно, эти семь минут спасли Максу жизнь. Четырнадцать часов он сидел, зажатый с двух сторон невероятными американскими толстяками – охотниками на кенгуру, возвращающимися на родину с богатыми трофеями в багаже. Потные и тяжёлые жиры охотников накатывались на Макса, душили и обволакивали его, как плотоядное тесто, и до конца полёта должны были охватить его с двух сторон и удушить окончательно. Сидеть рядом толстяки по понятной причине не могли, и место между ними должно было бы, по-хорошему, служить коллективным жироприёмником. Но роль жироприёмника досталась Максу. Ни одного свободного кресла ни в одном из четырёх огромных салонов самолёта для Макса, ради его спасения не нашлось. Ему оставалось только медленно умирать, слушая тягучий гул чужих жиров на своих плечах и коленях. К тому же brave охотники ещё и бурно обсуждали успешную внешнюю политику и замечательную военную доктрину Соединённых Штатов Америки, хвалили глобализм, часто засыпали, а проснувшись, продолжали его хвалить. Макс клялся себе, что если останется жив, то приземлившись, первым делом запишется в воинствующие антиглобалисты и всю оставшуюся жизнь будет глобалистов взрывать по всему миру. Именно поэтому эти семь минут досрочного приземления оказались для него спасительными.

Следующие пять часов Макс Триллер отходил от удушья в транзитном зале и маялся в ожидании следующего рейса на Вашингтон. Он три раза пил

кофе, читал газеты, слонялся по магазину Duty Free и даже позвонил своим аборигенам в Элис Спрингс, чтобы передать им горячий привет из Америки и сообщить им, что он всё ещё жив, как это ни странно.

Лишь под вечер следующая машина доставила Макса в Вашингтон, в международный аэропорт Даллес. У трапа, как и обещано было, его встречали. Ещё в дверях самолёта Макс увидел внизу незнакомого человека в светлом плаще и черной шляпе, который улыбался ему. Это мог быть только тот самый Джереми Кларк, представитель фирмы, жаждущей нанять Макса на работу. Наверняка Грэй вручил Кларку фотографию Триллера – иначе как бы сотрудник фирмы мог его сразу опознать в толпе гостей?

Пассажиры прямым ходом направлялись в ожидающие рядом жёлтые таксобусы, но для Макса приготовлен был сюрприз: его встречали на сером микробусе марки «Форд» с затемнёнными стеклами. Крепко пожав Максу руку и продолжая открыто и радостно улыбаться, мистер Кларк спросил:

– Как долетели, Макс? Отлично?

Лицо у Кларка было располагающим, черты лица правильные, и всё вообще было в нем правильно и чётко. Но что-то слегка раздражало Макса, возможно, вследствие утомления долгим перелётом, и он сухогато отшутился:

– Вы уже сами ответили на вопрос, Кларк. Вы ведь мистер Кларк, не так ли?

– Собственной персоной. Прошу прощения, что не представился сразу. Но Вы человек сообразительный, Макс, и это весьма ценное качество для наших дел.

– Каких дел?

– Об этом потом. Садитесь в машину. Говорить будем там. Отдайте мне, пожалуйста, багажные квитанции, Джонни привезёт ваши вещи чуть позже.

Джонни – это был шофёр микробуса – здоровенный детина с квадратной челюстью, в джинсах и чёрном пиджаке поверх красной майки с надписью «Вирджиния». Макс попытался вспомнить, не видел ли он это лицо во второстепенных ролях фильма «Тюряга».

– «Хай!», – сказал Джонни, забирая у Макса квитанции. Да, в вестернах Джонни наверняка снимался, причём в сценах погони, потому что рванул с места и понёсся так, что у Кларка свалилась с головы шляпа.

– Полегче, Джонни, – сказал Кларк, нажав на кнопку кромкой связи на прозрачной стенке, отделяющей салон от водительской кабины. Джонни кивнул и помчался ещё быстрее. Кларк отпустил кнопку и с гордостью обратился к Максусу:

– Видали, Макс? У нас работают лучшие кадры планеты. Вы можете стать одним из них. Впечатляет?

– Понятия не имею, что меня должно впечатлить. Я вообще не знаю, кто вы такие, какая фирма желает меня нанять и на какую именно работу. Что-то связанное с глубинным бурением, мне сказали, но это, честно говоря, не мой профиль.

– Глубинное бурение? – радостно изумился Кларк и захохотал, – это мне нравится, это здорово, очень остроумно. Да-да, в некотором роде, можно сказать, мы занимаемся, в том числе и глубинным бурением, ха-ха-ха. Это Грэй Вам сказал такое?

– Да, – чуть поколебавшись ответил Макс. Кларк слегка усмехнулся, прищурившись одним глазом, как будто подмигнул уличённому во лжи Триллеру, но ничего не сказал и продолжал смотреть Максу прямо в глаза, очень доброжелательно.

– Будьте спокойны, работа отличная, Макс, – кивнул он, наконец, – и именно по Вашему профилю.

– И что же это за хорошая работа такая, мистер Кларк? Вообще-то у меня есть своё дело в Австралии, и я им вполне доволен.

– В Америке Вы будете довольны ещё больше, Макс – это я Вам гарантирую. Считайте, что Вы сняли Джек-пот. Это во-первых. А во-вторых зовите меня впредь Джереми, или, ещё лучше Джерри, как зовут меня друзья.

– Мы уже друзья?

– А как же! Мы уже друзья, и без пяти минут братья... по глубинному бурению, ха-ха-ха...

– И всё-таки, Джереми. Мне бы хотелось узнать зачем я здесь и что вы от меня хотите.

– Не всё сразу, дорогой Макс. Кроме того, деловые разговоры предстоят Вам лишь завтра утром, в кабинете у шефа, моя же задача – встретить Вас и комфортно расположить на отдых в нашей фирменной гостинице.

– Грэй тоже в этой же гостинице живёт, куда Вы меня везёте?

– Грэй? Насколько мне известно, нет. Но я узнаю. Завтра сообщу Вам, если Вас это интересует, – и снова глаз Кларка сузился в фирменном весёлом прищуре, – в порядке уточнения, Макс: Вас кто интересует больше – Грэй или его жена?

– Это не Ваше... – (у Макса чуть не вырвалось слово «собачье») – дело, Джереми. Я просто спросил. – На какой-то миг у Макса возникло желание потребовать, чтобы Кларк остановил автобус и выпустил его. Но он тут же сообразил, что при таком развороте событий не найдет Николь уже никогда в этой огромной Америке.

– Без обид, старина! – хлопнул его между тем по колену Кларк, – я же по-дружески спросил. Я имел в виду: кому интересен этот старый Томас Грэй, если

рядом с ним находится такая молодая красавица? Вполне естественный вопрос... Ну вот, мы уже и подъезжаем... – микроавтобус ехал мимо длинного стройного белого здания, что-то смутно напоминающего Макс, как будто он уже когда-то его видел. Они объехали здание сбоку и скользили теперь по зеленому парку, минуя разного рода современные строения из темного стекла и белого бетона. Ещё пара поворотов, и бусик остановился у крыльца со ступенями из чёрного мрамора и хромированными поручнями.

– Прибыли, – объявил Джереми Кларк и сдвинул дверь микроавтобуса, – ваш отель, сэр! Прошу на выход.

Макс выбрался из бусика и стал озираясь. Но никаких вывесок, никаких табличек с обозначениями нигде не увидел. Стало быть, это и есть та самая фирменная гостиница, которую упоминала Николь. Что ж, фирма серьёзная, сказать нечего.

Они поднялись по ступеням – Кларк впереди, Макс за ним. Сразу за двойными дверями поблёскивал хромом турникет, и полицейский, стоящий позади него, вежливо улыбнулся вошедшим и протянул руку. Кларк показал ему своё удостоверение и предъявил пропуск на имя Максимилиана Триллера. Макс успел заметить свою фотографию на карточке. Ничего себе! Откуда она у них? Полицейский внимательно просканировал Макса взглядом и пропустил обоих. Они двинулись по беломраморному коридору, вошли в лифт, поднялись на шестой этаж, повернули налево и остановились у комнаты номер 66.

– Входите, Макс, и располагайтесь в своё удовольствие. Отдыхайте. Меню на столе. С помощью этой кнопки можете вызвать стюарда по всем вопросам. Он же доставит Вам ужин. Бар заряжен под завязку, но завтра в девять ноль-ноль Вы должны быть трезвым как стеклышко. Вот моя визитка. Можете звонить круглосуточно, мы никогда не спим, ха-ха-ха...

Макс прошёлся по двум просторным комнатам этого странного, роскошного своей отделкой, изящного, но в то же время и просто оформленного номера гостиницы. Он состоял из спальни с широкой кроватью под морёный дуб и холла с огромным велюровым диваном салатного цвета и высокой хрустальной вазой с длинными плетями цветущей розовой бугенвиллеи (!) в ней. Плоский телевизор на полстены, пульт управления на столике, на нём же – компьютер «ноутбук». В углу – бар-холодильник. Из спальни отдельная дверь вела в просторную ванную комнату с угловой ванной и форсунками джакузи. Кларк внимательно наблюдал за передвижениями Макса.

– Ну, что? Будут ещё какие-то пожелания? Или вопросы?

– Да, есть вопрос, Джереми. Где мы находимся? Как называется Ваша фирма?

– Отличный вопрос, Макс. Отвечаю: мы находимся в центре Вселенной, в точке Большого Взрыва, там где начинается и заканчивается всё живое и неживое. Шучу. Я вижу, Том Грэй Вас в главные секреты нашего бытия ещё не посвятил. Что ж, стало быть высокая честь выпадает мне. Наша фирма, Макс, называется скромно: CIA – «Центральное Разведывательное Управление» Соединенных Штатов Америки. Вы находитесь в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ. Вы улыбаетесь, Макс, но это уже не шутка. Это, наоборот, очень даже серьёзно. С чем я Вас и поздравляю...

По мере постижения этой невероятной истины у Макса росла пустота в области солнечного сплетения и на пару секунду остановилось сердце, как будто некто невидимый саданул ему кулаком под ложечку. ЦРУ? Нет, не может такого быть. С какой стати? Такого он не ожидал. Такого ему ни в одном бредовом сне не могло присниться. ЦРУ! Но какое отношение может он, Макс Триллер, иметь к ЦРУ? Какой интерес может иметь к нему, скромному, ничем не примечательному, нигде себя не проявившему, рядовому подрывнику с австралийским стажем работы, супермощная и суперсекретное Агентство ЦРУ – это государство в государстве, эта глубинная, термоядерная кухня государственных стратегий и международных политических интриг США? Стало быть, Грэй – сотрудник ЦРУ? Это и есть его «большая и разветвлённая фирма»? Вот так подарочек тебе ко дню рождения от мистера Грэя, дорогой Макс Триллер... Господи! А Николь? Она тоже знала это? Неужели она знала?...

– Завтра, всё завтра! – поспешно ответил Кларк на немые, недоумённые вопросы в глазах Макса. – Отдыхайте, коллега. Через пару минут Джонни доставит Ваши чемоданы. До завтра. Напоминаю: в девять ноль-ноль я захожу за Вами... Да, на всякий случай: выходить из номера и разгуливать по коридорам, а тем более – пытаться выйти из здания нежелательно: Вас всё равно не выпустят... А с «глубинным бурением» – это мне очень понравилось. Надо будет ребятам Вашу хохму рассказать... Спокойной ночи, Макс... – И официальный представитель ЦРУ Джереми Кларк покинул номер, аккуратно щёлкнув за собой замком двери номера «66» на шестом этаже фирменной гостиницы ЦРУ, спрятанной среди зданий просторного кампуса знаменитой секретной службы Соединённых Штатов Америки в городке Лэнгли, штат Виргиния.

После ухода Кларка Макс в крайнем возбуждении забежал по номеру, после чего упал на салатный диван и устался в стену. То, что он находится, что его занесло в штаб-квартиру ЦРУ в роли чуть ли не пленника – это его почти не волновало. Другой вопрос вставал перед ним девятым валом: знала ли Николь о том, куда она его заманивает? То, что Грэй на самом деле никакой

не бизнесмен, а сотрудник американских спецслужб – это было Макс теперь ясно как божий день. То-то он поселился вблизи атомного рудника Олимпик Дамм: подстерегал там русских или китайцев по заданию Центра. Недаром он так заинтересовался в первые же минуты их знакомства русским языком Макса... Но Николь? Знала ли она, чем занимается её муженёк? Конечно, знала! Не могла же она за годы совместной жизни не подозревать об истинной деятельности мужа? Хорошо, ладно, она не имела права говорить с ним, Максом, об этом. Но была ли она честна в остальном? Не играла ли она с ним, как кошка с мышкой? Этот её приезд в Элис Спрингс... Нет, так играть свою роль не может ни одна голливудская звезда. Макс посещал проститутку. В том числе дорогих. Даже самые искушённые из них всего лишь изображали экстаз, и это было понятно. Но Николь не изображала, нет... Но почему, почему она не намекнула ему хотя бы, что с ним будут иметь дело спецслужбы? Боялась, что он откажется из-за этого ехать за ней в Америку? С какой стати? Для него ведь никакого значения не имело название фирмы, которая желает с ним сотрудничать. Ему нужна была только Николь, и она прекрасно это знала. А может быть, она и впрямь сама ничего не знала и просто выполняла волю или просьбу Грэя, увидев в этом возможность, шанс позвать Макса за собой, иметь его рядом?

Каждый вопрос порождает ворох новых вопросов, и Макс стало ясно только одно: он свихнется от этих уравнений со сплошными неизвестными, и никогда не решит их, пока не увидится и не поговорит с Николь. Завтра. Завтра он всё узнает...

На столике мягко загудел телефон. Макс поднял трубку.

– Сэр, мистер Триллер, извините за беспокойство: Вы ужинать будете?

– Да, пожалуй... Холодное мясо с оливками. Больше ничего.

– Будет исполнено, сэр!

Стюард явился в белоснежном кителе, похожем на парадный адмиральский, вкатил хромированную тележку, пожелал приятного аппетита, от чайных отказался, сказав, что у них не принято, и бесшумно вышел вон. В баре Макс обнаружил спиртного на роту солдат, но достал себе лишь бутылку красного калифорнийского вина, выпил бокал одним махом и приступил к мясу, запивая его вторым бокалом. Постепенно он успокаивался. И с чего он вообще запаниковал, на самом деле? Самая могучая организация мира приглашает его на работу, любимая женщина позвала его за собой, уже завтра он с ней увидится, возможно. Так чего грустить? И Макс налил себе третий бокал вина, включил телевизор и стал пялиться в экран, потягивая из бокала густое, немного терпкое, рубиновое солнце Калифорнии. Сказать, однако, что он следил при этом за событиями на телеэкране, было нельзя. Он видел перед

собой нечто совсем другое: Мурр-Мурра на лестнице и портрет своей жизни на скале перед ним. Золотистый поверху, угольно черный понизу, с двумя светлыми, поперечными цепочками посредине – следами белой игуаны, перебежавшей дорогу его судьбы...

Он уснул посреди ночи, растянувшись на салатовом диване, подложив под голову бархатную, салатовую подушечку и укрывшись пушистым пледом из гардеробного ящика. На пледе была выткана эмблема ЦРУ – голова кондора над розой ветров. Но главный девиз Центрального Разведывательного Управления США – «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» на одеяле отсутствовал. И это было символично в приложении к Триллеру: истину Макс ещё не познал, и потому свободным не был. Он, напротив, ощущал себя основательно запутавшимся. Но, допив вино, он мучительную проблему познания истины решительно отложил на завтра, протяжно зевнул и вполне благополучно уснул, пусть даже и несвободным ещё...

Утром Кларк постучался к нему с точностью секундной стрелки – за дверью ждал, что ли? Пройдясь минут десять по пустынному кампусу штаб-квартиры, они вошли в здание без вывески, где Кларк снова предъявил пропуска на себя и на Макса, и опять они шагали по сверкающим мраморным полам и делали повороты под прямыми углами, пока не остановились перед дверью с табличкой „POTRAWSKI“. Кларк аккуратно постучался и тут же вошёл, не дожидаясь приглашения. В конце комнаты, за широким столом сидел и что-то писал левой рукой лысовато-седовато-кругловатый крепыш с красным, рыхлым лицом и ещё более рыхлым носом, как будто им многократно размешивали перед употреблением едкие химреактивы. Синие глазки хозяина кабинета вскинулись навстречу посетителям остро и весело, доказывая, что их владельцу любые реактивы нипочём. Начальник был столь любезен, что даже вышел из-за стола, встретил гостей в центре кабинета, протянул Максу руку и, не здороваясь с Кларком, произнес:

– Вот он каков, наш счастливец Максимилиан Триллер! Спасибо, Джерри, ты свободен пока. Нам нужно побеседовать с мистером Триллером с глазу на глаз, – и он заговорщицки подмигнул Максу. Кларк бесшумно удалился, а мистер Потравски прогласил Макса присесть к столику у стены, на котором стояли кофейный автомат, вазочка с шоколадным печеньем и поднос с чашками, ложками и сахарницей.

– Будем пить кофе – или Вы предпочитаете чай, мистер Триллер?... Кофе? Отлично, значит, будем пить кофе и мирно беседовать. Позвольте, я Вас обслужу. У нас полная свобода и демократия, как видите. Таковы наши традиции... Что? Сам? Это отлично. Именно самостоятельные люди нам и

нужны. Считайте, что экзамен Вы уже выдержали, хе-хе. Итак, меня зовут Пол Потравски – (позже Макс узнает, что ближайшее цэрэушное окружение именуется Потравского сокращенно «Полпотом») – и я скромный шеф нашего маленького отдела, который занимается довольно-таки большими делами... Макс – Вы ведь позволите себя так называть? – скажите, пожалуйста, Макс, Вы когда-нибудь выигрывали крупно в лотерею? Вам случалось, например, снимать джэк-пот в несколько миллионов?

– Нет, не доводилось.

– В таком случае мне повезло. Потому что я, получается, первый человек в Вашей жизни, который сообщает Вам эту новость: Вы вытащили счастливый билет. Билет в новую жизнь. Он же – пропуск в братство, в орден, в клан не скажу «небожителей» – скорей, «рудокопов», но попасть сюда, на наш подземный, невидимый Олимп – это гораздо больше, чем все джек-поты вместе взятые... Однако, я вижу вопрос в Ваших глазах. Спрашивайте.

– Как Вы обо мне узнали? И зачем я Вам понадобился?

– Прежде чем я Вам отвечу, Макс, мне придётся подвергнуть Вас одной маленькой процедуре. Это рутина, поверьте. Вы должны расписаться о неразглашении. Вот здесь, – Потравски положил перед Максом страничку с машинописным текстом, где имя и паспортные данные Макса уже были впечатаны. – Так положено, Макс, не обесудьте. Вселенная за пределами этого комплекса не должна знать ни о наших разговорах, ни о наших пристрастиях, включая сорта кофе, которые мы предпочитаем, ни о том, по возможности, что мы вообще существуем, хе-хе. Ну да Вы – солдат в прошлом, и Вам к секретности не привыкать. Я не ошибаюсь? – и Потравски как будто некстати засмеялся. Макс быстро прочёл стандартный текст, предупреждающий об ответственности за передачу третьим лицам любой информации, имеющей статус секретности. Подобных он и в самом деле подписывал с десятков, будучи в армии. Макс подмахнул бумагу – без этого двигаться дальше в поисках Николь было бесполезно – Макс понимал это чётко.

– Ну, вот, отлично. А теперь я готов ответить на Ваши вопросы. О Вас доложил наш сотрудник, известный Вам под именем Тома Грэя. Мы собрали на Вас досье. Оно нам понравилось. Вы блестящий специалист подрывного дела, хорошо зарекомендовали себя в армии, владеете многими языками, в том числе русским, что нам очень интересно. Вы, по нашему мнению, обладаете страстной натурой, которую, однако, умеете держать под контролем разума и двигаться последовательно к поставленной цели. У Вас достаточно нейтральное, незапоминающееся лицо – для нас это также принципиально. Вам несколько не хватает, правда, самодисциплины момента и умения

предусмотреть последствия Ваших действий, нда..., но это не страшно: это поддаётся тренировке. Так вот: в результате изучения Вашего дела, мы сочли возможным предоставить Вам уникальный шанс и пригласить Вас в наше сообщество, в наше братство, в наш орден, в наш элитный клан.

– И как это должно выглядеть? На каких условиях?

– Законный вопрос. Любой современный брак совершается не столько на небесах, сколько на основании брачного контракта. Очень больших денег, Макс, мы Вам без предварительного испытательного срока предложить не можем, я сожалею. Мы всего-навсего слуги народа, существуем за счёт наголоплательщиков и нашим главным девизом является личная скромность и незаметность. Скажем, для начала сто тысяч в год плюс оплата жилья, расходов на содержание автомобиля и командировочные. Плюс премии и бонусы за успешно завершённые проекты. Но я скажу Вам откровенно, Макс, даже если это звучит совершенно не по-американски: деньги – тьфу! В сравнении с теми преимуществами, тем статусом, той защищённостью, я бы сказал – неприкосновенностью, с тем скрытым социальным весом, который Вы приобретаете... Если можно так выразиться – Вам позволено будет вместе со всеми нами – членами нашего ордена – возложить руки на штурвал цивилизации: не больше, не меньше. Именно мы управляем миром, незримо дирижируем им и определяем как ему выглядеть сегодня и во что его трансформировать завтра. И делаем мы это во имя нашего народа, во имя величайшей из всех цивилизаций мира – во имя Соединенных Штатов Америки! И к этому братству тайных дирижёров будете принадлежать и Вы, Макс. Что скажете?

– Что я должен буду делать?

– О, это сказать наперед невозможно. Сначала на три месяца мы пошлём Вас на нашу учебную базу, чтобы адаптировать Вас к нашей специфике. А затем, скорей всего, Вам предстоят кратковременные командировки в разные страны. С гуманитарными целями, так сказать. С проектами, несущими народам мира свободу, демократию и справедливость в интересах Америки. Это будут каждый раз небольшие подвиги – подобные тем, что Вы совершали в армии, но только в гражданской одежде и с вежливой, по-возможности обаятельной улыбкой на лице.

– Я буду иметь воинское звание?

– О нет, Макс. У сотрудников ЦРУ воинских званий не существует. Мы все – мирные люди, глубокие специалисты. Если нас что-то и роднит с армией, то это дисциплина. Причём – абсолютно железная. «Семья всегда права»: таков наш девиз. «Семья» – это мы, ЦРУ. Приказы по нашей службе имеют приоритет перед законами страны и личной жизнью. Вы это тоже должны знать

с самого начала. С другой стороны, что бы с Вами ни случилось, в какую бы Вы переделку не влипли – клан всегда Вас вытащит, спасёт и никогда не бросит на произвол судьбы. Вы будете оставаться на солнечной стороне жизни до самой смерти: это я Вам гарантирую от имени нашего Братства. Если, конечно, Вы нас не предадите. Предательства орден не прощает. Вот, пожалуй, и всё. Главное я Вам сказал. У Вас есть, – Потравски посмотрел на часы, – ровно десять минут для принятия решения. После этого Джереми либо проводит Вас за ворота штаб-квартиры, и Вы можете возвращаться к себе с миром в Вашу Австралию, либо он отведёт Вас в отдел для оформления договора. У Вас есть ещё вопросы?

– Да, есть. Я хочу встретиться с... Томасом Грэм. Где мне его найти? Потравски нахмурился.

– Вы немного торопите события, – сказал он. – И, кроме того, Вы неискренни со мной, Макс. Скажите честно: Вы ведь хотите встретиться не с Грэм, а с его женой, не так ли?

Кровь ударила Максу в лицо. Появилось желание сдерзнуть, но он сдержался и ответил коротко: «Да». Потравски смягчился, глаза его излучали сочувствие.

– Макс, мы все люди, и Ваши мотивы мне хорошо понятны. Любовь, страсть, прочие человеческие чувства свойственны членам нашего сообщества в не меньшей степени, чем всем остальным простым людям. Часто это мешает работе, но в Вашем случае получилось, скорее, наоборот: если бы Николь не сыграла свою роль, Вы бы не сидели сейчас передо мной...

– Николь играла роль?

– О, я не в этом смысле. Я имел в виду её вмешательство, её помощь Грэю в доставке Вас сюда, к нам. Обо всём остальном, об её отношении к Вам Вы должны знать лучше меня. Или уточните у неё сами, когда увидите.

– Как мне её найти?

– Найдёте. Обязательно. Но не сейчас. К сожалению, в данный момент это невозможно. Супруги Грэй отбыли два дня назад из Штатов с новым заданием. Ненадолго. К окончанию Вами учебного курса они должны будут уже вернуться. Тогда и встретитесь.

– Николь тоже сотрудница ЦРУ?

– А вот на этот вопрос я Вам ответить не вправе, Макс. Николь Грэй – законная жена Томаса Грэя, нашего ведущего специалиста по вопросам атомной энергетики: это всё, что я могу Вам сообщить. Но Ваши десять минут между тем истекли. Вы присоединяетесь к нашей секретной армии, самой мощной армии в мире, господин Макс Триллер?

– Да.

Потравски поднялся с места и протянул Максу руку:

– В таком случае: добро пожаловать на борт! С этого момента я для Вас просто Пол, – начальник отдела прошёл к столу и нажал на кнопку. В дверях возник Кларк.

– Джерри, получите нового коллегу. Отведите его оформляться.

Когда Макс стоял уже у дверей, Потравски окликнул его:

– Макс!

– Слушаю Вас, Пол.

– Хотите знать, почему мы взяли Вас на наш кораблик?

– Интересно узнать, сэр.

– Благодаря трубе. Как вы её положили там, в Юме. Мы разглядели в Вас тот самый дьявольский коготок, который нам так важен в наших сотрудниках. Вот он, этот самый коготок и определил наш выбор в Вашу пользу. Из этого коготка мы совместно с Вами вырастим все четыре мощные лапы настоящего тигра. Ваш ждёт большое будущее: попомните моё слово, Максимилиан!

Макс Триллер вышел за дверь. Кларк видел, как он, выходя, пожимал плечами. Но, возможно, это он просто поёжился...

Дальнейшее замелькало перед Максом, как в старом фильме на шестнадцать кадров в секунду. Учебные классы, беседы, полигоны, испытательные стенды, новые образцы оружия, новые материалы, способы диверсионной работы, ведение космической связи, шифровка и дешифрование, управление разными видами техники, способы выживания в снегах, горах, пустынях, взаимодействие и координация при точечных операциях, экономическая и политическая география мира, геополитические интересы Соединенных Штатов, запуск дронов-беспилотников, управление ими и обработка полученных данных, добрая сотня прочих тем и соответствующих тренировок занимали всё время Макса без остатка. Он вполне успешно делал всё это, осваивал новые знания и нарабатывал новые навыки в составе группы свежеиспектаемых сотрудников ЦРУ, состоящей из шести человек – в недавнем прошлом мастеров подрывного дела, собранных из самых разных сфер производства, или, выражаясь точнее, сфер разрушения. И хотя Макс осваивал новые науки легко и даже с интересом, он ощущал в себе какую-то постоянную внутреннюю замороженность, некую отстранённость от происходящего, как будто он разделился на две половинки и следил сам за собой со стороны, не переставая удивляться, что он такое вытворяет, этот Макс Триллер, бизнесмен из Австралии. Время от времени Макс ловил себя на необходимости проснуться. В его снах наяву плыла перед мысленным взором Австралия, пылала красная гора очищения Улуру, а потом он смотрел в сторону юга с

высоты холма ANZAC в Элис Спрингс, и видел улыбающиеся лица Адама и Рафаэля, и кривой Мурр-Мурр плясал внизу скалы с банкой чёрной краски на шее, и где-то за их спинами грациозно поднималась по деревянной ковровой лестнице в его апартаменты прекрасная Николь. Ради продолжения этого последнего, самого драгоценного кадра жаль было просыпаться от морока. Но проснуться нужно было обязательно, чтобы найти Николь в этой невероятной цэрэушной реальности. Потому что ощущение, что Николь постепенно отстраняется и удаляется от него, подступало всё чаще. И он ничего не мог поделать с этой тоской. Реальность и конкретность бытия медленно и верно затуманивали образ Николь, и однажды утром Макс в панике сообразил, что не может вспомнить её лица. Но до завершения «курсов переподготовки» оставались уже считанные дни, и усилием воли и воображения Макс заставил себя увидеть улыбающуюся ему Николь снова. Скоро, совсем скоро они встретятся, говорил он себе, и всё объяснится, и всё пойдёт дальше так, как им мечталось той безумной ночью в Элис Спрингс... И Макс опять слышал её горячий шёпот и чувствовал сияние её глаз на своём лице. Николь всё еще была жива в его душе, он всё еще любил её. И Амурчик тоже всё ещё был где-то рядом, но почему-то помалкивал и виновато отводил взгляд...

* * *

Встретиться с Николь в ближайшие недели Макс так и не удалось. Внезапно его и ещё одного успешного специалиста-курсанта, Пита Айерса командировали в порядке боевой практики в Африку, в Анголу. Сначала в Луанду заброшен был отряд «туристов-гуманитариев»: «фотографов» журнала „National Geographic“, «учителей-натуралистов» и «собирателей африканского фольклёра». Те разъехались по стране и сообщили восторженными открытками «домой» о своих первых впечатлениях. После этого сформирована и отправлена была группа инженеров и геологов, в состав которой вошли и Макс с Питом. Эта группа должна была помочь правительству Анголы в оценке объёма вложений по освоению новых алмазных месторождений. Макс с Питом сопровождали ящики с теодолитами, какими-то реактивами и аппаратами, о которых подрывники не имели ни малейшего понятия. Да их это оборудование и не интересовало. Они сосредоточены были на том, чтобы привыкнуть к своим новым именам, под которыми они летели в Африку. Эта взрослая игра в джеймсбондов казалась поначалу забавной, и Макс даже обменивался пару раз с Питом глупыми шутками типа: «Всё окей, Ноль-ноль-семь?» - «Позитив, сэр, перехожу на приём». Доставку на место спецгруза, подготовленного Максом и Питом под наблюдением начальника группы Грэгора Макфейра, взял на себя сотрудник американского посольства в Анголе, дипбагаж которого таможенному

досмотру не подлежал. В состав «гуманитарного спецгруза» входили взрывчатка, детонаторы и современная электроника к ним.

Вся схема операции была курсантам незнакома, для этого у них был старший группой. Они знали лишь одно: некий brutальный вампир, предводитель бандитов по имени Савимби готовит кровавый государственный переворот. Этому нужно помешать. К сожалению, несколько влиятельных вождей окрестных племен поддерживают Савимби, благодаря чему переворот может завершиться успехом. Местоположение базы Савимби с главным складом оружия, накопленного бандитами ещё со времен советской экономической помощи, было установлено. Эту базу необходимо было уничтожить. Роль Макса и Пита в этой операции сводилась к тому, чтобы, когда всё будет готово и подходы к базе расчищены, заложить взрывчатку в необходимых точках и осуществить обширный подрыв, после которого быстрое восстановление базы станет невозможным. Точки закладки зарядов следовало определить на месте, оперативно и точно. Для Пита это задание было вновинку, Макс же такого рода дела уже проделывал, будучи в армии, и знакомое чувство щекочущего кровь адреналина возбуждал его теперь, когда он вдыхал ароматы африканского буша. Сюда, в глубинку, в некое подобие палаточного лагеря, по красной, мокрой, скользкой дороге, сквозь густые джунгли африканского леса, в закрытой грузовой машине группа «инженеров» была доставлена под покровом ночи. Это была станция геологов и буровиков, которая, однако, пустовала на момент прибытия специалистов из Америки. В одной из палаток Макс обнаружил то «спецоборудование», которое они упаковывали в Лэнгли. Дипломат своё дело сделал. Дипломаты тоже, оказывается, свой хлеб не зря жуют...

Пару дней группа провела в буше, готовясь к «геологической операции». У Макса с Питом всё было уложено и упаковано до готовности номер один, поэтому дальнейших вопросов они не задавали. Их задача была узкой: выйти на указанные объекты и произвести подрывы. Объектами будут служить здания выше одного этажа, вышки и башни, автозаправки, боевая техника в случае её обнаружения, склады с боеприпасами – это всё, что они знали. Разыскивать объекты самим подрывникам не придется, сказал им старший. Он лично укажет что взрывать. Кроме этого, старший отозвал Макса в сторону и дал ему листок бумаги. На нём стояло три слова: „Dawaj! Wzrywaj! Otstupaем!“ . Эти три слова Макс должен был постоянно выкрикивать по-русски по мере того, как они будут работать. На удивленный вопрос «Зачем?» старший недовольно воззрился на Макса: «Похоже, Триллер, что Вас недоучили в вашем учебном центре. В частности, не задавать вопросов во время операции, а просто выполнять приказы», – старшой немного смягчился и таки объяснил: «Поступила

информация, что в составе отрядов Савимби имеются русские. Необходимо этот факт зафиксировать документально, это важно. Ваше дело – кричать погромче, – подвёл черту старшой, – а уж как это на плёнку попадёт – не Ваше дело, это сделают другие...

Операция началась в два часа ночи и завершилась в три двадцать. Группа Макса была доставлена в предместья какого-то посёлка и здесь притаилась в готовности, натянув на головы чёрные колпаки. Вскоре над посёлком взметнулись огненные сполохи, раздались взрывы гранат и горохом посыпалась неравномерная дробь автоматных очередей. Затем поступил приказ по радиации, и группа подрывников двинулась вперёд. Вступили в городок и, пригибаясь и перебегая от здания к зданию, устремились к центру. Везде металась тень кричащих людей. Странно было, что паниковали в основном женщины и дети. Отстреливающихся бандитов было не видеть. Возможно, что они уже отступили в буш. Макс видел, как вдоль улицы пробежал отряд солдат правительственных войск. Они стреляли – Макс не видел в кого. Группа подрывников оказалась перед водонапорной башней, и старшой приказал: «Валите её». Дело было простое, через три минуты цистерна на металлическом столбе качнулась и завалилась на двухэтажный дом, внизу которого располагался индусский магазинчик. Рядом с собой Макс увидел человека с видеокамерой. Группа выскочила к заправке с двумя бензоколонками. – «Это!», – скомандовал старшой. Спустя пять минут над городком взметнулся черно-красный шар огня, и всё вокруг запылало. Репортёр всё ещё был рядом. Старшой толкнул Макса и показал пальцами, как будто крикает утка. Это означало: «Кричи»!

– Давай! Взрывавай! Отступаем! – завопил Макс. У него было такое чувство, будто он пьян. Ему и впрямь было почти весело, но веселье это было странным: истерическая лихорадка пылала жаром в груди и горле, по ногам же гуляли ледяные иглы, ноги не верили горлу и потому ежесекундно спотыкались, отчего крик Макса получался бляющим и жалобным. Ещё три здания взорвали Макс с Питом, и ещё три раза блял Макс по-русски почти что в микрофон бегущего рядом репортёра: «Отступаем, вашу мать!», после чего старшой, следующий позади диверсионной группы, скомандовал: «Всё! Снято! Назад!»...

К рассвету они уже снова находились в геологическом лагере. В болоте за лагерем они затопили всё оставшееся «спецоборудование» и камуфляж, забрались в грузовик и двинулись в направлении столицы. Двое суток они провели в полной изоляции на чердачном этаже американского посольства, после чего спецрейсом отправлены были на родину. Дипломатическая служба

США направила ноту протеста в адрес властей Анголы, не сумевших обеспечить безопасность иностранным специалистам, американским геологам, подвергшимся ночному нападению бандитов в буше. В связи с чем «специалисты» были отозваны из страны на неопределённый срок – «...вплоть до наступления более спокойной обстановки», – говорилось в ноте протеста.

Группа благополучно вернулась в Америку. Уже позже, в Штатах, на последней странице какой-то газеты, в разделе международных новостей вычитал Макс сообщение, что в Анголе правительственными войсками совместно с российскими инструкторами была недавно проведена операция запугивания, направленная против оппозиционного режима местного клана. Армия разгромила мирный посёлок, погибли люди, гражданское население, виновное лишь в том, что оно не разделяет тоталитарный стиль руководства страной действующим режимом.

«Таково истинное лицо прокоммунистических властей Анголы, таков её действующий президент, уничтожающий с помощью русских свой собственный народ...» - заканчивалась эта заметка.

А про Савимбу – ни слова. Макс охнул: так это была провокация? Операция по дискредитации действующих властей Анголы? Стало быть, их сопровождали и стреляли в деревне вовсе не солдаты правительства, а кто-то ещё? Может быть, это были как раз бандиты Савимби, а может быть даже и «геологи» из лагеря, куда доставлена была взрывчатка и где они готовились к операции. - «Но это же полный абсурд!, – кипел Макс, – Савимби – бандит, Америка борется с террористами. Нас позвали на помощь. Не могли же мы уничтожить мирную деревню! Или это разведка ошиблась в темноте, и мы действительно разгромили не тот объект? Тогда, получается, мы виновники жуткой ошибки с человеческими жертвами! Где правда?».

Макс показал газету своему непосредственному начальнику Грэггу Макфейру и спросил его возмущённо, что это за чушь такая, как это понимать? Но шеф лишь поморщился и отмахнулся: – «Забудьте, Макс. Гнилые штучки политиков и журналистов. Рука руку моет. Везде дерьмо. Не думайте об этом. Вы отлично выполнили свою задачу. Остальное – не наше дело. Пусть яйцеголовые друг другу ночные горшки на голову надевают. Через прессу. С воплями. А наше дело тихое. Взорвал и перешёл на новый объект. И всё! И прекратите думать о политике, Триллер. Прекратите, говорю я Вам! Это приказ! Вам понятно?».

Приказ был Максиму понятен, но всё остальное – нет. Которое стало вскоре ещё непонятней. А именно в тот день, когда он узнал, что в ЦРУ разрабатывается проект поддержки на предстоящих президентских выборах в

Анголе «...наиболее яркого представителя оппозиции, непримиримого борца за свободу Анголы... – (и это про бывшего бандита!) Бубубу Савимбу» – того самого, базу которого они с Питером (якобы) разгромили. Но Макс к тому времени уже имел определённый ЦРУшный опыт. Вооружённый им, он лишь пожал плечами. Он уже знал: у работников плаща и кинжала кухня сложная и блюда хитрые. Впоследствии ангольская тема привлекла внимание Макса ещё один раз. Это произошло несколько лет спустя, случайно, уже после того, как вождь Савимбу проиграл в Анголе президентские выборы и спрятался в буше. На похоронах безвестного сотрудника ЦРУ, погибшего на Ближнем востоке, Макс из своей беседы двух знакомых сотрудников соседнего департамента выхватил обрывок такой вот фразы: «...Ну да, головастики проект завалили, а мы теперь лови этого Савимбу, подчищай за ними...». («Головастики» – это сотрудники аналитической службы, или ещё иначе – «политики», «яйцеголовые», «вундеркинды» или просто «засранцы» на языке обыкновенных, «неяйцеголовых» смертных – сотрудников различных диверсионных подразделений ЦРУ). Макс запали в память эти, казалось бы, ничего не значащие слова. А пару месяцев спустя газеты сообщили, что бывший кандидат в президенты Анголы от лесной оппозиции Бубубу Савимбу застрелен при загадочных обстоятельствах неизвестными лицами в глубинах африканского буша. Газета высказывала искреннее сожаление в связи со слабым уровнем демократии в африканской республике Ангола. И ещё газета высказала надежду на то, что гуманитарное присутствие Соединённых Штатов Америки будет укрепляться везде в мире, в том числе и в Африке, и вместе с победным шествием по планете истинной американской свободы и демократии будут на африканском континенте расцветать права человека и расти уважение к общечеловеческим ценностям.

Но всё это случится позже. А непосредственно после ангольской операции Макс первым делом пожелал встретиться с мистером Потравски. «По личному вопросу», – объяснил он своему непосредственному командиру Макфейру, который категорически не выносил, когда что-то решалось подчинёнными через его голову.

– Первой и последней инстанцией для всех ваших личных дел, а также государственных, религиозных и интимных – являюсь я, мистер Триллер. Я и никто другой, понятно Вам?

Но Макс упрямо настаивал, что будет говорить только с Потравски, и что такой разговор был ему обещан мистером Потравски лично, так что Грэгор в конце концов раздражённо приказал Максиму обратиться к координатору Кларку: тот отвечает за все контакты Полпота. «Круглосуточный» телефон Кларка

ответил сразу, и Макс высказал свою настойчивую просьбу, снова указав в качестве темы: «По личному вопросу».

– В ближайшие дни, боюсь, увидеться с мистером Потравски Вам не удастся, Макс. Шеф в постоянном движении. Но я сообщу ему о Вашей просьбе и дам Вам знать о его решении. Ждите.

Ждать пришлось десять дней. В субботу утром Макса вызвал к себе Грэгор и приказал: «Завтра в десять утра быть у центрального входа в международный аэропорт Нью-Йорка. Кларк встретит Вас и даст дальнейшие разъяснения. Вы поступаете в его распоряжение до следующего понедельника. Свободны».

Хотя все они были гражданскими лицами, армейские корни многих сотрудников секретной службы пёрли из них сквозь все швы и дырки. Макс ответил: «Сэр! Слушаюсь, сэр!», – и начальнику диверсионного отдела Грэгору Макфэйру этот ответ сильно понравился. Он похлопал Макса по крепкому плечу: «Слушайся, сынок, и вырастешь большим, толстым и может быть даже богатым».

* * *

Макс вылетел в Нью-Йорк утренним рейсом, и в десять ноль-ноль был в указанном месте. Через минуту к Максy подошёл Джереми Кларк в сопровождении ещё одного круглолицего господина в жокейской фуражечке, похожего на жизнерадостного поросёнка.

– Роджер Джонсон, – представил незнакомца Кларк, – Ваш экскурсовод по Москве, Макс. И старший группы заодно. Ваш новый паспорт у него. На время командировки Вы – Джон Гильберт, специалист по стратегическому планированию. Всё остальное Вам объяснит Роджер. Счастливого отдыха.

– Джерри, я ничего не понял. Какая ещё Москва? Какой отдых? Вы обещали мне встречу с одним человеком...

– Именно, именно, Макс. Вы увидите с ним в Москве. Такова его воля. Он уже там. Считайте, что за последнее успешное дело он поощрил Вас отпуском. С небольшим параллельным заданием, лёгким и приятным. Но я уже сказал – в подробности Вас посвятит Роджер. Хорошего полёта, чао, тороплюсь, – Кларк исчез, и Макс с Роджером остались вдвоём.

– Прошу разъяснений, мистер Джонсон.

– Роджер.

– Прошу разъяснений, Роджер.

– Вот Ваш паспорт. Это раз. Русские теперь – наши лучшие друзья. Это два. Мы их консультируем в части построения капитализма – это три. И ещё мы учим их свободе, демократии и уважению к Америке. Это четыре. И при этом мы очень внимательно смотрим. Одни из нас смотрят, как устроена их армия и

где хранится их ядерная кнопка, а другие смотрят где, в каких точках заряды закладывать, если взрывать всё-таки доведётся. Вот мы и будем с Вами гулять, Макс, по высоким кремлёвским и правительственным коридорам новой России и смотреть, смотреть, смотреть. Смотреть и запоминать, а после рисовать, чертить и писать отчёты.

– И зачем нам всё это делать, если русские теперь наши лучшие друзья?

– За друзьями-то как раз особый пригляд и требуется, Макс. Нет врага страшней, чем друг. Это в общем, в философском смысле слова. А у нас с Вами, Макс, ни друзей, ни врагов быть не может в принципе. У нас есть только задания, которые мы выполняем во благо Америки, ради свободы и демократии.

– Подорвём им Кремль, чтобы знали что такое истинная свобода?

– Неудачная шутка, Макс. Мы ребята весёлые, но и шутить надо с оглядкой... Ладно, проехали. А Кремль подорвём, да, если такое задание поступит. Со временем. Весь шар земной подорвём, если потребуется, Макс. Потому что это мы, американцы, решаем теперь чему быть, а чему не быть на земле. Наступила эра Америки, Макс, и она продлится десять тысяч лет. А может, и сто тысяч, если нас шальной астероид из космоса не сшибёт с орбиты... «Полный идиот», – заключил для себя Макс и последовал за мистером Джонсоном на регистрацию.

Помимо Макса в составе отряда Роджера Джонсона в Москву летели тем же рейсом ещё три «смотрителя». В аэропорту «Шереметьево» группу американских «советников» встречала большая, возбуждённая делегация представителей политических и деловых кругов новой, капиталистической России. Тяпкин, Ляпкин, Шапкин, Драбкин, Гузовский, Морковский, Гриневич, Луневич, Комарович, Иванов, Петров, Сидоров, Израилович, Зильберфукс – память Макса растерялась: на русские имена она срабатывала лишь до определённого предела. Все эти луневичи-комаровичи забрались в красочный «Неоплан» – последний подарок русскому госдепу от американского Госдепа – и повезли почётных гостей заселяться в гостиницу «Россия». Только Израилович с Зильберфуксом уехали на белом кадиллаке, поданном к самому трапу самолёта: эти были, по всей видимости, покруче остальных. Шум в автобусе стоял несусветный: все русские «начальники» говорили разом на плохом английском, старательно имитируя мяукающую, непрожёванную фонетику американской речи, хотя и с большим ущербом для смысла произносимого. Макс, во всяком случае, понять о чём они ему толкуют, не мог никак. Поэтому он лишь кивал время от времени, вежливо улыбался и снова отворачивался к окну. Не для того, чтобы «смотреть» по заданию Роджера, а

просто чтобы увидеть, наконец, эту загадочную русскую Москву, которую ни один наполеон до сих пор не сумел завоевать. Никто, кроме американцев, выигравших у русских хитростью, победивших в тихой «холодной войне», свергнувших последовательной пропагандой и прицельными деньгами коммунистический режим, и вот вам пожалуйста: мы уже тут! «Причём не как враги, а как лучшие друзья новой России! – думал Макс, – Вот так ЦРУ, вот так молодцы!... И ведь я – один из них теперь...».

– Хау ду ю ду! – крикнул в ухо Максу то ли Шапкин, то ли Драбкин, и тут же сам ответил на приветствие: «Дую, дую каждый день!». И захохотал. Другой парламентарий, Иванов-Петров-Сидоров пытался передать школьным запасом английского какой-то анекдот про билет до Дублина. «Рашен турист аск кассир: «Гив ми ван тикет ту Даблин». – «Куда? Ту Даблин?». – «Ну да – туда, туда, блин!».

– Вы можете говорить по-русски. Я понимаю, – не выдержал Макс.

– А, так Вы русский, – разочарованно протянул Иванов-Петров-Сидоров и отстал от Макса, переключившись на Роджера.

Гостиница «Россия» поразила Макса. Другого столь огромного отеля, с тремя с половиной тысячами номеров он ещё не видывал. Это был гиганский прямоугольник с кругосветными коридорами километровой длины. Над этим белым, геометрически стройным монстром возвышалась, наподобие рубки океанского лайнера, овальная башня с золотым шрифтом «РОССИЯ». С одного из фасадов гостиницы открывался вид на московский Кремль, мимо другого фасада протекала река по имени Москва, а с остальных двух сторон гостиница окружена была маленькими, изящными церквушками-теремками, как будто собравшимися здесь из книги старинных сказок, чтобы подивиться на стекло-бетон из сумасшедших веков будущего. По каждому из двенадцати этажей гостиницы можно было совершить путешествие по четырём сторонам света и вернуться в исходную точку через полчаса, не меньше.

Ещё удивили Макса миловидные уборщицы, которые задавали гостям на этажах и в лифте один и тот же стандартно заученный вопрос: «Вонт ти? Ор самсин элс?» (что означало: «Хотите чаю? А может, ещё чего?») – и лукаво подмигивали. Женщины в Москве были вообще очень хороши – это отметили все члены американской делегации. Единственное, что не понравилось Максиму в гостинице «Россия» – это то, что постоянно звонил телефон в номере и вкрадчивые женские голоса спрашивали каждые пятнадцать минут, в том числе и посреди ночи: «Ду ю вонт э свит гёрл?». А отключить телефон было невозможно: кабель не имел разъёмов. Приходилось просто снимать трубку и накрывать её подушкой. По всем этим признакам Макс понял, что Россия в

капитализм уже вступила, причём всем фронтом и с большим азартом. И от них, от американских парней, от верных сынов Соединённых Штатов Америки требуется теперь, стало быть, придать этому российскому капитализму свободное, демократическое и единственно правильное американское направление – «с передачей всех недр в американское управление», как шутили «яйцеголовые» в своих сверхсекретных подвалах.

– ...И это будет сделано! С нашими-то авианосцами и «стэлс»-невидимками – легко!

Так вопил Роджер Джонсон (или как там было его настоящее имя?), который, выпив вечером на кремлёвском банкете водки немеряно, собрал ночью свою группу в номере гостиницы с целью продолжения попойки. Периодически, «для товарища майора», который, по твёрдому убеждению Джонсона, имеет ухо в каждой стене отеля, хитрый идиот Роджер кричал: «Элцин из вери гуд! Элцин из зе бест!». После чего обводил шальным, пьяным взором осовевших бойцов своего отряда, намекая стучал себя пальцем по голове и указывал на стену: пусть, мол, кретины из КГБ радуются: скоро, очень скоро они дорадуются... – „We are your best friends“, – кричал Джонсон в штепсельную розетку и в бачок унитаза, и американские «смотрители» вежливо смеялись. Только Макс Триллер сидел злой. Он видел на банкете Полпота, но подойти к нему не удалось: праздничный стол, за которым тот сидел, охранялся амбалами, и его занимали сплошные тузы – чиновники высшего эшелона власти и денежные мешки, которых русские называли «олигархами». Израилович с Зильберфуксом были среди гостей. Потравски располагался за столом в центральной части его. Ему смотрели в рот. Солидный эллипс розового, украшенного благородной сединой лица Полпота излучал спокойную благосклонность господа бога к чадам своим. В этот миг он их любил, и они должны были видеть это и радоваться. Какую роль играл в этом паноптикуме мистер Потравски и под каким именем он там выступал было непонятно. Возможно, он играл роль конгрессмена от партии ослов, или нобелевского лауреата по экономике, или магната с Уолл-Стрит, или личного камердинера президента Америки, но только было это Макс безразлично – кого там изображает Полпот. Ему важно было переговорить с Потравски по вопросу, который волновал его куда больше любых проблем, связанных с крахом коммунизма в СССР, формированием постиндустриального гражданского общества на развалинах страны Советов, а также прав человека и свобод сексуальных меньшинств, в честь которых поднимались тосты. К гомикам и педикам Макс вообще относился с общехристианской брезгливостью, происходящей от здоровых духом и телом предков. В общем, все эти

перепившиеся уроды и их охранники рядового специалиста Макса к державному столу не подпустили, так что закусывал он за столами для мелкой демократической челяди, которая, впрочем, веселилась не комплексуя, благо халява была отменная, и «чёрная икра ложками» из области экзотических историй о русских застольях оказалась абсолютной и безлимитной реальностью. Хоть ведро сожри! Что отдельные иностранные гости и пытались сделать.

Не только на кремлёвском приёме, но и всю последующую неделю Полпот оставался вне досягаемости Макса. Действиями группы руководил Роджер. Полпот, однако, присутствовал где-то близко за кадром и прокладывал группе дорогу, ибо перед «смотрителями» распахивались самые высокие кремлёвские и правительственные двери. Особенно поразило Макса здание, называемое русскими, для которых американцы стали примером во всём, «Белым домом». Это была, как объяснили русские, бывшая резиденция СЭВ – развалившегося в результате горбачёвской перестройки Совета Экономической Взаимопомощи стран восточного блока социалистических стран. Теперь туда вселились новые российские власти с системами визуального наблюдения, компьютерами и секретными кабинетами. Здание представляло собой, ни много, ни мало – дом Правительства новой России, и именно в эти тайные кабинеты власти «экономические советники» Роджера Джонсона получили свободный доступ! Но даже не то обстоятельство поразило Макса, что их допустили на политическую кухню России, защищённую сплошными грифами «Совершенно секретно», но то, что в этих кабинетах американские «смотрители» везде встречали своих соотечественников (то ли на самом деле специалистов-экономистов, военспецов и политтехнологов из США, то ли законспирированных коллег из других департаментов ЦРУ). Причём американцы не стеснялись говорить с американцами по-английски, и сопровождавшие их русские, не всё понимая, лишь радостно улыбались. Роджер Джонсон незаметно потирал ручки. Однако, Джонсона интересовали главным образом не кабинеты верхних этажей, а подземные гаражи и подвалы. Он выдавал себя за инженера-статика и восхищался инженерными решениями русских строителей. В частности, он предлагал русским расположить в подвалах суперсовременные системы хранения и переработки цифровой информации, защищённые от помех самой массой здания наверху. Русские уверяли, что всё это их очень-очень интересует, спрашивали какое финансирование можно ожидать под этот проект от Соединённых Штатов и водили делегацию ЦРУ по всем гаражам, подвалам и подсобкам. Многозначительным взглядом Роджер Джонсон приказывал Макс: «Фиксируй. Запоминай». И Макс фиксировал и запоминал.

Помимо «Белого дома» делегация американских «специалистов» Роджера Джонсона посетила несколько заводов, атомную станцию, стадион «Лужники» с его подтрибунными помещениями, ядерный центр в Дубне, телецентр «Останкино», кремлёвский Дворец Съездов, храм Василия Блаженного, Музей истории революции на Красной площади и с дюжину других объектов. В остальном Джереми Кларк не обманул: командировка больше напоминала шикарный отпуск на халяву – с богатой обжираловкой под водку литрами и с чёрной икрой полными чашами. Россия гулять всё ещё умела. Но Америка гулять умела ещё круче, особенно за чужой счёт. «Смотрители» не стеснялись ни в каком плане. Всех уборщиц гостиницы «Россия», например, они под конец командировки уже знали не только по именам, но и по званиям. Так, сам предводитель «смотрителей» Роджер Джонсон регулярно «дружил» («в третью смену», - как он шутил) старшего лейтенанта кагэбэ Люсю, говорившую по-английски почти без акцента. Судя по всему, он собирался её перевербовать, ибо тратил на неё много физических сил и свободного времени «третьей смены».

А Полпот всё не показывался. Роджер сказал, что шеф пятье сутки сидит в приёмной у президента Ельцина и ждёт аудиенции. От этого приёма зависит очень многое: порежут русские свои ракеты средней дальности или не порежут. Очевидно, Полпот к Ельцину таки проник, ибо через какое-то время русские свои ракеты «Ока», перед которыми блок НАТО в Европе трепетал в наибольшей степени, порезали без остатка. Европа вздохнула с облегчением и поняла: русским капут! Потравски получил из рук президента США благодарственную медаль "За службу в разведке". Это произошло без лишнего шума, в стенах Лэнгли, куда Президент прибыл на вручение награды лично. Ещё бы: порезанные русские ракеты того стоили! Но тогда, в самолёте, на обратном пути из России Макс об этом ещё не знал. Для него было куда важнее другое: Полпот летит с ними одним рейсом, и теперь ему от разговора с Максом не отвертеться.

И разговор этот состоялся сразу же в Нью-Йоркском аэропорту, в кафе, куда Потравски провёл озабоченного, напряжённого и хмурого Макса, который заблокировал большого шефа собственным телом ещё в кресле бизнес-класса, сразу после того как самолёт сел.

– Пользуясь случаем, мистер Триллер: позвольте поздравить Вас с первой успешной операцией. Я имею в виду Анголу. Я уже представил Вас к поощрению. Вы хорошо начинаете Ваш послужной список. Я горжусь Вами! – с этого Полпот начал разговор и испытующе уставился на Макса.

– Спасибо, сэр. Но я хотел обратиться к Вам по другому, сугубо личному вопросу. Я полагаю, что Вы догадываетесь по какому.

– Говорите.

– Я вернулся из Австралии в Америку не столько ради службы в ЦРУ, тем более, что я о конкретном месте предстоящей службы даже не подозревал, сколько исходя из личных мотивов...

– Макс, я понял. Говорите проще: Вы втрескались в жену нашего сотрудника и последовали за ней сюда. Дальше.

– С момента приезда в Америку я так и не смог с ней встретиться. Вы обещали мне контакт сразу по окончании учебного курса. Теперь курс позади. Когда я могу увидаться с Николь?

Потравски горестно покачал головой:

– Макс, честное слово... Вы меня удивляете несказанно. Взрослый мужчина, боец, возраст за тридцать уже, а маетесь как влюблённый тинейджер... Даже в Москве не попользовались по женской части, насколько мне известно... Это уже патология, Макс. И это было бы действительно Вашим личным делом, если бы не затрагивало служебные отношения внутри нашей Системы. Скажу прямо: женщина, которую Вы знаете под именем Николь, находится сейчас в другой стране, и вызвать её оттуда для встречи с Вами я не могу. Командировать Вас туда – тоже абсолютно не вправе. Это что касается формальной стороны дела. Теперь о неформальном, так сказать... Я категорически против всякого рода опереточных адюльтеров внутри Агентства. В данном, конкретном случае дело обстоит следующим образом: Грэй безмерно любит свою жену. Так получилось, и это уже само по себе большая проблема для нас, но было бы полным идиотизмом с нашей стороны ставить под удар серьёзный проект из-за сердечных притязаний некоего безумного любовника, то есть Вас, Макс. Я готов допустить, что эта... м-м-м... Николь... Вами увлеклась, и что она, выполняя просьбу мужа, позвала Вас в Америку совершенно искренне, исходя из своих, так сказать, сугубо личных интересов. Я, извините, с вами под одним одеялом не лежал и о степени теплоты Ваших с ней взаимоотношений судить не могу. Но и конфликтов с нашим ценнейшим агентом Грэем я не потерплю. Что же делать? Учитывая, что и Вы сотрудник для нас нужный, да и награды за ангольскую операцию заслуживаете, я сделаю для Вас вот что: в конфиденциальном порядке, в обход Грэя, я запрошу... м-м-м... Николь. В зависимости от её ответа мы и будем плясать дальше. Если она, со своей стороны, потребует встречи с Вами, то тогда будем смотреть... Вот Вам моё окончательно слово, Макс. А теперь – за работу. Вам предстоит очень важная, очень ответственная командировка в ближайшие дни... Сидите, сидите, допивайте спокойно свой кофе. У меня есть ещё дела в Нью-Йорке. До встречи!

Потравски давно уже скрылся в толпе, а Макс продолжал смотреть ему вслед, пытаясь охватить умом и сердцем всё, что он только что услышал. Николь – вовсе не Николь! Она – сотрудница спецслужб. Скорей всего так, иначе зачем ей иметь разные имена?.. Хорошо, ладно, допустим: он это уже подозревал в последнее время. «Но зачем ты приезжала ко мне в Элис Спрингс, Николь? – мучился всё теми же вопросами Макс. – Ты что же – врала, что любишь меня? Ты действовала по команде из Центра? Или ты тоже стала жертвой обстоятельств, как и я? Жертвой своей любви? И ты тоже страдаешь, Николь?». И Макс чувствовал, тоскуя, как в самой глубине его сердца мрачный, молчаливый, не отвечающий на вопросы Амурчик пакует чемоданы. Но ещё оставался шанс. Письмо от Николь! Макс Триллер знал: Полпот своё слово сдержит, письмо будет.

В этом тревожном ожидании, с ощущением надвигающейся беды, Макс в полном одиночестве встретил Рождество и вступил в новый, 1993-й год. Он вознамерился было полететь к матери и сестре в Юму и даже заказал уже билеты, но после телефонного разговора с матерью раздумал, снял заказ и остался один в пустом доме, который арендовала для него и оплачивала «фирма» в предместьях Вашингтона. Серьёзных причин для отмены полёта на запад в общем-то не было: мать очень обрадовалась его звонку, но Макс с горечью отметил, что пригласить его в гости на Рождество она почему-то забыла. И почему – понятно: она отвыкла от него. Она была, как понял из непродолжительного разговора Макс, выше головы загружена церковной благотворительностью и семейными делами сестры Матильды. А Макс давно уже выпал из круга её повседневных забот и тревог, а значит – стал чужим. Ничего не поделаешь. Ведь и его самого соединяло с семьёй только прошлое, только память о детстве и юности. Что ж, пусть живут долго и счастливо. Он сердечно поздравил мать с праздниками, осведомился о жизни и здоровье сестры и её детей, пожелал всем счастливого нового года, передал поклон могиле дяди Теодора и положил трубку.

Зато с абorigенами своими Макс говорил долго, больше часа. Они вырывали друг у друга трубку, рассказывали об успешных делах магазина, о духах, о новых картинах Рафаэля и больших доходах салона «Николь», о погодах, дождях и соседях, и о политике, и о проезжающих мимо фурах, и в каждом следующем предложении просили Макса вернуться.

– Мурр-Мурр спрашивал о тебе, – сообщил Адам.

– Что, колёса спускают на велосипеде, или ему теперь уже мотороллер понадобился? – спросил Макс и впервые за последние месяцы засмеялся. Он

пообещал братьям, что к лету, то есть, тьфу ты – к зиме по австралийскому исчислению, возможно, вернётся насовсем.

– Приезжай раньше! – кричали ему аборигены, – приезжай прямо сейчас!...

Письмо пришло через три недели, когда Макс готовился к командировке в Сомали. Вместе с Айерсом они изучали план города Могадишо и на основании оперативных данных, полученных от другого отдела, делали расчеты возможных маршрутов до нескольких возможных баз в городе. В этот момент его и позвал Грэгор Макфейр и приказал идти «в берлогу», то есть к «Полпоту». Макс двинулся по давно уже знакомой территории в сторону административного корпуса с чувством льда в животе и мокрых коленок: он знал зачем его вызывают.

Разговор был коротким, Полпот торопился.

– Вот, – сказал он, – я своё обещание выполнил, – и вручил Максу белый конверт, от которого исходил едва слышный, знакомый аромат. Макс заторможенно поблагодарил, отметил пропуск и вышел в свет дня. На некотором отдалении, между двумя зданиями, соединёнными стеклянным переходом, имелся крохотный сквер с беседкой, накрытой шапкой снега. Дорожки к беседке были, однако, расчищены, и Макс пошёл туда, чтобы в тишине и одиночестве прочитать текст своего приговора. Он сел на скамейку и положил конверт на колени. Он поглаживал его машинально и тянул время. Он почти не волновался больше. Ему было, скорее, грустно. «Вот и всё...», – такая нота звенела в сердце. И лезла в глаза картина Мурр-Мурра. Где верх у его «портрета» и где низ? – об этом спорил тогда Макс с колдуном. Макс вздохнул, медленно вскрыл конверт и развернул листок.

«Милый, любимый Макс...», - прочёл он, и сердце его больно дёрнулось, а глаза подернулись туманом. Макс интенсивно проморгался и стал читать дальше: – «Вот как неожиданно всё повернулось. Я не дождалась тебя, нас с Томом отправили дальше. Теперь ты уже знаешь, что мы живём по приказам, что мы – солдаты нашего Ордена и даже личного у нас ничего нет, а есть только Служение. Мы сами эту судьбу для себя избрали и должны теперь идти до конца. Я хотела перехитрить систему, я хотела иметь тебя рядом с собой – видит Бог, что это так и есть. Я надеялась, что Тому дадут повышение и оставят в Лэнгли, на кабинетной работе: он это заслужил. Не получилось. Подозреваю, что по инициативе самого Грэя и не получилось: он не мог не подчиниться приказу доставить тебя в Америку, но никак не желал, чтобы ты был рядом с нами. В этом наши с ним интересы разошлись. Мне больно и

горько, но я ничего не могу с этим поделать. Милый мой Макс! Любовь моя! Ты теперь тоже один из нас. Ты теперь тоже молчаливый солдат Ордена. Примем же эту боль и похороним её в себе. Наша любовь не растаяла в воздухе. У нас есть одно общее воспоминание, которое не в состоянии отобрать у нас ни время, ни наша работа. И оно останется с нами до конца наших дней. Прощай, милый мой, дорогой мой Макс. Клянусь тебе: тогда, в Элис Спрингс я любила тебя искренне. И сейчас люблю. Но вместе нам не быть. Прощай».

Это было всё. Перечитывать второй раз не имело смысла. Приговор оглашён и приведён в исполнение. Сердце отсечено и выброшено на помойку. Сухой остаток: сидит некто Макс Триллер, сотрудник ЦРУ, человек без сердца, под снежной шапкой беседки шпионского посёлка Лэнгли в десяти милях от Вашингтона, всё еще дышит, всё ещё способен думать, размышлять и испытывать боль, но это уже другой человек: человек с опустевшей душой. Но что ещё того хуже: пустота эта уже неслышно и незаметно для самого Макса начала заполняться чем-то другим. Ибо природа не любит пустоты, и это абсолютная истина. Не это ли другое и пытался изобразить чёрными красками аборигенский переводчик с языка первобытных духов Мурр-Мурр внизу своей картины? После чего впал в прострацию...

Сколько минут ещё просидел Макс на холоде, держа в руке письмо Николь и глядя в никуда – пять минут или, может быть, сорок пять? Макс времени не замечал. Но в какой-то миг он поднялся со скамейки и, подводя черту, с ноткой истерического веселья в голосе произнёс:

– Красиво же тебя развели, Максимилиан Триллер! Ну да сам виноват... Но это сказал уже другой Макс Триллер. Сказал и пошагал прочь.

2. Миротворцы.

До Сомали группа «миротворцев», в состав которой включены были и Триллер с Айерсом, добиралась кружным путём: сначала самолётом до Сицилии, затем на трёх больших десантных катерах до вертолётносца, далее опять морем до побережья сомалийских берегов и, наконец, под покровом ночи американцев ссадили где-то в пустыне, в районе большого палаточного лагеря ООН. Отсюда караваны с продовольствием отправлялись в разные регионы страны, туда, где, по сообщениям наблюдателей, голод свирепствовал особенно сильно. Караваны отправлялись в сопровождении вооружённой охраны, но это не гарантировало доставку грузов до пункта назначения. Многочисленные банды, принадлежащие разным племенным кланам, устраивали засады и отбивали продовольствие, чтобы распорядиться им далее

по собственному усмотрению. Весь этот хаос начался за два года до этого, когда вооружённая оппозиция по африканской традиции свергла президента Мохаммеда Сиада Барре. Как и всегда в результате революций, в стране немедленно вспыхнула гражданская война, причём в наихудшей, межплеменной, межклановой форме, по сценарию «все против всех». Главным результатом этого кровавого хаоса стал тотальный голод, унёсший уже в 1992 году около трёхсот тысяч жизней. Гуманитарные организации забили тревогу: эпидемии, вызванные мором таких масштабов, могли перекинуться на соседние страны, а оттуда на весь мир. Благотворительные организации начали сбор просроченных продуктов питания, подлежащих уничтожению, и Совет Безопасности ООН в срочном порядке учредил специальную миссию „UNOSOM“ с целью доставки этих продуктов для борьбы с голодом в быстро вымирающем Сомали. Однако, ополоумевшие местные кланы сочли эту гуманитарную помощь вмешательством во внутренние дела страны. Якобы, Америка хочет отравить и погубить всех африканцев. Были распространены даже фотографии мёртвых людей, якобы умерших всей деревней после употребления американской гуманитарной помощи. Кланов даже объединились на время и объявили Организации Объединённых Наций с её гуманитарной интервенцией настоящую войну. Коса голодных смертей косила сомалийцев всё шире, но теперь уже гибнуть начали всё нарастающим числом и миротворцы ООН, становящиеся постепенно фактическими заложниками бандитов в Сомали. Терпеть дальше такое положение дел было невозможно, и СБ США принял решение послать на выручку миссии ООН несколько подразделений американской армии. В том числе объявлена была охота и на вождей бандитских кланов. В помощь этим охотникам приданы были, в частности, и специалисты из ЦРУ. Все они, вооружённые до зубов, тоже назывались миротворцами, а миссия их значилась как гуманитарная.

В задачу миротворцев от ЦРУ Макса Триллера и Пита Айерса входило минирование тех объектов, которые посещают бандиты. В нужный момент должны были осуществляться затем дистанционных подрывы. Всё упиралось в работу агентов и разведчиков, и работа последних была долгой, опасной и ненадёжной, так что за три месяца Макс с Питом удалось совершить всего лишь два подрыва, да и те оказались напрасными: погибли какие-то посторонние люди, а вожаки, на которых шла охота, остались целы. При этом один из агентов по непонятной причине застрелился, ещё одному разведчику снайпер прострелил шею, и жив он остался лишь чудом. Скоро стало ясно, что подобными методами бороться с бандформированиями бесполезно. Сотрудников ЦРУ отозвали в Центр. В начале апреля Макс был снова в Лэнгли.

Пит Айерс, с которым Макс сдружился ещё в Анголе, всё это время посматривал на приятеля с тревожным удивлением. Он не узнавал Макса Триллера, в недавнем прошлом – бодрого, энергичного человека, с хорошей реакцией на шутку, с ворохом интересных историй об Австралии и живым блеском в глазах. Теперь вместо него с Айерсом вежливо и очень корректно, как будто постоянно контролируя себя, общался замкнутый, флегматичный тип с частыми тенями в глазах, переставший интересоваться жизнью за пределами непосредственно выполняемых заданий. Макс постоянно что-то изучал, запоминал, проверял, сверялся со справочниками и каталогами: загружал мозги. И ещё, нацепив наушники и пощёлкивая кнопками кассетника, он совершенствовался в иностранных языках. Особое внимание уделяя почему-то русскому и украинскому. Впрочем, это была, кажется, инструкция сверху – Триллеру осваивать русский до степени полного совершенства.

– Тебя, старина, не иначе, как в Джеймсбонды готовят, – пошутил однажды Питер. Макс сдержанно улыбнулся на это и ответил:

– Нет проблем! Хоть в Сантаклаусы!

И всё. Разговор был окончен. Приглашение к диалогу было отвергнуто, и Макс опять сосредоточился на чём-то своём. Пит Айерс пришёл к выводу, что Макс тоскует по своей Австралии.

А Макс действительно вспоминал Австралию частенько, и даже несколько раз задавал себе вопрос, не бросить ли ему всё и не вернуться ли в Элис Спрингс навсегда. Но мысль о возвращении отпадала каждый раз, не успев окрепнуть: два раза в одну и ту же реку не входят, говорят китайцы, и это правильно. Макс представлял себе свою дальнейшую жизнь между прилавком и скупщиками опалов, однообразную и бессмысленную, потерявшую цель, и такая жизнь не манила его больше. Нажива как таковая его не увлекала никогда, и заполнить пустоту, оставленную в его душе обманувшей его Николь, не могли никакие деньги. Нет, для заполнения этой бездонной пустоты в сердце оставалось для него лишь одно средство: action, action и ещё раз action. Лишь этот «экшн», риск, действие на грани «быть или не быть», питающее сердце адреналином, порождали ещё стук горячей крови в висках и создавали на некоторое время, как от наркотика, иллюзию полноценной жизни. Отказаться от всего этого означало пойти и удавиться. Но отказываться от всего этого вовсе и не требовалось: у ЦРУ дел и забот было по горло. Голову поднимал международный терроризм, и с этим терроризмом предстояло Америке воевать не на жизнь, а на смерть. Соппротивление свободе и демократии на планете почему-то нарастало, и с этим надо было что-то делать. ЦРУ сбивалось с ног. Макс Триллер был одним из его воинов. Он был нужен. Это очень важно – быть кому-то нужным. Это главное в жизни – быть кому-то нужным!

* * *

В начале апреля 1993 года Макса направили в Ирак. Вместе с ним полетел Грэгор Макфейр, его непосредственный начальник, что было странно и придавало заданию особое значение. Группа «дуболомов» в составе шести человек из оперативного спецотдела вылетела в Багдад отдельным рейсом, на день раньше. Все они, включая «дуболомов», были, согласно легенде, нефтяниками – буровиками и инженерами, приглашёнными на нефтяные поля одной из добывающих фирм-«качалок». Что касается «дуболомов», то набраны они были из «морских котиков», страшно гордились этим фактом и презрительно обзывали остальных сотрудников ЦРУ «соплежуями», «мягкими яйцами» и «мамиными сыночками». Дуболомы скрывали, что морское братство, которое они покинули, глубоко презирает их самих за переход из элитных войск в стан «обнюхивателей замочных скважин»: так кадровые военные именовали за глаза тихих деятелей плаща и кинжала.

Озабоченный Грэгор инструктировал Макса практически на бегу. Операция, которая им предстояла, имела гриф абсолютной секретности. Причём секретности столь высокого порядка, что суть задания Макфейру самому озвучили лишь за полчаса до вылета. Суть эта оказалась проста: уничтожить Саддама Хусейна – президента Ирака, «сукина сына», вышедшего из-под контроля Вашингтона. Он шалил и раньше с Соединёнными Штатами, прикидываясь лояльным, но в какой-то момент он грань допустимого перешагнул, «красную линию», проведённую для него пересёк, когда решил контролировать нефтедобычу и цены на иракское «чёрное золото» самостоятельно. Этим он подписал себе смертный приговор. Но поди достань его, законно избранного президента. Несколько попыток переворота, инициированного Агентством, не увенчались успехом: Саддам жёсткой рукой подавил все выступления и казнил зачинщиков. Теперь он должен был за всё ответить. И последний счёт от имени Америки должны были предъявить Хуссейну Грэгор Макфейр и Макс Триллер из ЦРУ. «Это большая честь для нас с тобой, – мрачно сообщил своему младшему напарнику Макфейр, – этой акцией, сынок, мы с тобой призваны изменить политическую карту мира на ближнем Востоке. Вот так-то!».

– Как же мы взорвём Хуссейна с нашими белыми рожами? – спросил Макс, – нас же к его дворцам на пушечный выстрел не подпустят.

– Нам помогут. Нас уже ждут. У любого человека есть враги в собственном окружении. У Саддама они есть тоже. А «дуболомы» нас прикроют и обеспечат уход в пустыню. Там нас подберут вертолётom. Такова общая

схема. Подробности – на месте, – Грэгор помедлил и похлопал Макса по плечу: – вперёд, сынок, не дрейфь. Нас ждут медали Почёта – это говорю тебе я, Грэгор Макфейр, старый, битый воробей, которому дали шанс стать орлом под старость лет. А ты, сосунок, этот шанс получил почти сразу. Фортуна! Вот и хватай её двумя руками и тридцатью двумя американскими зубами.

– А как же... материал, сэр?

– Материал получим на месте. Под видом партии халвы, ха-ха-ха.

Устроим Саддаму Хуссейну сладкую жизнь, ха-ха-ха. Не вижу энтузиазма в твоих глазах. Так устроим или не устроим?

– Устроим, сэр. Русские говорят: «Назвался груздем – полезай в кузов».

– Что такое груздь? Какой ещё кузов? А, ты это опять из своих уроков русского языка мне впупыриваешь... Барбара научила? Трясогузка эта... Не попробовал её еще? Ну и змеюка же на вид! Так и извивается... Интересно, русские бабы все такие?

– Она хохлушка, не русская.

– Хоклушка – это что такое? Порода такая?

– Украинка. Из Киева. Папа украинец, мама эстонка.

– Боже мой, и такое бывает? Эстонцы – это вроде эскимосов что-то? На востоке живут, судя по названию... Ну и чему она тебя учит? Русским поговоркам?

– В том числе.

– Хорошее дело. Подбери парочку подходящих русских поговорок для Саддама на последнюю ему дорожку. Типа: «Камешек на черепок – и в ямку: прощай, Ближний восток, прощай, мамка!». Хорошую я придумал поговорку? Такой, небось, даже у твоих русских нету. Или есть?

– Не знаю. Вернемся – спрошу у Барбары.

– Обязательно спроси.

– Окей, сэр. Только лучше Вы сами спросите. Барбара будет очень рада. Она каждый раз тает, когда видит Вас в дверях класса.

– Пошёл к чёрту!

– Так мы же как раз туда и летим...

– И то правда. О деле надо думать, а не о Барбаре твоей. А то заладил как попугай: «Барбара, Барбара»...

(Барбару звали на самом деле Варвара Обийдихатко. В восемьдесят шестом году её увели афганские моджахеды прямо из учебной аудитории в Герате, где она преподавала русский язык афганским революционным активистам. Варвару против её желания обменяли на две ракеты «земля-воздух» и доставили в Америку, которая ей вскоре очень даже понравилась. Она вышла замуж на мистера Уайта и забыла, что оставила на Украине мужа

Мыколу, горького пьяницу, не сумевшего даже подарить ей ребёнка за десять лет совместной жизни, и каждую вторую ночь проводившего в канаве за домом в обнимку со свиньёй. Свинья была соседская – и это было особенно оскорбительно! Мистер Уайт, правда, тоже оказался алкоголиком, но пил по расписанию, поперёк дороги не валялся, ходил в шляпе «Стэтсон» и курил сигары. Он, со своей стороны, также пообещал своей новой русской жене Барбаре двух или трёх детей – уж как получится, по мере сил –, и хотя обещания своего не сдержал пока, но старался честно. Вот что значит настоящий американский мужчина с принципами! Мистер Уайт плотничал и слесарил по вызову в кампусе Центрального офиса ЦРУ в Лэнгли, и через его посредничество Барбару стали привлекать для переводов и совершенствования русского языка сотрудников, которым это было необходимо по работе. Сотрудницей ЦРУ Барбара Уайт не являлась, но постоянный пропуск в классы учебного комплекса она имела. И Макс Триллер был её лучшим учеником: его способность запоминать целыми блоками сложные тексты и идиоматические выражения, а также с идеальной точностью имитировать звуки речи приводила Варвару в полнейший восторг. Уже со второй попытки он произносил украинские фразы без малейшего акцента. Особенно хохотала Варвара, когда Макс имитировал специфический одесский говорок. Вот про эту самую Варвару и осведомлялся Грэгор у Макса. Макс подозревал, что его начальник, бывший полковник Макфейр к рыжей, тощей, гибкой и энергичной украинке сильно неравнодушен, потому что он периодически заглядывал на уроки русского языка и громко фыркал, прежде чем закрыть дверь).

В Багдад прилетели обычным, гражданским рейсом, их встретили какие-то работники нефтяных полей с незапоминающимися лицами. Пока шли по залу аэропорта, в их сторону блеснуло несколько фотовспышек. Были ли это случайные сполохи от камер многочисленных друзей и родственников, обнимающихся с прибывшими и улетающими из Ирака, или кто-то прицельно фиксировал американских «нефтянников» для специального досье, осталось непонятным. Но это не имело значения, ибо сценарий спектакля был, оказывается, хорошо продуман и отработан. Гостей посадили в фирменный голубой автобус с изображением чёрных нефтяных фонтанов по бортам и повезли на север. Через полтора часа пути остановились в пустынном жёлтом мареве, из которого вскоре выплыл встречным курсом зелёный «Шевроле», забрал Макфейра с Максом и повёз обратно в Багдад. Фирменный автобус нефтянников продолжил движение на север – он свой отвлекающий манёвр выполнил.

Для каждого любителя Востока и сказок Шехерезады Багдад – это очень красивый муравейник с бирюзовыми минаретами и бесчисленными изящными мечетями, общительно приветствующими друг друга экзотическими восточными арками и лазурными росписями. Тут и там посматривают они кокетливо на собственные отражения в стеклянных стенах современных витрин и небоскрёбов, наставленных везде по городу в художественном беспорядке, возвышаясь над жизнерадостными одно- и двухэтажными каменными восточными кварталами с их тенистыми двориками и тупичками, с базарами и базарчиками, лавками и лавочками, с глинобитными лабиринтами, неожиданно выводящими через полчаса отчаянных поисков выхода то на широкий бульвар с гудящими автомобилями, то к уютному белому коттеджу с голубым бассейном в тени серебристых пальмовых крон, лениво обмахивающих своими метёлками высокое, пронзительно синее, и без того абсолютно чистое небо.

Их зелёный «Шевроле» с сурового вида, молчаливым водителем промчался по авеню Аль-Харуна – легендарного эмира, известного каждому по сказкам из «Тысячи и одной ночи», затем пересек по изрядно выщербленному мосту реку Тигр, сделал с добрый десяток хитрых поворотов и разворотов и углубился в «частный сектор» – в царство восточных двориков. То был, как узнали позже американские «гости», квартал ремесленников–сабейцев – древнейшей народности, прямых наследников вавилонян и самых первых последователей христиан, породивших знаменитый клан чеканщиков по серебру, которые хранят свои секреты по сию пору и с которыми никто на земле не может сравниться в этом искусстве. Возможно, в силу некоторой обособленности этого замечательного племени сабейцев, представляющего собой островок христианства в окружающем мусульманском мире, здесь, в этих каменных лабиринтах можно было занырнуть поглубже и спрятаться понадежней от посторонних глаз и ушей, чем в прочих районах Багдада. На что, надо полагать, и рассчитывали организаторы террористической операции. Вряд ли при этом принимали они в расчёт то обстоятельство, что этим самым ставят под удар быстрого на расправу и жестокого восточного правосудия целый маленький народ абсолютно мирных сабейцев, живущих исключительно ремеслом, торговлей и молитвами, и держащихся подальше от всякого рода путчей, революций и прочих сумасшедших забав современного мира. Но кто уже в этом больном, на оба полушария глобанутом мире собирается учитывать судьбу каких-то там сабейцев, у которых нет ни нефти, ни газа, ни хотя бы урана в недрах под ногами? Да никто! Мало кто вообще знает об их существовании. А следовательно и их исчезновения, случись оно, никто не заметит. Даже Макс, основательно изучивший политическую карту мира за

время работы в ЦРУ, узнал о существовании сабейцев лишь в Ираке, после того как попал в их багдадские кварталы.

Машина остановилась у глухой, оштукатуренной каменной стены с вмурованными в неё дубовыми воротами средневекового вида. В левой половине ворот распахнулась обитая металлическими полосами дверь, и черноусый восточный красавец с ярко горящими глазами и мрачным выражением лица впустил американцев в закрытый дворик. Отсюда в дом вели две двери. Араб жестом приказал гостям следовать за ним и вошёл в правую из них. Они очутились в небольшой, очень чистой, белёной комнате с низким потолком. Посреди комнаты стоял простой деревянный стол, вокруг которого аккуратно расставлены были столь же простые стулья. Из деревянных изделий имелись ещё в комнате небольшой столик в углу, очередные две двери в разных концах дальней стены, ведущие в глубь дома, а также довольно грубо, но крепко сколоченная лестница с толстыми перилами, уводящая на второй этаж.

Араб обернулся к пришельцам, лишь теперь улыбнулся им ровными зубами, один из которых, левый резец вверху был обломан, и представился на отличном гарвардском английском:

– Я – Акрам Халид. Буду вам помогать. Будете делать то, что я вам скажу. Спать будете наверху. Всё необходимое вам привезут прямо сюда. Ваши друзья находятся поблизости, но вам их видеть не нужно. Они знают, что нужно делать. Узнаете и вы, когда придёт время. Я вам скажу. Сейчас вы будете отдыхать. Женщины принесут вам умыться и кушать. Выходить на улицу нельзя. У стен есть глаза и уши. Добро пожаловать в Багдад. Да здравствует свобода от тиранов! Кушайте и отдыхайте...

И Акрам Халид вышел и оставил «нефтянников» одних.

– Мышеловка! – констатировал Грэгор, оглянувшись по сторонам и распорядился: – Пошли наверх. Посмотрим, есть ли оттуда выход на крыши. Главное в наступлении это что, сынок?

– Натиск и темп.

– Неправильно. Главное в наступлении – это наличие пути к отступлению. Это говорит тебе старый, стреляный солдат, сынок. Это говорит тебе солдат, которому отступить доводилось чаще, чем наступать, и поэтому он до сих пор ещё жив, чему каждый день удивляется сам.

Макс озадачился на секунду загадкой о преобладании отступлений над наступлениями, но тут же и забыл слова Макфейра. Перед ними стояла свехответственная задача, и отвлекаться на разную постороннюю ерунду было недопустимо: Макс привык братья за дело основательно и выполнять его

тщательно. Впрочем, и полковник отнюдь не был дурачком. Макс знал – это удав ещё тот: при всём поверхностном балагурстве Макфейр мыслит быстро, глубоко и чётко, решения находит мгновенно, а нервов не имеет вовсе. Такие ребята не в кино, а в жизни способны спокойно, не потея, разбираться с незнакомым часовым механизмом бомбы, сидя на ней верхом и не зная, в какой миг она взорвётся. Вот один пример хладнокровия из богатой биографии Грэгора Макфейра. В Колумбии его поймала банда местного наркобарона, помучила пытками, ничего не добились и отвела в лес, к болоту, чтобы убить и закопать. Полковнику (тогда ещё майору) вручили лопату и велели рыть себе могилу. Грэгор стал копать, не торопясь, аккуратно и старательно, выравнивая стенки. – «Для себя же стараюсь!», – объяснил он своим мучителям, подгонявшим его, и этими словами вызвал их одобрительный смех. – «А ты молодец, гринго: весёлый парень. Умеешь красиво умереть», – похвалил смертника один из разбойников. Полковник продолжал работать. Наконец, бандиты сочли, что яма готова. Они стали спорить кому из них пристрелить американца. Ни один не хотел тратить на него свои патроны – видимо, амуниция у лесных братьев была в большом дефиците. В конце концов, они решили закопать врага живьём. – «Ложись на дно, скотина!», – приказали ему. Полковник лёг. Лопату всучили самому молодому из разбойников, и тот, ругаясь, начал набрасывать на Грэгора тяжёлую, липкую землю. Солдат был уже наполовину засыпан и с трудом дышал, когда бандит запротестовал:

– Я устал, – завопил он, – давайте по-очереди его закапывать!

И тут раздался голос полковника из могилы:

– Ребята, не спорьте. Дайте мне лопату, я сам себя закопаю! А вы пока отдыхайте...

Бандиты – ребята простые. Когда до них дошёл смысл шутки, они в буквальном смысле попадали наземь, держась за животы. При этом один из них обмочился, чем привёл остальных в ещё больший восторг. Отсмеявшись, отстонавшись и утерев слёзы, бандиты вытащили полковника из могилы, и в порядке награды за полученное удовольствие отпустили его в направлении непроходимой трясины. Грэгор Макфейр перешёл болото, выбрался на лесную дорогу и через несколько дней, всё в том же аварийном виде – избитый, хромящий на обе ноги, весь в налипшей тине, с высохшими пиявками на иссохших ушах – добрался до города и явился в ближайшее американское представительство. Консул был в шоке: – «Что за наглость, в каком виде Вы являетесь в государственный орган Соединённых Штатов Америки?». – «Я очень хочу спать. И виски бы мне бутылку, сэр...», – ответил ему на это Грэгор Макфейр. За тот подвиг он не получил никакого поощрения. Наградой ему послужила его собственная жизнь, которую он спас своим хладнокровием. В

результате он попал в ЦРУ и стал специалистом по минированию и радиоуправляемым системам. И, похоже, на сегодняшний день неизвестных взрывных устройств для Грэгора Макфейра не существовало в природе вещей. Зато самому ему известны были такие схемы, которых не знал никто другой. «Мои взрывные устройства не обезвреживаются», – хвастался он иногда. И не врал при этом. Так что против Саддама Хуссейна выставлен был матерый воин, достойный противник, «свой сукин сын» ещё большего калибра, чем сам Хусейн. Но и Макс был не из палочки струган: он умел гениально распределять заряды. У него было удивительное чутьё – куда, сколько и как заложить, чтобы сработало по-максимуму. Так что эти два сотрудника ЦРУ – «соплежуи» на языке «дуболомов» – хорошо дополняли друг друга. Саддам Хуссейн даже подозревать не мог в своём дворце, что его отделяют от смерти, возможно, всего несколько дней и всего несколько сот метров.

Диверсанты поднялись на верхний этаж. Там было две комнаты, две спальни. Грэгор предпочёл левую. В комнате Макса было два окна, выходящие на разные стороны. Одно из них открывалось на плоские крыши, другое смотрело во двор, в котором они только что стояли. Отсюда видна была белёная поверхность забора с дубовыми воротами и двухэтажная глухая стена дома напротив. Но оба окошка были такие маленькие, что пролезть в них мог разве что новорождённый сын пигмея. Такое же точно, глядящее на чужие крыши и непролазное окно имелось и в комнате полковника.

– Ну что ж, значит хода для отступления отсюда нет. Придётся ставить вопрос ребром перед этим Акрамом. Или отступить вперёд ногами, – подытожил полковник отрицательный результат разведки, – сверим время, сынок.

В Багдаде в этот момент было семнадцать – сорок три, десятого апреля 1993 года. Часы разведчиков шли синхронно. Грэгор Макфейр удовлетворённо кивнул. Снизу хлопнула дверь. Потянуло едой, неизвестными пряностями. – «Солдат надо хорошо кормить, лишь тогда они выигрывают сражения. Голодный солдат способен отбить у врага разве что полевую кухню», – прокомментировал густые восточные ароматы полковник Макфейр и приказал:

– Вниз, сынок! Любой успешный бой начинается с сытного обеда! Надеюсь, Саддам нас не отравит раньше, чем мы его подорвём...

Две женщины в паранджах споро накрывали на стол в середине комнаты. В дальнем углу на столике возвышался кувшин с водой, рядом с ним стоял эмалированный таз и лежали чистые махровые полотенца. При появлении американцев обе женщины быстро поклонились гостям, торопливо завершили

приготовления и исчезли за входной дверью. Разбираться с блюдами и способами их употребления предоставлено было самим гостям. Они разобрались быстро. Затем Грэгор остался ещё посидеть и поразмышлять за трубочкой доброго вирджинского табака, а Макс поднялся наверх: перед операцией ему требовалось хорошо выспаться. Бессонница вредит нервной системе и притупляет чутьё – это Макс знал по диверсионному опыту, на тот момент уже значительному. Чтобы заснуть быстро и глубоко требовалось отключиться от всех мыслей. Но это и было самое непростое. Мысли всё равно кружили – не в виде слов, а в виде образов. Макс старался перехитрить эти мысли и пытался представить себе лицо Саддама Хуссейна – диктатора, сатрапа и величайшего «сукина сына», обидевшего Америку. Но незнакомый Максу образ Хуссейна постоянно расплывался и норовил предстать в знакомом образе Николь. Тогда усилием воображения Макс принимался снова и снова замещать светлый лик Николь чёрной рожей Мурр-Мурра, тянущего на себя хромированные ручки велосипеда, и добрый Мурр-Мурр выручил, наконец, своего клиента, спустился к нему из Эры Сновидений и увёл Макса в мир жёлтых точек, красных скал и белых игуан...

Акрам Халид появился только наутро. Первое, что потребовал у него полковник, кратко поздоровавшись, был план отступления.

– Вы должны были указать нам путь безопасного отхода ещё вчера! – заявил Грэгор арабу. – Мы не можем сидеть здесь как крысы в норе, не зная что происходит вокруг. Прежде чем мы приступим к работе, я должен иметь план города и карту местности.

– Ваши товарищи размещены поблизости и знают как прийти вам на выручку, – возразил боевик.

– Наши товарищи могут с вашей бабушкой хоть кадрили плясать! Я говорю сейчас о нас двоих, перед Вами стоящих. Каким путём мы будем выбираться отсюда при возникновении, эмм.. аварийной ситуации?

– Никакой аварийной ситуации быть не может. Всё чётко распланировано, в ход операции посвящены лишь абсолютно надёжные люди.

– Абсолютно надёжных людей не бывает. Абсолютно надёжным может быть только мертвец, но и тот даёт показания в руках хорошего паталогоанатома. Итак, я выхожу в эти ворота и в какую сторону двигаюсь в сторону реки?

– Почему в сторону реки?

– Потому что под водой мне легче спрятаться. Ответ устраивает? Если, конечно, в Тигре нет крокодилов. В Тигре есть крокодилы?

– Нет.

– Отлично. Тогда пошли. Покажете дорогу.

– Дорогу я вам покажу, разумеется. Только другую, через задний двор. Я и так показал бы вам её непосредственно перед операцией, это стоит в плане. Но раз Вы настаиваете сделать это обязательно сейчас, то идите за мной.

Они вышли во двор, и Акрам велел подождать: – «Надо предупредить женщин, чтобы они удалились, – объяснил он, – на женскую половину дома посторонним мужчинам входить запрещается.

– А в случае экстренной ситуации как быть? – спросил полковник.

– В случае экстренной ситуации можно и без разрешения.

– Умные к вас на Востоке традиции, однако...

Акрам промолчал и ушёл в дом через среднюю дверь. Минут через семь от вернулся за постояльцами и повёл их сквозь дом, который оказался большим и сложным, состоящим из хитро составленных комнат, коридоров и внутренних двориков.

– Я уже заблудился, – пожаловался Макс.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, в случае чего вас выведут, – успокоил его вежливый араб.

– Кто нас выведет? – хотел знать полковник.

– Женщины.

Грэгор фыркнул конём, но ничего не возразил. Они вошли в просторную комнату с большими зеркалами, широкой деревянной кроватью под марлевым колоколом антимоскитной сетки, с яркими коврами на полах и стенах и со всякого рода кружевными и шёлковыми рукоделиями, разбросанными по диванам и гнутым стульям. Понятно было без всяких инструкций, что это чертоги самой Шехерезады. Но вертеть головой было некогда: Акрам за нижний угол отогнул в сторону один из ковров на стене, и за ним показалась толстая деревянная дверь на железных засовах. Дверь вела во дворик с фонтаном посередине. Дворик этот был глухой, без ворот и дверей.

– Вот здесь, в этом месте вам надо перебраться через стену, – объяснил араб. – С этой стороны будет стоять лестница, там надо будет спрыгнуть. Высота стены три метра. По улице сразу направо, потом два раза налево, потом направо и прямо до большого бульвара. Затем налево до жёлтой мечети, за ней полунаправо и дальше всё прямо и прямо до самой реки. Но только, уверяю вас, мистеры, вам этот путь проделывать не придётся. В случае тревоги ваши товарищи встретят вас у этой стены и вывезут за город по разработанному маршруту. У них есть подробные инструкции. Но до конца операции у вас с ними контакта не будет.

– Потому что у стен есть глаза и уши, – ехидно подсказал бывший полковник Макфейр.

– Именно так, – согласился араб, слегка усмехнувшись.

По уже немного знакомому лабиринту дома американцы вернулись в свои покои. Здесь их ожидал завтрак.

– Сегодня в полдень придёт машина. Она прогудит. Ворота не открывайте. Женщины впустят её сами. Вечером, когда стемнеет, привезут «халву». Работать будете завтра, при свете дня. Ночью электричество во дворе может вызвать ненужный интерес...

– ... У стен, которые имеют глаза и уши, – снова съязвил полковник. Но на сей раз Акрам нахмурился:

– Дорогие господа американцы. Я знаю, какую организацию вы представляете. И мы, борцы с тиранами, безусловно признаём ваши огромные заслуги в организации всякого рода переворотов, политических провокаций и террористических актов по всему миру. Но и мы кое-что умеем. Особенно у себя дома, в наших странах Востока, который живёт по несколько другим человеческим законам и традициям, чем живёте вы там у себя за океанами. Поверьте, ваши традиции я тоже хорошо знаю, потому что учился в Америке. Поэтому иронизировать по части наших стен, о которых вы понятия не имеете, я считаю неблагодарным, и делать этого я бы вам не советовал.

– Принимается! – подвёл черту полковник и похвалил вполне искренне: – Молодец, борец с тиранами Акрам Халид: удар ты держишь. А значит, и дело знаешь. Главное, чтобы в этом деле поменьше было всякой романтики, всей этой вашей восточной павлиньей экзотики: фонтанов, женских покоев с потайными коврами, кобр под подушкой и кинжалов в финиковом торте...

Акрам Халид теперь уже весело засмеялся:

– Ну и начитались же Вы сказок в детстве, мистер американец. Но Вы можете не беспокоиться, у нас на Востоке всё просто: ножом по горлу – и Аллах акбар. Или наоборот: сначала «Аллах акбар», а потом ножом... Это вы, западные люди, любите, прежде чем человека прикончить, разводить с ним долгую бодягу о его правах и обязанностях, о его заблуждениях, пороках и нарушенных им христовых заповедях. У вас в Америке осуждённые по двадцать лет исполнения приговора ждут... Однако же, предлагаю оставить ненужные споры на отвлечённые темы. Не для этого вы сюда прибыли. А теперь идите кушать. Надеюсь, что наша восточная кухня вам нравится. Восточные женщины готовят очень вкусно. Увидимся завтра. Меня ждут неотложные дела...

Синий микроавтобус «Тойота» с кувейтскими номерами действительно появился во дворе во второй половине дня. Не совсем в полдень, правда, а в третьем часу, но, пробурчал Грэгор Макфейр: «Это по восточным меркам почти

что арийская точность». Зато «халву» доставили строго по плану, без опоздания – с наступлением темноты. Макс забрал к себе в комнату один из брикетов и установил, что взрывчатка – высочайшего качества, немецкого производства, и лишь упаковка иранская, местная. Аммонала было много – более двухсот килограмм, с запасом. – «Чтоб его и на самый дальний сортир дворца хватило: а вдруг наш Саддамчик как раз там затаится?», – одобрительно хмыкнул полковник. «Да тут на полгорода хватит!», – покачал головой Макс, – сколько невинных людей погибнет!».

– Невинных людей не бывает! – сурово возразил Грэгор, – человек грешен с момента рождения – разве тебе в детстве этого священники не объясняли? А должны были. Иначе зачем они сами нужны? – Грехи отпустить, вот для чего. И нам с тобой, Макс, лучшим из лучших в нашем ремесле, в аду гореть. Ну да мы и ад взорвём, когда там окажемся, не так ли, сынок?

– Было бы приказано, сэр.

– Отличный ответ, сынок, молодец!

На своей половине, полковник разобрал привезённую с собой видеокамеру и извлёк оттуда две электронные платы, к которым он подключил провод от электробритвы и проверил схему на срабатывание. Бритва служила дистанционным пультом, приводящим в действие запальник детонатора. Сам запальник располагался в толстой батарейке, которую Грэгор вытащил из обычного фонарика и вручил Максиму со словами:

– Это твоя деталька, сынок. Смотри, чтоб контакты не подвели.

Всё, что держали в руках террористы, было изготовлено вне Америки. Ни один след не должен был вести к Штатам: террористический акт свершится руками местных мстителей – такова была инструкция. Наверняка сразу после ликвидации Хуссейна объявится террористическая организация, которая возьмёт на себя ответственность за произошедшее и будет претендовать на политический передел Ирака. Но это Макса с Грэгором уже не интересовало – всё последующее будет относиться к сфере политики, последствиями пусть занимаются «яйцеголовые».

На следующий день, двенадцатого апреля, американцы взялись за дело рано утром, и за три с половиной часа всё было готово: посреди пустого салона микроавтобуса возвышался куб взрывчатки, перехваченный плотной сеткой изоленты. В некотором углублении притаились детонатор и приёмное радиоустройство с небольшой антенной. Пространство со всех сторон куба было оставлено свободным: после того как «Тойоту» перевезут в подпольную автомастерскую, там произведут маскировку: машину переключают в белый цвет

и облепят рекламными и информационными баннерами фирмы, развозящей сладости, в взрывчатку до самой крыши и по бокам обложат коробками с настоящей халвой, рахат-лукумом, шербетом и мороженым. После этого по поддельным документам «десерт» доставят во дворец Саддама. Настоящая же фирменная машина со сладостями будет при этом задержана отдельной группой террористов, действующих под видом дорожных полицейских. Дальше будет так: на заднем, «грузовом» КПП дворца машину осмотрят, груз проверят и пропустят. После того, как «Тойота» окажется в подземном гараже дворца, водитель заперёт машину, сделает вид, что пошёл с документами передавать товар, но вместо этого по заранее согласованному маршруту покинет гараж. Его выведет за территорию дворца охранник, свой человек. Банкетный зал, в котором Саддам Хуссейн всегда обедает вместе с семьёй, если находится во дворце, или же принимает гостей, располагается непосредственно над кухонным комплексом. Согласно разведанным, Саддам в эти дни находится во дворце неотлучно: у него на почве аллергии или какой-то инфекции раздуло щёку, и показываться в таком виде перед фотографами, вездесущими как микробы, он не станет ни за что на свете, утверждали имидж-мейкеры Саддама. Но даже если в момент теракта «сукин сын» не будет находиться непосредственно над эпицентром взрыва, то двухсот килограммов взрывчатки хватит, чтобы достать его и в самом дальнем углу дворца: таков был расчёт Акрама Халида. Макс допускал, что это может соответствовать действительности, хотя и зависит от многих дополнительных факторов: распределения и конструкции помещений, глубины гаража и толщины и вида перекрытий и несущих стен. Но этих данных у него не было, и это ему не нравилось. Макс любил точную работу. Кроме того, его сильно тревожила мысль о больших сопутствующих человеческих жертвах. Господи! Мог ли он подумать всего лишь год-полтора тому назад, добывая взрывами опалы, что придётся ему в скором времени подобными взрывами убивать живых людей? В какую же преисподнюю он летит? Эй, Николь! В какой ад ты меня отправила? Ты знаешь это? Знала ли ты это, когда звала меня за собой? Пошла ты к чёрту, Николь! Вот там мы и встретимся с тобой когда-нибудь, и будем вместе, наконец: на одной и той же раскалённой сковородке продолжится наша с тобой любовь!...

Согласно плану, точку в операции должен будет поставить полковник: когда машина окажется в подвале, Акрам по коротковолновой рации скажет слово «Найтингейл», адресованное американцам. Это будет означать готовность номер один, то есть – «держите палец на кнопке». После того, как террористы покинут территорию дворца, Акрам подаст следующий сигнал. Это

будет слово «Пэррот!». По этой команде Грэгор надавит на кнопку. Сразу после этого («Вы отсюда обязательно услышите, весь город услышит!», – пообещал им Акрам), американцам следует через женскую половину дома выйти на задний переулок, соединиться там с «дуболомами», и те вывезут подрывников за город, в пустыню, где их подберёт вертолёт и доставит на корабль. До момента взрыва всем концертом дирижирует Акрам. После взрыва американцы выбираются из города уже сами по себе, с помощью собственных боевиков – таков был общий расклад операции.

– Каким словом мы будем предупреждены в случае непредвиденной ситуации? В случае аварии? В случае провала? – потребовал Грэгор. Акрам спокойно ответил:

– Словом «Авария».

Машину Акрам увёл со двора сам. Простились без объятий, сухо. Женщина с закрытым лицом заперла ворота. Грэгор и Макс поднялись в комнату полковника. На пустом столике возле его кровати лежала в режиме ожидания коротковолновая рация, рядом с ней – «электробритва» японского производства. Все профессиональные дела на этом закончились. Диверсантам оставалось только ждать. Макс смотрел в окошко. Там, в синем небе кружил то ли ястреб, то ли сокол – Макс в птицах не разбирался. Он кружил и явно прицеливался к чему-то там, внизу, на земле. Какой-нибудь обречённый мышонки мог уже начинать считать свои последние секунды... Макс снял с руки часы и положил их себе на колено. Они показывали одиннадцать–двадцать три. И секунды прыгали дальше. Но их было ещё много, этих секунд – гораздо больше, чем в запасе у мышонка. Два часа на переклейку и загрузку машины сладостями плюс ещё полчаса на заезд.

– Успеем пообедать, – спокойно сказал полковник, – если, конечно, они нас уже не сняли с довольствия.

Но нет, они не сняли. «Они» постучали в дверь и бесшумно удалились. У порога стояли два больших подноса с едой, питьём и чашками для ополаскивания пальцев.

– Женюсь на арабке! – заявил Грэгор, удовлетворённо водя носом над блюдами.

А Макс есть не мог – пища не лезла ему в горло. Через пару часов на его совести будут сотни унесённых взрывом жизней... Невинных людей... Какая тут может быть еда? Удавиться впору и ничего не знать про будущее... Полковник как будто услышал его мысли:

– Расслабься, сынок. Не сегодня, так завтра. И потом ещё тысячу раз. Такая у нас с тобой профессия. Как это тебя твоя Варвара научила, ты говорил недавно: «Дом строят – доски летают»?

– «Лес рубят – щепки летят».

– Ага, тоже подходит. Русские хорошо разбираются в этом деле. А мы лесорубы ещё почище, чем они. Потому что у нас топоры лучше. И щепки от нас летят дальше, чем у них: летали, летят и будут лететь – до полного преобладания Америки надо всей Вселенной... А у лесорубов сейчас, между прочим, как раз обеденный перерыв должен быть, чтоб ты знал! Так что ешь, давай. И не разочаровывай меня, сынок. Докажи, что ты из нашей, из американской инструментальной стали, а не из этой ихней... халвы сопливой. Ешь! Это приказ!

Макс пожал плечами, водрузил себе поднос на колени и стал есть, не различая вкуса. Часы он переложил на кровать рядом с собой. Они едва слышно тикали. Секундная стрелка неостановимо кружила над циферблатом – как тот коршун в небе над мышонком... или сокол...

– Ещё есть время прикорнуть на полчаса, – объявил Грэгор, глянув на свои часы. Иди к себе, сынок, приляг. Если заснёшь, я тебя разбужу, ты не беспокойся.

Макс посмотрел на начальника-командира с недоумением: шутит он, что ли? Какой может быть сон в такие минуты? Но тот и не думал шутить – полковник уже снимал ботинки. Определённо, человек с отмершими нервами. Макс ушёл к себе. Конечно, он спать не мог. Он подошёл к окну и стал смотреть в пустой двор. Ему казалось, что он слышит, как стучат часы у него в руке и как секунды, зажатые в кулаке, бьются и мечутся, не находя выхода, в его раскалённой ладони, как будто это он, Макс, поймал время и остановил его, и пока он крепко удерживает его, ничего плохого не случится. Постепенно, однако, непривычное состояние потерянности в этом остановившемся времени стало наполнять Макса тревогой, и ему нестерпимо захотелось проверить, что показывают часы. Он поднёс часы к глазам и обнаружил, что стоит у окна уже восемнадцать с половиной минут. Остановившееся время снова двигалось, мир методично приближался к своему концу: всё ведь имеет начало и конец... Конкретным представителем этого движущегося мира выступала худая, ушастая, серая кошка, которая, подёргивая хвостом, шла по стене забора от угла в направлении ворот. Макс рассеянно следил за ней взглядом, и был вдруг удивлён необычным поведением животного: кошка остановилась в напряжённой позе, затем спина её выгнулась дугой, шерсть на ней поднялась дыбом и кошка с воплем сиганула со стены вниз, во двор. В следующий миг на

стене возникли две руки в чёрных перчатках, затем голова в шлеме и рядом уже следующая, за ней третья. Первый штурмовик между тем уже оседлал стену, выхватил из-за спины короткий автомат и направил его внутрь двора, прикрывая от возможного обстрела остальных атакующих. Макс отпрянул от окна и ринулся к полковнику:

– Тревога! – закричал он, – спецназ штурмует дом!

Скорость, с которой полковник вскочил, смёл в сумку аппаратуру с тумбочки и оказался у двери, была невероятной – у него ушло на это не более трёх секунд. Ещё через пять секунд американцы уже оставили за собой дверь, ведущую из столовой внутрь домашнего лабиринта. Ошибившись один раз коридором, они всё же, распахивая все двери подряд и оставляя за собой громкий переполох, ворвались, наконец, в комнату «Шехерезады». Пухленькая, черноволосая и, как ни странно, зеленоглазая арабка, испуганного лица которой Макс не запомнил, завизжала при их вторжении и метнулась за кровать. Но уже в следующий миг Макс отбросил полог на стене, откинул засовы и толкнул дверь. Он выскочил в задний дворик, чуть не свалившись в меланхолично булькающий фонтан, куда Грэгор Макфейр таки влетел по инерции, поскользнулся и, чертыхаясь, сел на задницу в веер поднятых им же брызг. Лишь теперь заметил Макс, что на Грэгоре нет ботинок. Но любоваться босыми ногами шефа было недосуг, да тот уже и вскочил пружиной и кинулся к стене. Лестница была на месте. Первым на стену вскарабкался Грэгор. Следом взметнулся по лестнице Макс и оказался верхом на стене, рядом с полковником, осматривающим переулок.

– Нету наших долбодрынов, – констатировал Макфейр, – выбиратья будем сами: направо, потом налево, потом я забыл, но это неважно: пока будем бежать, я вспомню. Прыгай, сынок!

Макс соскочил со стены благополучно, поймал сумку, летящую сверху и едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под голые пятки полковника, который, оберегая их, приземлился с кувырком и завыл от боли: булыжники в переулке были сильно выпуклые. Они пустились бежать – Макс впереди, с сумкой, полковник позади, отчаянно хромая и матерясь. До конца переулка оставалось не менее пятидесяти метров, когда им навстречу из-за поворота выскочили чёрные люди в масках и бронежилетах – иракский спецназ. Это означало, что охота на них велась прицельная и грамотная, с отличной ориентацией полиции во всех городских переулках и закоулках. Что это? Предательство? Провал? Те самые глаза и уши иракских стен? Но только думать об этом в эти секунды было некогда. Грэгор и Макс крутанулись на месте и бросились в обратную сторону. Но уже и оттуда, с другой стороны

переулка в их сторону бежали вооружённые люди. Позади раздавалась автоматная очередь. Пока в воздух, кажется.

– Стоп! – приказал полковник, – спиной к стене и поднимаем руки. Игра окончена...

Но игра ещё не была окончена, оказывается. Две группы боевиков, вместо того, чтобы сойтись в одной точке и скрутить готовых сдать диверсантов, сблизившись, стали вдруг стрелять в американцев с двух сторон.

– На землю! – закричал полковник и резко толкнул Макса в спину. Макс упал. Грэгор плюхнулся рядом с ним.

– Это наши! – сообщил ему Макфейр, – дуболомы. Проснулись наконец, засранцы!..

Макс приподнял голову, но ничего не увидел: в глазах у него потемнело, резкая боль пронзила шею, плечо и спину и он куда-то отплыл, не понимая, что происходит с ним и вокруг него. Слух воспринимал звуки, но мозг их смысла не распознавал. Были выстрелы, потом тишина, потом голос сказал: «Вставайте, парни, отряхните штаны и бегите за нами». Потом другой голос произнёс: «Ха, старый, ты что – обоссался, что ли? Рановато. Всё главное ещё впереди...». Третий же голос воскликнул встревоженно: «Ого, а молодой-то ранен». – «Два пулевых: в шею и в спину», – подтвердил ещё кто-то, который чертыхнулся и приказал: «Боб, дай мне своё железо. Грузите его Бобу на спину...». Ещё раз боль вошла в тело тупым ножом шириной с небо, и всё погасло. Макс потерял сознание.

Когда он очнулся на несколько мгновений, под ним всё тряслось и подпрыгивало, над ним качались неясные лица, в поле зрения попала рука со шприцем. В следующий раз он оказался уже на небе. Над ним плыли лёгкие белые облака. Голос рядом кричал: «Сейчас! Немедленно! Он до ночи копыта отбросит – это как в шапку насрать! Да и нас тут как мышей переловят!...». – «Кто-то отбросит копыта до ночи!», – зафиксировал Макс эту забавную мысль. Но снова мелькнула рука со шприцем, и небо разом потемнело. В третий раз Макс открыл глаза внутри натужно дрожащего гула. С ним что-то делали. Его обматывали бинтами. Смутно знакомый человек кричал ему в лицо: «Держись, сынок. Скоро будем на корабле. Держись, не сдавайся, докажи им, что ты настоящий янки!..». Макс узнал его: этого человека звали Грэгор. Но опознанный Грэгор тут же из загадочных конспиративных соображений превратился на миг в толстую Шехерезаду и исчез из виду.

Окончательно Макс пришёл в себя уже в тишине, в приятном, светлом пространстве, вскоре после операции. Хирург извлёк пулю, раздробившую ему ключицу и обработал другую рану, сквозную. Его оперировал военврач, морской офицер, который стоял теперь рядом с Максом, держал его за руку и

считал пульс. Заметив, что Макс смотрит на него, корабельный доктор объяснил всё ещё плохо соображающему Макс, что тот находится в безопасности, на американском авианосце, и что вторая рана опасная – задето лёгкое –, но не смертельная. Однако, в корабельных условиях лечение затруднительно.

– Вас доставят в военный госпиталь в Катаре, – сообщил ему врач, – а после того, как выкарабкаетесь совсем, Вас отправят домой, в Америку. А теперь спите, Вам это сейчас крайне необходимо.

Но прежде, чем Макс выполнил последний приказ, перед ним возникла улыбающаяся рожа Грэгора Макфейра, его непосредственного начальника.

– Отлично сработано, Макс! Стало быть, ты ещё зачем-то нужен нашему старшему брату – лохматому чёрту! Карабкайся дальше. У нас много дел впереди...

Макс хотел спросить его, зачем Грэгор превращался в прошлый раз в толстую Шехерезаду, но тот уже снова запропастился куда-то. Позже, когда Макс очухается полностью и будет вспоминать кошмары, посещавшие его в бреду, то он с печальным удивлением вынужден будет констатировать, что его посещали самые разные «духи», включая полузабытого отца, украинскую Варвару и Мурр-Мурра, и лишь Николь не навестила его ни разу. Значит ли это, что она покинула его окончательно? Или это он её покинул, наконец?

Три недели спустя военно-транспортным самолётом Макс Триллер был переправлен в Америку. Через пару недель он пошёл на поправку, и ему очень захотелось узнать, что же случилось с ними, по какой причине сорвалась их операция? Поначалу он сумел лишь выяснить, что Саддам Хуссейн жив-здоров, а вот на бывшего президента США Джорджа Буша в те же самые дни готовилось, оказывается, ещё одно покушение, раскрытое спецслужбами Кувейта, куда экс-президент прибыл со всей семьёй на юбилей в честь победы над Хусейном в недавней войне в Персидском заливе. Весьма странной в этой истории покушения на Буша показалась Макс, одна деталь: диверсия в Кувейте готовилась, как сообщали источники, с помощью микроавтобуса, начинённого взрывчаткой.

В дальнейшем, по сложным и запутанным каналам межведомственных отношений агентов ЦРУ с сотрудниками Федерального Бюро Расследований, из ФБР просочились кое-какие сведения об апрельских событиях в Кувейте. Сводились они к следующему: в ночь с тринадцатого на четырнадцатое апреля в Кувейте был раскрыт заговор. В одном из гаражей столицы агентами спецслужбы Кувейта был обнаружен подозрительного вида синий микроавтобус

«Тойота». При нём находились три человека – все иностранцы и все трое мусульмане. Осмотр показал, что автобус под самую крышу начинён взрывчаткой – в пору полгорода поднять в воздух – а также снабжён электронным устройством для дистанционного подрыва. Террористы были немедленно арестованы и при первом же допросе начали давать показания. Они заявили, в частности, что являются членами террористической исламской группировки «Аль Джама аль Исламия», которая планировала совершить покушение на бывшего американского президента четырнадцатого апреля, в день посещения Кувейта Джорджем Бушем для участия в торжествах по случаю совместной победы в войне против Ирака в 1991 году. Кувейтцы немедленно вызвали представителя ФБР, и дело перешло к американцам. Что случилось с террористами дальше – никому не известно.

И хотя разгадки не было, Макс чувствовал огромное облегчение. Не потому, что смерть прошла мимо него и что раны его затягивались и почти уже не мучили его (то есть поэтому тоже, конечно), а потому, главным образом, что совесть его оставалась чиста: он никого не убил. На этот раз, во всяком случае.

Грэгор Макфейр, посетив однажды выздоравливающего Макса в больнице, озвучил собственные версии произошедшего.

– Давай-ка пораскинем мозгами активно, сынок, хотя это и не наша работа, – сказал он. – Так вот: я вижу во всей этой мутной истории три варианта. Во всех трёх вариантах есть одна константа – это тот факт, что мы с тобой нужны были для высокопрофессиональной подрывной работы – для закладки бомбоавтобуса. Так. Теперь вариант первый: теракт на Саддама планировался действительно, и именно силами его же оппозиции при нашей спецпомощи. На случай провала нас с тобой нужно было либо уничтожить без следа, либо вытащить оттуда – опять же без следа. Уничтожить нас можно было только силами «дуболомов» – отдавать нас саддамовцам было бы слишком рискованно. Но «дуболомы» – тоже американцы, и их самих пришлось бы либо ликвидировать, либо вывозить, чтобы американских следов не оставлять в Ираке. Но кто же ликвидирует «дуболомов»? Некому. Значит, их надо было спасать. Так зачем же тогда нас убирать, а их спасать? Нелогично. Значит, спасать планировалось всех на случай неудачи. Что и было сделано. О'кей, с этим разобрались: нами жертвовать фирма не собиралась, поэтому мы с тобой сейчас тут, живые, почти уже здоровые и мирно разговариваем. Ладно. Однако, ты с дырками в тушке. Значит, нас всё-таки убивали не шутейно. Вывод: операция сорвалась, арабы где-то напортачили, или у них действительно уши и глаза вставлены во все стены, но это теперь уже неважно... Итак, Халида повязали так стремительно, что он даже сигнала «Авария» нам подать не

успел. Мы, считай, спаслись чудом: нас кошка спасла, как ты утверждаешь... Ладно. Но дальше начинаются чудеса. А именно: наш автобус обнаруживается в Кувейте, в руках какой-то там «аль-Исламии». Что это? Случайное совпадение? Не верю. В нашем деле таких случайных совпадений не бывает. Отсюда возникает вариант второй, более абсурдный: операция «Саддам» была только прикрытием, а Халид – тоже сотрудник нашей фирмы. Наша задача была – подготовить бомбу, а его задача – доставить её в Кувейт и подорвать семью Бушей от имени этой самой «аль-Исламии» четырнадцатого апреля, в день посещения Джорджем Бушем Кувейта для участия в торжествах по случаю совместной победы в войне против Ирака в 1991 году...

– Мистер Макфейр, а Вы случайно не спятили, сэр? Может быть, пуля и Вам в голову попала, но Вы скрываете это?

– Спокойно, сынок. Я только теоретизирую. Наши яйцеголовые ещё не до того додумываются – ты не беспокойся.

– Но убивать собственного Президента! Это же безумие, даже теоретически!

– Не скажи, сынок, не скажи... Если под эту диверсию можно объявить террористами весь арабский мир и взять его под полный контроль Америки, включая их нефтяные поля, то не скажи... Арабская нефть в американских руках подороже будет даже жизни Президента США – тем более, уже бывшего. Так что не скажи...

– Да, но как наш автобус очутился в Кувейте, если операция провалилась, Халида повязали, а мы вынуждены были бежать?

– Вопрос разумный. Из него вытекает версия номер три. Ликвидация Саддама действительно планировалась. Но на случай провала нашему коллеге Халиду дана была такая вот легенда: он – член террористической организации «Аль Джама аль Исламия», которая на территории Ирака планировала и готовила теракт на семью президента Буша в Кувейте. Расчёт состоял в том, что Саддам не захочет скандально засвечиваться предоставлением территории своей страны этим экстремистам из «аль-Исламии» для подготовки столь чудовищного преступления. Саддам и так уже расплевался с могучим врагом своим Америкой дальше некуда, и дразнить Штаты ещё больше было бы с его стороны полнейшим идиотизмом. А он не идиот. Уж поверил ли он легенде Халида, или не поверил, но поверить в неё было ему выгодно – вопрос не главный. Главное – идея сработала, и по тайным каналам спецслужб сбаврил кувейтской разведке ценный подарок – раскрытый заговор вместе с Халидом и вещественным доказательством: начинённым взрывчаткой автобусом. Кувейтские полковники уже купили себе, наверно, генеральские галифе с лампасами и просверлили дырки для орденов в кителях, но скоро стало

понятно – и на это тоже был расчёт – что рыбка им окажется не по кастрюльке: покушение на американского Президента – это не их калибр. И пришлось им передать Халида вместе с вещдоком американскому ФБР. Круг замкнулся. Герои вернулись на родину вместе с материальными ценностями. Как первый, так и второй вариант операции ЦРУ провалились, да. Враги остались целы – это плохо, но зато все свои остались живы – и это хорошо. А как уже наши перетрут эту проблему с фэбэеровцами – то нас с тобой не касается, сынок, и волновать не должно. Может быть, это был совместный проект двух ведомств – кто его знает? Главное: своё дело мы выполнили достойно, и родина на нас обижаться не вправе. Отсюда следует: да здравствует Америка, которая нас бережёт! – и Грэгор вытащил из бокового кармана плоскую фляжку и плеснул в больничные мензурки.

– Ваше здоровье, сэр! – вежливо чокнулся с ним Макс и охнул: рана на шее всё ещё дёргала.

Вполне возможно, что последняя версия опытного цэрэушного волка Грэга Макфейра была близка к истине. Что случилось с Акрамом Халидом, Макс так никогда и не узнал. Может быть, ему отрастили бороду, назвали Бином Ладеном и поручили создавать террористические банды в разных странах, чтобы дать Соединённым Штатам повод вторгаться затем в эти страны под предлогом борьбы с терроризмом? А может быть, Акрам Халид внезапно умер за ужином от сердечной недостаточности после всех пережитых им стрессов? Всё это было возможно, и ни одному из этих вариантов Макс не удивился бы: он уже начал неплохо ориентироваться в коварном мире кривых зеркал своей конторы.

Итак, операция «Саддам» провалилась. И всё-таки, хотя бы одну свободу-демократическую пользу из несостоявшегося иракского проекта американское правительство таки извлекло. Следователи, допрашивая Халида и его террористическую группу, докопались всё-таки – и это наверняка было частью заранее распisanного сценария –, что покушение на Бушей готовилось в Ираке под личным контролем Саддама Хусейна. Этот факт привёл в бешенство очередного Президента Америки Билла Клинтона, и он распорядился совершить акт возмездия. Жестокий и показательный. И вот двадцать шестого июня 1993 года, спустя два с небольшим месяца после провалившейся «командировки» Макса Триллера в Ирак, этот акт возмездия был осуществлён. Во втором часу ночи, сразу после начала мусульманского праздника, двадцать три ракеты «Томагавк», пущенные с американских самолётов, ударили по одному из кварталов Багдада, в недрах которого

размещался штаб иракских спецслужб. Ракеты размели квартал, включая жилой дом, в котором погибли гражданские лица, к деятельности спецслужб совершенно не причастные. Но тем резонансней стал запрограммированный эффект: народы мира сверху вниз – от президентов и падишахов до их рабов и евнухов – ещё раз убедились в том, что поднимать руку на Соединённые Штаты Америки недопустимо. Нарушение этого первого и главного закона глобальной демократии карается смертью.

Данным актом возмездия частично оказался отомщённым за своё ранение и Макс Триллер. «Частично» потому, что ровно через десять лет, в середине апреля 2003 года он будет отомщён полностью. А именно после того, как оруженосцы предоставят своему американскому президенту – властелину мира – неопровержимые доказательства наличия у Саддама Хусейна химического, бактериологического и ядерного оружия. Оруженосцы сошлются при этом на данные ЦРУ и умолчат о том, что источником информации является курсовая работа английского студента, будущего политолога, который смоделировал начало третьей мировой войны через предположение о наличии у Саддама Хусейна всех поражающих видов современного оружия. Президент США, которым на этот момент оказался очередной Джордж Буш, теперь уже сын того, «кувейтского» Буша (кстати, этот Буш-младший – президент с самым низким показателем интеллекта IQ за всю историю американского президентства – тоже присутствовал тогда в Кувейте, стоя за спиной у папы), пришёл в полный восторг: «Ага, попался, Саддамчик! Допрыгался, сукин сын!..». Час расплаты, таким образом, наступил. В результате Ирак был подвергнут нападению с суши, моря и неба, Багдад разбомблён и разграблен, «сукин сын» Саддам пойман и повешен у себя в подвале. Поражающих видов оружия, правда, в Ираке нигде не нашли, но это было уже неважно. Америка совершила благо более высокого порядка: она избавила народы Ирака от тирана! А Макс Триллер – так получается – оказался отомщён окончательно.

Перебитая ключица вылеченного Макса, усиленная титановым штифтом, стала крепче прежней, а сам Макс получил медаль за храбрость из рук мистера Потравски и благодарность от имени Президента страны в письменном виде и под грифом „TS“ («Top secret»).

Последние дни Макса в больнице прошли под знаком греха, в свинском прелюбодеянии, которого он явился не столько инициатором, сколько жертвой. Прослышав о геройском ранении любимого ученика, его посетила в госпитале рыжая Варвара с термосом борща и шматом сала размером с Библию. Отобедав, учитель и ученик занялись русским языком по теме «Анатомия

человека». С прикосновениями к произносимым частям тела: для активизации моторной памяти. Активизация эта довела Варвару до экстаза, и дело закончилось международным сексом с мычанием на трёх языках, включая украинский. На следующий день Варвара явилась снова – для закрепления материала, и они материал успешно закрепили. На третий день их лингвистического свидания палату Макса без предупреждения навестила монашка – свидетельница Иеговы – с целью умиротворения телесных ран больного путём исцеления ран духовных, и засвидетельствовала жуткую картину насилия: некая абсолютно голая фурия, вращая красным полотнищем буйной гривы над больничной кроватью, методически вплющивала больного агента Триллера в матрац койки и что-то требовала от него при этом на тарабарском языке. Несчастный допрашиваемый жалобно верещал под пыткой и издавал странные звуки типа: «Щожтыробышькурватыбисова!». Монашке послышалось в этом крике: „Youllnevergetanysecretsaboutouragency!“.

Непрерывно осеняя себя мелкими крестиками в районе живота, она помчалась в сторону кабинета заведующего отделением, именем Иеговы ворвалась без стука на консилиум и заявила, что на агента ЦРУ, больного сына божия Триллера из угловой палаты осуществляется зверское нападение со стороны представительницы иностранных разведок. Консилиум в полном составе помчался в угловую палату, вооружаясь по дороге инфузионными штативами и сосудама Эсмарха. Невропатолог бежал с резиновым молоточком, терапевт выхватил хромированный поднос из-под кофейника для защиты от града пуль, а главврач никуда не побежал, а кнопкой тревоги вызвал спецназ. Расшвыряв как котят врачей, занявших оборону у дверей палаты, спецназ вышиб стеклянные двери и спас Макса от дальнейшего истязания. Но в тот момент, когда с Макса стаскивали отчаянно сопротивляющуюся и цепляющуюся за него рыжую фурию, Макс Триллер вместо благодарности спасителям принялся безумно хохотать: вот как повлияла на него продолжительная пытка украинскими глаголами. Смех перешёл в продолжительную икоту, от которой Макс опять смеялся и ойкал одновременно от боли в шее. Завотделением при этом внимательно осматривал и ощупывал пациента-героя, компетентно заявив наконец, что икота скоро пройдёт. Пленную фурию допросили, сняв отпечатки пальцев и взяв на всякий случай кровь на комплексный анализ, после чего отпустили, но впредь посещать выздоравливающего Триллера запретили, дабы не подвергать повторному механическому риску титановый штифт в ключице разведчика. Тем не менее, рыжей Барбаре с целью закрепления повелительного наклонения удалось пробраться к Максиму ещё один раз. В это, последнее свидание, измученный украинской грамматикой окончательно, Макс принялся настоятельно рекомендовать пылкой Барбаре оставить его в покое и

уделить внимание равнодушному к ней полковнику Макфейру. Но активная Варвара лишь фыркнула на это и что-то протараторила. Макс слышалось, что она сказала: «Да ну его, у него только характер железный...». Из этих её слов Макс сделал логический вывод, что Грэгору Макфейру внимание со стороны миссис Уайт уже уделялось. Бедный, бедный старый Грэгор...

Видя, что к дальнейшему усвоению западноукраинского диалекта больной уже решительно не способен, Варвара с тяжёлым вздохом покинула ученика. После её ухода Макс сразу заснул, и ему привиделась Николь. Она смотрела на него из зеркала на стене и укоризненно качала головой. Потом из-за зеркальной рамы вывалился её длинный белый хвост, она сильно смутилась и побежала зигзагами по стене. И Макс понял: это вовсе не Николь – это та самая игуана Мурр-Мурра... Она достигла вентиляционной решётки под потолком и исчезла за ней.

Что ж, Макс поправился ещё не окончательно: ему всё ещё чудилась всякая чертовщина...

3. Корробори.

Выписавшись из ведомственного госпиталя ЦРУ, Макс Триллер наряду с наградой и денежной компенсацией за ранение, получил от благодарного руководства ещё и месяц отпуска – для окончательного восстановления испорченного Саддамом Хусейном здоровья. Совершенно спонтанно Макс решил полететь в Австралию, посетить свой магазин и навестить друзей. Явиться он задумал без предупреждения, и вот однажды, посреди ясного солнечного дня, перепрыгнув за двадцать часов из прохладного вашингтонского лета в жаркую австралийскую зиму, Макс шагал по знакомым улицам Элис Спрингс, тихо радуясь возвращению в прошлое. Он повернул за угол и сразу же увидел над входом в свой магазин новую вывеску: широкий пласт древесного ствола, покрытый чёрным лаком, поверх которого искусной рукой Рафаэля в стиле аборигенской графики начертано было знакомое слово:

«NICOLE»

А прямо напротив входа, в прозрачной тени серебристого эвкалипта стоял его, Макса, «Лендровер», но не тот, прежний, песочного цвета, а красочно преобразованный, расписанный Рафаэлем фантастическими узорами. В кабине прыгали дети, крутили руль, переключали сигналы поворота и восторженно верещали. В открытом кузове два бородатых аборигена в австралийских шляпах играли на диджериду. Несколько туристов на тротуаре хлопали в ладоши, стараясь попасть в ритм, которого не было. И Макс понял: дела у магазина всё ещё идут хорошо.

Он вошёл в салон. Один покупатель рассматривал картины, ещё один следил за работой Рафаэля, сидящего спиной ко входу. Адам, обслуживая пожилую пару, склонился над витриной с опалами и что-то объяснял туристам. На звук дверного колокольчика, возвестившего о приходе очередного гостя, Адам поднял голову и... громко закричал. Рафаэль обернулся на крик старшего брата и закричал тоже. Затем закричала пожилая дама: она решила, что происходит ограбление. Немедленно закричал и её глуховатый спутник, очевидно сам в прошлом работник торговли с опытом ограблений. Но он с вершин своего опыта кричал не о том, что его грабят – он кричал жене, чтобы она успокоилась, потому что это никакое не ограбление, а элементарная, внеплановая финансовая проверка. Ещё три секунды спустя посетители салона «Николь» были свидетелями в высшей степени экзотической сцены: художник Рафаэль и менеджер магазина – оба аборигены – выплясывали какой-то замысловатый ритуальный танец вокруг стройного, высокого, белокожего джентльмена с кейсом в руке, и в самом деле изрядно смахивающего на налогового инспектора. Непонятно было только, почему аборигены так радуются внезапному государственному шмону. Да ещё при этом издают странные звуки типа: «Ой-уй!», «Ой-уй! «Ай-яй-яй-яй – ай-яй-яй!..», интенсивно толкая при этом «инспектора», хватая его руками и выдёргивая друг у друга из объятий. Японский турист, всё это время рассматривавший картины Рафаэля, оставил мир красок ради мира звуков и вовсю уже фотографировал происходящее, гадая, будут ли аборигены радоваться столь же бурно появлению судебного пристава, или полицейского наряда с наручниками. Но события развивались по иному сценарию: «налоговый инспектор», счастливо смеясь, то тряс, то снова обнимал ликующих «проверяемых», и вот уже вместе с ним смеялась пожилая пара, и смеялись аборигены, а вслед за ними стали смеяться и все гости салона, включая японца, на всякий случай продолжающего фотографировать и посматривать на входную дверь в ожидании судебного пристава.

Итак, встреча состоялась. Всем гостям салона, в том числе аборигенам-трубадурам из кузова «Лэндровера» и туристам с тротуара налили холодного шампанского. Затем дорогих гостей вежливо выпроводили с наилучшими напутствиями, а магазин закрыли: Адам и Рафаэль просто не могли ждать до конца рабочего дня, им не терпелось говорить со своим другом-хозяином немедленно.

– Ты надолго приехал? Навсегда? – хотели они знать прежде всего.

– Нет, друзья, я ненадолго. Я в отпуске, – объяснил им Макс.

– Ты не будешь закрывать магазин? Имей в виду: дела идут очень хорошо, сейчас я покажу тебе книги и балансы, – забеспокоился Адам.

– Ни в коем случае. Я рад, что дела идут хорошо. Вы молодцы, парни. Суммарная улыбка двух аборигенов была шире всех витрин с опалами.

– Зачем вы мой «Лэндровер» испортили? – шутливо укорил друзей Макс.

– Мотор застучал. Ремонтировать было дороже, чем новый купить. А выбрасывать твою машину – о таком святотатстве мы и помыслить не могли. Вот и стоит теперь, покупателей привлекает, деньги зарабатывает. Его, между прочим, «Макс» зовут. На борту узором написано. Ты не заметил? А у тебя теперь, считай, новый вездеход есть, белый «Лэндкрузер» – вон он, во дворе стоит. Пойдешь посмотреть?

– Потом. Лучше расскажите как вы живёте тут.

– Живём хорошо. Рафаэль жениться собирается.

– Да ну? И кто же избранница? Сотрудница министерства культуры?

Рафаэль смутился:

– Да нет. Простая девушка. Из наших. Медсестрой скоро станет. Очень красивая...

– По нашим понятиям, – добавил Адам.

– По любым понятиям! – вспыхнул Рафаэль.

– Да я-то что! Я-то и не возражаю, – замахал на него руками Адам, – конечно, она красавица... – и он шельмовато подмигнул Макс:

– Рафаэль её с натуры рисовал недавно, в голом виде, хи-хи... а получилась кенгуру. Но тоже очень красивый зверёк... – и Адам стал уворачиваться от полушутливых оплеух младшего брата. А у Макса появилось такое чувство, будто он снова очутился в кругу родной семьи, где он свой и где все любят друг друга. Он давно уже позабыл это чувство, и вот – вспомнил вдруг.

И разговоры-воспоминания катились дальше. Братья запротестовали, когда Макс сообщил им, что он остановился в гостинице и на свои апартаменты над магазином не претендует. Макс знал, что братья после его отъезда переселились из подсобки в его комнаты наверху, и не возражал. И теперь он не собирался их стеснять на те несколько дней, что он здесь. Проговорили до сумерек, и Макс пригласил друзей на ужин в ресторан и бар при гостинице «Аутбэк», в которой он остановился. Аборигены заверили его, что будут непременно.

– Невесту приведи, – приказал Макс Рафаэлю, прощаясь с братьями на два часа, – благословлять вас буду! Как невесту-то зовут?

– Лиана. Конечно, приведу! – и Рафаэль радостной улыбкой осветил вечеряющее пространство магазина-салона «Николь».

Они провели отличный вечер. До этого Макс успел заглянуть к индус-ювелиру – мошеннику Найяру, который всё еще благополучно здоровствовал, и по старой памяти обрадовался Максусу как родному. Макс купил у него два золотых браслета – один побольше, другой поменьше и велел выгравировать на каждом из них скалу, обвитую лианой.

– Завтра днём будет готово, мистер Триллер, – заверил его ювелир.

– Сейчас! – приказал Макс, и ласковый тон этой беспрекословной просьбы удивил мистера Найяра: этот Макс Триллер сильно изменился за год-полтора своего таинственного отсутствия. Крутой стал. Среди больших акул плавает, небось, судя по наглости. Коза ностра!.. И Найяр сел за работу, внутренне похвалив себя, что не попытался всучить этому обновлённому, опасному Триллеру золото с фальшивым клеймом. Гравёром он был, однако, очень искусным (с этого начинался его профессиональный путь в мир бизнеса), и браслеты получились славные. Клиент остался доволен и обещал заходить еще. Найяр повторял: «Конечно, конечно, в любое время дня и ночи, мистер Триллер» и низко кланялся Максусу.

Адам Смит-Вандималунгу прибыл на ужин по секундной стрелке, Рафаэль же опоздал на двадцать две минуты и явился с невестой, как и обещал. За опоздание он извинился: дескать, когда женщина собирается, то птицы на лету засыпают. – «Это она губы красила!», – восторженно сообщил художник, с обожанием лаская взглядом свою избранницу. Макс ему охотно поверил: такие широкие и полные губы надо красить долго. Но нельзя было не признать: эстетический вкус художника Рафаэля не подвёл: Лиана была действительно хороша. Она была стройна и молчалива, и последнее качество Макс оценил особенно высоко. Над головой Лианы, как у королевы Нефертити, покачивался конус чёрных, блестящих волос могучей жизненной силы: горному орлу впору было свить гнездо в этой шикарной причёске. И какое же надо иметь художественное воображение, чтобы в этой рассветной царице земной цивилизации увидеть кенгуру? Разве что огромные чёрные глаза красавицы являлись ключом к этой загадке. Но всё равно: чтобы увидеть и воссоздать эту связь на полотне воистину нужно быть великим Рафаэлем! То есть именно то, что мы и имеем в лице нашего Рафаэля, заулыбался Макс, и поздравляя молодых, вручил им свой подарок.

– Браслеты содержат код вашей долгой и счастливой жизни, – предупредил Макс. Адам, стихийный философ, оценил подарок очень высоко:

– Идея, вполне достойная наших духов из Эры Сновидений, – похвалил он Макса.

Когда после ужина Рафаэль и Лиана ушли на балкон ворковать, Макс спросил Адама, отчего тот не женится сам.

– Не хочу, – грустно ответил экономист, – не хочу приводить на эту землю своих детей. На землю, которая им не принадлежит и принадлежать уже не будет никогда. Не хочу вталкивать их в цивилизацию, которая будет вышвыривать их в пустыню и пялиться на них там, как в зоопарке, видя в них не более чем дрессированных обезьян из каменного века. Не хочу! Когда я буду Там, Макс, в Эре Сновидений, то я объясню им, своим неродившимся детям, почему я не позвал их сюда, на землю. И они поймут меня.

– Чушь, Адам, полная чушь... Хотя может быть и нет... Всё слова, слова, слова, а каков он на самом деле, этот путь цивилизации, эта дорога человечества из одной пустыни в другую – никто не знает. Ад, рай, Эра Сновидений, божественные заветы... Сборник сказок, поверх которого дремлет атомная бомба. Лежит и ждёт, когда кто-нибудь дёрнет за верёвочку. И кто-нибудь обязательно дёрнет. По закону подлости, сформулированному кем-то из физиков: «Если что-нибудь хорошее имеет шанс случиться, то вряд ли этого дождёшься. Но если какая-нибудь гадость имеет даже самую мизерную долю вероятности произойти, то она реализуется со стопроцентной гарантией»...

Опечаленный Адам качал головой, обречённо соглашаясь.

Вернулись с балкона Рафаэль с невестой, и все отправились в бар, обмывать события прошедшие и пить за благополучное будущее.

Последующие дни Макс гулял по улицам Элис Спрингс и вдоль сухого русла реки Тодд до самых гор, посетил два музея, навестил нескольких знакомых, закупил партию неплохих опалов для своего магазина у полуплегалного скупщика по кличке «Дудл», которого знал ещё по временам оным, и часами просиживал за кофе и апельсиновым соком в салоне «Николь», любуясь картинами Рафаэля, разговаривая с посетителями, или рассеяно листая бухгалтерские книги, которые подсовывал ему Адам.

В воскресенье Адам Вандималунгу предложил Максу поехать в Радужную Долину – Rainbow Valley – просто так, посмотреть на озеро, которое скоро, с наступлением лета снова на несколько лет пересохнет. – «Заодно испытаешь свою новую «Тойоту». Это карета для богов, а не человеческий автомобиль!».

Макс уже не единожды замечал, что Адам проводит в отношении его тайную установочную психотерапию, постоянно вставляя в речь: «твой магазин», «твои прибыли», «твоя машина». Братья не хотели, чтобы он уезжал. Странные ребята. Ничего не украли, хозяина любят, работу любят, жизнь свою

любят и чужую уважают, к смерти относятся спокойно. Странные люди, загадочные пришельцы из далёкого, здорового прошлого...

До Радужной долины было километров сто пятьдесят, сначала на юг, по шоссе Стьюарт-роад, затем ещё километров двадцать по рифлено-пыльной грунтовке. Поехали вдвоём, поскольку Рафаэль ушёл в буш с Лианой – посетить её племя, встретиться с её родителями и обсудить будущие семейные отношения. Племя Лианы, точнее, её клан, её сложно структурированная семья проживала в эвкалиптовом лесу на западе от Элис Спрингс, в той же стороне, где общался с духами Мурр-Мурр.

– А ведь Мурр-Мурр умер, – прервал свой рассказ о родственниках Лианы Адам Вандималунгу.

– Неужели? С чего бы? Год назад он вполне ещё шустро выглядел, техникой интересовался, мылся с мылом. Чем же он духов своих так обидел, что они его к себе забрали?

– Да, непонятно. Пришёл от скалы однажды, где рисовал целый день, лёг на землю, сказал: «Меня зовут, я ухожу», закрыл глаза и умер. Духи его забрали. Между прочим, Макс, он про тебя вспоминал.

– Велосипед сломался, что ли?

– Да забудь ты про этот велосипед! Ведь Мурр-Мурр его не для себя просил у тебя. Он его одноногому мальчику подарил. Чтобы тот верил, что у него вторая нога отрастёт от необходимости крутить две педали.

– Да ты что? И неужели отрасла?

– Пока ещё нет. Но он и одной ногой научился крутить педаль как чемпион мира. Тебя на твоей «Тойоте» обгонит... Нет, Мурр-Мурр вспоминал тебя не из-за велосипеда. Он сказал, что духи потеряли тебя из вида.

– Когда он это сказал?

– Не помню точно. В середине апреля мы с ним виделись, он был у нас, навещал родственника в больнице. Тогда и сказал. Мы с Рафаэлем испугались за тебя. Но Мурр-Мурр сообщил, что ты жив, только душу потерял, и поэтому духи тебя не видят больше.

– Мудрый Мурр-Мурр.

– Макс, а это правда, что ли, что ты душу потерял?

– Что за ерунда, Адам! Ты же образованный человек!

– Образование тут не при чём. Образование на душу не влияет. Только на способы мышления. А ты действительно сильно изменился. Поэтому я и спрашиваю.

– Но ведь это мистика, Адам! Да, человек в отличие от зверя имеет душу. Но это всего лишь та часть сознания, которая отвечает на вопрос что такое

«хорошо» и что такое «плохо», что такое «добро» и что такое «зло», что справедливо и что несправедливо. Мораль! Человек, в отличие от зверя, потеряв животные инстинкты, которые животным руководят, установил для себя правила, которые назвал моралью и объявил свойством души. Но и правила эти, и понятия о добре и зле – всё относительно. То, что один считает добром, для другого – зло. Или сегодня это добро, а завтра уже зло. И правда у каждого своя, и представления о справедливости тасуются политиками как колода карт и раскладываются шулерами в нужном порядке. Отсюда все войны, отсюда все бойни. И вот уже мы приходим к выводу, что животные гораздо справедливее устроены, чем люди – без души и без представления о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо».

– Собака прекрасно знает что такое хорошо и что такое плохо.

– Ну да: палка научила.

– И муравей знает. Без всякой палки. Слов «хорошо» и «плохо» не знает, а что это такое – знает. Иначе муравейника бы не построил, размножаться не смог бы и еду бы себе не нашёл. И у муравья поэтому тоже есть душа. И у собаки. И у дерева. И у травы. И у земли. И все эти души складываются вместе и живут вместе, и получается Жизнь. И если потерять душу, то обрывается связь с миром живых. Это очень страшно, Макс, страшней этого ничего не бывает.

– Какая чушь, Адам! Как это можно потерять душу или отдать её кому-то?

– А так. За деньги. Всё продается теперь за деньги в вашем мире. И душа тоже. Есть у вас в каждом городе такая точка беды, называется она «Ломбард». Туда люди несут свои последние ценности и задёшево отдают, чтобы получить взамен деньги, с помощью которых они надеются спастись от несчастий. Люди говорят при этом, что скоро придут за своим добром и выкупят его обратно, но почти никогда этого не делают, потому что подлые деньги их не спасли и спасти не могут...

– И это говорит дипломированный экономист?..

– Не перебивай меня, пожалуйста, я говорю об очень серьёзных вещах. Я говорю о душе, для которой в ваших языках существует ещё одно название: «совесть». Так вот: если ты сдал её на время в какой-нибудь свой ломбард, пообещав вернуться за ней, но не вернулся, то ты живёшь дальше уже без души. Да, можно без неё и кушать, и пить, и ходить по земле, и смотреть на небо и даже размножаться, но как жить без духовной связи с землёй и небом, и со всем остальным живым миром, с духами этого мира, берегущими тебя? Поэтому, Макс, если ты действительно отдал свою душу в тот подлый ломбард, который у тебя её выкупил, то я очень прошу тебя, мы с Рафаэлем просим тебя вместе: срочно вернись и забери свою душу у них обратно. Пока не поздно...

– А Мурр-Мурр сказал, что ещё не поздно?

– Ты зря смеёшься, Макс. Нет, Мурр-Мурр не сказал этого. Ты должен сам это знать...

Они мчались по безлюдной местности, но от дороги время от времени ответвлялись тропинки, указывающие на то, что люди где-то здесь есть, что они обитают где-то неподалеку.

– А я родом отсюда, – сообщил вдруг Вандималунгу, заметив, что Макс смотрит на дорожку, ведущую в буш. – Тут жил мой род, когда нас отловили, и когда меня отправили учиться. Но теперь здесь снова живут аборигены. Только уже из другого клана... Их учат доить коров! – засмеялся Адам.

– А они что – не хотят? Они предпочитают собирать еду в буше?

– Они привыкли собирать еду в буше, да. И они умеют находить её везде. И они считают, что это честно по отношению к земле и к остальному живому миру. А коров доить – это бесчестно. Это воровство. Потому что корова производит молоко для своего телёнка, а не для людей. Но на самом деле об этом мало уже кто думает сейчас из наших людей. Конечно, они доят коров. Хотя коровы и наши люди не доверяют друг другу. Один миллион лет не было никаких коров на нашей земле. Хотя животное это очень хорошее, большое, много мяса на себе носит. Да, наши люди научились их доить. И получают за это деньги. И покупают на них виски. И теряют душу...

– Всё-всё-всё: только про душу не надо больше! – двумя руками замахал Макс, выпустив на миг руль и опасно юзанув по рыжей пыли на крутом повороте между песчаными барханами. Адам огорчённо замолчал и не проронил больше ни слова до самой Радужной долины. Макс тоже оставался погружённым в себя. Лишь однажды он криво ухмыльнулся своим мыслям и пробормотал сам себе под нос: «Ломбард! Хоть буду теперь знать, как моя контора называется...». Адам этих слов не понял.

Впереди, на вершине песчаного вала показалась беседка, возведённая специально для туристов. Только никаких туристов не было вокруг в этот час, если не считать таковыми Макса с Адамом. Они оставили «Тойоту» внизу бархана и по тропинке, продавленной в рыхлом, седовато-чёрном песке двинулись меж пучков жёсткой травы наверх, к беседке. Горячий воздух был неподвижен, решительно настроенные мелкие мушки, возбуждённо суется, норовили сесть путешественникам на ресницы, чтобы заглянуть им в глаза и не пропустить вспышку восторженного блеска, возникающую там у любого туриста при виде Радужной долины. Об этом неизбежном эффекте мушкам подсказывал кумулятивный опыт тысячи отмерших поколений. И сиюминутная

популяция через несколько секунд узрела то же самое. Радость узнавания вспыхнула в глазах тёмного человека, а глаза белокожего гостя сделались на миг большими и круглыми – такими большими, что на их поверхности могли бы легко расположиться, если бы их туда пустили, сто – нет, триста! – мушек одновременно. И было от чего расшириться глазам визитёров: картина божьего мира распадалась здесь, наверху, надвое. Одна ослепительно белая гора с рыжей вершиной поднималась в пронзительно синее небо прямо перед глазами, другая, точно такая же, опрокидывалась в ещё более синее небо, которое уходило вниз, в землю, и мистическим образом оказывалось вдруг у ног потрясённого зрителя, вместе с рыжей шапочкой белой горы, до которой можно было, казалось, дотронуться руками. И лишь ценой лёгкого головокружения приходило понимание, что вся широкая панорама мира – с горой и горизонтом – отражается в идеальном зеркале совершенно неподвижного озера.

– Огогогого! Алалалала! – закричал Адам Вандималунгу белой горе, и выражение лица его было совершенно счастливым. Зачарованный Макс стал расстёгивать сумочку с «Никоном».

– Подожди! Подожди! – взмолился Адам, сбросил сандалии в песок и шагнул... прямо в небо. И небо удержало его, и он пошёл по нему вдаль, в сторону горы. Вода была ему не более чем по щиколотку. Адам отошёл метров на сто, повернулся и закричал:

– Снимай, Макс! Я подарю эту фотографию Рафаэлю на свадьбу! Чтобы он никогда не забывал нашу землю – куда бы он не уехал! И ты тоже будешь смотреть на неё и никогда не забудешь нашу землю – куда бы ты не уехал!...

И ещё что-то, приплясывая на месте, выкрикивал Адам Вандималунгу, чего Макс разобрать не мог. А потом Адам двинулся к берегу, и Макс припал к окуляру. Он видел ослепительно белую гору, и ослепительно синее небо, и воду до горизонта, и по этой воде навстречу ему, широко раскинув руки в приветствии, шёл... шёл... шёл сам... сам Иисус Христос!.. Ужас, восторг и смятение испытал Макс. Он оцепенел на миг и забыл зачем он здесь и что должен делать.

– Снимай! Снимай! – закричал ему Иисус и... оцепенение отпустило Макса. Нет, это не был Иисус Христос. Откуда ему тут взяться? Ведь Спаситель покинул людей. Люди предали его, предали его заветы, присягнули золотому тельцу, цинично изображая при этом веру в Бога, превратив её, веру, в бизнес тоже, и Бог отвернулся от человека... И теперь мы бредём в пропасть, ведомые дьяволом в футболке со знаком доллара на горбу...

– Снимай! Снимай! – продолжал кричать человек в озере... Нет, это не был Бог, возвращающийся к людям. По синему небу, радостно улыбаясь,

навстречу Максу широко шагал всего-навсего Адам Вандималунгу – обычный абориген из племени Арремте, которого отловили в детстве белые люди и отвезли в большой город, где его научили считать деньги и сделали цивилизованным гражданином Австралии. Гражданином, служащим всё тому же дьявольскому доллару...

Когда они возвращались, у Адама всё ещё сохранялось счастливое выражение на лице: таков был эффект от соприкосновения с местами детства, с родной землёй. И Макс подумал: а куда нужно податься ему самому, чтобы испытать подобное? В Даллас, где он родился? Или в Детройт, где он вырос? Или в Юму, где он учился взрывать? Нет, все эти умозрительные примерки сердечной родины оставляли его равнодушным. А может быть, его равнодушие имеет другую природу, спрашивал он себя? Может быть, он просто разучился любить? Может быть, вместе с Николь из сердца его сбежала любовь? И душа его опустела – «ушла в ломбард», в эту «точку беды», по определению Вандималунгу? А освободившееся место заполнила ненависть? Так ли это? В нём что же – поселилась ненависть? Нет, конечно. Хотя... отчасти возможно. «Контролируемая ненависть – обязательная внутренняя пружина хорошего диверсанта», – инструктировал свою группу Грэгор Макфейр, – холодная голова и управляемая ненависть к противнику есть залог любой успешной операции». Да нет, это не ненависть его грызёт, а просто горечь разъедает. Такого же сорта горечь грызла и славного балагура Джима Спайкса, старательно её скрывавшего. Но однажды она прорвалась в очередном пивном откровении вертолётчика, и Джим воскликнул: «Всё всегда крутится по одному и тому же сценарию. Сначала денежные мешки решают кого нужно разбомбить ради увеличения своих доходов, после этого политики, которые всегда находятся в услужении и на содержании у денежных мешков, через подчинённые им СМИ промывают мозги своим народам и убеждают их в необходимости войны. А потом, когда народ под завязку заряжен ненавистью и начинает вопить: «Бомбить! Бомбить! Убейте их!», нас же, безмозглых парней, призывающих войну, политики посылают на бойню. Там нас убивают без счёта, но им это уже по барабану: денежные мешки, потирая ручки, суммируют свои доходы и отстёгивают политикам их долю, а нас, «павших героев», государство второпях, лицемерно оплакивает, отсыпав посмертную горсть оловянных медалек на наши могилы, с тем чтобы к следующей войне все о нас уже напрочь позабыли. Нет, Макс, в эти ваши гнилые демократические игрушки я больше не играю. Не потому что я трус. А потому, что меня дважды сбивали – один раз с земли, другой с воздуха, так что вкус смерти на безумных войнах за чужие интересы я хорошо знаю. Поэтому я и здесь, в этой жаркой пустыне, в

своём вагончике, где нет ни газет, ни телевизора, ни ваших поганых политиков. И никуда я отсюда не уеду: подохну здесь в мире и согласии с самим собой. Демократия, между прочим, была бы неплохой вещью, если бы не существовало на свете ни газет, ни телевизоров. Тогда политикам нечем было бы промывать мозги народам, и демократия оставалась бы честной. Тогда её можно было бы ещё терпеть...».

Погружённый в собственные мысли и воспоминания, Макс не заметил, как они домчались до Элис Спрингс. Он попросил Адама высадить его у гостиницы: ему хотелось принять ванну и посидеть на балконе в одиночестве. Что-то напрягало его, какое-то смутное нетерпение подступало из глубин его психики, природу которого он не понимал, но хотел разобраться, чувствуя, что это важно для него. Вечером, на балконе, за бутылкой красного австралийского вина, следя за перламутровым огрызком луны, неподвижно висящим над неподвижными эвкалиптами, Макс внезапно понял простую причину растущего в нем нетерпения: ему пора уезжать. Хорошо ему дышалось все эти дни воздухом прошлого – того недалёкого прошлого, в котором он был ещё другим человеком, в котором у него ещё была душа, наполненная любовью, надеждой и ожиданием прекрасной жизни впереди. Но судьба перенесла его в другой мир, на планету с иной атмосферой, и он научился дышать этим новым воздухом, этим насыщенным, возбуждающим кислородом опасности и риска, пьянящее действие которого заменило ему с некоторых пор все былые эмоции. Теперь он чувствовал, что ему того воздуха не хватает. У него «садились аккумуляторы». Они требовали подзарядки. Макс вспомнил вопрос Адама о душе, сданной в ломбард, и ему стало на миг не по себе. Он налил себе полный бокал вина и выпил разом: что-то всё же есть в этой первобытной мистике, в этих странных видениях Мурр-Мурра. Ведь он вспомнил о нём и «потерял его из вида» как раз в те дни, когда Макс был ранен, и когда жизнь его висела на волоске...

Макс снова поднял глаза к небу, но луны над эвкалиптами уже не было. Воспользовавшись тем, что Макс отвлёкся, она улизнула: растворилась в пространстве тихо и незаметно, в точности как Николь...

С утра следующего дня Макс развил бурную деятельность. В своём магазине он сделал ряд копий с документов, после чего, по дороге в адвокатскую контору, зашёл в агентство авиакомпании «Qantas» с целью перебронировать билет до Америки с конца августа на следующую неделю. Однако, свободных мест до конца месяца не было. Кроме одного, на завтра. Решать нужно было немедленно. И Макс сказал «О'кей».

С новым билетом в кармане, он заторопился к адвокату Брюсу Айзенроку, с которым уже имел дела в недавнем своём предпринимательском прошлом. Брюс собирался куда-то и складывал бумаги в портфель, но Макса узнал сразу, заулыбался и предложил встретиться завтра с утра. Однако, узнав, что утром Макс уже улетать, вернулся в кабинет и сел за рабочий стол в позе готовности к оказанию услуги. От него требовалось оформить завещание. Из нескольких десятков вариантов стандартных заготовок Брюс мгновенно нашёл подходящий и быстро внёс имена, адреса, паспортные данные наследников и составил приложение со списком наследуемого имущества. В случае своей смерти Макс Триллер завещал, к плохо скрываемому удивлению стряпчего, магазин-салон «Николь» и всё связанное с ним имущество, а также свободные денежные средства на счетах фирмы, в равных долях братьям Адаму и Рафаэлю Вандималунгу. Депонировав беспрецедентное по австралийским понятиям завещание в сейфе адвоката и распрощавшись с юристом, Макс успел ещё продлить доверенность на имя Адама у нотариуса напротив, и к закрытию салона был снова в магазине, чтобы сообщить друзьям о своем внезапном отъезде. Те были горестно потрясены этой новостью, и Рафаэль закричал:

– Что мы тебе сделали плохого? Почему ты уезжаешь так срочно? Мы думали, что ты вообще останешься здесь! Насовсем. Что случилось?

Объяснять этим честным, мирным людям о своей внутренней пустоте, требующей заполнения какой-то активностью, более масштабной, динамичной и адреналинной, чем работа в маленьком магазине для туристов в центре австралийской пустыни, было слишком сложно. Поэтому Макс счёл за благо соврать:

– Срочно вызывают. Служба требует моего присутствия.

– И что же это за служба такая, которая больного человека из законного отпуска выдёргивает? Это просто вампирская фирма какая-то! Как она называется, кстати? Ты нам до сих пор ещё не сказал, где ты работаешь у себя там, в Америке.

– Фирма серьезная. «Ломбард» называется, – усмехнулся Макс и взглянул на Адама. Тот нахмурился и покачал головой.

– Ты работаешь в ломбарде? – изумился Рафаэль, – ты, большой Макс Триллер, работаешь старьевщиком? Скупщиком хлама?

– Нет, Рафаэль, конечно, нет. Это шутка. Адам её понял. А работаю я в одном специальном агентстве. Оно занимается... гуманитарными проектами в разных странах мира.

– И там тебя как раз и подстрелили, в одном из этих гуманитарных проектов?

– Именно так. Не все люди относятся к гуманитарности благожелательно...

– Это я могу подтвердить лично, – кивнул Адам, – когда на нас охотились в буше, как на диких зверей, нам это тоже не нравилось. А ведь то был гуманитарный проект! Ведь нам подарили свободу и демократию! Как будто у нас не было свободы! Нет, свобода и демократия были у нас и раньше – они были у нас всегда: все решения мы принимали сообща и были свободны на своей земле. Но нам сказали, что наша свобода – это неправильная свобода и что нам нужна другая. Наши родители плакали, когда нас отнимали у них во имя новой свободы, а многие люди убегали от этой новой свободы в безжизненную пустыню, или брались за копья и тяжёлые бумеранги. Но что эти деревяшки могут поделаться против ружей и автоматов? Так что не все в мире любят вашу гуманитарную помощь, я это компетентно подтверждаю...

– Прекрати, Адам! Вечно ты со своим нигилизмом носишься и ноешь! Что случилось – то случилось, и вернуть прошлое невозможно. Нужно бороться за то, чтобы аборигены имели все гражданские права и жили достойно, а не швырять камни в былых врагов. Сегодня все мы – одна нация!

– Начитался газет, дурак молодой! – огрызнулся на него Адам и спохватился: – Макс уезжать завтра утром, а мы тут политический диспут устраиваем! Предлагаю пойти к нашим людям в буш и устроить Макс проводы по аборигенскому ритуалу. Рафаэль, садись на велосипед и дуй. Собери всех трезвых, пусть готовятся. От моего имени. Мы подъедем через час. Так и быть, скажи им, что Адам привезёт спиртное. В виде исключения и совсем по чуть-чуть. Ты понял, балбес?... а то: «единая нация», «единая нация»... В зеркало поди глянь на себя, питекантроп австралийский...

Щекотливый вопрос о месте работы Макса сам собой отодвинулся в сторону. Почему-то Макс не хотелось признаваться аборигенам, что он является сотрудником ЦРУ. Почему-то ему казалось, что от такого сообщения его честные друзья придут в ужас. А он вовсе не желал пугать этих добрых людей, своих лучших и единственных на белом свете друзей.

С предложением поучаствовать в отвальной по аборигенским обычаям Макс с удовольствием согласился: это будет «экшн» на долгую память, и не придётся весь вечер смотреть в вопрошающие и тоскливые глаза друзей за ресторанным столом. Срочные закупки продовольствия и спиртного «по чуть-чуть» на сто пятьдесят – двести участников Макс взял на себя. Кроме того, для главных танцоров вечера и для детей закуплены были подарки: ремни, шляпы, перочинные ножи, куклы «Барби», плюшевые кенгуру и леденцы на палочках. Макс денег не жалел. «Гуляй, Вася!», – называла по-русски такое лихое

настроение Барбара-Варвара. К сожалению, перевести это выражение на английский язык при сохранении всей психологической смачности соответствующего состояния души невозможно. Поэтому, загружая товарную гору в кузов «Тойоты», Макс произнёс без расшифровки:

- Guliaj, Wasja!

Адам коротко взглянул на количество купленного и понимающе кивнул:

- Guliajwasja is OK!

Когда они прибыли в табор аборигенов километрах в семи от Элис Спрингс, костёр уже всюду пылал: с этим у местных ребят всё обстояло «рук-цук», как любил говорить дядя Теодор, черпая народные выражения из своего немецкого прошлого. С водой у аборигенов было туговато, а что касается энергетики, то она рассыпана была по всей родной земле столь щедро в виде трескучей сухой коры и высохших до железной твёрдости отмерших ветвей, что для разжигания костра аборигену не требовалось иной раз даже задницу от земли отрывать. Тем более, что спички или зажигалка были у каждого: посильная компенсация за утерянную аборигенами свободу. Что на этом огне жарить – это была уже другая, более актуальная проблема. Духовное единение с животным миром, испокон веков поставляющим экологически сбалансированное пропитание, молодое поколение аборигенов утратило, бумеранги метать разучилось, а ещё бегающая, ползающая и летающая еда вписана была белыми зоологами в разного рода красные книги, запрещающие лишать жизни широкий спектр бабочек, протеиновых червячков и гусениц, мышек-норушек, зелёных лягушек, витаминных муравьёв и богатых аминокислотами личинок. Все эти запреты подорвали природные инстинкты аборигенов. Их обновлённые вкусы переориентировались на товары повседневного спроса, приобретаемые на социальные пособия и подачки от туристов в магазинах для бедных. В результате аборигены стали отлично разбираться в сортах пива и виски, но зато бумеранги, пущенные их дрожащими, промилльными руками, назад уже не возвращались и ни обеда, ни ужина обеспечить не умели больше (а завтраков у аборигенов отродясь не бывало). С приходом в Австралию евродемократии запах мяса от костров почти перестал исходить, и если он разносился вдруг по бушу, как в тот вечер, то выступал магическим зовом предков, на который отовсюду из окрестных пространств стягивался к эпицентру аборигенский народ, помнящий эти волшебные запахи на генетическом уровне. Так что желающих достойно проводить за океан мистера Триллера из Америки собралось, по прикидкам Макса, гораздо более двухсот человек, и пришлось послать Адама к знакомому мяснику ещё за двумя свиными тушами.

Между тем в лагере полыхали уже целых четыре костра. Возле одного из них – «правительственного» – на старых автомобильных покрышках, устланных шкурами кенгуру, устроены были пять тронов – для трёх почётных гостей, старейшины клана и шамана. Над двумя другими кострами – в сторонке – жарились куски мяса на вертелах-копьях. Наконец, четвёртый, самый большой, в центре утопанной площадки, предназначен был для предстоящих ритуально-танцевальных мероприятий.

В густеющей темноте актёры уже гриммировались: расписывали лица и тела белыми и красными полосами и точками, надевали на шею диковинные ожерелья и амулеты из неведомых клыков, хвостов, костей и корешков, вплетали в волосы необходимую символику – в основном, полоски кожи и обрывки бус, в том числе заметил Макс и несколько ремешков от часов, которые олицетворяли, надо полагать, связь времён. Иные потряхивали копьями, примеряя их на вес, но не все молодые бойцы производили при этом впечатление искушённых воинов: некоторые рассматривали копья с искренним любопытством, с каким деревенский новобранец взирает на ракетную установку «земля-воздух», или баран – на новые ворота. Тем не менее, хорошее настроение в быстро растущем обществе било через край, и в особенности бурно веселились косматые, кудрявые детишки, которые носились друг за другом и вокруг костров и визжали на совершенно понятном, интернациональном языке.

Виновники праздника – Макс и его друзья – вежливо поздоровались за руку с двумя авторитетными дедами (местными князем и кардиналом, если брать за аналог средневековую Европу), уже занявшими почётные места на своих покрышках. Деда объединяли собой власть светскую и духовную в данной местности, которая хотя ничем реально и не руководила в приданном ей обществе, но уважалась согласно традиции и привлекалась иногда для высказывания мнения по тупиковым проблемам. Эти авторитетные мнения, впрочем, учитываются не обязательно, что свидетельствует о безусловно детском ещё, первобытнообщинном уровне развития аборигенской демократии, основанной на абсолютной свободе слова, жеста и поступка. Свобода и демократия в аборигенском понимании, таким образом, очень сильно отличается от демократии в западном её понимании, как системы угнетения большинства (народа) меньшинством (властью) по обоюдной договорённости, одобренной большинством. Коренному аборигену Австралии такого рода фокус умом не понять и воображением не охватить: взять и передать кому-то, какой-то кучке людей по всеобщей, всенародной договорённости широкие права на то, чтобы этот же народ грабить и убивать на основании специальных правил, называемых законами, да ещё и не нести при этом никакой ответственности за

совершенные преступления. Как вообще можно жить на земле без ответственности? На земле, где каждое существо перед каждым другим в ответе: человек отвечает за землю, земля за траву и деревья, листья отвечают за животных, а животные за людей. И камни отвечают за реки, а реки – за рыб, а рыбы – за стрекоз, и так происходит по вечному, бесконечному и единому кругу. Нет, без ответственности не может быть ни неба, ни земли, ни солнца, ни жизни, ни человека. И если кто-то из этого сложного, но абсолютно гармоничного мира всё-таки совершит безответственность в виде преступления в отношении тех, за кого он отвечает, то такого нарушителя следует отправить в Страну Сновидений, к Духам на перевоспитание. Чтобы он научился у Духов ответственности и жил там у них дальше уже правильно. Как такого безответственного отправить к Духам? С помощью пронзания копьём, например. И это очень даже просто и понятно. А вот как отправить к Духам кучку безответственных правителей, если они поступили безответственно по отношению ко всем сразу, ко всему миру? Ведь в этом случае для отправки к Духам всего лишь нескольких человек должно собраться в одном месте много-много копий – больше чем звёзд на небе! Как такое можно осуществить? Как вообще может быть такое, чтобы несколько человек обманули и обидели всех, целую планету живых и неживых существ? Нет, западная система ценностей для аборигена совершенно непостижима.

Впрочем, справедливости ради: не только аборигены, но и многие белокожие мыслители с докторскими степенями по сей день чешут репу над разрешением этого парадокса современного мира, называемого «западной демократией».

Австралийские деды рядом с Максом тоже интенсивно чесали свои репы, и трудно было сказать, чешут ли они их от глубоких мыслей о западной демократии, или вследствие песчаных блох – тех же, что нещадно грызли и самого Макса Триллера за ноги под брюками. Но надо отдать дедам должное: они были вежливы – знали своё условно-почётное место под акацией, и не выпендривались. Всё их державное общение с народом состояло в том, что они время от времени улыбались и приветливо кивали пригласившим их на праздник гостям. В основном же они смотрели на костёр и ноздри их трепетали при этом как ночные бабочки. Но улыбки их, когда они происходили, были воистину впечатляющими. Шаман оказался совершенно беззубым, и улыбкой напоминал младенца, причастного к великой космогонической тайне Первого взрыва. Возможно, за это его и признавали в качестве духовного пастыря. Старейшина же обладал неоспоримым атрибутом настоящего вождя: он улыбался большим съёмным протезом. Каждый раз перед запланированной

улыбкой он закладывал его в рот, и каждый раз после употребления – вынимал и убирал в карман коротких шортиков – так заведующий ЗАГСом прячет в стол гербовую печать сразу после её использования. Макс обратил внимание: шаман улыбается своим беззубым ртом часто, а старейшина – изредка, экономно. Так экономит улыбку любой высоко сидящий государственный муж, обременённый непосильно тяжёлой ношей, называемой Отечеством.

Но, в отличие от придавленного кормящим его Отечеством государственного мужа, обе ветви местной аборигенской власти – как светской, так и духовной – присутствием своим никому не досаждали. Деда, судя по всему, пребывали в полутрансовом состоянии: глаза их, не мигая, наблюдали за кострами, на которых жарилось мясо, а кадыки равномерно ходили вверх-вниз, подобно маленьким поршням реанимационных насосов жизнеобеспечения.

Предоставленные сами себе, гости, они же – виновники торжества, они же – его спонсоры, развалившись в барских позах на своих кенгурино-покрышечных тронах, наблюдали, как вблизи ритуального костра, под раскоряченной акацией собираются музыканты с бумерангами и специально подобранными, круглыми деревянными палками, издающими от удара друг о друга звуки разного тона. В центре оркестра разместился «Глас духа» – плотного сложения абориген с особенно толстым и длинным диджериду в руках. Диджериду – полая, кривоватая, расписанная праздничными узорами деревянная труба, выпиленная из толстого, с человеческую руку, сухого древесного ствола примерно двухметровой длины – уже издавал пробные звуки густым, многоголосым басом, подобно простуженному пароходу в густом тумане, везущему в сибирскую неволю стадо привыкших к свободе африканских слонов.

– Они будут тебя приветствовать по ритуалу «Корробори», – пояснил Макс Адам.

– Это что, специальный ритуал для проводов? – поинтересовался Макс.

– Э-э, не то, чтобы специальный. Это, скорее, просто такой праздничный ритуал. Например, когда дорогой гость навещает племя. Ну и когда он покидает племя – тоже. Из старинных ритуалов, в общем-то, традиционными в нашем народе являются темы удачной охоты, счастливого секса и предстоящего плодородия. Ещё есть праздник инициации, когда мальчики, пройдя тяжёлые испытания огнём и кровью, становятся мужчинами: этот отмечается отдельно. А всё остальное – это «Корробори». Однажды в полнолуние, в одном из наших южных племён «Корробори» проводили даже по поводу высадки человека на луну. Кто-то сообщил, что луну посетил абориген по имени Аромасторонгу и

ходит теперь там, собирает цветные камни для друзей и родственников. Его все старались рассмотреть, а многие охотники с особенно хорошим зрением действительно рассмотрели и поприветствовали. Но это, конечно, исключение из правила и большой курьёз...

– ...Говорящий о том, что современные австралийские аборигены следят за событиями в мире и вполне уже вписались в большую общечеловеческую семью народов! – добавил Рафаэль.

– Молчи уже, ты, головотяп! Где ты эту семью видел? – возмутился Адам, – Все эти семьи воют между собой непрестанно. К тому же все люди разные. В том числе и белые. Одни из них до сих пор нас, аборигенов, травят. А другие – наши лучшие друзья, – он сердечно положил руку на плечо Макс, и Макс не менее сердечно похлопал по ней в знак полного согласия.

В этот миг аборигенский «Глас», рождённый мощными губами трубача, издал густой, басовый зов, летящий к неземным, родственным цивилизациям, и праздник начался. Заколотили-замолотили-зазвенели «музыкальные палки», сухо затрещали-защёлкали бумеранги, задавая ритм, и из темноты выступили, стуча ногами и поднимая пыль, голые, полосатые, белолицые и краснотелые танцоры. Сначала они выдвинулись к костру строгой римской когортой, ритмически, под вопль «Ой!» вскидывая копья, затем строй распался и танцоры окружили костёр, двинувшись по часовой стрелке и выравнивая ритм движений и звуков. Теперь к действию подключился и женский хор, приплясывающий на месте под соседним деревом. Внимательное музыкальное ухо могло уловить определённую корреляцию между стуком палок, топотом подмётков и песенными речетативами.

– О чём они поют? – поинтересовался Макс.

– О разном. Например, о том, что сын умоляет отца, подползая к нему на коленях: «Оглянись, отец, я твой сын. Прости меня за непослушание и не отворачивайся от меня»... А теперь они поют: «Поднимается мужчина на высокую гору, а там – мёд; гора ему говорит: «Здесь много меда. Съешь его весь и останься со мной»; но женщины поют теперь мужчине: «Возьми весь мед и вместе с ним возвращайся домой»... А вот теперь они поют: «Гром и молнии испугали детей. Тогда все мужчины собрались вместе и запели, чтобы почувствовать единство»...

– Странные слова для прощания с дорогим гостем, – заметил Макс, но Адам его не расслышал, поскольку сам начал хлопать в ладоши. Прыжки боевых танцоров, музыка палок, трубный рёв диджериду и хор голосов, воспевающих сладкий мёд и храбрых мужчин продолжались. Макс достал из кармана бутылку водки и три пластиковых стаканчика (наука, преподнесённая

ему вместе с русскими глаголами рыжей украинкой Варварой), наполнил их до половины и предложил братьям проводить его теперь по традициям северных народов. Братья не возражали. Макса проводили и скоро захотели проводить по-северному ещё разок. Проводили снова. Между тем прощальный танец перешёл в стадию финала. Все танцоры развернулись в сторону провожаемого и приставным балетным шагом, с яростным дружным выдохом «Ух!» выбрасывая перед собой копья вперёд остриями, ритмически приближались к гостевым покрывкам. Аборигенское «Ух!» звучало с каждым новым возгласом всё более угрожающе, и не выпей Макс водки, могло бы ему прийти в голову, что танцоры что-то перепутали и перескочили на исполнение другого ритуала – охотничьего или, упаси господь – сексуального. Но братья Вандималунгу тоже вскрикивали рядом «Ух!, Ух!», и Макс в конце концов таким же грозным «Ух!» принялся в такт танцорам провожать сам себя. Апофеозом танца явился всеобщий вопль «УУХ!», под который танцоры дружно вонзили свои копья единым пучком перед костром дорогого провожаемого и застыли как по команде «замри!». Понимать это следовало так, что аборигены пригвозждают дорогого гостя к своей родной земле, чтобы тот никуда больше не дёрнулся и навеки остался с ними. Что ж, очень даже символично. Просто и доходчиво. И по-своему трогательно.

– «Ух!», – выкрикнул Макс в наступившей тишине, и все стали громко и продолжительно смеяться. После чего Макс пригласил общество «к столу». Общество отлично понимало английский, а ещё лучше – жест Макса в сторону «мясного» костра. Прощальный вечер перешёл в фазу упоительной вакханалии. Адам осуждающе качал головой, но руку Макса с очередным стаканчиком не отталкивал. Проводы удались – в этом не было ни малейших сомнений.

По большому куску мяса на каком-то пахучем лопухе поднести и Макс с братьями Вандималунгу, после чего о праздниковладельцах, кажется, благополучно забыли, и они долго ещё разговаривали между собой на очень важные темы, припомнить суть которых Макс назавтра уже затруднялся. Конечно, много говорили об аборигенах, их прошлом, настоящем и будущем. В частности, Макс поинтересовался, почему у некоторых парней впереди нет зуба, и тело покрыто шрамами, как будто они вручную душили льва, а у других все зубы на месте и шрамов нет. Адам объяснил, что некоторые молодые аборигены прошли инициацию, то есть экзамен на звание мужчины, проводимый по древнему обычаю, а другие, современные, «городские» – нет.

– Инициация – жуткая вещь, – вздохнул Рафаэль, – набираешь полный рот мха, тебе приставляют палку к зубу: трах! – зуба нет...

– А мох зачем?

– Чтобы зуб не проглотить или кровью не подавиться.

– И к чему это?

– Для мужественности.

– И тебе так делали?

– Нет, конечно. Я не успел. Я маленьким видел, как это большим парням делают. Но потом меня забрали из племени, и я стал цивилизованным аборигеном. Теперь мы с Адамом как бы аборигены второго сорта, не инициированные. Но сегодня это уже не имеет большого значения... – Вдруг Рафаэль развеселился: – А ты знаешь, Макс, что среди всех мужчин на земле только у аборигенов бывает по два члена.

– Как это? Ты что – спятил?

– А вот и не спятил. Аборигенские хирурги умели раньше вырезать из брюха, отделять от полового члена другой, мочевой канал, и они выводили его отдельно, рядом с первым. Получалось два.

– Зачем?

– Не знаю. Чтобы одна функция не опошляла другую, наверно. Но кто выживал после такой операции, тот считался мужчиной высшего сорта. Все девушки хотели взять себе в мужа именно такого, двухпенисного...

– Прекрати болтать глупости! – взорвался Адам. Это действительно был варварский обычай. Но у белых людей тоже есть варварские обычаи: они своих жён камнями побивают насмерть, и я слышал даже, что двух мужчин могут объявить в церкви мужем и женой. До такой дикости даже наши древние аборигены никогда не додумывались!

Разогретые водкой братья на некоторое время сцепились в споре, смысла которого Макс не улавливал. Наконец, Рафаэль махнул рукой и обратился к Максусу:

– А как поживает Белая Игуана, Макс? Я так хочу нарисовать её портрет...

– Нарисуй лучше портрет вентиляционной решётки, – подумав, ответил Макс, – потому что игуана как раз туда и убежала.., – и Макс заметил внимательный взгляд Адама, направленный на него. Так смотрит доктор на пациента, проявившего новый симптом непонятной и сложной болезни.

Праздник в аборигенском лагере всё ещё бушевал, когда Макс скомандовал своим друзьям отбой. Назад машину вёл Адам, как самый трезвый из троих. Да Макс самостоятельно и не нашёл бы дорогу из ночного буша. Рафаэль, привалившись плечом к Максусу, что-то жалобно напевал – скорей всего, прекрасную песню про сына, молящего отца о прощении за съеденный мёд. Адам время от времени осуждающе качал головой, думая о

судьбах мира. А Макс молчал. Ему было и хорошо и плохо одновременно. Хорошо было иметь добрых друзей, плохо было покидать их навсегда. Почему-то Макс не сомневался, что больше их не увидит, что завтра начнётся ещё один, возможно последний, маршрут в его жизни. Ему было грустно. А Рафаэль между тем уже весело пел про полные чаши мёда, которые он скоро выпьет до дна.

«Чему быть, того не миновать», – пробормотал Макс обречённо и по-русски. Когда он попросил Варвару разъяснить философский смысл этой русской поговорки, то она, подумав, сказала: – «Это значит: «А, всё похер!»». Дальше Макс не спрашивал, он понял суть поговорки не так по смыслу, как по тону сказанного. И он кивнул невидимой Варваре, соглашаясь с ней.

Утро было тяжёлым. После интенсивного контрастного душа Макс кое-как пришёл в себя и наспех собрал вещи. И вот уже в дверях стоял Адам, помятый, но живой. В «Тойоте» сидели и Лиана с Рафаэлем, всё ещё пьяным и плохо соображающим. Поздно ночью он притащился во двор больницы и кричал там, пока к нему не выбежала в панике Лиана. У неё было ночное дежурство (она училась на медсестру и проходила в больнице практику). Лиана уложила жениха на одну их свободных коек в палате хирургического отделения, и Рафаэль очень удачно туда вписался, бормоча, стеная и вскрикивая вместе с прооперированными накануне, так что дежурный врач, кемарящий в ординаторской, ничего не заметил. На рассвете Лиана растолкала художника и перетащила его на себе в салон «Николь». По дороге Рафаэль пел: «Папа, прости меня: я съел весь твой мёд...», отчего Лиана хохотала на весь Элис Спрингс. Попытки отпоить Рафаэля крепким кофе удались лишь отчасти: он перестал петь и лишь хлопал глазами. Его посадили в машину и сказали ему, что они едут провожать Макса в Америку. Тогда Рафаэль заплакал, что рассмешило Лиану ещё больше. Так они и сидели в «Тойоте» во дворе гостиницы в ожидании Макса: плачущий Рафаэль и смеющаяся Лиана. Их обоих перегрузили в открытый кузов, чтобы Рафаэль мог проветриться, а Лиана держала его на тот случай, если он вообразит себя вдруг бумерангом. Туда же уложили и неопрятно запакованный багаж Макса, после чего сам путешественник уселся в кабину, и Адам погнал на юг, в сторону аэропорта: времени до отлёта оставалось совсем уже мало.

Check in Макс прошёл быстро, и вот уже объявили посадку, и он двинулся к терминалу отлёта. Три голоса из зала кричали ему вслед: «Макс, возвращайся!». Полтора года назад было почти так же, только тогда его провожали два голоса. Макс обернулся и поднял руку. Вскинули руки и три аборигена – двое мужчин и одна женщина. Один из них плакал, женщина

смеялась, а самый старший, Адам имел скорбный вид. Ибо мудрый Адам знал, что Макс больше не вернётся. И Макс знал это тоже. Последний кадр с видом друзей поплыл в его глазах и стал дробиться, так что Макс вынужден был спешно отвернуться и, смаргивая радугу, шагнул прямо в слепящий диск солнца за стеклянными дверями терминала. Солнце уже поджидало самолёт в пронзительной, ничем не замутнённой синеве утреннего австралийского неба.

4. Ломбард

Через неделю после возвращения на свою «службу международной гуманитарной помощи» Макс Триллер в сопровождении Питера Айерса уже опять летел в Африку. На сей раз – в Руанду, в которой творилось чёрт знает что, хотя вряд ли и сам чёрт понимал суть происходящего. Известно было лишь, что два племени взаимно уничтожают друг друга, и что счёт погибшим перевалил уже за сотню тысяч. В результате власти Руанды запросили военной помощи у США для наведения показательной демократии твёрдой рукой, и США просто не могли не откликнуться на этот отчаянный призыв, поскольку такого рода помощь Руанде означала возможность создания ещё одной военной базы в центре Африки: авось пригодится в сегодняшнем беспокойном мире.

Военные инструкторы были посланы в Руанду без промедления, и половину десанта составляли ребята из «ломбарда», включая сюда на всякий случай и взрывных дел мастеров – мало ли, потребуются для каких-нибудь деликатных гуманитарных акций в соответствии с обстановкой. Но разобраться в обстановке оказалось непросто. Очень скоро выяснилось, что все вокруг врут. Врали государственные чиновники, врали чернокожие генералы, врали местные жители – то ли из страха, то ли по привычке. Не врали только полусожжённые, искорёженные трупы в глубоких рвах, но и те не могли ответить на главные вопросы: за что их убили и из какого они племени – из тутси, или из хуту. Президентские советники – сами выходцы из племени хуту – клялись, что это бедные хуту, которых зверски убили тутси, го глаза советников врали при этом так откровенно, что хотелось их выдрать с мясом и допросить каждый глаз по-отдельности. Однако приказа такого из Вашингтона не поступало, и американские специалисты продолжали поэтому вежливо слушать пламенные речи правительственных вождей. А президентские советники утверждали между тем, что не будет в стране покоя, пока подлые тутси не угомонятся, и просили американских братьев по разуму (имеющих тоже ведь богатые африканские корни, не так ли?) помочь деньгами, оружием, ну и дельным практическим советом, разумеется, с тем, чтобы укрепить до

абсолютной, непоколебимой монолитности единственно правильной и неоспоримую государственность властей суверенной демократической республики Руанда.

Американские специалисты обещали доложить своему президенту о бедственном положении дел у полубратского народа, но просили эту бедственность подтвердить задокументированными фактами, потому что президент Америки – парень недоверчивый и верит только доказательствам. Чёрные генералы, посоветовавшись в сторонке, повезли комиссию осматривать «совершенно свежие, вопиющие факты». В ста двадцати километрах от столицы, в провинции Бутар подлые тутси, оказывается, вырезали целый посёлок, населённый бедными хуту только за то, что хуту принадлежат к тому же племени, из которого вышел их замечательный, законно избранный и высоко чтимый в обществе президент. Американцев повезли к месту «вопиющих фактов» на автобусе в сопровождении двух танков и пятнадцати броневиков. Ехали медленно, потому что у броневиков периодически спускали колёса, и на время ремонта войско занимало круговую оборону и окапывалось. К счастью, нападения подлых тутси на правительственную колонну так ни разу и не последовало. Скорей всего, они знают, что в составе конвоя едут американцы и не решаются напасть, предположили генералы, глумливо ухмыляясь.

На исходе дня, ещё засветло прибыли на место. Уже выходя из автобуса, все почуяли чудовищную вонь. Макс и Питеру запах массово разлагающихся трупов был незнаком, поэтому то, что они увидели, подойдя с зажатыми носами к оврагу, не сразу проникло в их сознание. Ибо для того, чтобы охватить мозгом то, что они увидели, требовалось быть завсегдаадам ада. Они стояли перед оврагом двадцати – двадцатипятиметровой ширины и, надо полагать, довольно глубоким, почти доверху заваленным обезображенными, разлагающимися человеческими трупами. Описать эту картину нельзя. Это всё равно, что попытаться описать конец света, которого никто не видел: нет тех слов в человеческом языке, которые могли бы передать эту картину. Уже через минуту американские специалисты – почти все, за исключением двух военных с закалкой как у Грэгора Макфейра – стояли в ста метрах от оврага на коленях и блевали. Их увезли против ветра в какую-то деревню с чёрными хижинами, чёрными людьми, чёрными свиньями в чёрных лужах и чёрными курами в чёрной пыли и там оставили ночевать в десантной палатке, заранее установленной для этой цели сопровождавшими комиссию африканскими солдатами. Президентские генералы объяснили американцам, что пускаться ночью в обратный путь по этой враждебной территории – смерти подобно. Перед входом в палатку поставили двух часовых, которые немедленно вступили между собой в раскалённый диалог с воплями, топаньем ногами и

периодическим передёргиванием затворов автоматов. У американцев возникло убеждение, что перед их глазами как раз и разворачивается пример руандийской трагедии, в которой представитель тутси через секунду приступит к уничтожению представителя хуту. Или это спектакль, демонстрация американскому президенту всей глубины межэтнической катастрофы Руанды? Впрочем, один из членов комиссии, переводчик, успокоил всех, объяснив делегации, что солдаты обсуждают качество рыбных консервов, которые им раздавали на прошлой неделе.

Скоро заокеанским гостям выдали маисовые лепёшки, китайскую тушёнку и кипяток, хотя никто, кроме военных, есть не мог. Запах тушёнки вызвал у Питера новые, внезапные спазмы ассоциаций, и он, чтобы побыстрее попасть наружу, просто полоснул ножом по брезенту и вывалился из палатки. Какое-то время он кашлял и стонал там, а потом затих. Когда Макс вылез за ним, Питера нигде не было. «Отполз подальше», – подумал Макс и вернулся в палатку. Там как раз ребята разливали виски. Кто-то запасливый имел с собой «лекарство» – несколько бутылок, привезённых из Америки. После крепкого спиртного, выпитого неразбавленным, почти все американские гости уснули, выпав из сознания, спасаясь таким образом от чудовищного стресса. Некоторое время Макс смотрел на электрический фонарь, тускло освещающий тоскливое пространство палатки, слушал стоны и вскрики мающихся во сне американцев и, чтобы не вспоминать о жутком овраге, представлял себе Австралию. Он долго шагал по ребристому, красному, песчаному склону в сторону зелёного оазиса, пока не уснул в какой-то миг. Его разбудил Питер. Он шарил у Макса в «спецрюкзаке». Там лежали детонаторы. В другом «спецрюкзаке» хранилась взрывчатка. Этот, второй рюкзак был уже на спине у Питера.

- Питер, ты что, спятил? Зачем тебе аммонал? Положи на место, – зашипел Макс.

– Я был у датчанина. У доктора. У миссионера. У датчанина я был, – сообщил Айерс, и тон Питера Макс совершенно не понравился. Питер произносил слова напряжённо, сосредоточенно и монотонно, как будто выучил их наизусть и повторял в разных комбинациях. Это была не типичная речь Питера. Макс нащупал на поясе фонарик, вытащил его, включил и направил на Питера. Тот даже не запротестовал. Наоборот, он обратился к фонарику и теперь уже торопливо, пропуская слова, стал бормотать скороговоркой. Питер объяснял фонарику долго, взхлёб. Из его рассказа Макс понял следующее. Питер шёл по деревне и натолкнулся на белого человека. На датчанина. То ли миссионера, то ли учителя, то ли врача, то ли на всех этих специалистов вместе в одном лице. Датчанин забрал его к себе в хижину и напоил его кофе. Питер выпил кофе, вспомнил про овраг и рассказал про него датчанину. При

этом его снова вырвало. Датчанин сказал, что он об этом всё знает. Что он знал почти всех, кто лежит в том овраге. Всё это тутси – все до одного, женщины и мужчины, старики и дети: все! Их убили три дня назад солдаты правительственной армии. Они прибыли с карательными целями, с заданием прочесать местность и убить всех тутси. Узнав о появлении карателей, жители четырёх ближайших деревень покинули свои дома и побежали в миссию, в женский бенедиктинский монастырь по названию Сову с мольбой, чтобы монашки их спасли, чтобы их взяли под защиту милосердного Бога. Сёстры освободили большой гараж и запустили туда тутси. Ворота гаража заперли. Затем кого-то из сестёр послали к солдатам. Монашка доложила солдатам, что они поймали много тутси. Когда каратели прибыли в монастырь, сёстры уже вовсю таскали хворост к гаражу, а сама настоятельница приволокла канистру с бензином и дала солдатам спички. Всех жителей сожгли заживо. Монашками солдаты попользовались, но оставили их жить в награду за службу правому делу. Сёстры пятый день подряд стоят на коленях и отмаливают свой грех. Настоятельница постановила, что они будут отмаливать его ещё целый месяц.

А солдаты после этого отловили ещё тысяч пять тутси и разрубили их на части, а потом свалили в овраг. Туда же монашкам было приказано сыпать и прах сожжённых. Вчера, после молитвы они это уже делали. Как раз сейчас они опять молятся. Они хотят, чтобы их покаянные молитвы дошли до господи!..

– Но бог их не услышит! Потому что первым их услышал я – царь тьмы! И сегодня я буду говорить с ними! Я скажу им только одно слово! Я скажу им: «Come!», скажу я им, и поведу их за собой в своё Царство!. И там я буду их судить! Там, у себя внизу! И свергну их в геенну огненную, и будет она куда страшней того сарая, в котором они сожгли своих братьев и сестёр...

– Пит, не дури... Питер, пожалуйста, отдай рюкзак...

– Убери руки, фашист! Как смеешь трогать Царя? Тоже захотел в геенну огненную?

- Питер Айерс! Ты, царь тьмы хренов! Если ты спятил, то это твоё личное дело. Иди и скажи своим монашкам, что ты Царь тьмы и нагоняй на них страху сколько хочешь. Но взрывчатку не трогай. Снимай рюкзак, немедленно...

В этот миг земной шар обрушился на череп Макса, и в памяти его возникла тёмная пауза. Сколько времени спустя она завершилась, Макс не знал. Он раскрыл глаза и долго не мог сообразить где он находится. Страшно болела голова. Он пощупал её. Она была липкой, и было очень больно к этой липкости прикасаться. Странно. Вспомнился странный сон с сумасшедшим Питером, забирающим взрывчатку... Память начинала постепенно возвращаться. Макс с трудом, преодолевая острые стрелы, пронзающие мозг,

повернул голову. Рюкзаков не было. Питера не было. Макс начал приподниматься на локте, ударился обо что-то головой и отключился снова.

На рассвете раскатистый взрыв прокатился над бушем и разбудил военный лагерь. Всё пришло в движение: солдаты принялись окапываться, броневики отправились на разведку. Вернулись боевые машины через час. Из них вылезали хохочущие солдаты. На общий сбор позвали и заморских военспецов.

– Ну и хохму устроил ваш американец! – восторгались африканцы, – монастырь взорвал! Штук десять монашек – в ключья! Остальные – кто куда, как куры! Одну в кактусах нашли. Спряталась там. Как дикобраз – вся в иголках и дрожит. Ну умора!

– А где сам американец? – спросил Макс, борясь со льдом в области сердца и пылающим огнём в воспалённом мозгу.

– Так по всем джунглям разлетелся! Он динамит на себе взорвал! Ворвался на ночную молитву, сказал, что он Сатана и пришёл к монашкам с последним словом Страшного суда. Да ка-а-ак дернет за верёвочку! Ба-ба-ба-ба-бах!!! И нет монастыря, как ветром его сдуло! Вот это работа так работа! Вы должны научить наших специалистов делать так же. Это нужно нам для дальнейшего утверждения свободы и демократии на всей территории суверенной республики Руанда. Давайте немедленно запишем это наше требование в протокол. А вы отвезёте его своему великому президенту. Вы же увидели теперь все вопиющие факты своими глазами? Вы же были свидетелями, что эти подлые тутси творят с нашей свободой и демократией? Скажите же вашему, всем миром уважаемому президенту Америки, что нашему безмерно уважаемому в Руанде господину президенту нужны помощь и защита нашего старшего брата – президента Америки.

– Эти мои последние слова про старшего брата тоже внесите в протокол! – распорядился африканский генерал с наполеоновскими эполетами на плечах и поправил огромные тёмные очки, в которых криво отражались чёрные человечки и изогнутые танки с дугообразными башнями – всё его грозное воинство – на фоне восходящего африканского солнца.

Пожав многочисленные руки, американская делегация отправилась в обратный путь. Всемирно уважаемому президенту Соединённых Штатов, разумеется, доложили о результатах командировки, равно как и о полной бесперспективности обустройства американских военных баз на территории суверенно-незменяемой Руанды, после чего президент Клинтон, основательно подумав и посоветовавшись со своей прекрасной секретаршей Моникой

Левински, распорядился в Руанду больше не соваться. Тем более, что взять с них там будет нечего, и окупить военно-гуманитарную помощь будет нечем. Не бананами же? И он был прав. Ведь известно, что в современном мире самой надёжной базой для любого гуманизма, в том числе военного, являются углеводороды. А их у Руанды не было. Ни нефти с газом, ни урана, ни хотя бы занюханых алмазов каких-нибудь. Не рабов же оттуда завозить опять в порядке оплаты за услуги. Свят, свят, свят! – от тех, с первого завоза, деваться некуда...

В общем, всеми уважаемому, демократически избранному руандийскому президенту Жювеналию Хабиаримане стать очередным «своим сукиным сыном» для американского президента Клинтона так и не удалось. Господину Жювеналию не повезло. Но и подлым тутси тоже. Официальные, законно избранные власти продолжали резать их ножами местного производства и плющить дубинками чёрного дерева от имени большинства руандийского народа. На 1995 год по официальным сведениям международных наблюдателей количество убитых тутси в Руанде перевалило за миллион. Многие теоретики цивилизационного процесса заговорили в этой связи о реализации проекта «золотой миллиард» – тайного заговора сильных мира сего по сведению числа едоков на планете к одному миллиарду. К миллиарду наиболее достойных жить, имеется в виду. С этой точки зрения уничтожение племени тутси в Руанде уже не выглядит с высот сегодняшнего дня трагической случайностью, вызванной естественными проблемами вращающегося первобытного общества в пост-индустриальное окружение, но одним из звеньев целенаправленного процесса...

Впрочем, все эти рассуждения о миллионах и миллиардах к описанию дальнейшей героической судьбы Макса Триллера прямого отношения не имеют. Более того: эти рассуждения представляют собой большую опасность, поскольку грозят увести повествование в сторону. А именно – в сторону того оврага, где тутси лежат...

Несколько дней после абсурдной гибели сошедшего с ума Питера Макс Триллер находился в состоянии ярости и отчаяния. Он мог в те дни произносить только одну фразу: «Какого чёрта!». Но что – «какого чёрта!», он и сам толком не понимал: какого чёрта себя Айерс подорвал, или какого чёрта их в Руанду послали, или какого чёрта он, Макс, в ЦРУ подался, или какого чёрта вообще американцем родился? Но на момент возвращения в Америку Макс почти успокоился. Надо полагать, в нём перегорели в те дни последние запасы уважения к человечеству – жадной и жестокой людской массе, способной лишь

на предательство, подлости и убийства ради денег, нефти и снова денег. И сам он, Макс, стал тоже неотъемлемой частью этого клубка ядовитых змей, наделённых безумным сознанием. Он ведь тоже взрывает, разрушает и убивает, даже если и не своей волей, а по приказу. Но при этом погибают люди! Он убивает людей!

Чистые духом и наивные австралийские аборигены, собиратели земных щедрот, живущие по законам солнца и матери-природы, вспоминались теперь Максиму истинными ангелами – такими, какими добрые ангелы и должны быть при господе Боге. При условии, что сам господь Бог существует на белом свете. Ибо если он есть, то зачем допускает всё это? Зачем нужно ему было создавать людей, чтобы затем изводить их – методически, жестоко, изобретательно и коварно? Какого чёрта?

Свой мрачный отчёт о командировке начальнику Грэгору Макфейру Макс сделал в краткой, почти равнодушной форме. Тот очень внимательно посмотрел Максиму в глаза и произнёс:

– Вот теперь ты настоящий солдат, Триллер! Солдат, не похоронивший ни одного своего товарища, погибшего в бою – это ещё не воин. Конечно, Айерс погиб глупо и позорно, ему не хватило выдержки и хладнокровия, как остальным. Проблевался бы, выпил виски, как все другие – и всё было бы в порядке! Но нет, он поддался своему воображению, сочувствию к загубленным человеческим душам и ужасу от гнилого человеческого мяса. Это недопустимая ошибка для воина. И он спятил. И погиб. Такая смерть – это позор для солдата! Но для внешнего мира и в глазах своих детей Питер Айерс должен остаться героем, погибшим за светлые идеалы Соединённых Штатов Америки. И ему будет воздано по полному ритуалу воинской чести!

Сотрудников ЦРУ по большей части хоронят тихо и скромно. Иных, из отделов внешней разведки увековечивают вообще одной лишь звёздочкой на камне с порядковым номером понизу. Лишь посвящённые знают, какое имя значится за этой звёздочкой, и то не всегда факт, что имя это дано было человеку при его рождении.

Питер Айерс, в отличие от разведчиков-нелегалов или внедрённых агентов, был всего-навсего скромным диверсантом-подрывником, и его хоронили поэтому на кладбище ЦРУ под собственным именем, с пастором и прощальным салютом. Гроб опускали пустым. Присутствовал весь наличный диверсионный отряд Грэгора Макфейра за минусом тех, кто находился «в поле». У ямы стояла, вся в чёрном, молодая вдова Питера Элизабет. За её чёрную юбку держались двое детей, мальчиков пяти и семи лет. Священник произнёс утешающие слова о героях Америки, которым место в раю. Грянул

залп, гроб опустили, Грэгор торжественно сложил в несколько слоёв, а затем треугольником американский флаг и подал его вдове. Элизабет инстинктивно отёрнула руки, но потом спохватилась и приняла флаг. Руки не слушались её, и флаг упал на свежую глину. Макфейр поспешно подобрал флаг и подал его Элизабет снова. Но теперь ему пришлось подхватить уже саму вдову, падающую в обморок. Дети смотрели на флаг с ужасом, младший стал кричать «Мама! Мама!». От этого крика женщина пришла немного в себя и пошатываясь, пошла прочь от могилы. Дети, цепляясь за неё, семенили рядом. Грэгор качал головой. Макс в последний раз буркнул: «Какого чёрта!».

Пита Айерса больше не было на земле. И где он был теперь – неизвестно. Пита Айерса похоронили. Во славу Америки. КАКОГО ЧЁРТА???

Последовали недели и месяцы, которые незаметно складывались в годы. В эти недели, месяцы и годы вплелись бессчётные, почти всегда внезапные командировки – спокойные и безумные, простые и коварные, успешные и провальные, с погонями и засадами и без таковых, с жертвами и потерями, но и с тайными победами, приносящими Соединённым Штатам ещё больше власти, нефти и финансовой мощи. Всё это вместе укрепляло в американской нации чувство исключительности, а у её властей – осознание своей ведущей, исторической, мессианской, планетарной роли в деле наставления человечества на путь истины – единственной и бескомпромиссной, переданной Америке самим Господом богом – тем самым, который упоминается на каждой долларовой бумажке, тем самым, который осенил американцев особым познанием Свободы и Демократии – этих основных завоеваний американской, бунтарской, агрессивной цивилизации, воздвигнутой на костях краснокожих индейцев.

Оперативные диверсионные группы Грэгора Макфейра совершали прицельные акции на всех континентах мира, и во многих из них принимал участие Макс Триллер. За семь лет работы в Агентстве он сильно изменился. Ничего не оставалось в нём от прежнего Макса Триллера – горячего сердцем, общительного, любознательного, остроумного, импульсивного, временами романтического, возможно, излишне наивного и в целом благожелательного человека. Теперь это был сдержанный в чувствах и движениях, мрачноватый на вид, неразговорчивый и малоcontactный господин с тяжёлым, твёрдым взглядом. Он давно уже стал первым заместителем Грэгора и сам тренировал и готовил к операциям молодых сотрудников. Макфейр с гордостью говорил о нём: «Это лучшее изделие моей жизни!».

И лучшее изделие Грэгора Макфейра, Максимилиан Триллер, вынырнув из одной секретной операции, отчитавшись и зализав раны, если они случались, уже заныривал в следующую. Не философствовать, не думать о справедливости, не пытаться искать правду в море лжи и отлавливать ложь из подаваемой на блюде баланды по названию «правда», а жить данной секундой, риском боя и чувством исполняемого долга под пологом чёрного плаща, являющегося одновременно и ведущим вперёд знаменем и защитной мантией – к этому приучил себя Макс за прошедшие годы.

Пальцев на двух руках давно уже не хватало, чтобы перечислить все «гуманитарные» акции ЦРУ по миру, в которых Макс принимал участие под разными именами, или которые он возглавлял лично. В 1995 году он снова побывал в Ираке, после чего мировые СМИ наперебой сообщали о сериях взрывов в общественных местах. Но когда эти взрывы происходили, Макс находился уже в Мексике, а взрывы в Ираке произвели люди, которых Макс научил это делать. В девяносто шестом он был на Гаити и учил диверсионным методам гаитянских «сукиных сынов» из числа «своих». В том же девяносто шестом он наведалься в Конго, тоже не без громкого эффекта. В 1997 году произошла серия взрывов в кубинских отелях, в одном из которых останавливался турист с немецким паспортом, удивительно похожий на Макса Триллера. В 1998 году взорвался фармацевтический завод в Судане, где незадолго до этого побывала делегация иностранных наблюдателей, среди которых был и Макс Триллер – разумеется, под другим именем. Наконец, в 1999 году Макс провёл несколько месяцев в Югославии, которую он покинул под огненный занавес ночных бомбардировок и под свист ракет, пущенных с американских «чёрных призраков» по родильным домам, посольствам, рейсовым автобусам и прочим стратегическим целям, представляющим опасность для свободы и демократии. Двухтысячный год, в котором уверенно ожидался, но в очередной раз в активной форме так и не состоялся конец света, Макс до самой осени пробыл в Афганистане, наблюдая за развитием опиумного производства и созданием всё новых и новых героиновых лабораторий. Ему приказано было лаборатории эти не трогать, а наоборот, научить афганских коллег грамотно минировать все подходы к ним – от несанкционированных любопытствующих. Разгадка такой политики была проста: афганские наркотики стремительно превращались в мощное оружие против заклятого врага Америки – России. Тот факт, что Россия вот уже десять лет как перестала быть оплотом коммунизма, ничего не менял: Россия оставалась огромной и мощной страной, и подрыв её конкурентного могущества всеми легальными и нелегальными способами составлял альфу и омегу американской политики. Героин в этой незримой войне стал горячей

темой для ЦРУ, одним из его отравленных кинжалов, используемых против врагов Америки. Разумеется, кинжалом тайным. На официальном же уровне США решительно боролись с расширением наркобизнеса в Афганистане, и Макс Триллер от имени своей страны даже подорвал перед телекамерами две отслужившие свой срок фабрики героина и одну скандально засветившуюся нарколабораторию. Американские СМИ очень положительно отозвались об этой бескомпромиссной борьбе США против распространения наркотиков.

Из Афганистана, после всей этой масштабной, ценичной лжи американских СМИ о героической борьбе Америки с наркотиками, Макс вернулся с чувством большой усталости в душе и глубокой душевной горечью, исходящей от великих сомнений, накопившихся в нём за прошедшие годы свинцово тяжёлым пластом лавины, готовой к сходу. Его отравляли мысли о фальшивой праведности того, что он творит во имя Америки, и вообще – об абсурдности собственного существования на этой злобной земле. Даже возникло было у него намерение наведаться в сентябре в Элис Спрингс, с тем чтобы примериться ещё раз к тихой жизни австралийской провинции и, может быть, всё-таки остаться там навсегда. Но эта идея не успела развиваться до масштабов реального плана – в конце сентября Макса забросили на Украину. Лишь теперь он сообразил, зачем от него в недавнем прошлом требовали освоить в совершенстве украинский язык под руководством неистовой рыжей Варвары с её оригинальными методами обучения, мобилизующими все без исключения ресурсы моторной памяти своих учеников.

5. Севастополь

Максу объяснили: Украина представляет для Белого дома и Конгресса огромное геополитическое значение. Госдеп буквально поставил на уши ЦРУ в связи с этим проектом, в результате чего была проведена даже реструктуризация части отделов Агентства. Так, возникло специальное подразделение «КУ-15», координирующее все работы по новому проекту «Украина». К этому отделу от группы подрывников Грэгора Макфейра прикомандирован был Макс Триллер.

Здесь, на всякого рода инструктажах, семинарах и рабочих совещаниях Макс постепенно вошёл в курс дела и узнал для себя много нового об Украине. В первую очередь, его поразила глобальность амбиций предстоящего проекта. Целью его первого этапа являлось – ни много ни мало – вытеснение российского флота из Севастополя и превращение Крыма в военную базу США. К 2015 году Украина должна будет войти в НАТО с тем, чтобы вдоль её границ

взять под прицел низколетящих крылатых ракет Москву и всю европейскую часть России. После этого поставить Россию на колени и превратить её в покорный сырьевой и энергетический придаток экономики США будет делом техники. А сырьё и энергетика означают будущее. И наоборот – их недостаток спровоцирует скорую гибель западной цивилизации – империи Золотого Тельца. Поэтому Америке нужно было торопиться. На Украине момент для начала операции складывался донельзя удачно: украинские олигархи воровали и грабили совершенно безбожно, американцы их в этом всячески поощряли с целью нагнетения социальной напряжённости в стране, а глупые русские между тем дорезали последние ядерные установки в угоду американским «друзьям» и пускали под откос свой ВПК – военно-промышленный комплекс, державший США под атомным прицелом на протяжении сорока послевоенных лет. Всё было разорено в России к концу 20-го века – и ядерный щит (системы ПВО, по докладам разведки, закрывали небо над Россией в лучшем случае на 30%), и ядерный меч (ребята в ЦРУ шутили, что красную кнопку из ядерного чемоданчика российского президента давно уже подарили в качестве сувенира президенту американскому, а сам чемоданчик, скорей всего, спёр почётный караул Кремля с целью извлечения золота и платины из контактов и транзисторов. Не существовали у русских больше и те жуткие, не отслеживаемые из космоса передвижные железнодорожные пусковые комплексы баллистических ракет, которых американцы боялись в прошлом пуще гнева божия. Не обновлялось и теряло активность топливо в ракетносителях, разбегались из опустевших заводов и научных лабораторий бесценные кадры, а за военными секретами русских не требовалось теперь даже и шпионов посылать: голодные российские учёные и военные специалисты за сотню долларов наличными готовы были сдавать в американское посольство сверхсекретные документы на вес, по цене макулатуры. Они никому больше не нужны были в новой, олигархической, ловко опущенной Западом и умело разорённой России. Теперь Россию можно было брать голыми руками, но риск тем не менее оставался. Требовалась осторожность: русские всё ещё могли огрызнуться. В частности, крупные неприятности блоку НАТО мог доставить гордый и патриотично настроенный город русских моряков Севастополь: из учебников истории и свидетельств очевидцев американцы знали, что русские моряки никогда не сдаются. Это следовало иметь в виду – при том даже выгодном обстоятельстве, что в результате беловежских соглашений, подписанных невменяемым Ельциным в 1991 году, Севастополь вместе с Крымом вошёл в состав Украины, упав нежданным подарком в её шустро подставленный подол. Севастополь продолжал, однако, оставаться российской военно-морской базой по договору с

Украиной и, таким образом, исключать фактор серьёзной опасности со стороны русских военных моряков было бы неразумным. Совсем недавно был тому пример, когда США из гуманитарных соображений бомбили и расчленили Югославию. Тогда батальон российских десантников, наплевав на американское НАТО и на собственного Ельцина, которому заниматься сербами было недосуг и который как раз обнимался где-то в пьяном виде на гольф-поле со своим «другом Биллом», совершил по собственной инициативе сумасшедший рейд-бросок и занял аэропорт «Слатина» под Приштиной в Косово, чтобы защитить сербов. Ничего кроме гранатомётов у десантников при себе не было, и они, став в круг, наставили их на кинувшихся на них натовцев. Командир батальона предупредил новых друзей Ельцина: «Не подходи, стреляем на поражение!». Американский штабной генерал Кларк, узнав об этой наглости, позеленел от злости и приказал боевому генералу Джексону, командовавшему «миротворцами» в Югославии: «Уничтожить, стереть этих русских с лица земли!». Джексон ещё раз внимательно посмотрев на «этих русских», отчаянных и решительных, стоящих напротив него с гранатомётами наперевес, послал своего главнокомандующего Кларка к чёрту: - «Я не собираюсь начинать здесь третью мировую войну!», – заявил он в Вашингтон. Генерал Джексон был реалистом. А ведь у русских под Приштиной даже завалы атомной бомбочки не имелось в запасе. В отличие от севастопольских моряков, у которых ядерных ракет в достатке, в том числе и баллистических.

Всё так, но Севастополь, при всей его ядерно-ударной опасности для США и НАТО находился на территории Украины, и с этого благоприятного обстоятельства, пользуясь моментом, необходимо было снять сливки. А выгодность момента состояла в том, что «свободная» Украина всю сигнализировала за океан: она готова с восторгом отдаться Америке – оптом и в розницу и в любых позах. Ожиревшая до рекордов Гиннеса американская нация олицетворяла собой в глазах среднестатистического, неуклонно худеющего украинца страну с молочными реками и кисельными берегами. К тому же хохлов убедили, что Украину в Америке страстно любят, мечтают бесплатно поить-потчевать до пяти раз в день жирным борщом и укладывать спать на пуховые перины под вкрадчиво-кишечное воркование негритянского джаза с вариациями на убаюкивающую тему: «...ще не вмерла Украина...». – «О цэ гарно будэ!» – возбуждённо уговаривали друг друга хохлы и тренировались мяукать американскими звуками: «Хяююдуин?», «Фяун!», «Вау!». Плюясь при этом в сторону «москалей поганных», которые – таки все ж про это знают! – даже знаменитое сало украинское – этот сладчайший мёд Украины, этот главный ресурс её патриотизма – даже его, милое украинское сало пожрали они без

остатка, эти ненасытные, ненавистные москаля, дрын им в хайло! Всё выгребли, ироды! Мыши под полом – и те рыдают в голос, просят у властей москалей тех треклятых извести поскорей... ни днём ни ночью покою от них нэма, от сволочей!..

Многолетней, продуманной пропагандой, через распечатанные в Америке учебники украинской истории и через многочисленные украинские телеканалы, состоящие в собственности преданных Америке воров-олигархов, Штаты за последнее десятилетие успешно взрастили в сердцах молодого поколения Украины нежную любовь к Америке и яростную ненависть к русским. И потерявшая собственные вёсла и паруса Украина заламывала руки и тянула их в мольбе о красивой, сытой и весёлой жизни в сторону счастливых американских берегов: ей страстно хотелось «борца с жирком до пяти раз в день» и баюкающего джаза.

Но только сама она, разворованная и отставшая в развитии Украина, была Соединённым Штатам без надобности. Украина являлась уникальным инструментом для уничтожения России с последующим выходом на полный геополитический разгул свободы, и только в этом состояла ценность Украины для Америки. Украина была историческим шансом для Штатов, проходом к ничем не ограниченному владению планетой. Конечно, оставался ещё Китай, но его постепенно пеленали в паутину глобальной экономической зависимости, готовя на роль мировой фабрики дешёвого ширпотреба. А Китай хитрил, темнил, что-то своё задумывал, но пеленать себя позволял и пеленался подозрительно охотно. До поры это было хорошо, и нужно было просто продолжать это пауциное дело и пеленать его дальше. На передний же план срочных стратегических планов Белого дома и Госдепа выходила Украина.

Да, обстановка там в плане прикормленности политиков и олигархов (что в Украине одно и то же) хотя и была на редкость благоприятной, но однозначной ситуация, тем не менее, не являлась. Своих олигархов население частью ненавидело, частью боготворило, западэнцы (жители западных регионов Украины, которых остальные украинцы именуют «бандеровцами») мечтали перерезать всех жидов, русских и коммунистов, после чего от Украины отделиться и создать собственный Бандерлэнд; восток Украины говорил по-русски, копал уголь и руду, строил станки и самолёты, торговал с Россией и кричал, что ему надоело кормить всю эту ораву дармоедов-западенцев; в центральной Украине воровали российский газ из трубы, ведущей в Европу (иные остроумы от журналистики предлагали в порядке уточнения переименовать Украину в Уркаину), а украинские академики научно доказывали друг другу, что хохлы произошли непосредственно от Адама и Евы,

говоривших, как известно, на древней мове и изгнанных из рая то ли на полтавщину, то ли в Винницкую область – об этом украинские учёные всё ещё яростно спорили, доходя до кулачных драк на академических симпозиумах. На этих же симпозиумах доказывалось, что и ученики Христа были хохлами. В доказательство приводились строки из Евангелия от Матфея: «...И спросил их Иисус: поняли ли вы все это? Они говорят Ему: **так**, Господи!». Усекли, панове? Не «да» и не «йес» ответили ученики Господу, но по-украински: «так»! Вопрос доказан: древние евреи были сплошь хохлами, произошедшими напрямую от Адама!

Над «адамычами» от души потешались крымчане. Эти последние являлись самой большой проблемой для Америки. Они устроили себе автономию, упрямо продолжали считать себя россиянами, говорили из принципа только по-русски (да и были почти все русскими по крови) и яростно ненавидели Америку, ожидая беду именно оттуда, из-за океана. Расшатать Крым изнутри было непросто. Единственным рычажком, который можно было попытаться пошевелить, являлись крымские татары, когда-то сильно обиженные советской властью, депортированные из Крыма осетинским грузином Сталиным за тёплые отношения с оккупировавшими Крым немцами, но обиду затаившими почему-то именно на русских, а не на осетин, или грузин. Раскачать татар на экстремизм и терроризм против русских в Крыму было, в принципе, возможно, но их, татар, было очень мало, так что даже при активном подстрекательстве киевских властей эффект не обещал весомых результатов. Тем не менее, одна из групп в составе нового отдела «КУ-15» занималась «татарским вопросом», не дожидаясь результатов работы дипломатов, пытающихся на правительственном уровне заставить киевские власти разорвать в одностороннем порядке договор с Россией об аренде севастопольской бухты. Киевские олигархи и рады были бы прогнать русских из Крыма насовсем, но боялись остаться без российского газа. Ещё больше опасалась замёрзнуть зимой Европа, которая получала этот же газ по трубопроводу через Украину. Европа понимала: если Россия в отместку за изгнание из Крыма и Севастополя прекратит поставлять Украине газ, то последняя начнёт воровать его из европейских объёмов. И что тогда делать: войной идти на Украину, после всех последних признаний в любви и горячих объятий? Таким образом, изгнание русских из Крыма дипломатическими способами усложнялось вследствие позиции Европы. Требовалось оторвать Европу от российского газа и, по-возможности, вообще от России, желательно в том числе и географически. Но это была уже отдельная большая тема, отдельный проект. И над ним работали, как в ЦРУ, так на высших этажах Госдепа. При этом никто не мог предсказать пока, сколько времени ещё уйдёт

на окучивание Европы, пока она убедится в необходимости перейти с дешёвого трубного российского газа на дорогой сжиженный американский, доставляемый танкерами. Севастополь с его торчащими в сторону запада ракетами этому процессу убеждения Европы сильно мешал. Севастополь требовалось нейтрализовать, и как можно быстрее. Севастополь представлялся Госдепу золотыми воротами в мировое господство, и если не вломиться в них сегодня, то завтра может быть уже поздно – полагали вашингтонские стратеги.

– Все яйцеголовые – прохвосты и прохиндеи, – прокомментировал новые украинские познания своего подчинённого Грэгор Макфейр, – но надо отдать должное нашим американским президентам: за светлое будущее для американского народа они готовы развязать термоядерную войну хоть сегодня!

Подрывники группы Макфейра – в данном случае владеющий русским и украинским языками Макс Триллер – нужны были отделу КУ-15 для работы по «техническому» направлению – одному из нескольких (помимо него, Максу известно было о существовании ещё и идеологической, экономической и военной групп, в рамках которых разрабатывались хитроумнейшие схемы диверсий в самых разнообразных приложениях). Возможно, имелись и ещё какие-то другие направления, о которых Макс не подозревал: отдел существовал в закрытом режиме, и каждый участник был ограничен лишь той частью информации, которые входили в круг его непосредственных задач.

А круг задач Макса Триллера был привычным: изучить в Севастополе и его окрестностях объекты, которые в случае необходимости нужно будет «нейтрализовать» в первую очередь, то есть взорвать, говоря понятным языком, чтобы парализовать военное сопротивление русских моряков. Ведь наивно считать, что боевой корабль с его ракетами смертельно опасен сам по себе. Этому простому акту – нажатию на кнопку «Пуск», предшествуют и сопутствуют тысячи «береговых» обстоятельств: материальное и энергетическое снабжение, связь, подача воды, канализация и сотня других факторов-ниточек, включая безопасность офицерских семей. Многие, очень многие могут повлиять на решимость командира нажать на кнопку «Пуск».

Решать, какие ниточки следует оборвать для нейтрализации российского флота в Севастополе, не будет входить в прямую компетенцию Макса. Его задача – по указанию другого специалиста, который подключится к работе уже на месте, в Крыму – оценить **как** эти ниточки оборвать. Коллега проведёт Макса на нужные объекты, и от подрывника потребуется лишь профессионально оценить возможность подрыва, составить план закладки зарядов и сделать необходимые расчёты для осуществления диверсий. По всем этим объектам

предстоит затем составить единую карту действий, по которой и будет проведена в нужный момент операция «Севастополь».

Итак, Макс Триллер отправился в Крым – самолётом до Киева, затем поездом до Симферополя. Здесь, на неопрятной, замусоренной платформе его встречал забавный тип с длинными конечностями и сладчайшей улыбкой на куницеподобном лице. Встречающий раскинул членистые объятя навстречу Максиму и закричал:

– Здравствуйте, дорогой Максим Леонардович! Здоровеньки булы!

Да, так теперь звали Макса. Документы на имя Максима Леонардовича Жутко передал ему в Киеве неестественно радостный сотрудник американского посольства, лицо которого было Максиму смутно знакомо – где-то он уже видел мельком этого весёлого человека – не во время ли «московской» командировки в одном из кабинетов российского «Белого дома»?

Дипломат говорил с Максом по-английски, представился Дэвидом Джобсоном и засмеялся: «С детства меня дразнили «диджеем» - по первым буквам имени и фамилии». Макс лишь усмехнулся слегка: как же, как же – под детским именем ты тут находишься, побереги эту басню для лопухов... Однако, за качественные украинские документы он дружелюбно мистера Джобсона тепло поблагодарил и спросил лишь, какой юморист перевёл его фамилию столь буквально. Джобсон польщённо улыбнулся и ответил:

– Я и сам неплохо владею русским языком...

В этот миг Макс вспомнил: конечно же в Москве он видел этого Джобсона, в Доме правительства, пятый этаж, комната 55-21.

– Очень остроумно, – похвалил он документ, – вполне украинское имя получилось...

Диджей от американской разведки скромно потупился: он был хорошо воспитан.

И вот теперь уже самого Максима Леонардовича Жутко, урождённого киевлянина, восторженно приветствовал местный симферопольский агент, приветствовал так, будто Макс был его любимым братом, пропавшим без вести тридцать лет тому назад во время бегства с колхозной бахчи под шквальным обстрелом солью конным объезчиком, и вдруг возникшим как ни в чём не бывало в дверях зелёного вагона, прибывшего из счастливого детства. Загребая пространство старомодным чёрным пальто, распахнувшимся на всю ширину платформы, куницеобразный двинулся навстречу Максиму, и глаза его наполнены были мутной влагой сложных эмоций. Полагая, что так нужно для конспирации, Макс сдержанно обнялся с местным партнёром своим, и услышал жаркий шёпот, щекочущий ухо: «Хайдуюду, мистер Жутко». После чего местный

агент столь же секретно, на ушко, представился сам: «Бердянко. Юлиан Борисович. Счастлив познакомиться с представителем великой страны – оплота порядка и демократии!».

Он, оказывается, много чего знал. Он знал, в частности, что Макс – никакой не киевлянин и никакой не Жутко. Возможно, он знал даже настоящую фамилию Макса. Суетливо поддерживая Макса то под один локоть, то под другой, заглядывая ему в глаза, нежно улыбаясь и торопливо приговаривая: «Как же я рад, как же я ужасно рад!», Юлиан Борисович заботливо маневрировал «мистера Жутко» в сторону разбитой асфальтовой площадки с одиноким чёрным лимузином возле перевернутой урны, похожим на чемодан с четырьмя ручками.

– Вот, на «Волгах» ездим! – то ли хвастливо, то ли язвительно сообщил Макс Бердянко, отпирая двери.

– Красивая машина, – похвалил Макс.

– Гамно! – радостно не согласился Юлиан Борисович, – от коммунистического обкома приватизировали. Троит.

– Что делает?

– Троит, гад. То три цилиндра работают, то четыре. Всё уже поменяли – ничего не помогает. Но по ямкам едет мягко: коммуняки свои жопы пуще глаза берегли... Гамно, короче... – украинец произносил звук «г» очень симпатично, в точности как Варвара – не горлом, а дыханием, почти как английское „h“.

– Едем сразу на место, – объявил Бердянко, – мистер Линдс уже там.

Линдс – это был цэрэушник из группы военных, присутствующий на Украине под видом экономического советника. Именно в его обязанности входило выявление объектов, подлежащих «парализации». После чего наступала очередь Бердянко и Жутко – сотрудников государственной пожарной службы Украины: посетить эти объекты и под видом пожарной инспекции «снять мерку». В первую очередь «инспекцию» интересовали, разумеется, военные объекты российского флота. На многие из которых русские вынуждены были украинцев допускать. Потому что «...флот – флотом, а пожар – пожаром, дорогие мои товарищи русские моряки, – любил приговаривать Юлиан Борисович, стоя на очередном КПП с полномочными бумагами в руках, – а то полыхнёте вы тут у нас и бомбами своими полкрыма нашего снесёте, а мы потом с Максим Леонардычем отвечаем за всё хорошее...».

– Ага, ну да, вашего Крыма, конечно... уже я вас понял, паны пожарники, – кивал им презрительный мичман Курилович, – так что проходи в ворота, ты, пан Бердянко, и ты, господин хороший Леонардыч, или как тебя там – ты проходи тоже, не под дождём же тебе мочиться... Вон она – лопата на щиту, вон он – багор рядом, вон ящик с песком. Всё, што ли? Нет? Ну, пошли тогда

дальше, паяльную мать вашу... А дай-ка ты мне, дорогой мой пан Пердянко, на мандат твой ещё раз глянуть. А то будет просрочен если – расстреляю обоих к бандеровской вашей матери прямо тут вот у ворот при попытке незаконного проникновения на секретный объект суверенного российского флота... так-то... пожарники они, итит их штопаную мать нехай... Шастают тут всякие, а потом тушонки на камбузе не хватает по описи...

Так ворча и возмущаясь, мичман Курилович сопровождал проверяющих по нескольким военным объектам, за противопожарное состояние которых он отвечал лично. Водили «пожарных инспекторов» по объектам и другие российские офицеры и мичманы с самыми разнообразными, в том числе и очень красивыми русскими фамилиями, среди которых попался даже один капитан Голицын, один Суворов и два Ушакова – матрос и лейтенант. С ещё одним капитаном по имени Иван Базелюк Бердянко начал было говорить по-украински, но был резко оборван моряком:

– Говорите нормально: здесь русская база!

Со временем Максу стало очевидно: их с Бердянко ненавидят на российских объектах вдвойне: как непрошенных проверяющих и как украинских обидчиков – представителей власти, запрещающей морякам проводить их военные парады и праздновать под русскими флагами в городе русской славы Севастополе, и даже более того: требующей письменного разрешения на выход российских кораблей в родное Чёрное море! Хорошо ещё, что в Максе, благодаря его безупречной речи, русские не распознавали американца из ЦРУ! Пожалуй, проверяющие могли бы в этом случае стать жертвами какого-нибудь несчастного случая. Например, при попытке определения степени пожаростойкости мостового крана судоремонтного завода упали бы они с него прямо в люк подлодки и сломали себе шеи. МИД России высказал бы по этому поводу искреннее сожаление и извинился перед Киевом... или перед Соединёнными Штатами.

Макса поселили «в резиденции» – так Бердянко уважительно называл особняк за посёлком Инкерман вблизи Севастополя, расположенный на берегу речушки по имени Чёрная. За какой конкретно властной инстанцией закреплена была в данный момент эта дача оставалось неразгаданной военной тайной даже для такого навозного жука и знатока «авгиевых конюшен Киева», как Бердянко. Номенклатурная дача много раз меняла подчинённость, и Юлиан Борисович знал лишь, что последними пару лет назад здесь гуляли сотрудники министерства сельского хозяйства Украины. Они же в пьяном угаре спалили один из трёх двухэтажных корпусов, после чего съехали отсюда навсегда. Некоторое время одиннадцать минивилл, увитых плодоносящим сортовым

виноградом и обнесённых общей железобетонной стеной четырёхметровой высоты с колючей проволокой поверху, стояли пустыми, а потом их постепенно заселили «специалисты-интернационалисты»: бритые под «бокс» ребята опасной наружности, говорящие преимущественно по-английски. Это были, по слухам, ветераны активного американского глобализма, герои, получившие тут и там по миру психологические травмы разной степени тяжести, несовместимые с дальнейшим несением армейской службы. Они нуждались в реабилитации и отдыхе у моря. И вот хлебосольная Украина, нацеленная на скорейшее вступление в военный блок НАТО, предоставила такую возможность будущим братьям по походной тушёнке и отдала им для зализывания ран свои лучшие здравницы на юге.

В одном из красивых домиков этого пансионата Бердянко и разместил Макса, многозначительно сообщив ему, что ключи от коттеджа выдают «непосредственно в Киеве!». Где там в Киеве выдают драгоценные ключи было Максусу совершенно безразлично, но он уважительно покачал головой, демонстрируя высокую оценку заоблачного уровня возможностей могучего Юлиана Борисовича. Вместе с ключами от домика Макс получил от Бердянко пачку талонов на питание в столовой «резиденции», а также карточку пациента, позволяющую ему пользоваться бассейном в центральном корпусе, а ещё – обращаться к терапевту, стоматологу, ортопеду, логопеду, диетологу и винерологу. Всё это были (надо думать, наиболее востребуемые здесь) врачи на подработке, дежурившие по дням недели в здании лечебного профилактория. На постоянной основе трудились здесь лишь пять или шесть развесёлых медсестёр, визжавших по ночам то в одной «американской» вилле, то в другой. Этот визг, надо полагать, входил в программу реабилитации проблемных героев-иностранцев.

В дальнейшем, пересекаясь с соотечественниками на общей территории где-нибудь в профилактории, в бассейне или на спортплощадке оздоровительного комплекса, Макс установил, что громилы эти – вовсе не разыскиваемые Интерполом преступники, о чём рядила местная молва, да и сам он полагал вначале, наблюдая их наглые рожи, но самые что ни есть обыкновенные военные инструкторы, с понедельника по пятницу разъезжающие по украинским воинским частям, чтобы обучать солдат и офицеров всему тому, что умели делать они сами: ломать кости, запускать ракеты и перехватывать радиосигналы противника. Командовал этой бандой милитаро-глобалистов майор Эндрю Ротцингер – высокий, плечистый, лысоватый техасец с бронебойным, шишковатым черепом и выпученными глазами. По утрам он ровно двадцать раз подтягивался на самодельном турнике перед своим коттеджем, а по выходным дням складывал в центральной

беседке огромный, сложный «пазл» на сюжет морского боя. Подчинённым разрешалось подсказывать. И подчинённые – кто с энтузиазмом, а кто и с едва заметной усмешкой на губах – подсказывали.

Ну да Макс числился в этом временном социуме землянином второго, если не двадцать второго сорта – простым, служивым украинцем, так что мозаики майора Ротцингера и ночные визги медсестёр были не для него.

– На сестричек для тебя, Максимушка, мне в Киеве талонов не выдали, уж ты не обессудь, – посетовал однажды Бердянко. – Мы люди скромные, тихие, мы пожарники, нам медсёстры не положены. Ты уж с ними, ежели приспичит, то этого-того: сам договаривайся», – подмигивал Макс Юлиан Борисович.

Но Макс было не до медсестёр, это во-первых, а во-вторых, ему, тайному агенту ЦРУ, соприкосновение с представительницами иностранных разведок, даже если и дружественных, было противопоказано – а в том, что это за медсёстры такие, Макс не сомневался.

И вообще, здесь, в Севастополе ему хотелось разобраться, наконец, в себе самом. Что-то пошло наперекосяк в его жизни, и дело было даже не в Николь, которая его обманула и заманила в ЦРУ, где он застрял, не зная уже, горевать ему над этим поворотом судьбы или благодарить последнюю за интересную жизнь. Но нет, дело было не в Агентстве, не в «Ломбарде», куда он сдал свою душу, как правильно угадал Адам Вандималунгу. Плащ, кинжал, ощущение элитности, служение на переднем краю востребованности – всё это по большому счёту ерунда, позолоченная мишура корпоративной пропаганды и самовнушения. Адреналин – да, игра с опасностью заполняла опустевшее после Николь пространство души Макса, но самой Николь в этом пространстве уже не было. А было там, помимо наркотической зависимости от чувства опасности, смятение: он перестал ощущать разницу между добром и злом. В результате слишком много дерьма накопилось в душе. Это дерьмо было отражением дерьма снаружи, это так, конечно, но ведь и все остальные живут в этом дерьмовом мире, неужели и все остальные наполнены дерьмом по уши? Да, наполнены. Всё кроважидное, осатаневшее от денег человечество есть, в конце концов, единая выгребная яма. Это человечество на всех языках вопит о святости мира и постоянно сворачивает на дороги войн, неуклонно и целенаправленно двигаясь к последней войне, окончательной, термоядерной, после которой войн не будет больше, потому что не будет самого человечества. Для того, чтобы этого не случилось, говорят ему, и нужна Америка, нужно Агентство, нужен он, Макс. Верит ли он этому сегодня? Нет, уже не верит. Потому что пришёл к убеждению, что как раз Америка, и

Агентство, и он, Макс лично, неустанно разворачивают и пытаются скатить мир к этой самой, последней катастрофе. Так почему же он это делает, если он всё это понял? Что заставляет его и дальше кочевать по миру под разными именами и закладывать, и взрывать бомбы, и обучать этому других? Только одно: принадлежность кому-то, кто в тебе нуждается. Ведь это действительно очень важно – быть кому-то нужным, кто тебя ценит. Деньги – да, это был, конечно, тоже существенный аргумент, но не решающий: в Австралии, в Элис Спрингс Макс мог бы зарабатывать и больше. Да, Элис Спрингс, Адам и Рафаэль: им он тоже нужен. Так какого чёрта он всё ещё здесь, под чёрным плащом «ломбарда»?.. И что делать?

На эти вопросы требовалось найти ответ, разобраться с этим. Не самокопания ради, а чтобы попытаться понять смысл абсолютно случайного появления на этой земле в образе конкретного, мыслящего существа под именем Макс Триллер, которому в скором времени предстоит снова исчезнуть в никуда. Ради чего, с математической вероятностью, равной абсолютному нулю, нужно было именно ему, Макс, явиться на этот белый свет? Чтобы работать в ЦРУ? И исчезнуть потом без следа? Да, это дурацкая философия, жвачка для умалишённых мыслителей, но ведь это его, Макса, жизнь – единственная и неповторимая. Разгадать смысл жизни и смерти во всей её загадочной, вселенской, божественной драматургии он не сможет, это ясно, но решить, что делать с собственной жизнью на оставшийся отрезок предоставленного ему времени на земле он просто обязан.

В последнее время желание определиться, наконец, куда он движется по жизни подступало всё чаще, но до сих пор череда «гуманитарных проектов» Агентства с их срочными, калейдоскопно сменяющимися «гуманитарными проектами» не позволяла Макс сфокусировать внимание на самом себе. И спокойная крымская командировка выпала как раз вовремя и оказалась подходящей, чтобы порассуждать на все эти глубоко личные темы. Потому что впервые за последние годы свободного времени оказалось у Макса полно, а работы было немного. Не каждый день, всего один-два раза в неделю отправлялись они с Бердянко «на дело», причём некоторые проверяемые ими объекты оказывались совершенно дурацкими с точки зрения военной угрозы. Так например, обстояло дело со складом шампанских вин в скалах Инкермана, или копильным цехом рыбозавода. Возможно, Линдс полагал, что, будучи взорваны, объекты эти заставят севастопольских моряков, лишённых вина и закуски, выйти на пирс с поднятыми руками и сдаться? Сам мистер Линдс, которого Макс имел честь лицезреть лишь изредка, объяснял свой странный выбор тем, что нельзя, дескать, привлекать внимание русских посещением

одних лишь объектов военного назначения – это будет слишком подозрительно. Логика в таком объяснении была, но только в том случае, если кто-то за ними следит и анализирует их деятельность. Но их никто не отслеживал – за это Макс, успевший пройти кое-какую профессиональную выучку в ЦРУ, мог поручиться. Поэтому он пришёл к выводу, что Линдс просто халтурит, или «лепит горбатого»: такое вот новое русское выражение выучил Макс на улицах Севастополя.

Он вообще существенно обогатил здесь свой русский запас слов и выражений, и в процессе обогащения проникся большим уважением к городу, захват которого готовил. Севастополь и впрямь был удивительным городом – не только своими бухтами, тихими в любой шторм, и не причалами, кораблями и набережными, которых полно в любом портовом городе. Но здесь, в Севастополе, вся эта портовая жизнь протекала принципиально иначе чем везде, где случалось бывать Макс, а именно – степенно. Всё происходящее имело свой ритм, смысл и назначение, но ни в чём не наблюдалось типичной для портовых городов суеты, воплей, пьяных песен береговых ватаг, гудков, сирен, грохота цепей, мегафонного лая на палубах и крысиной беготни озабоченных чиновников. Всё здесь подчинено было уважением к морю и к морской форме. Море принадлежало городу, а флот был частью моря, и население этого города не просто жило в нём, но жило им, служило ему и поклонялось ему как святому. Так, во всяком случае, воспринимал Макс окружающую его атмосферу города. Севастополь и севастопольцы были единым целым, и единство это было органичным и неприкасаемым. Именно так: неприкасаемым! И в этом – в отношении жителей к своему городу – состояло самое большое отличие Севастополя от всех других городов мира. Да и люди здесь были другие, как будто они являлись особым народом. Они говорили по-русски, но в то же время это были какие-то особенные русские, не такие, каких Макс видел в Москве – истерично-возбуждённых и шумных, как на восточном базаре, лезущих друг другу через голову с ценниками на сокровища российской империи, продаваемой ими оптом и в розницу. Здесь же, в Севастополе, русские были иные: спокойные, уверенные в себе, знающие себе цену и ощущающие свою силу. Ещё бы: эта сила напоминала о себе каждому севастопольцу мощными военными кораблями, стоящими на рейде и видными из любого угла города, возвышающегося над морем. Когда-то в Детройте, пацаном, смотрел Макс фильм «Триста спартанцев». И вот теперь севастопольцы представлялись Макс теми самыми спартанцами, не погибшими в конце фильма по воле режиссёра, а разбившими окружение и перебравшимися в Крым, где они и отстроили себе новый город-государство-

крепость Севастополь. Эти новые, русские спартанцы были улыбочивыми и доброжелательными, и лишь смотрели на всех остальных людей – несевастопольцев – как бы немножко сверху вниз: так, как они привыкли смотреть из города вдаль, в просторы Чёрного моря. И ещё одно отличие Севастополя бросалось в глаза: по контрасту с другими городами России и Украины, Севастополь был очень – прямо-таки стерильно – чист. Ни исписанных стен, ни упаковочного мусора вокруг урн, ни неряшливо расклеенных объявлений на столбах: ничего этого не было. Однажды на проспекте Нахимова заметил Макс старика, медленно опускающегося на колени, опираясь на палку. Старик явно что-то потерял и хотел подобрать. Макс поспешил ему на подмогу. Оказалось, старик выковыривает окурочек на краю тротуара. У бедного деда, очевидно, не было денег на сигареты. Макс помог старику подняться и хотел дать ему десять гривен на курево, но старый моряк (у деда из-под воротника пальто высветилась полосатая тельняшка – неизменная бельевая рубашка любого русского моряка) лишь удивлённо глянул на Макса и сказал:

– На эти деньги выпей сам, матросик. А раз уж ты добрый такой, то подика да снеси этот «бычок» в урну. Свинья какая-то бросила и ушла, шкертиком бы её поперёк горба...

И ещё одному не совсем традиционному проявлению любви к своему городу стал однажды свидетелем Макс. Ему полюбились совершать прогулку по одному и тому же маршруту: с Николаевского мыса до Графской пристани и площади Нахимова, мимо Приморского сквера по проспекту Нахимова до площади Лазарева и дальше вверх по Большой Морской улице до площади Ушакова. И вот наверху уже, на площади Ушакова, в центре которой возвышается памятник «морскому Суворову» России адмиралу Ушакову, выигравшему все до единого морские сражения, которыми он руководил, увидел Макс пьяного морячка, который, упираясь лбом в гранитный столб памятника, вдохновенно и продолжительно справлял малую нужду. При этом матросик бормотал: «Не обессудь, Фёдорыч, и с бедами и с радостями: всё к тебе... не зарастёт тропа народная... а что обоссал тебя маленько, так ты не обижайся, адмирал, считай, что живую каплю моря тебе принёс... от имени всей нашей эскадры... – Морячок лихим рывком застегнул штаны, вытянулся во фронт, отдал честь адмиралу, вскричал «Вечная тебе слава, Фёдор Фёдорович! Служу России!» – после чего поцеловал гранит камня в том месте, куда его шатнуло при этих словах и отвалил, покачиваясь в штормовом режиме и придерживаясь направления «зюд-зюд-вест», которое он сам себе задал вслух, используя указательный палец вместо компаса.

Иной рафинированный моралист оценил бы эту сцену как пошлое свинство и глумление над святынями, но Макс узрел в ней подлинное, внутреннее, искреннее проявление патриотических чувств простого человека к своей земле. Человека, для которого родина его, её история и её герои, включая себя самого, готового к подвигу – только тронь! – представляют собой единое целое, составляющее и жизнь и смерть – да, и смерть тоже, которая придёт за ним когда-нибудь и заберёт его, и спрячет в родную землю, чтобы не достался он врагам даже за пределами земной черты...

Тоска царапнула Макса по сердцу тогда, на площади Ушакова: нет, не было у него такого города в жизни, где бы он готов был подбирать окурки и целовать памятники... В тот вечер Макс спустился к морю с тяжёлым сердцем. Впрочем, с привычно тяжёлым сердцем он жил все последние годы, и за то и полюбился ему Севастополь, что светлая и приветливая атмосфера города отчасти снимала эту тяжесть. И это несмотря на сумрачное время года, рано наступающую ночь, морозящие дожди, продувные, стылые ветры с моря, белые штормовые волны в серых морских просторах и точно такое же тяжёлое, штормовое небо, наползающее на город нескончаемым фронтом – как будто часть моря отделилась и поднялась, чтобы навалиться на город сверху. Но от этих небесных пугалок никто в городе не унывал. Все знали: море любит свой город, и завтра снова будет солнце. И действительно: утро вспыхивало лазурной синевой неба, и несмотря на декабрь, вместе с запахом моря ноздри дразнила тонкая и сладкая горечь, исходящая от мокрых деревьев и кустов в парках и вдоль улиц. Город улыбался и ждал весны. И взгляд невольно снова обращался в сторону моря, в поисках бригантини под алыми парусами. Эта сказка, прочитанная Максом у себя в «резиденции», очаровала его. Когда-то о повести «Алые паруса» русского писателя-бродяги Александра Грина рассказывала Максумасшедшая Варвара, и даже обещала достать книжку, обязательно на русском языке, с тем чтобы Макс мог совершенствоваться в языке не на старых российских газетах, а на лучших примерах русской классики. Она говорила, что ребёнок может вырасти хорошим человеком лишь прочтя эту книжку. Сама она перечитала её в детстве сто раз, заявила Максум Варвара с неожиданным вызовом в голосе, а потом вздохнула и созналась, что до сих пор ещё ждёт своего принца на бригантине с алыми парусами. Но так эту книжку Варвара в Америке не нашла. И вот, случайно, в полуразорённой библиотеке крымского пансионата, и не в библиотеке даже, а так – на одной из книжных полок комнаты, служившей в прошлом целям политической пропаганды и называемой по старой памяти «красным уголком», увидел Макс потрёпанную книжонку под названием «Алые паруса», вспомнил восторженные

слова Варвары об этой повести, и забрал книжку. Становиться хорошим человеком ему было уже поздно, но солёный вкус морского прибоя, и чистый ветер ещё не отравленных человечеством земных просторов, и улыбку счастливого будущего – всё это увидел, услышал и ощутил Макс, читая книгу, и душа его искренне стремилась навстречу тому удивительному внутреннему свету, который исходил от пожелтевших страниц этой русской книжки. Каким-то странным образом эти просветлённые чувства Макса перенеслись на Севастополь. Ему казалось: этот город, весь, целиком, как раз и живёт ожиданием алых парусов, которые подхватят его однажды и понесут за горизонты, в счастливое будущее. А может быть, город уже летит вдаль под этими парусами?

Но на эти романтические мысли, навеянные чтением, наплывало вдруг тёмное облачко сомнений: а что станет с городом под пятой НАТО? Сохранит ли он свой гордый и светлый лик? Будет ли высматривать и дальше заветный парус счастья в тумане моря голубом? Станут ли американцы подбирать окурки на дорогах Севастополя и целовать гранит памятника гениальному адмиралу и русскому святому Фёдору Ушакову, или снесут его в первый же день своего вторжения и водрузят на этом месте монументы в честь Малыша и Толстяка – так, кажется, ласково называют американцы две атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки? «Да и возможно ли вообще завоевать такой город? – думал Макс, и отвечал сам себе: «Вряд ли...». И то, чем он занимался здесь, в Крыму, по заданию своего «ломбарда», начинало вызывать у него всё большее раздражение. Да, конечно, он работает на совсем иное измерение, он служит геоглобальным интересам своей страны, он обязан делать то, что делает – и за деньги, и по зову присяги, но всё-таки... всё-таки он делает грязную работу. Очень грязную и подлую...

Однако, лучше было об этом не думать. Лучше было просто сесть на мотороллер и катиться куда-нибудь, куда глаза глядят – вдоль моря, в сторону посёлка Кача к северу от Севастополя, или к пещерному городу Эски-Кермен на востоке, или в крепость Чембало, построенную генуэзцами ещё в четырнадцатом веке. Подолгу простаивал Макс на высоких, живописных берегах мыса Фиолент на самом юге Крыма. Отсюда древним греческим богам очень удобно было управлять миром в доисторические времена, а одиноко стоящему над морем современному человеку, пришедшему на смену древним богам, стоя здесь, легко было представить себя тем же Зевсом или Посейдоном – властителем людских судеб. Именно тут, на серой, могучей скале и глядя вдаль, Макс вспомнил вдруг своего австралийского друга Джима Спайкса, который мечтал об отпуске, чтобы полететь в Японию, жениться на японочке и народить с десяток красивых япончиков. И Максу страстно

захотелось того же. Ему сорок лет. Поезд почти ушёл для создания семьи. Да, почти. Но ещё можно успеть вскочить в последний вагон... Всё, решено!: он до конца следующего года покинет «ломбард», заберёт свою душу обратно и полетит в Японию. Макс рассмеялся: вот уж Адам с Рафаэлем удивятся, когда он возникнет на пороге салона в сопровождении дюжины прелестных япончиков... В тот день жёлтый мотороллер, густо жужжа прекрасными мелодиями Верди и Доницетти, оставляющими за собой голубые облака бензомаслянных форсажных выхлопов, нёс в Севастополь почти счастливого человека. Да, почти счастливого...

Этот жёлтый итальянский мотороллер подарил Макс, или, точнее, сдал в аренду случай. Ведь пан Бердянко своего глубокоуважаемого, бесценного и единственного американского друга транспортом не баловал. «Чтобы не привлекать внимания окружающих» – называлось это. – «Всё равно мы с тобой только в паре работаем, – аргументировал хитрый хохол, – так что нам с тобой одной моей «Волги» за глаза хватит». Макс подозревал, что деньги, выделяемые по «крымскому проекту» на транспорт, просто не доходят до него, застревая в многочисленных карманах деловитого Юлиана Борисовича. Но Макс прав своих не качал и в путешествиях по Севастополю передвигался на такси, с помощью частников-«бомбил», общественным транспортом или пешком. Он любил ходить пешком.

Но вот однажды, недалеко от «резиденции», фактически за её забором, Макс стал очевидцем «наезда» стайки малолетних рэкетёров на чернявого мелкого пацанчика, цепляющегося за ручки мотороллера, который налётчики пытались у него отобрать. Пацанчик упрямо терпел пощёчины и тумачи, лягался, матерился и сулил своим обидчикам «полный капец» от имени какого-то Торчка.

– Ой, напугал! – издевались над владельцем мотороллера шпанята, – да кто такой твой Торчок против нашего Штыря?

– Торчок – в законе, а Штырь ваш – беспредельщик! – аргументировал малец, получая очередную оплеуху.

– Отпусти руль, сучок черножопый, а то порежу, – шепеляво пригрозил атаман шайки и достал из кармана нож, щёлкнув лезвием. Макс, который как раз поравнялся с этой стаей, не обращавшей на него ни малейшего внимания, приостановился и сказал:

– Вы что пристали к человеку? Это его скуттер?

– Мой! – закричал малец, почуявший подмогу.

– Хер он твой! – возразил на это атаман, – ты на счётчике стоишь, он за проценты уходит... А ты, мужик, топай дальше, не твои проблемы, мы свой

базар перетрём сами. «Скуттер», б..дь: слово-то какое знает! Мопед это сраный, а не «скуттер». Вали отсюда мелкими шагами, дядя, я тебе сказал!

– Это мотороллер, а не мопед! – протестующе завопил владелец транспортного средства.

Может быть, Макс и пошёл бы своей дорогой – в конце концов, происходящее его действительно никак не касалось, да и по всем агентурным законам он не вправе был засвечиваться в посторонних акциях, но уж больно нагло разговаривал с ним, опытным американским солдатом, да ещё и агентом самой мощной спецслужбы мира этот пятнадцати– или шестнадцатилетний сопляк с юркими, бессовестными глазками.

– You bloody puppies! You've just no idea, who you are talking with, you fuckin' bastards! – взорвался Макс по-английски. Расчёт оказался точен: малолетние разбойники, конечно же, не поняли, что он им сказал, но в глазах их засветился страх, и атаман примирительно пробормотал, торопливо складывая и пряча в карман нож:

– Так бы сразу и сказал, что ты из тех.., – он кивнул в сторону «резиденции» с её американскими инструкторами, – Ладно, пацаны, валим отсюда... А ты сильно не радуйся, Мусёныш: счётчик твой щёлкает дальше...

Рэкетеры с достоинством пошагали вниз по улице, а «Мусёныш» выжидательно, исподлобья смотрел на спасителя, но с благодарностями не торопился. Вместо этого он задал Максиму неожиданный вопрос:

– Чего пешком ходишь? Ваши все на «Тоётах» гоняют. – И пока Макс размышлял, что ему ответить, владелец мотороллера предложил: – А хочешь, я тебе роллик свой в аренду сдам? Недорого. Сто баксов.

– В месяц? – заинтересовался Макс.

– Сбрэндил, что ли? За день!

Кончилось тем, что Макс арендовал у этого «Мусика», которого на самом деле звали Мусой, его жёлтый мотороллер за сто долларов в месяц. Принять деньги гривнами Муса отказался: «на фига мне фантики», – сказал. И уточнил: «А права-то у тебя хоть есть?».

– Прав нет, – признался Макс.

– Ладно, это фигня. Если остановят, скажешь, что роллик Торчка, покататься дал. Но за это – ещё десять баксов. Чего вылупился? А то и сто метров не проедешь: зуб даю – остановят и роллик отберут, а тебя в обезьянник засадят на целых два дня и жрать не дадут ни разу!..

– А ты старших не больно-то уважаешь, – укорил пацана Макс, передавая ему деньги.

– А вот ты и брешешь, дядя, – возразил Муса, проверяя сотку на свет и привычным движением прощупывая кончиками пальцев края купюры, –

дедушку вот этого я очень даже уважаю, – погладил он портрет Бенджамина Франклина на дензнаке.

– Ну, ладно, уважай дедушку дальше, а мне показывай, как твой нтуту заводится, – потребовал Макс.

– Какой ещё «нтуту»? – не понял Муса.

– В одном знакомом мне африканском племени большой мотоцикл типа «Харлея» местные ребята называют «нтутуту-туту», маленький – «нтутуту», а мопед типа твоего – «нтуту».

– Сам ты «нтуту»! Это – мотороллер, а не мопед!

– Ну ладно, пусть тогда будет «нтутуту».

– А сам ты тогда пусть будешь «хухуху»!

– Ну и борзой же ты пацанчик, Муса!

– Не борзой, а борзый. Борзые только собаки бывают. Лучше надо было русский язык учить в школе, американец ты пиндосский. Небось, спиёнишь тут за нами на всю катушку, про наши марочные вина вынюхиваешь... нюхай-нюхай, всё не перенюхаешь... – Муса улыбался во весь свой щербатый рот: он был чрезвычайно доволен свалившейся на него комплексной удачей – избавлением от налётчиков, выгодной арендной сделкой и ценной, новенькой купюрой в кармане. Юный крымчанин Муса Джамилев вполне уже адаптировался к надвигающейся на человечество глобалистической катастрофе.

Мотороллер итальянского производства оказался вполне работоспособным агрегатом, и носил Макса по окрестностям неустанно. Сытый жук гудящего моторчика выносил Макса то на мемориальный Малахов курган, то на героическую Сапун-гору, или просто катал его часами по просёлочным дорогам, радуя сказочными названиями проползающих мимо посёлков – Фруктовое, Тенистое, Полюшко, Айвовое, Ароматное, Плодовое, Прохладное, Кизиловое...

Мотороллерные рейды «дорогого Максима Леонардовича» уважаемый Юлиан Борисович почему-то решительно не одобрял. – «Гэпнешься игдэ-ныбудь, шо мы тогда робыть будэм, ась?», – пенял он Макс на сердитом русско-украинском суржике. Макс клятвенно обещал «нэ гэпнуться», а Бердянко со своей стороны грозился наябедничать мистеру Линдсу.

С мистером Линдсом у Макса отношения, честно говоря, не сложились. «Химией не сошлись» – говорила про такие случаи Варвара. С химией у Линдса и в самом деле что-то было неладно: он часто сверялся с наручными часами, после чего принимал маленькие оранжевые таблетки. Воду для запивания он тоже носил свою, в кожаном заплечном рюкзаке. Линдс не прикидывался ни

русским, ни украинцем, он оставался американцем, представителем великой страны, приславшей его на Украину для оказания экологической помощи. Линдс говорил по-русски свободно, но с изрядным акцентом, а что касается «экологической помощи», то он, по ироничному замечанию Юлиана Борисовича, занимался «всякой хренью» (такого рода выражения, выученные в Крыму, Макс записывал к себе в книжечку, не для запоминания – он и так ничего не забывал, память его была пока ещё в полном порядке – но просто для коллекции). Эта «всякая хрень», которой занимался Линдс, состояла в сборе данных о состоянии воздуха, химическом составе речных, озёрных, родниковых и сточных вод, наличии глистов под плавниками у рыб, болезнях луговых кузнечиков, и в прочей ерунде. Кроме того, Линдс являлся экспертом Фонда борьбы с курением, центральный украинский офис которого располагался в Киеве, а штаб-квартира, по словам всё того же Бердянко – где-то под Вашингтоном (Макс полагал, что это «где-то» означает конкретно Лэнгли). Юлиан Борисович отзывался об этом фонде с величайшим уважением поскольку «Бабла у них там немеряно!». И хотя могучий фонд борьбы с курением никаких видимых эффектов на уровне здоровья украинской нации или украинской экологии не проявлял, Бердянко многозначительно намекал: «Ничего, ничего: евфект будет. Бывает так: дадут человеку сапогом по жопе, а кровь у него идёт от этого носом. Имеет место быть круговорот чудес в природе! Так и из рыбьих глистов Линдса когда-нибудь восстанет из пепла великая Украина!».

– В тебе пропал настоящий поэт, Юлиан Борисович, – похвалил товарища Макс.

– Прихожусь ответвлённым потомком и дальним родственником всемирно известному поэту Тарасу Шевченко, – скромно согласился Бердянко, – и мистер Линдс, между прочим, об этом тоже знает...

Макс Триллер сильно сомневался, что после мистера Линдса что-то может ещё восстать из пепла. Во всяком случае, собственным видом своим некурящий мистер Линдс в пользу некурения никого убедить не мог: был он болезненно худ, лицом синеват, и изо рта у него постоянно плохо пахло, несмотря на дезодоранты, которые он периодически впрыскивал в горло из карманного баллончика.

Каким образом экологическая легенда и фонд борьбы с курением помогают Линдсу проникать на военные объекты российского флота в Крыму для оценки их стратегической значимости, и по каким признакам он эту значимость выявляет, Макс не понимал. Впрочем, это его и не интересовало. Макс занимался рутинной в узких рамках своих обязанностей. У них с Юлианом

время от времени появлялись новые списки объектов для посещения, и эти «точки» они с Бердянко обрабатывали, после чего Макс составлял отчёты с чертежами и планами и передавал их через Юлиана Борисовича мистеру Линдсу. Лицезреть самого мистера Линдса Макс доводилось нечасто – такова была общая конспиративная установка. Явка Линдса находилась где-то в Симферополе, но пребывал он постоянно в Киеве, где «завариваются настоящие дела и крутятся настоящие бабки» – по завистливому замечанию Юлиана Борисовича.

А с последним у Макса тоже начали портиться отношения в последнее время. Они и раньше-то не были идеальными: Макс отлично слышал фальш в голосе Бердянко, и его вихлястое подбострастие раздражало Макса. Особенно не нравились Максу попытки Юлиана Борисовича втянуть его в блуд. После каждого «дела» Бердянко, грязненько подмигивая, подбивал Макса посетить «в отличном месте» «шикарных девчоночек», или «сладких мальчиков» – на любой вкус. Макс каждый раз отказывался, отчасти чуя опасность, отчасти от природной брезгливости.

– А зря ты монашествуешь, Максимушка, – сетовал Бердянко, с которым Макс перешёл на «ты», продолжая звать его, однако, по имени-отчеству, – для здоровья половое воздержание очень вредно, да и крошки мои – свежайшая клубничка! Первый сбор! В Америке таких не найдешь – там у вас, небось, с первого класса все уже попорченные ...

Однажды, когда их обогнала на тротуаре стайка хохочущих школьниц, Бердянко неожиданно спросил:

– Максимчик, а хочешь десятилеточку?

Макс сначала не понял, а после разозлился и крикнул:

– Пошёл ты к черту, мудак!..

Бердянко захохотал мелким бесом: «Ну, молодец, Максимушка! Ну, ты и чешешь по-русски! Прямо как ихний Мишка Горбачёв! «Мудак!». Ну, молоток ты американский! Прямо-такине молоток даже, а молот, просто-таки напосто-таки...». Но в глазах Бердянко мерцала при этом глубокая обида, за которой пряталась ненависть. В общем, отношения между ними постепенно портились, хотя внешне, по форме всё оставалось по-прежнему.

А со временем Макс стал замечать и кое-что новое. Нечто связывало Бердянко с Линдсом помимо «пожарных» дел. Макс это понял из обрывков разговоров по мобильному телефону, которые Бердянко, отойдя в сторонку, вёл с неким «Патрикеичем». Линдса звали Патриком, между прочим, и Макс был уверен, что Бердянко говорит именно с Линдсом. Разумеется, все эти посторонние делишки партнёра Макса не касались, но то, что для одних схем Линдс зовётся «уважаемым мистером Линдсом», а для других, фамильярно,

просто «Патрикеичем», слегка настораживало. Однако, вопросов в связи с этим Макс не задавал и просто «мотал на ус» – так, по затренированной привычке. Постепенно, из отдельных слов стало ясно Макс, что Бердянко с Линдсом занимаются подготовкой каких-то групп и их отправкой за пределы Украины. Часто речь в переговорах украинца с американцем шла о детях, отправляемых на лечение в Европу. Об этом можно было судить по словам «...сопли им утирать некому...», или «...да, доктор их уже осмотрел...», или «...забудь о родителях...». Что ж, в ЦРУ занимаются не только подрывной деятельностью, но и гуманитарными акциями. Очевидно. Что ж, расчёт понятен: больные дети, вылеченные американцами, навсегда останутся благодарными Америке: ничего предосудительного в этом не было. Более того - эта гуманитарная стратегия американцев даже отчасти примиряла Макса с его собственной деятельностью, направленной – чего уж там греха таить – на разрушения. При всём неприязненном отношении к Бердянко, Макс не мог не признать: его партнёр занимается благородным делом – пусть даже и в таком, не совсем понятном, скрытном формате. Однажды только царапнула случайно подслушанная в очередной раз фраза: «...да, да, все детдомовцы, ты не беспокойся...». То, что «все детдомовцы» – это, может быть, даже и хорошо: Америка печётся о здоровье детей, о которых позаботиться больше некому. Но причём тут «ты не беспокойся»? Как будто ребёнок, попавший в группу оздоровления при живых родителях, должен вызывать особую тревогу Линдса, а детдомовец – не должен. Хотя, возможно, Бердянко имел в виду что-то совсем другое: обрывок фразы не обязательно передаёт её правильный смысл. Макс подавил в себе беспокойство, и они с Бердянко работали дальше, каждый со своим внутренним неприятием другого.

Но вот, двадцать девятого декабря, в пятницу, после планового визита на один из судоремонтных заводов, высаживая Макса возле «резиденции», Бердянко пригласил его «справить новый год в четыре горла».

– Не ломайся, Максимушка: будут две славные дивчины, да мы с тобой. Не в пустом же тебе лагере сидеть одному в новогоднюю ночь, ако сычу лесному: вон, земляки твои все уже улетели к Санта Клаусам своим на каникулы. А мы тут повеселимся сообща, туда-сюда, песен попоём от души, поорём на весь Симферополь, вкуснятинки покушаем от пуза, поласкаемся душевно с нежными кошечками, марочных крымских вин попьём, каких ты отродясь не пробовал – из правительственных поставок, только для королей, султанов и президентов. Ты же у меня даже дома ещё не был ни разу. Не был же? Не был! Вот и посетишь мою весёлую холостяцкую берлогу. Обещаю: остаток жизни своей плакать будешь потом, вспоминая...

Поскольку Бердянко не подмигивал при этом поганенько в своей обычной манере, то Макс взял и согласился. В самом деле: пора преодолевать свою неприязнь к партнёру. Ну, вихлястый этот Юлиан Борисович, ну, неискренне подобострастный немножечко через край, ну, взгляд у него не твёрдый, ну, здороваётся он мягкой ладошкой, как будто кусок теста подаёт, но ведь всё это не поводы для полного отчуждения, и тем более – для враждебного отношения. «В конце концов, мы одно дело делаем, – думал Макс, – а Бердянко ещё и детям-сиротам помогает, на лечение отправляет. Вполне неплохой человек получается в итоге». Да и чего греха таить перед самим собой – не прочь был Макс и со «славной дивчиной» познакомиться, и от редких, «президентских» вин вкусить под экзотическую закуску – «разговеться», короче, по выражению Юлиана: ведь не монах же он отшельник, в конце концов...

– Ладно, буду, Юлиан Борисович, – согласился он.

– О це гарно, Максимушка, о це гарно! – возликовал Юлиан, – в общем так: послезавтра часам к шести заеду за тобой, красавец ты мой, друг ты мой драгоценный! Будь готов – побрит, помыт, надушен... и в плавки не забудь «шанелькой» прыснуть, – и Бердянко таки подмигнул Максу поганенько, отчего Макс чуть не передумал в последний миг, но потом лишь рукой махнул: «а, горбатого могила исправит...». (Это тоже была одна из русских поговорок, услышанная от мичмана Куриловича, постоянно бормотавшего у них за спиной, и вписанная Максом в его коллекцию русскоязычных мудростей и идиоматических выражений).

Бердянко жил в маленьком, одноэтажном доме на краю Симферополя, недалеко от Симферопольского водохранилища, в так называемом «частном секторе». Так эти городские районы, застроенные городским мещанством на правах личной собственности, назывались ещё при советской власти, объяснил Макс Бердянко, но обозначение это отлично вписалось в наступивший капитализм. И хотя частнособственническая суть этих районов не изменилась, внешний вид их «при капитализме» преобразился существенно, пропорционально расслоению общества на бедных и богатых: одни домишки – в прошлом все одноэтажные и однотипные, в соответствии с советскими законами – облупились и обветшали окончательно, другие же, в два и три этажа, превратились в сказочные теремки и просторные особняки на весь шестисотенный земельный надел, а иные участки спрятались за высокими железными воротами с вывесками типа: «Режем стекло», или «Сахар 24 часа», или «Сварка. Кровельные работы» – и номер телефона понизу. За такими, «промышленными» воротами густыми голосами гавкали косматые волкодавы, а из соседних богатых вилл им звонко вторили породистые микрошавки, только

что вернувшиеся из-за границы или от личных парикмахеров. Возбуждённые своей неотразимостью во множестве зеркал, они хвастались ею наперебой, доводя себя и всех окружающих мосек до полного истерического остервенения.

Под эту беспорядочную собачью какофонию чёрная «Волга» Бердянко подкатила к его «поместью» и почти ткнулась бампером в покосившееся деревянное крыльцо. Жильё Юлиана Борисовича – трёхкомнатный щитовой дом – несомненно относилось к низшему сорту строений в данном «частном секторе»: оно ещё не превратилось в полную развалюху, но рядом с шикарными трёхэтажными особняками по соседству воспринималось именно так.

– У бывшей жены отсудил, – пояснил Бердянко, – ей – «жигулёнка», а мне – дом. – И Юлиан Борисович поганенько подмигнул Максиму: – мне дом нужней машины, в «Жигуля» всего три крошки помещались, а в доме этом хоть гарем заводи!. Домишко-то сам говно, конечно, но, это самое... будет и на нашей улице праздник! Правильно я говорю, Максимушка? Правильно! Хохол плюс американец – это великая сила! Сообща мы с тобой весь мир земной перевернём, а из обломков его новый дом себе сгородим – во сто этажей, с широкопанорамным видом на наше Чёрное море из южных окон, и на вашу Статую свободы – из западных... А на каждом этаже – по сто красавиц мы поселим, – и Бердянко мелко, сухенько захохотал, как закашлял. Макс уже горько сожалел, что согласился праздновать вместе с Юлианом, но было уже поздно: «Назвался груздем – полезай в кузов», – как говорила Варвара.

– Заходи, заходи, Максимушка, подымайся на крыльцо, милости просимо, сейчас я дверь отопру, поддержишь, а то у меня тут ещё кой-чего имеется на закусочку... – и Бердянко закричал, выволакивая из багажника машины большую картонную коробку.

– Юлиан Борисович, а почему ты, украинец, постоянно по-русски говоришь? – спросил его Макс, подхватывая коробку.

– Ишь, какой ты у нас наблюдательный человек, Максимушка, – похвалил партнёра Бердянко довольно-таки издевательским тоном, – а я тебе этот феномен объясню сейчас: когда я в Крыму, то коворю на русском, когда я в Украине, то говорю на мове, а с иными клиентами могу и по фене сботать. Я социальный стратег, Максимушка! Джеймс Бонд я хохляндский – вот я кто такой. Есть у нас такой известный герой – Степан Бендера-западэнский, а я, стало быть, Юлиан Бандера-таврический: тоже герой, только куда никому не известный. Но это до поры только..., – и Бердянко снова застучал своим дробным, бамбуковым смехом, вознаграждая себя за собственное остроумие.

Они втиснулись в дом и по узкому коридору стали продвигаться в сторону кухни.

– Сейчас выгрузимся, ты будешь на стол накрывать – я уже разложил его в зале – а я покуда за красавицами сгоняю – без них у нас уюта настоящего никак не получится... Ага, ставь сюда и пошли, я тебе твой апартамент покажу, где ты будешь спать, или, наоборот, где тебе спать нипочём не дадут... – и Бердянко, чёрт бы его подрал, снова фирменно подмигнул.

Дорога до «апартамента» оказалась короткой: из кухни всё в тот же коридорчик, оттуда в «залу», а из неё в спальню размером три на три метра, с платяным шкафом, раскладным, стонущим от каждого прикосновения диваном, стулом у окна и столом напротив дивана, над которым, на стене, отделяющей комнату от соседней спальни – «апартамента» самого хозяина, висело большое овальное зеркало. Под стол задвинута была синяя, грубо крашеная и очень маленькая, почти детских размеров, табуретка. Комната выглядела крошечной, да и вся квартира оказалась изнутри совсем маленькой. Снаружи дом смотрелся иначе за счёт высокой крыши и большого чердака под ней. Убранство жилья, а также его атмосфера, составленная из запахов пыли, плесени, грязных половиков и дешёвого одеколona – всё это вместе свидетельствовало о хронической пещерности его владельца.

Макс положил сумку на стул, повесил куртку-пуховик в шкаф, посмотрелся в зеркало и ухмыльнулся: хорошенькое место для зеркала – напротив стола. Перед поросёнком, говорят крестьяне, надо зеркало ставить, чтобы жрал шустрей, вес набирал. Не похоже только, чтобы этот метод на тощего Юлиана действовал. «Не в коня корм» – вспомнил Макс ещё одну русскую поговорку из своей коллекции и засмеялся. После чего отправился на кухню разбирать коробки с припасами. К припасам относились и те самые марочные крымские вина, от которых, по заверению Бердянко, у вкусившего от них наступает мгновенная зависимость в форме ностальгии по Крыму на всю оставшуюся жизнь. Ностальгические бутылки нежно и призывно звенели в руках Макса, соприкасаясь между собой и с бокалами, уже выставленными Юлианом Борисовичем на праздничный стол. Макс заметил, что на столе не хватает штопора, и вернулся на кухню. Он принялся искать штопор, открывая наугад ящики в кухонном шкафу. Его поразил хаос, царивший в ящиках: баночка сапожного крема лежала рядом с солонкой, пряжка от брючного ремня – в плоске с вилками, смятое кухонное полотенце запихано было в бейсбольную шапочку с надорванным козырьком, а зубная паста «колгейт» соседствовала с чайной заваркой. Штопор обнаружился в жестяной коробке со старыми, полуржавыми гвоздями и горстью использованных пальчиковых

батареек поверх всего этого богатства. Макс, сдвинув батарейки, выудил штопор из кривых объятий гвоздей, задвинул ящик и пошёл к двери. Но на пороге замер, остановленный какой-то смутной мыслью. Он вернулся и выдвинул ящик снова. Ничего особенного: гнутые гвозди и батарейки формата АА, четыре штуки. И ещё две трёхвольтовые, типа CR. На них и уставился Макс озадаченно. Что-то было в них особенное, о чём-то они сигнализировали Макс, он чувствовал это, но зацепить умом этот сигнал никак не мог. Не имея профессиональной выучки разведчика за плечами, Макс тем не менее достаточно долго уже проработал в ЦРУ, чтобы усвоить науку Грэгора Макфейра о путях отступления из любой ситуации, да и многочисленные курсы по заметанию следов и проверке на слежку не прошли даром. Теперь вся эта наука подозрительности сконцентрировалась на батарейках в попытке осмыслить степень их опасности для Макса. Разумеется, сами по себе батарейки опасности не представляли. Но... но зачем нужны специальные фотобатарейки человеку, который хранит дырявые носки в суповом половнике? Ведь батарейки CR используются в современной фото- и видеотехнике, которой в доме нет и в помине... Или всё-таки она есть? И вот уже следующая идея повела Макса в комнату, где он оставил свои вещи. Он заглянул в шкаф, под стол, за диван: «жучков» там не было. Макс сел на диван и внимательно осмотрелся. Всё было нормально, если считать нормальными давно не беленый потолок, давно не крашенные полы и давно не обновляемые, выгоревшие обои. Только с одной стороны вдоль рамы зеркала на стене за столом полоска обоев была посветлей... Не может быть! Макс вскочил, отодвинул от стены стол и шевельнул зеркало. Оно легко поддалось – висело на одном гвозде. Макс снял его и присвистнул: „You bloody shit!“. Само зеркало было полупрозрачным, а в стене за ним зияла круглая дырка, из которой со стороны комнаты Бердянко с любопытством выглядывал объектив видеокамеры, направленный слегка вниз – точно на диван. Нет, батарейки из кухонного ящика были не от этой камеры – у портативных видеокамер аккумуляторы другие и помощней. Но фотобатарейки своё дело сделали – они пустили Макса по следу.

Всё стало ему понятно: Бердянко готовит ему компромат. Но зачем? Чтобы перевербовать его? Но украинским спецслужбам он вряд ли нужен – они сами, считай, присягнули уже американцам... Или это личная инициатива Бердянко, задуманная для дальнейшего шантажа его, Макса?... Вот вам и несчастный, одинокий Юлиан Борисович, сволочь грязная...

За окнами послышался шум мотора и хруст колёс по дворовому древесному мусору: Бердянко возвращался. Макс быстро повесил зеркало на

место, придвинул стол к стене и вышел встречать гостей. Посмотрим, что будет дальше, решил он.

Бердянко привёз не двух «славных дивчин», а целых трёх. Две, которые постарше, были явно развесёлого нрава, а третья оказалась вообще ребёнком лет тринадцати-четырнадцати. Бердянко представил девиц: Ася, Оксана, Дина.

– Аськину сестру Диночку пришлось прихватить с собой. Не одной же ей куковать в новогоднюю ночь, без еды и без мальчиков-спальчиков, – объяснил присутствие ребёнка удивлённому и хмурому Максиму оживлённый, покрасневший с уличного холода Бердянко и поощрительно хлопнул девочку по попе, – ничего, она нам малину не испортит – правда, Динуля?

Динуля тут же и доказала, что не испортит, рассказав присутствующим новогодний анекдот про Красную шапочку, которой перекрыл дорогу в лесу серый волк с вопросом куда она идёт. А когда Красная шапочка сообщила волку, что идёт в Дом пионеров на ёлочку, из кустов выскочил подлый зайчик-ябеда и заверещал: «Врёт-врёт-врёт: она идёт не в дом пионеров на ёлочку, а она идёт в дом офицеров на палочку!...».

Славные дивчины – все трое – дружно заготовили вместе с Юлианом Борисовичем, который, отсмеявшись, азартно крикнул и подмигнул Максиму:

– Во молодёжь пошла! Уже нас, стариков, обучат чему надо и чему не надо.

– Надо! Надо! Всему надо! Всему обучим! – загалдели девицы и повалили на кухню – резать хлеб, мазать бутерброды и откупоривать банки с привезёнными помидорами. Бердянко потирал руки:

– Ну, сейчас дадим копти! Будешь внукам своим рассказывать, Максимушка, как ты Новый год в Украине встречал...

Максимушка кивнул весьма сдержанно. Бердянко эту его сдержанность заметил, но понял её по-своему:

– Да ты не волнуйся, Максим: детка эта нам не мешает, а я даже так думаю, что как раз наоборот: она нам ещё представление а-ля Мулен Руж устроит. Это ещё та детка, я тебе доложу...

Застолье рвануло с места в карьер. Пили за старый год. Наверное, он был у девиц очень успешным, потому что они пили за него с энтузиазмом. Девки вообще веселились с большим вдохновением, с матючками, скабрёзными шуточками, объятиями и нешуточными поцелуями: одним словом – затевался домашний бордель в полном охвате. И если бы не шпионская камера в стене, то Макс, выпив пару бокалов и впрямь потрясающе вкусного вина, скорей всего дал бы себя затянуть до утра в сладкую трясиину этих

плотских утех, спровоцированную долгим женским безрыбьем. Однако, для него теперь куда важней было другое: довести провокацию Бердянку до её доказательного завершения. Поэтому он всячески подыгрывал Оксане, вьющейся вокруг него, и удивлялся лишь тому, что Аська не пресекала совсем уже пьяную младшую сестру Дину, постоянно норовившую забраться к Максиму на колени, развратно ноя: «Ну покачай своего ребёночка, ну покачай меня...». Макс отодвигал её как мог, а Оксана хохотала: «Брысь отсюда, козявка! Это место для взрослых тётъ...».

Ровно в двенадцать часов откупорили крымское шампанское и выпили за Новый год. За то, чтобы он был у всех счастливым до невозможности.

– Сейчас принесу музыку, – пообещал Бердянку и скрылся у себя в комнате, многозначительно глянув на Анастасию. Та немедленно рассвирипела, перегнулась через стол и хлестнула Дашу по щеке: «А ну, веди себя прилично! Что Макс про тебя подумает!». Малолетняя Дарья, уже начинающая засыпать на плече у Максима, встрепенулась, схватила Максима за руку и зашептала: «Иди, мне тебе что-то показать надо», – и она, слегка пошатываясь, потянула Максима в его комнату.

«Так, представление начинается», – догадался Макс. Ася и Оксана между тем затеяли какой-то яростный спор и как будто не замечали поведения малявки. Юлиан Борисович отсутствовал. Из своей комнаты он крикнул: «Сейчас, сейчас – только музыку выберу...». Включает камеру, подлец, понял Макс...

Он дал девочке увлечь себя в комнату, послушно остановился перед диваном, прямо напротив зеркала и стал наблюдать, как малявка стягивает с себя кофточку. «Раздевайся, – шептала она, – зараз я тебе такое покажу!...». Макс решил, что пора: настал его театральный выход. Он довольно грубо сманеврировал девочку лицом к двери, и толкнул в шею: «Пошла вон отсюда!». После чего закричал: «Бердянку! Юлиан! Иди сюда! Скорей!». В дверях, бросив на полураздетую Дину то ли удивлённый, то ли осужающий взгляд, возник встревоженный Юлиан Борисович, потеснившийся, чтобы пропустить девицу.

– Подойди ко мне! – приказал Макс. Бердянку с неуверенной улыбкой сделал шаг вперёд и остановился:

– В чём дело, Максимушка?

- Ещё ближе подойди.

– Зачем?

– Надо. Подойди!

Бердянку сделал ещё шаг. Теперь он наверняка уже попадал в кадр.

– Что-то ты такое интересное придумал, Максимушка, – растерянно промямлил украинец, чуя неладное. И чутьё не подвело его: в следующий

момент он получил мощную оплеуху и отлетел к двери, чуть не сбив с ног девиц, возбуждённо любопытствующих в проёме.

– Шо ты робышь, Максим, шо ты робышь? – заверещал Бердянко, – сказився ты, што ли? Белены объився? За што?

Макс между тем уже выхватил из шкафа свою куртку, забрал со стула сумку и пошёл к выходу, мимо девиц и Юлиана, шарахнувшихся от него в панике. У порога «залы» Макс обернулся и сказал Бердянке злобно:

– Камеру не забудь отключить, сволочь...

На улице было пусто. Время от времени в окрестностях раздавались хлопки праздничных петард и над домами взлетали хилые новогодние ракеты: дачники дожигали запоздалые салюты в честь Нового года. Макс пошёл по улице наугад в расчёте на «бомбилу». Моросил мелкий дождик, похожий на туман, и зябкий ночной бриз мотал по переулкам запахи земной прели, дровяного дыма и шашлыков. Лишь через полчаса откуда-то позади, из-за угла выпрыгнул свет фар и стал нарастать. Макс махнул рукой, и машина затормозила. Это была мелкая жестянка с треснутым лобовым стеклом. Машина называлась «Запорожец». За рулём её сидел молодой парень, он ел краковскую колбасу, откусывая прямо от колечка.

– Сядай, землячок? Тебе куда, к бабе, небось?

– До Инкермана.

– Ого. Далёко. Ладно, за триста гривен до Севастополя доброшу, а дальше сам доберёшься. Идёт? Тороплюсь, понимаешь: женщина позвала... Вот, закусить даже не успел... А всё любов, мать её лохматую!.. – и парень радостно засмеялся, добавив: «Влюблённому кобелю сто вёрст – не крюк!».

Всю последующую дорогу он беспрестанно болтал, поведав Максy истории восьми своих «любовей», начиная с детского садика и включая последнюю, навстречу которой он сейчас мчался по экстренному вызову. Макс слушал влюблённого дурака вполуха, время от времени кивая, или вставляя: «Круто!..».

Парень высадил Макса на площади Нахимова, пожелал ему «много счастья и баб» в наступившем году и дал трескучего газу в сторону собственного, восьмого по счёту счастья.

Не успел дым от «Запорожца» рассеяться, как Макс попал в окружение празднующей компании севастопольцев. Народ был всё молодой, парни и девушки, но и несколько бодрых старичков в бескозырках на красных от холода ушах путались у молодёжи под ногами, и один из них был с баяном и время от времени затевал всё одну и ту же песню: «Прощай, любимый город, уходим завтра в море, и ранней порой мелькнёт за кормой знакомый платок

голубой...!»). Песню каждый раз дружно подхватывали, но она тут же и распадалась в хохоте, воплях и поздравлениях. Сразу по выходе из «такси» эти весёлые люди схватили Макса за рукав и закричали: «С Новым годом, матросик!».

– С Новым годом, ребята! – откликнулся Макс.

– На, выпей, земля! Выпей с нами! – кто-то уже протягивал ему полстакана водки и кусок хлеба, – За Россию, братва! Пьём за Россию! Чтобы в этом году мы вернулись домой, в Россию!

– Ура! За Россию! Пьём до дна!..

Максу пришлось выпить до дна за Россию. Если бы он отказался, у него отобрали бы стакан, набили морду и бросили в море: Макс вполне мог себе это представить, глядя в разгорячённые лица сева­сто­польцев.

– «Прощай, любимый город...», – затянул баянист, и хор грянул: «Уходим завтра в море...». Под шумок Макс выдвинулся из толпы и направился вдоль набережной в сторону Инкермана. Где-то на полпути ему удалось-таки поймать случайное такси, и в четвёртом часу утра он выгрузился у тёмной, мрачной, пустой «резиденции».

– С Новым годом! – сказал Макс водителю на прощанье, расплачиваясь.

– Ага, – ответил таксист, пересчитывая деньги.

На следующий день, в десятом часу утра Макс проснулся от звуков пионерского горна за забором: таким способом его вызывал на связь владелец мотороллера Муса. Ну да, понятно: месяц начался, хозяин пришёл за арендной платой за январь. Горн не унимался, и Макс со вздохом стал одеваться: он знал уже по опыту, что Муса не отстанет. И где только этот засранец пионерский горн раздобыл – из-под каких развалин советской власти? Чёртов пионер... капитализма.

Но общение с Мусой неожиданным образом пришлось ненадолго передвинуть. В тот момент, когда Макс выходил из ворот здравницы, к «резиденции» подкатила знакомая чёрная «Волга», и Муса остался стоять на углу, наблюдая за происходящим. А происходило следующее: из машины вышел Бердянко, изображающий лицом и фигурой совершенно несчастную, убитую горем жертву нацизма, и изда­ле­ка ещё заскулил:

– Всю ночь не спал, девок выгнал, хорошо что застал тебя, Максим...

Поговорить надо, всю ночь не спал, ты всё неправильно понял, а я забыл тебя предупредить... – На остром носу Юлиана Борисовича висела прозрачная сопелька, в глазах его стояли мутные слёзки. – Максимушка, родной мой... – прижал Бердянко две руки к сердцу, – это жуткое недоразумение получилось. Я не учёл, забыл, что ты – профессиональный этот самый, что ты везде

проверяешься по правилам. Это же не для тебя камера поставлена была, она отродясь там стоит у меня. Ну, для шуток, понимаешь... Компания соберётся, понимаешь, ребята куролесят, ничего не подозревают, потом смотрим вместе, покатываемся со смеху... Максим Леонардович, дорогой ты мой, а ты подумал, что это я против тебя устроил... Клянусь! Надо было вытащить, надо было предупредить... Дурак я, дурак безмозглый...

– А ребёнка зачем мне подсунул?

– Ребёнка? Да она сама! Молодёжь такая пошла, клянусь тебе! Вон этим летом четыре таких же детки пятую зарезали. Двадцать две ножевые раны! По двенадцать лет соплюхам! Мальчика не поделили! А ты говоришь – «ребёнок!». Сама она полезла к тебе. Испорченное поколение, что ты с ними будешь делать... Максимушка, прости, бога ради! Ну, забыл сказать! Ну, забыл убрать! Оксана расстоилась так: ты ей сильно понравился. Дину эту пьяную они отлупили, мерзавку, прямо на моих глазах. Я даже заступился за неё: убьёте же, курвы, малолетку... Порадовать тебя хотел праздником, Максимушка, а вон оно как получилось несчастно. Прости, ладно?

– Ладно, иди уже. Я спать хочу: всю ночь домой добирался...

– Моя вина, моя вина, Максимушка... ну, я очень рад, что ты всё понял. Специально приехал к тебе, понимаешь. Всю ночь не спал, глаз не сомкнул. И дальше бы спать не мог, если бы ты меня не простил... Как жить тогда? Спасибо тебе за доброе сердце твоё. Мы же с тобой – одна команда! Куда нам друг без друга? Задание-то выполнять надо! Светлое будущее надо готовить для наших двух великих стран!... Ну, я поехал, Максимушка. Послезавтра нам на очистные, я за тобой заеду как обычно... Ну, пока, Максимушка, ну, бывай здоров, спасибо тебе, прости, до послезавтра... – Бердянко скользнул за руль, хлопнул дверцей и отплыл, интенсивно махая Максимушке обеими руками, в то время как машина самостоятельно уворачивалась от тротуарных бордюров.

Макс смотрел ему вслед. Ему было противно. Макс не поверил ни одному слову Юлиана. Конечно же, камера была приготовлена для него, и провокация с несовершеннолетней Диной была запланирована. Но в одном Бердянко был прав: задание нужно было доводить до конца, они двое всё ещё оставались командой. По сорока двум объектам Макс сделал уже чертежи и сдал их Линдсу, но сколько ещё объектов имеется для них в запасе у «эколога» он не знал. Что ж, значит, вывод на будущее таков: надо быть впредь крайне осторожным в общении с Бердянко. Если это была попытка личного шантажа «на всякий случай», то он вряд ли попытается её повторить после произошедшего. Если же за этим стоит серьёзная вербовка, то с неизбежностью следует ждать новых подходов...

Подошёл Муса с вытянутой рожей:

– Ишь ты, вон ты кем ты работаешь, оказывается! А я-то думал, что ты один из этих там, амбалов ваших американских.., – он кивнул в сторону ворот.

– А что, ты его знаешь? – удивился Макс.

– Конечно, знаю. Это же «Бабснаб».

– Какой ещё «Бабснаб»?

– Иди ты! А то ты сам не знаешь какой! Ты же с ним работаешь!

– Он пожарный инспектор. И я тоже. Мы объекты проверяем.

– Окей, дядя, ладно. Бабснаб – пожарный инспектор, а я – космонавт Попович. А кто ты сам, я и знать не хочу. Деньги гони за январь!

– Обожди с деньгами. Почему ты этого... Бердянку... бабснабом называешь?

– Так он же этого... девками торгует. Собирает команду малолеток – бомжух или детдомовских – и в бабайские гаремы их продаёт. За границу. Как будто для богатых домов, няньками. А они и едут, дуры. Потому что он им по сто баксов подъёмных выдаёт. Прямо на берегу. Он их из Немецкой балки отправляет, ночами. Шаланда за ними прибывает, а там – неизвестно куда.

– А ты откуда знаешь?

– Девчонка одна знакомая от него сбежала в потёмках, пока Бабснаб зазевался. И сто баксов увела у него...

– Чего же твоя знакомая сбежала?

– Умная потому что. Разговор Бабснаба услышала по мобиле и напугалась. Бабснаб оправдывался кому-то, что одного сердца и двух почек не хватает. Обещал следующей поставкой долг покрыть. Нелька и сдрейфила: сообразила, что их на запчасти везут. Укольник хлоп! – и вырежут что надо прямо в лодке. А остальное за борт. Так ты что – не торгуешь бабами? Зачем же тебе тогда Бабснаб этот понадобился?

– Нет, не торгую. Пожарное состояние объектов проверяю. Говорю же тебе: он пожарный инспектор, и я тоже.

– Ага, ну да, ну да. А я – Попович, забыл?

– Я помню... Вот что, Муса. На тебе двадцать долларов премии за мотороллер: ни разу он меня не подвёл. А в январе он мне уже не нужен будет, сейчас я тебе его выкачу. Уезжаю я.

– Вот же дерьмо дело! – расстроился пацан, – а если б я не явился сегодня?

– Я знал, что ты явишься.

– Знал он... Брешешь, небось – спереть хотел. Ладно, шучу... А то, если тебе денег жалко, то давай хотя бы за пятьдесят, а? Нет? Не хочешь? Жалко... Ну ладно, иди, веди сюда мою машину... – и Муса огорчённо задудел в горн на

все четыре стороны света истерическими пионерскими матюками, с лихвой скопившимися в парадном, изрядно помятом металле за его долгую фанфарную жизнь.

К вечеру этого же дня Макс прибыл в Киев. Информация, которой он располагал, была слишком важной и тревожной, чтобы её игнорировать: сотрудники ЦРУ под прикрытием основной деятельности занимаются, возможно, работоторговлей, или даже того хуже: продажей живых людей – детей-сирот! – на органы. Макс обязан был доложить об этом по инстанции, а доверить телефону столь скандальную информацию не решился.

Улыбчивый Джобсон встретил Макса в городе, в условном месте, и доставил в посольство, спрятав за тёмными стёклами. В машине посольский шпион приложил палец к губам: он и автомобилю не доверял. Среди сотрудников ЦРУ бытовала шутка о том, что русский бензин способен впитывать акустическую информацию, которая вылетает потом наружу вместе с выхлопными газами. Чекисты едут сзади, засасывают эти газы и узнают все секреты американцев. Поэтому, мол, они знают порой куда больше, чем сами носители секретов. Кажется, Джобсон относился к этой шутке всерьёз. Но в посольстве, в своей секретной, глухой конурке без окон «диджей» внимательно выслушал Макса. Тот поведал ему о своих собственных наблюдениях, о словах местного паренька Мусы и о попытке провокации со стороны Бердянко. Джобсон, слушая Макса, перестал улыбаться, по окончании разговора передал Максиму ключ от гостевой комнаты и велел за территорию посольства не выходить и постоянно находиться в посольском «номере». Макс поступил как было приказано, сидел в кресле и смотрел украинские и американские программы, постоянно отмечая язвительно-уничижительный, антироссийский тон всех подряд передач: идеологическая обработка украинского населения шла полным ходом. Максиму всё это надоело. Он лёг на кровать, взял в руки Библию с прикроватной тумбочки, полистал, попытался читать и заснул с тяжёлым фолиантом на груди. Было около десяти вечера.

В первом часу ночи в дверь постучали. Вошёл Джобсон. Он уже опять улыбался:

– Мистер Триллер, у меня для Вас хорошие новости. Я связался с Центром. Вас отзывают для нового задания. Срочно. Вылетаете завтра утром.

– А что с моим сообщением по ситуации в Крыму?

Диджей нахмурился и вопрос проигнорировал. Действительно, любопытство Макса в соответствии с этикой Агентства было неуместным. Правило гласило: доложил – забудь. Что будет дальше – не твоего ума дело. Тем не менее Макс спросил ещё:

– А как же программа обследования объектов в Крыму?

– Линдс сообщил, что программа практически завершена. Материала достаточно. Он доволен Вашей работой и будет ходатайствовать о Вашем поощрении.

На этом командировка Макса на Украину была окончена. Он летел на родину, в Америку, высоко над океаном, сквозь бело-голубые владения господ Бога, со смешанными чувствами облегчения, досады и ностальгии по полюбившемуся ему Севастополю. И ещё – с настойчивым желанием бросить к чёртовой матери всё это мутное гуманитарно-диверсионное дело, которым он занимается в ЦРУ. «Всё, буду разводить япончиков!», – говорил он сам себе, следя глазами за прелестной стюардессой с изумительной фигуркой, раскосыми глазами и прекрасным личиком богини Ориента. Богиня перехватила его взгляд, полыхнула ослепительной улыбкой и ободряюще кивнула: мол, сейчас подойду. Макс попросил у неё водки со льдом и апельсиновый сок, и уже спустя минуту получил просимое. «Только япончиков!», – утвердился в своей мысли Макс Триллер, выпив водку.

Полковник слегка удивился, увидев перед собой Макса – он о новом важном задании для Триллера, о котором тому сообщили в Киеве, ничего ещё не знал. Макс поведал начальнику о своих приключениях в Крыму и предположил с негодованием в голосе, что его удалили оттуда только для того, чтобы он не путался под ногами и не мешал кой-кому обстрипывать грязные делишки. Макфейр воззрился на Макса не мигая, затем интенсивно прокашлялся и изрёк:

– Существует в мире много такого, что в принципе невозможно, но и оно постоянно случается... Будешь тренировать молодых, короче.

От этих слов Макфейра подозрение о том, что его просто убрали из Крыма, чтобы он не мешал кому-то, лишь окрепло в голове у Макса. Ну и чёрт с ними со всеми, решил он: потренирую новичков до лета да и начну искать путь к отступлению, по-Макфейру. Ведь из «ломбарда» просто так не уходят, как из гостиницы, уплатив за номер. Тут подобный номер не прокатит. Тут нужно всё чётко продумать, обосновать и подвести к исполнению.

Благо, времени на раздумия и реальное планирование собственной судьбы появилось у Макса много – в «гуманитарные командировки» его больше не посылали. И он часами бродил теперь по Вашингтону, заглядывая в кафешки, арт-салоны и даже в сумасшедшие поп-молельни, невольно тоскуя при этом по оставленному им прекрасному городу алых парусов, по гордому, свободолюбивому Севастополю, смотрящему в море. Макс не хватало чистого

воздуха, свежего ветра, открытых людских улыбок. Что-то в нём изменилось за последние годы. Стареть он начал, что ли?

Но и ещё одну особенность обнаружил в себе Макс, которая удивила его однажды: он совершенно перестал реагировать на имя «Николь». А ведь совсем недавно ещё, несколько лет назад оно казалось ему волшебным – у него захватывало дух от этого слова, сердце окатывалось жаром, или сжималось, или подпрыгивало, или, наоборот, падало в пропасть. И вдруг – ничего. К нему в машину подсела однажды проститутка со своим незатейливым преискурантом. Её зовут Николь, сказала она. И в Максе ничего даже не дрогнуло. Проститутку он прогнал. И не за то вовсе, что её звали Николь, а просто потому, что она ему не понравилась. И ещё как-то раз прозвучало это имя неожиданно в зале недорогого ресторана при гостинице, куда Макс зашёл поужинать.

– «Ни-коль!», «Ни-коль!», – начали вдруг скандировать голоса в соседнем, угловом зале, и Макс отклонился на своём стуле, чтобы увидеть, что это за великую Николь такую столь громко чествует публика. Эта Николь оказалась чернокожей девушкой под белой фатой – улыбающейся невестой на собственной свадьбе. Макс приветственно помахал ей рукой и снова сел ровно перед своей тарелкой. Сердце его продолжало биться спокойно и размеренно. В тот миг Макс впервые осознал, что его странная сердечная болезнь – любовь к женщине, которой сейчас должно быть где-то уже под пятьдесят – прошла окончательно и бесследно. Это его даже удивило слегка, как удивлял его теперь, с высоты сбежавших лет, сам факт перенесённой им болезни. Но официант принёс ему следующее блюдо, и он позабыл как о чёрной Николь в соседнем зале, так и о своих удивлениях, связанных с другой, белокурой Николь, с которой он познакомился когда-то в далёкой Австралии.

Но даже и свадьба незнакомой чернокожей Николь не явилась ещё окончательным прощанием Макса с его собственной сердечно-очарованной эпохой под названием «Николь». Ещё одно испытание на тему «Николь» выпало ему, и этот следующий спонтанный (а может быть и преднамеренный, организованный хозяевами «ломбарда» в порядке очередной перепроверки своего сотрудника) тест оказался самым серьёзным из всех предыдущих. Потому что совершенно неожиданно он встретился с самой Николь – той самой, австралийской, «своей» Николь, в честь которой назван был магазин в Элис Спрингс, ради которой он вернулся в Америку, сдал свою душу в «ломбард» и стал в конце концов тем, кем он стал.

Давным-давно уже сумасшедший Амурчик, потерпевший поражение, покинул Макса, распихав его былые чувства восторга и отчаяния по глухим

сундукам и задвинув их в дальние углы памяти. И вот по всем этим сундукам, чердакам памяти и сердечным кельям, в которых куролесил когда-то безумный Амурчик, пронёсся вдруг ветер нежданной встречи. Причём не где-нибудь, а... на кладбище.

Однако, этому знаменательному походу Макса на кладбище предшествовал в конце марта 2001 года вызов его к Полпоту. Потравски встретил Макса приветливо, но озабоченно.

– Буду краток, господин Триллер. Наш отдел с величайшим сожалением вынужден с Вами расстаться. При первой встрече я говорил Вам, что Вас ждёт у нас большая карьера. Этот выход на финишную прямую к славе начинается для Вас сегодня. Но, к сожалению, это произойдёт в рамках нового проекта, которым занимается другая группа в составе другого отдела. Мне прискорбно расставаться с одним из лучших наших сотрудников, но дисциплина есть дисциплина. Вы будете представлены мною к награде за безупречную службу во благо Соединённых Штатов Америки. Имея в виду, что все Ваши главные награды ещё впереди. Есть ли у Вас ко мне вопросы?

– Что я должен буду делать по новому проекту? Где, в какой стране?

– На все эти вопросы Вы получите ответы уже у своего нового руководства. Могу лишь осветить Вам общую концепцию Вашей новой деятельности. Он имеет очень серьёзный, геоглобальный, если можно так выразиться, геополитический масштаб. В настоящее время в нашей внешней политике происходит корректировка, серьёзно перестраиваются приоритеты. Это связано с новым курсом России. Ельцин обманул наши ожидания – он соскочил с подножки и передал власть несогласованному с нами человеку. Последний год показал, что новый президент России Путин нам не друг – Россию он нам не сдаст, он хочет всю её иметь для себя самого. Это новый Сталин, только в мягкой обложке, и он хочет снова идти своим собственным путём, а не всеобщим, цивилизованным, то бишь нашим, американским. Он очень опасен, этот Путин: хитёр, коварен, умеет выжидать и разыгрывать глубокие партии. Через Украину, за счёт Крыма при таком лидере Россию не обрушить. Поэтому проект «Крым» пока откладывается на холодный лёд. Возможно, он ещё будет востребован в будущем, и все сделанные наработки пригодятся, но теперь, «под Путина» нужна игра совсем другого масштаба. Масштаба Китая, например... Ну да это уже не в моей компетенции, как я сказал. В моей же компетенции остаётся сообщить Вам, господин Триллер, что сегодня, в шестнадцать-тридцать Вам предстоит встретиться в Вашингтоне с Вашим новым начальником. Грэгор Макфейр доставит Вас по адресу и передаст под начало Вашего нового руководителя. Я желаю Вам всяческих

успехов, и когда Вы возглавите нашу славную контору, то, надеюсь, не забудете про старого, мудрого коллегу по фамилии Потравски, который подвёл Вас к пьедесталу славы... Прощайте, Макс Триллер, великий взрывотехник и художник подрывного дела!

Макс вернулся к себе в отдел в полном раздрае чувств: он только начал было готовить себя к уходу из Агентства навсегда, а тут его снова суют в какую-то очередную афёру, да ещё и особо важную, геополитических, китайских масштабов. Третью мировую войну, что ли, Америка развязать задумала в ближайшие дни? И от Грэгора Макфейра уходить Макс не хотелось: уж лучше бы он у него в группе дорабатывал до ухода. Да Грэгор наверняка и с уходом из «ломбарда» помог бы, подсказал правильные действия. Макс успел уже полюбить этого старого чёрта, умеющего, всегда оставаясь самим собой, обжиться везде – хоть на раскалённой сковороде – лишь бы заранее знать путь к возможному отступлению...

Выслушав расстроенного Макса, старый чёрт удручённо кивнул, после чего сумрачно добавил, пожевав губами: «Чему быть, того не миновать». А затем объявил:

– Но прежде, чем мы с тобой расстанемся, Макс, нам предстоит совместно посетить фирменное кладбище. Таков общий приказ по багалану. Погиб агент Браун, и всем объявлено собраться на прощальный салют.

Кто такой агент Браун, Макс не знал. Грэгор не знал этого тоже.

6. Похороны

Был серый, неподвижный, промозглый мартовский день, вполне подходящий для похоронного настроения. Единственное цветное пятно, притягивающее взор созерцателей, составляли золотые трубы военного оркестра за могильной ямой. В очередной раз хоронили агента ЦРУ из числа сотрудников, которых никто не знал. При жизни его звали Браун, но это никому ни о чём не говорило и ничего не значило: он мог зваться хоть Серым Волком – настоящее имя почившего разведчика знали лишь несколько человек из высоких сфер разведуправления, представители которых, кстати, на похоронах отсутствовали. Зато рядовых сотрудников Агентства собралось во множестве, что было необычно. И ещё более странным было другое: к похоронам допущены были журналисты с фото- и видеокамерами. Рядом с ними, правда, дежурили ребята, которые строго контролировали направление объективов, но всё равно присутствие прессы на территории ЦРУ, где в кадр могли попасть лица секретных сотрудников, являлось событием неслыханным, особенно с

учётом того, что хоронили нелегала. Правда, коллегам сообщили, что герой умер дома, в тёплой постели, от жестокой болезни, нажитой на тяжёлой работе, но это не меняло дела. Что должны будут написать эти репортёры? «Ушёл из жизни известный американский шпион Джордж Браун, которого никто не знал»? Возможно, с дополнительным комментарием типа: «Мир становится день ото дня надёжней, и жизнь американцев спокойней от незаметной работы этих скромных американских героев, Джорджей Браунов, отдающих свои жизни за свободу и демократию, за интересы Америки, за наше процветание. Вечная память безвестному Джорджу Брауну!». Но ведь абсурд же полнейший! Пошлый спектакль...

Из задних рядов провожающих Макс Триллер рассеяно скользил взглядом по головам коллег, рассматривая, в основном, скорбно свисающие над людьми, мокрые кленовые ветви. Потом, ниже, под чудом оставшимся висеть с осени бурым кленовым листом в поле зрения Макса попал силуэт женщины в чёрном. Она стояла возле могилы, склонив голову. Вдова, не иначе. Что-то знакомое почудилось Максу в её фигуре. Ну да похожих людей бывает на свете множество: в конце концов, все мы от одного и того же обезьяньего племени произошли, если верить старому Дарвину...

Процедура похорон двигалась по установленному сценарию, и вот уже грянул прощальный залп, от которого сорвался и плюхнулся на дно могилы понявший, наконец, своё предназначение последний кленовый лист, после чего толпа пришла в движение и начала распадаться. Макс в ожидании Грэгора, затеявшего в сторонке беседу со специалистом-оружейником, равнодушно озирает редующую публику. Затем он посмотрел в сторону могилы. Крепкие люди в плащах и шляпах умелыми движениями забрасывали яму землёй. Чёрной вдовы у могилы уже не было.

– Здравствуй, Макс, – услышал он вдруг знакомый голос, который узнал бы и сквозь рёв бури. От неожиданности Макс вздрогнул. Рядом с ним стояла и смотрела на него пожилая женщина в трауре, та самая вдова из-под кленового листа. У неё были черты лица Николь и её же голос.

– Здравствуйте... – растерянно ответил Макс и тут же спохватился: «Здравствуй, Николь... Извини, не сразу узнал... много лет прошло...».

Женщина смотрела на него испытующе и печально одновременно, потом усмехнулась:

– Скажи уж честно: «Ты так постарела...».

Но Макс уже пришёл в себя окончательно.

– Моложе за это время никто из нас не стал, это правда... Но нет, не поэтому. Ты всё еще красивая женщина. Просто не ожидал тебя здесь увидеть, вот и всё. Что ты тут делаешь? Почему в трауре?

– Не догадываешься?

– Не совсем. Это твой родственник, что ли – Джордж Браун?

– Да, родственник. Это был мой муж. Ты его знал как Тома Грэя.

– Что? – изумился Макс, – твой Том Грэй умер? Отчего? Такой крепыш был...

– Он не умер. Его убили. На допросе. Я не имею права говорить. Его пытали. Сердце не выдержало. Потом его тело сожгли. Я была в другом месте. Мне показали видеозапись, друзья добыли по своим каналам. Гроб опускали пустой. Вот так, Макс.

– И теперь ты, стало быть, свободна, наконец, Николь, не так ли? Я, можно сказать, дождался?..

Шутка получилась злая, отвратительная. Макс сам себе удивился, произнося эти слова: видимо, заноза всё ещё сидела глубоко в его сердце, даже если и не мучила его больше. Нет, он вовсе не собирался мстить Николь, обижать её. Он даже вполне искренне сочувствовал её горю в этот миг. Что было – то прошло, а что прошло – то больше не вернётся. Макс отлично понимал это и спонтанно попытался отгородиться от этого навсегда ушедшего прошлого неудачной шуткой.

В глазах Николь отразилась боль.

– Извини, ради бога, – пробормотал Макс.

– Зачем ты так? – спросила она его тихо.

– Прости. Глупость сказал. Всё прошло, всё позади, никто никого больше не ждёт...

Но, наверное, эти слова показались Николь ещё более обидными, потому что глаза её наполнились слезами.

– Ты стал жестоким, Макс, – сказала она дрожащим голосом.

– Да, изменился, наверное, – пожал плечами Макс, – но я действительно не хотел тебя обидеть, Николь. Кстати, интересно узнать: каково твоё настоящее имя? Как тебя зовут от рождения?

– Ирэн.

– О! Ирэн! А ты знаешь, Ирэн идёт тебе больше, чем Николь. Надо будет дать телеграмму ребятам в Элис Спрингс, чтобы переименовали салон в «Ирэн».

– Салон еще существует?

– На всю катушку. Салон «Николь» процветает вовсю. Мои милые аборигены мне время от времени даже деньги присылают. Пишут: «Купи себе новый «Кадиллак», самый длинный во всей Америке». Славные парни.

– А ты знаешь, что Джим Спайкс погиб?

– Джим? Ай-яй-яй... Нет, не знал. Жаль Джима. Хороший был малый.

Пива опился, что ли?

– Нет, разбился на вертолёте. Нашли в пустыне через две недели.

– Что ж. Он всегда мечтал погибнуть в честь самого себя, а не ради безумного человечества.

– А ты, Макс? Ты готов погибнуть ради безумного человечества? Судя по твоим подвигам, это выглядит именно так.

– Ты знаешь о моих подвигах? Нет, Николь, ради безумного человечества я, как и Джим, погибать не намерен. А ради безумной Америки, возможно, и придётся когда-нибудь. Благодаря тебе, между прочим. А откуда тебе известно о моих подвигах, если не секрет?

– Том следил за тобой... через знакомых. Интересовался твоей судьбой. Иногда и мне рассказывал о тебе. Проверял мою реакцию, наверное. Ревновал меня к тебе постоянно, все эти годы. Не мог забыть той моей поездки... в Элис Спрингс. И я не могу её забыть, Макс...

Поворот темы показался Максиму чересчур щекотливым, ему не хотелось развивать её дальше. Ему забавно было разговаривать с этой, в самом деле всё ещё очень красивой, пожилой женщиной из его прошлого, но не более того. Сердце Макса оставалось спокойным.

– Николь, а как тебя зовут на данный момент?

– Ирэн.

– Ага, круг замкнулся, стало быть, и ты стала сама собой?

– Да, я стала сама собой. Я вышла в отставку, Макс. Меня Агентство отпустило. Я теперь действительно свободна... Но только, Макс, это, мне кажется, не совсем подходящее место для таких разговоров. После стольких лет, что мы не виделись. Могли бы мы встретиться позже, вечером? Как ты смотришь на это, Макс?

А Макс увидел в этот момент Грэгора Макфейра, который закончил беседу и махал ему, тыча в запястье с намёком на тающее время. И Макс Триллер заторопился:

– Да-да, Николь, обязательно. Я позвоню тебе, когда освобожусь. Сегодня или завтра. Извини, важная встреча. Труба зовёт. Пока! – и Макс быстро пошагал навстречу Грэгору, забыв спросить у Николь номер её телефона...

7. Операция «Феникс»

В этот день произошёл ещё один, последний разворот в судьбе Макса Триллера, и Николь Грэй, или Ирэн Браун, или как её там ещё звали на самом

деле, отошла на самый задний план его воспоминаний. И больше Макс Триллер в жизни своей её не встречал.

– Похоже, тебя и впрямь забирают у меня, сынок, – сообщил Макс Грэгору, – а куда, зачем и на какой срок – я не знаю. Готовится какая-то операция сумасшедшей секретности. Собирают хороших подрывников, холостых, со знанием русского и китайского языков. Короче, мне приказано доставить тебя по одному частному адресу, адрес этот забыть потом начисто и уйти, не оглядываясь. Вот такие дела. На крутую орбиту отправляешься, надо полагать. Станешь генералом – не забудь посещать иногда старого Грэгора в доме престарелых... Э-хе-хе... Вот и всё, сынок, что я могу тебе сказать. Следуй за мной... в последний раз...

Через час Макс Триллер сидел перед аккуратно скроенным китайцем с оперативным именем Пинг Понг (настоящего имени китайца Макс так никогда и не узнал), и внимательно слушал своего нового начальника. Для начала Пинг Понг предложил Максиму называть его просто «господин Понг» и объяснил, что он является координатором одного сверхсекретного проекта огромной государственной важности. Число участников ограничено до шести человек, включая самого Понга. Руководителем проекта является некто под именем «Феникс», которого из конспиративных соображений участники не увидят до самого завершения операции. Группа будет готовиться вне Лэнгли и вообще в совсем другом американском штате. Имена участников будут изменены, все контакты – телефонные, письменные и любые другие – категорически запрещены. Предполагаемый срок «залегания» на подготовку и на проведение самой акции – несколько месяцев, в зависимости от ситуации. Операция сопряжена с большими опасностями, в том числе и для жизни участников. Каждый из избранных имеет право отказаться от участия, но только до посвящения в суть операции. Потом уже нет. Отказ от участия после получения сведений о целях и задачах операции автоматически будет означать необходимость физической ликвидации отказника во избежание возможной утечки информации. Таковы предварительные, исходные условия. После этого китаец Понг, безупречно говоривший по-английски, поздравил Макса с включением в группу отбора. – «Отбор был очень тщательным. Вас выбрали из нескольких десятков отличных кандидатур, – доложил он, солнечно улыбаясь фирменной китайской улыбкой, – и теперь избранным предстоит изменить Историю, повернуть ход человеческой истории в новое русло. Вы можете гордиться собой. Даже если и откажетесь сейчас от участия. Слово за Вами, господин Триллер».

Макс почувствовал, как озоновые пузырьки холодят ему кровь в артериях и забираются под ногти. Как будто он стоит на скале с выданными ему, но ни разу ещё не испытанными крыльями за спиной, и ему предстоит прыгнуть головой вниз, в густой туман. Что произойдёт через мгновение – вознесут ли его крылья над туманом, в синее небо, к солнцу, или провалится он вместе с ними в глубокую пропасть, на острые камни? Орёл или решка? Пан или пропал?

– Если операция пройдёт успешно...

– Она несомненно пройдёт успешно...

– Хорошо, и всё же: если она пройдёт успешно – что потом?

– На выбор: слава, деньги, свобода, или всё это вместе в едином пакете.

Правда, под новой идентичностью до конца жизни. И вне Агентства, к сожалению. С Агентством Вам придётся расстаться и все следы имевшего места сотрудничества стереть из Вашей биографии и, по-возможности, из памяти тоже...

– Я согласен! – сказал Макс и облизал пересохшие губы.

– Поздравляю с великим решением, – снова заулыбался Понг. Осталось нам с Вами скрепить это Ваше решение обоюдными подписями и – добро пожаловать на нашу подводную лодку без окон и дверей с одним-единственным погружением и одним-единственным всплытием – уже после победы!

Прямо из конспиративной квартиры Макс в сопровождении Понга отправился на небольшом самолёте, где они двое были единственными пассажирами, по новому, сверхсекретному адресу в центре страны. Среди ночи, в предместьях небольшого провинциального городка Икс они вошли в облупленный особнячок неприметного вида, в котором располагался центр подготовки этой загадочной операции, руководимой таинственным «Фениксом». Здесь Макс и четырём его новым товарищам – русскому, японцу, мексиканцу и ещё одному американцу, только чернокожему – предстояло прожить несколько месяцев, готовясь к делу, ставящему перед собой грандиозную цель: повернуть ход истории земного шара в пользу Соединённых Штатов Америки раз и навсегда, окончательно и бесповоротно, на все времена.

Цель операции была воистину велика, и тем более странным показался Макс состав участников, подобранный для её реализации. По каким квалификационным и личностным критериям осуществлялся отбор, можно было лишь гадать, продолжая недоумевать при этом. Через короткое время, когда Макс познакомился со всеми, он начал подозревать, что главным критерием отбора являлась ненависть. Ибо скоро выяснилось, что японец ненавидит китайцев, русский ненавидит русских, американец ненавидит белых, и все они ненавидят Россию. Кого ненавидит сам Пинг-Понг было пока

непонятно, как не совсем ясен был вопрос и о том, кого ненавидит молчаливый мексиканец. Возможно, последний больше всего на свете ненавидел болтунов, хотя на бесстрастном лице его не отражалось даже это. По части ненависти Макс в данной компании казался сам себе белой вороной: его эти чувства не разъедали, что рождало подозрения остальных в его ущербности. И тогда он мрачно пошутил, что ненавидит всё человечество разом. Шутка, однако, пришлась впору: Макса зауважали. Надо полагать, за масштабы ненависти. Правда, заодно и возненавидели. За многое. За то, например, что он был объявлен самым опытным подрывником в группе и главным инструктором по подрывному делу. И ещё за то, что знает шесть языков и обладает феноменальной памятью. Кроме того, ненависти к нему добавил тот факт, что Макс оказался самым умным в группе: в полушутливом тестировании на IQ – умственные способности и сообразительность – он набрал наибольшее количество баллов. За последний факт Макса особенно невзлюбил Алоис Чакол – афроамериканец с университетским образованием. Тот умел определять цвета предметов кончиками пальцев и гордился этим своим даром, как личной наградой Бога-отца (он происходил из семьи адвентистов седьмого дня, и в Иисуса Христа не верил). За эту способность его, надо полагать, и включили в супергруппу: считалось, что он сможет правильно скрутить разноцветные провода детонаторов в полной темноте, если вдруг погаснет свет. Кроме того, объявлено было, что Чакол владеет методиками гипнотического воздействия. Возможно, таинственный Феникс допускал возможность убеждения противника в необходимости подорвать самого себя во славу Америки. Этот Феникс был, судя по всему, вообще большой оригинал, пришёл Макс к не слишком лестному для невидимого шефа заключению, озирая секретную диверсионную группу вокруг себя.

Японец, со своей стороны, был электронщиком, специалистом по системам защитной сигнализации и выявлению «жучков». Это, конечно, было важно: каждый видел фильм с Шоном Коннери, легко вскрывающим сверхсекретные сейфы. Настоящему, современному диверсанту такие таланты могут пригодиться в любой момент. Помимо этого, японец владел множеством всевозможных приёмов рукопашного боя. Он умел драться всеми предметами – от табуретки до носового платка и зубочистки, а также швырять ножи и готовить смертельные яды и разъедающие вещества из самых обычных продуктов питания в смеси с аптечными препаратами и бытовыми жидкостями. Правда, относительно продуктов питания «...тут и уметь нечего», – ворчал русский диверсант Василий, – «...покупай в любом холсэйле колбасу и травись на здоровье. Одна сплошная химия на прилавках: говно для унтерменшев...».

Мексиканец Мигель Варригас, которого русский немедленно перекрестил в Миню-Ворюгу, никакими выдающимися способностями на первый взгляд не обладал, если не считать таковыми большой рост, пугающую, «нецэрэушную» внешность, огромную физическую силу и молчаливость, напоминающую патологическую немому. Мигель не здоровался, не прощался, не извинялся после того, как оглушительно, взрывоподобно чихнёт, на вопросы товарищей не отвечал и на занятиях сидел неподвижной горой, украшая скромный интерьер комнаты своим узловатым, безэмоциональным бронзово-ацтекским ликом, в глубине которого, под кроманьонским лбом поблёскивали две чёрные, немигающие точки внимательных глаз. Впрочем, все задания, как теоретические, так и практические он выполнял чётко, и всем было понятно, что молчаливый мексиканец далеко не дебил. Кстати, в IQ-соревновании он оказался вторым после Макса (чёрный американец Чакол назвал этот феномен «погрешностью эксперимента»). Что касается взрывных дел, то тут мексиканец и вовсе демонстрировал высший класс, в чём очень скоро смог убедиться Макс. Мексиканец, оказывается, с молодых ногтей занимался подрывным делом, помогая отцу на серебряных рудниках. Об этом факте диверсантам сообщил Пинг Понг, ибо сам Мигель глухо молчал, не реагируя ни на что, даже на приставания Василия типа: «Эй ты, глухарь долбаный, Миня-Ворюга, ты бы хоть пёрнул, что ли! А я бы тебе ответил. Хоть таким способом поговорили бы по душам, а?». Но Мигель Варригас и этим способом общаться не желал. Он молчал. И это было русскому особенно обидно: он не мог мексиканца даже передразнить достойно. Ибо у русского Василия был собственный большой талант: он умел гениально имитировать самые разнообразные звуки – от скрипа дверей и голосов птиц и животных до шумов автомобильных моторов с точностью до конкретной модели. В цирке он зарабатывал бы толстые деньги, но, очевидно, ЦРУ оказалось ещё рентабельней. Василий доверительно похвастался товарищам, что фабриковал для Агентства голосовые компроматы на политиков и очень высоко котировался в своём отделе. Взрывать он умел тоже и выучился этому ещё в молодости, в дельте Волги, где глушил рыбу и браконьерничал чёрной икрой. А до этого он служил в советской армии и развозил секретные грузы по стратегическим точкам – пусковым объектам баллистических ракет. За эту информацию он и был обласкан ЦРУ, когда в один прекрасный день после развала СССР очутился в Америке с партией титановых лопат и плотно закупоренным ведром красной ртути, за которое он просил миллиард долларов, а угодил в ЦРУ, о чём впоследствии не жалел ни секунды. После тщательной проверки на вшивость, этот русский с полным именем Василий Онуфриевич Оношков был взят на службу в Агентство (на самом деле он был по национальности и не русским

даже, а мордвином, и любимым анекдотом его была история о том, как евреи Биробиджана после краха СССР собирались объединиться с Мордовией на предмет создания единой республики поближе к Москве. Но из этого ничего не получилось: якобы, стороны не договорились по названию будущей республики. Одни предлагали назвать её «Мордожидовией», другие – «Жидомордовией». Спор зашёл в тупик, и Мордовия так и осталась Мордовией, а Биробиджан Биробиджаном. Русский мордвин Оношков каждый раз, рассказывая этот анекдот, долго хохотал, подвывая «ой, не могу больше...» и отирая слёзы искреннего восторга с лукавой своей, обезьянней мордочки. Макс однажды не выдержал и предупредил русского, что в следующий раз удавит его бикфордовым шнуром.

– Мой дедушка был евреем, – объяснил он Василию, – и я не позволю тебе над жидами издеваться.

– Я тоже тебе шишку в горло загоню чешуёй назад, чтоб ты её обратно не выкашлял, – поддержал Макса японец, – потому что мой дедушка тоже был юдом!

Это загадочное заявление японца повисло в воздухе и осталось без расшифровки. Возможно, под «евреем» («джу» по-английски) японец понимал человека безупречной честности и высочайшего достоинства – настоящего дзюдоиста, или „Judo“, если произносить это по-английски. Скорей всего, именно так и было: японец путал понятия «джу» и «юдо». Ну да наплевать.

Что касается Пинг Понга, то он оставался вещью в себе. Диверсанты знали о нём очень мало: что отец его был музыкантом и погиб в ходе культурной революции в Китае, и что матери с маленьким Пинем (так перебрал его русский Василий) чудом удалось выбраться из Китая и попасть в Америку. Ещё было известно, что Понг поклялся умирающей матери, что всю свою жизнь положит на борьбу с китайским коммунизмом (мать Пинг Понга до самой смерти скрывала, что происходит из императорского рода и является страстной монархисткой).

Глядя на участников своей сверхсекретной спецгруппы, Макс чувствовал себя порой оскорблённым: неужели и его собственные параметры предварительного отбора потянули на такой же кретинизм? Но делать было нечего: теперь все они были скованы одной цепью и прикованы к одной галере. Или сунуты в подводную лодку глобального значения без окон и дверей, как выразился Пинг Понг. Все они стали теперь братьями одной судьбы: им предстояло стать героями или погибнуть. «Камикадзе» – называют таких безумцев японцы. И какого чёрта он, Макс, влез в эту афёру – пусть даже и ради глобальных интересов Америки и ценой своей окончательной свободы? Мало этого: Пинг Понг его ещё и старшим группы назначил, как наиболее

опытного подрывника. Разумеется, все участники отряда знакомы были с динамитом, как средством борьбы за свободу и демократию, но лишь Макс знал это ремесло до тонкостей, и теперь обучал остальных секретам, уловкам и способам, мало кому известным. В частности, он показывал своим «братьям» как рассчитывать, устанавливать и крепить термитные пластидные колбаски на сложных профилях строительных опор. Ибо такова была специфика их задания: подрыв зданий. Причём зданий очень непростых, до которых нужно было ещё добраться в живом виде. И желательно вернуться. Или же остаться под обломками, если иначе не будет получаться. Причём мёртвые их тела должны будут работать дальше с помощью документов и газет в карманах – русских или китайских, в зависимости от объекта. А пока эти грозные тела были ещё живы, они учились писать на стенах лагеря по-русски и по-китайски слова «Смерть России!», и «Разрушим Китай до основания!». Посторонний, случись ему подсмотреть что делается в заднем дворе особнячка, обнесённого каменным забором, очень удивился бы, наблюдая взрослых, разномастных дядек за этой странной работой. Вечером надписи закрашивались белым, чтобы наутро быть сделанными заново, теперь уже с закрытыми глазами, или ночью, в полной темноте. Такие вот забавно-абсурдные формы принимала порою подготовка к серьёзной операции. Раз в неделю, чтобы «братья» не захирели телом, Пинг Понг вывозил их на микроавтобусе в поля, они одевали майки с надписью «Спортивный клуб «Феникс»» (незримый Феникс, определённо, был человеком с большим чувством юмора), и бегали кросс. Последний, пришедший к финишу, зарабатывал наряд вне очереди на уборочные работы во дворе или в доме. Часто в виде наказания за какой-нибудь проступок, совершённый ранее, один из них должен был назначенное расстояние тащить на горбу «собрата». Всё это лишь увеличивало градус взаимной ненависти в команде, но, похоже, такая ненависть была частью плана подготовки. Ненависть должна была постоянно присутствовать в каждом участнике проекта, как хранятся угли в плошке у аборигена, способного раздуть из них огорь в любой момент. Но ненависть эта должна была оставаться под контролем и ни в коем случае не приводить к взаимным увечьям, чем операция была бы поставлена под угрозу срыва. За нанесение увечья «брату» полагалась высшая мера – исключение из числа участников, что в соответствии с условиями контракта автоматически означало и физическую ликвидацию провинившегося. Так что змеи шипели и плевались, но не кусались. Каждый понимал: если всё пройдёт удачно, то очень скоро, уже богатыми людьми, все они разбегутся навсегда по солнечной стороне жизни и забудут друг друга. Или наоборот: тогда-то и появится возможность в спокойной обстановке свести, наконец, старые счёты и отомстить за старые обиды.

Теоретические занятия по подготовке к диверсионному акту века представлялись курсантам несложными. Они состояли в просмотрах документальных фильмов из архивов ЦРУ и изучении секретных документов, содержание которых сводилось к опасностям для США, исходящим от России и от Китая. После изучения каждого блока документов в группе происходило обсуждение по типу диспутов, проводимых когда-то в старших классах школы. Целью каждого такого обсуждения было предсказать на основании имеющихся фактов приблизительную дату нападения русских или китайцев на Америку. Постепенно в информационное поле Понг вбрасывал всё новые секретные данные о военно-политическом сближении России и Китая, из которых с железной логикой следовало, что дата уничтожения жестокими врагами человечества великой американской цивилизации стремительно приближается. Сомнений не оставалось: если эти два монстра – кровожадные, умеющие воевать русские и два миллиарда жёлтых муравьёв-китайцев объединятся, то хорошего не жди: свобода и демократия планеты в лице Соединённых Штатов будет расщеплена на радиоактивные атомы нейтронными и водородными бомбами чудовищной силы. Вывод оставался один: не дать России с Китаем выстроить единый военно-политический вектор планетарных амбиций, направленный против США. Это вопрос жизни и смерти не только для Америки, но и для всей земли. Ибо вместе с Америкой развалится вся земная цивилизация! С этими выводами согласны были все участники предстоящей операции. Даже мексиканец задумчиво кивал. А если кто и сомневался в том или другом, то по глазам диверсантов этого было не угадать – глаза у всех были сумрачными перед лицом безумного врага, чёрной тучей наплывающего на человечество.

Программа подготовки диверсантов подразумевала в том числе и культурную часть. Её главным элементом являлся просмотр голливудских фильмов на тему конца света. Каждый раз на США обрушивалась та или иная катастрофа – потоп, океанская волна километровой высоты, извержение супервулкана, падение астероида, вирус из русских лабораторий или ещё какой-нибудь ужас, включая нашествие зелёных человечков из космоса. И каждый раз, пройдя чудовищные испытания на прочность, Америка побеждала и воцарялась во Вселенной в роли спасительницы, которой рукоплескали все люди земли, включая благодарных русских и китайцев. И даже когда однажды уцелеть Штатам не удалось на некоторое время (после какой глобальной военной аферы это произошло в фильме показано не было) – даже после этого героический Кевин Кёстнер с почтовой сумкой на боку объехал расчленённые

врагом территории, всех подлецов уничтожил и объединил США заново – теперь уже навсегда.

Эти фильмы тоже обсуждались, но уже неофициально – в расслабленной обстановке, за кофе с пуддингом. Мнения при этом не совпадали. Алоис Чакол, например, негодовал, что голливуд вообще ставит такие позорные фильмы, как «Постмэн», унижающие Соединённые Штаты Америки уже самым допущением о возможности распада станы, пусть даже и на какое-то время только.

– «Что этот фильм с вашим белым Кёстнером доказывает?, – вопрошал он, – Что мы потерпим однажды сокрушительное поражение и распадёмся? Такие фильмы – это предательство интересов Америки, – кричал негр, – и, потом, обратите внимание, джентльмены: в обновлённой Америке почти нет чёрных! Куда они подевались, я вас спрашиваю?...».

– Назад в Африку сбежали, обратно на деревьях живут..., – предположил русский мордвин Василий. Но японец ему тут же возразил:

– Ты не американец, конечно, но пока вы, русские, нам, японцам, острова наши не отдадите на Курилах, то ты должен заткнуть рот двумя своими грязными руками и не разговаривать больше, конечно...

– Я у тебя никаких островов не брал, макака ты жёлтая! А если ты их потерял по собственной вине, потому что с Гитлером побратался некстати, то сиди теперь смирно, или пузо иди себе режь по вашей моде – наскосяк через пупок.

– Плохо разговариваешь, конечно. Глаз выколю.

– Свои береги оба!

– Заткнулись все! – рявкнул на них Макс Триллер. – На личности не переходить!

Макса послушались, в отсутствие Пинг Понга он был старшим тут, и остальные с этим вынуждены были мириться. Перепалка замерла. Но стычки в коллективе продолжались. Однажды дошло до драки, за которую Василий и Алоис приговорены были Понгом тащить друг друга по очереди три километра бегом. Поводом послужила патриотическая картина, нарисованная негром цветными мелками на свободной стене столовой: чёрный человек в скафандре размахивал американским флагом над планетой Марс (Алоис был не только гипнотизёром группы, но и главным «леонардом» среди диверсантов: он любил рисовать).

– Ишь ты! – ядовито заметил русский, разглядывая картину. – С земли вас, чёрных, стало быть, уже турнули? На Марсе теперь живёте?

В следующую секунду Алоис выплеснул в голову мордвину остатки кофе из чашки. И вот уже Василий держал негра за горло и вопил по-русски: «Паарву, сука!..». Ещё миг спустя японец уложил на пол обоих. Они лежали

рядышком и не шевелились. Макс перепугался. Он бросился к поверженным. Но японец успокоил его: «Сейчас будут опять дышать, конечно». Он ткнул каждого пальцем, и они действительно громко, со стонами задышали, в унисон проклиная японца.

Подготовка продолжалась. Участники диверсионного отряда, запертые в четырёх стенах безо всякой связи с внешним миром, читали антироссийскую и антикитайскую литературу и всё более убеждались в подлой сути и крайнем коварстве этих двух наций – русских и китайцев. Но главная тренировка состояла в том, что под руководством Макса они обматывали на скорость стволы двух топелей в огороде колбасками из садовой замазки, имитируя закладку термитных зарядов. Они тренировались каждый день. И ждали.

Они ждали решения «Феникса» о предстоящих объектах диверсии. Ими должны были стать два здания – одно в Пекине, другое в России. Оба объекта должны были представлять собой сооружения общенационального, символического значения – например, кремлёвская башня с курантами, или Мавзолей Ленина, или Храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве. Что касается Пекина, то в разрабатываются следующие варианты, сказал Пинг Понг: Врата Небесного Спокойствия Тяньаньмэнь, мавзолей Мао Цзе Дуна или Храм Неба в Запретном городе Гугун. Резонанс от акции должен сотрясти два общества – российское и китайское – вширь и вглубь с такой силой и возбудить взаимную ненависть двух народов до такой степени, чтобы надолго отбить у их лидеров охоту к любому политическому сближению. В местах подрывов должны были остаться явные доказательства их авторства: китайского в России и русского – в Китае. Это являлось обязательным заключительным условием операции.

Такова была эта идея, грандиозная по замыслу, но трудная для исполнения. Потому что диверсионной группе предстояло разделиться на две части, проникнуть в самое сердце каждого из двух противников, взорвать эти сердца изнутри и вернуться живыми, чтобы познать бесшумную славу и оглушительное богатство: по десять миллионов долларов обещано было каждому участнику по возвращении. Но шансы вернуться живыми представлялись мизерными. Хотя Понг и заверял участников, что «на местах» подрывников будут встречать и обеспечивать их доставку к объектам и благополучное возвращение «свои люди».

– Сами подумайте, – говорил им Понг, – насколько нежелательно, чтобы ваши тела остались под завалами, или, ещё хуже, чтобы вы попались в лапы русских или китайских спецслужб! Ведь они заставят вас заговорить, и тогда вся операция окажется проваленной – со всей ужасной ответственностью,

которая ляжет на Америку. Поэтому-то операция и готовится так тщательно. То, что вы делаете тут – это тьфу. Главная работа происходит там, и направлена на то, чтобы вы, сделав дело, снова оказались в Америке. Это – самое главное в проекте, так что можете быть уверены: каждый из вас свои миллионы получит!

Такие речи Понга сильно поднимали дух и настроение диверсантов. И ещё сообщил участникам группы Понг, что Китай представляет собой для организаторов проекта куда большую проблему, чем Россия. – «В России проще, – сказал Понг, – там у ЦРУ много друзей, которые за хорошие деньги хоть Царь-пушку из Кремля выкатят, хоть самого президента страны в рассрочку продадут. В Китае хуже: там деньги возьмут, но тут же и сдадут тебя с потрохами – не потому даже, что китайцы больше всех других наций любят свой Китай, а потому, что к мировой гегемонии США все китайцы относятся с презрением. Они лидирующее место Штатов в мировой цивилизации просто не признают, ибо со дня изобретения пороха считают своей собственностью, своим большим рисовым полем всю Вселенную. А Америка – это так: временное недоразумение на поверхности Земли, которое скоро отомрёт само собой, или с китайской помощью – по обстоятельствам. Так полагают китайцы, и поэтому доверять им нельзя никогда. Но есть у «Феникса», разумеется, и в Пекине надёжные зацепки. И он работает над тем, чтобы эти зацепки стали бетонными столбами, гарантирующими надёжную реализацию всей операции в комплексе. Когда всё будет готово, «Феникс» передаст конкретные планы, объявит сроки и условия, и тогда надо будет оперативно изучить и намертво запомнить чертежи, чтобы, возможно в темноте, на высокой скорости и с безупречной точностью проделать необходимую работу, после чего благополучно удалиться с объектов».

Макс доложил Понгу, что он лично изготовил в своё время ряд чертежей подвалов значимых зданий в Москве и передал их руководству. Китаец ответил, что «Феникс» об этом знает, и что эти варианты тоже находятся в разработке. Важен доступ к объектам и их минирование. А сами взрывы будут осуществлены позже, в нужный момент, дистанционно, своими людьми в Москве и, соответственно, в Пекине.

– Момент этот определит сам «Феникс», или, возможно, люди из высших политических сфер, и нас это уже касается не будет. Нам останется ждать это историческое мгновение в укромном месте и готовиться к большим деньгам и великой славе, даже если она и не будет слишком громкой для каждого из нас. Кому надо – те нас оценят по достоинству, и остаток наших жизней мы проживём счастливыми. Это нам обещано твёрдо.

– Ну дак, это самое: поскорей бы! – вздохнул мордвин Василий, который считал себя русским.

– Нужно ждать, конечно, – кивнул японец.

– Дурдом! – неопределённо выразился чёрный Алоис и пояснил: – Долбанули бы «Томагавками» со всех подлодок разом по всем этим Москвам и Пекинам без предупреждения, чтобы они и бзднуть не успели, и все дела. И можно уже не бояться, что они объединятся. Объединяться некому будет...

– Ишь ты, умник нашёлся!, – тут же полез в скандал Василий, – а если они нас тоже разом, и тоже без предупреждения, да со всех своих пусковых установок, да баллистическими ракетами – тогда что? Жопа ты университетская. Интересно, извилины у тебя в голове тоже такие же чёрные, как задница?

Американец не ответил, но по блеску глаз видно было – оставил ответ на потом. А японец согласился:

– Может быть всем какук, конечно.

– «Конечно», «конечно»... заладил как попугай, самурай шароварный! – снова начал заводиться Василий. Возбуждённый мыслью о скорой награде в размерах несметного богатства, Василий вёл себя в тот день особенно агрессивно: азарт туманил остатки его разума. О том, что товарищи припомнят ему однажды все его обиды и оскорбления, он не задумывался. Он относил всех, не понимающих русского языка, к отряду мелкоклеточных придурков типа ящериц. Возможно поэтому он единственный в группе, традиционно ненавидя всех остальных, к Максусу за его безупречный русский относился с уважением. Даже спросил его как-то: «Ты чего это, Максюша, под пиндоса косишь, а? Ведь сам же ты русский, ну скажи честно? Ни одного заморыша-заокеяныша я не видал ещё, чтобы по-русски без акцента говорить умел... Ну, не хочешь – не сознавайся: твоё личное дело, агент ноль-семь... плюс ещё сто пятьдесят без закуски...».

Незаметно весна перешла в лето, а группа всё ещё готовилась к операции теоретически и психологически. Однако, энтузиазм в группе постепенно убывал. Атмосфера внутри коллектива достигла критического уровня. Теперь уже каждый ненавидел каждого больше, чем Россию, Китай и США, вместе взятые. Родную Америку за то, в частности, что она никак не может повести своих сынов на редуты, за которыми ослепительными эверестами маячили по десять миллионов на рыло плюс всемирная слава освободителей человечества.

– Сколько можно сопли жевать! – вопил Василий, – когда нас в дело запустят? Я к тёлкам хочу! Яхту хочу купить, по океянам плавать! В тюрьге и то

лучше было – там хоть люди сидели достойные – без черножопых с желторылыми. Сбегу нахер отсюда. В гробу я вас всех видал! – Он кричал по-русски, и Макс был единственный, кто его понимал. Он сообщил об угрожающем психологическом климате Пинг Понгу, который часто покидал «станцию» с организационными целями и для оперативной связи с «Фениксом». Понг озабоченно кивнул:

– Я знаю. Операция затянулась. У «Феникса» тоже не всё так просто складывалось всё это время. С китайской темой небольшая заминка. А нам ведь синхронность нужна. Но, кажется, дело идёт к завершению. В крайнем случае, обойдёмся одной Россией. У «Феникса» всё на контроле. Настрой группу ещё на несколько дней терпения: чертежи и планы на подходе.

Но наступил август, а чертежей всё не было. Макс ожидал взрыва каждую минуту. Либо японец всех отравит, либо американец посредством гипноза убедит остальных пойти и утопиться в ванне, либо русский сиганёт через забор и исчезнет, чем сорвёт всю операцию. Ночью Макс лежал и думал о выходе из создавшегося положения. Но ничего толкового придумать не мог. Разве что предложить Понгу дать участникам увольнительную на сутки и отправить их всех в бордель – пар выпустить? Рискованно, конечно – напьются там и счёты сводить между собой примутся, или болтать лишнее начнут спьяну. Но что-то ведь делать надо...

Мысли Макса прерваны были криком со стороны двора.

– Диверсанты, сдавайтесь! Вы окружены! Соппротивление бессмысленно!

Затем раздалась странная, тупо-деревянная очередь из автомата с глушителем, и послышался всё тот же командирский голос: – «Сержант, бросай гранату!». Зазвенело разбитое стекло, что-то твёрдое стукнулось о пол в коридоре, и в пространстве возник набирающий густоту свист налетающего снаряда. Это был абсурд: даже если группа была раскрыта и подверглась нападению, то откуда может взяться снаряд? Но мысль о том, что всё не так, всё фальшиво в этом концерте, пришла Максиму уже позже, когда он, следуя затренированному инстинкту, лежал на полу, мгновенно опрокинув кровать и прикрыв голову руками в ожидании взрыва гранаты. Однако, взрыва не последовало. Вместо этого раздался визгливый хохот Василия.

– Ну что, капитально пересрели, супермены? – вопил русский в диком восторге от удавшегося розыгрыша. После чего свист налетающего снаряда послышался снова. Вслед за этим раздался топот ног, грохот падающей мебели и визг «Полундряа-а-а!... пустите, гады..., а-а-а, больно же, падла японская...». Макс поспешил из своей комнаты в гостиную, где американец с японцем уже вязали русского шнуром, вырванным из утюга.

– Всё! – объявил Алоис, – сейчас мы его будем вешать. Зачитаем приговор и вздёрнем на люстре. Я с этим идиотом на дело не пойду. Вот, устроил нам Пёрл-Харбор, клоун паршивый. Повеселиться он хотел! Ну, ничего: сейчас ты повеселишься, свинья русская. Сейчас ты у меня захрюкаешь в петле... сейчас, сейчас я тебе чёрный ку-клукс-клан устрою..., – американец бегал по комнате в поисках подходящей верёвки. Василий при этом лежал на полу и дрыгал ногами под наблюдением японца. Самурай был страшно зол. Он тоже упал на пол, услышав стук «гранаты» и свист «снаряда», но в отличие от остальных товарищей, которые поднялись с пола и теперь отряхивались и ругались, японец уронил при этом падении не только своё тело, но и свою честь. Потому что самураи не должны падать на пол от страха перед гранатой. Конечно, его позора никто не видел, но это дела не меняет. Теперь либо враг должен умереть, либо самурай обязан взрезать себе живот. Японец отдавал предпочтение первому варианту и потому не мешал американцу искать верёвку.

– Я ещё вас всех переживу, волки позорные! – грозился между тем Василий, – хер вы меня повесите: Пиня вас тогда своей собственной рукой расстреляет за срыв операции. Говнюки вы разноцветные! Фантики забугорные!

Лишь решительное вмешательство Макса спасло русскому жизнь. Макс распорядился оставить Василия связанным до утра, до прибытия Пинг Понга. Пусть сам командир решает, что делать с этим уродом. Скорей всего, сказал Макс своим товарищам, русского снимут с операции, и тогда ему по-любому конец: правило выхода из игры всем известно. Но зато сами они останутся тогда незапятнанными. А то ещё неизвестно как дело повернётся, если они его удавят: могут срыв всей операции и им приписать. Нехотя американец с японцем согласился с отсрочкой казни над опостылевшим клоуном-пересмешником – бывшим браконьером, уголовником и предателем своей русской родины Василием Оношковым.

Диверсанты с нетерпением ждали утра: хоть какой-то «экшн» наметился. Японец с американцем спорили, допустят членов группы до казни над русским или нет, мексиканец качал головой, Василий дёргал ногами и сулил всем «пиндец по азимуту». Макс пребывал в готовности номер один, и в конце концов ему удалось разогнать банду по койкам.

И вот утро настало. И Пинг Понг прибыл. И привёз планы, чертежи и даже видеофильмы. И торжественно объявил о начале операции. И Василия тут же развязали. И все снова стали братьями. И братья приступили к последней фазе подготовки – к изучению видеоматериалов и отработке

конкретных действий по секундомеру. Дата операции была задана: ночь с субботы на воскресенье, с двадцать пятого на двадцать шестое августа.

Понг привёз планы четырёх объектов. Все объекты находятся в Москве, сообщил диверсантам командир. Готовиться нужно к минированию всех четырёх зданий. Сколько затем получится в реальности покажет конкретная обстановка. Но хотя бы один из объектов нужно будет завалить во что бы то ни стало. Что это за объекты, членам группы знать пока не положено. В случае успешного выполнения задания они с неизбежностью узнают об этом после, когда об ужасном теракте, совершённом китайцами в Москве заговорит весь мир. Второй половиной задания – подрывом зданий в Пекине – группа Пинг Понга заниматься не будет. Из соображений секретности и в порядке оптимизации исполнения этим будет заниматься другая группа, непосредственно в Китае. Таковы были последние инструкции «Феникса». По части привезённых планов у Понга состоялся с Максом особый разговор. Дело в том, что один из пакетов чертежей касался знакомого Максусу объекта – Дома Правительства, который сами русские называют «Белым домом». Эти чертежи были изготовлены несколько лет назад специалистами ЦРУ на основании материалов, переданных Центру самим Максом Триллером после давешней, «поощрительной» командировки в Москву. Максусу приказано было готовить группу к подрыву всех четырёх объектов.

Макс приступил к работе. Отдельное задание дано было американцу Алоису Чаколу, гипнотизёру. На случай провала каждый диверсант должен был знать наизусть и хранить заколоченную в подкорку персональную легенду. Но в одном месте все эти легенды сходились воедино: члены группы не имеют никакого отношения к спецслужбам Америки, но являются бойцами подпольной террористической китайской организации «Хунь-Дунь», тайно поддерживаемой коммунистическим правительством Китая. Главной целью организации является акт возмездия России за отход от коммунистической идеологии. Таким образом, по вечерам чёрный гипнотезёр Чакол стирал определённые участки памяти членам диверсионной группы – те, где заложены имена сотрудников и начальников Агентства - и вставлял на их место только одно короткое выражение: «Хунь-Дунь!». Будущий допрос, если ему, не приведи господи, суждено состояться, должен будет выглядеть так, по установкам Чакола:

- Как зовут?
- Хунь-Дунь!
- Где родился?
- Хунь-Дунь!
- Дата рождения!
- Хунь-Дунь!

- На кого работаешь?

- Хунь-Дунь!

Василий Оношков потешался над этой методикой безмерно. Он на все вопросы товарищей отвечал отныне: «Хунь-Дунь!», вскидывал ладонь в нацистском приветствии и хохотал. Алоис Чакол мог быть доволен своей работой.

Гипнотические сеансы Чакола Макс Триллер считал полной дуристикой. Когда американец требовал у участника сеанса закрыть глаза и расслабиться и начинал бубнить свои установки и легенды, Макс было смешно. Свою собственную легенду Макс запомнил сразу и намертво, и все попытки Алоиса залезть ему в подкорку он блокировал очень просто: он думал во время сеанса о чём-нибудь другом – об Австралии, например. Гипноз Чакола на него не действовал, и Макс сильно сомневался в том, что он оказывает хоть какое-нибудь воздействие на других членов группы. В частности, русский Василий из состояния глубокого гипнотического транса однажды истошно завопил к величайшему негодованию американца: «Смерть фашистским оккупантам!». Всем было ясно, что русский просто куражится. Впрочем, сам Василий к сеансам гипноза относился вполне благожелательно: он на время сеанса просто блаженно засыпал, не забывая предварительно пожелать гипнотизёру: «Спокойной ночи, идиот!». Но, возможно, что-то там такое Чакол и производил в мозгах у участников. Тот же Василий, например, проснувшись однажды после сеанса, пожаловался, что помнит все клички зеков, с которыми сидел, или с которыми кантовался на этапах и пересылках, но никак не может вспомнить английских имён недавних своих коллег и начальников по Агентству. И, кажется, не врал. Впрочем, Василия это не сильно огорчало. Он ценил жизненный принцип: «меньше знаешь – крепче спишь».

Макс не понимал, зачем понадобилось незримому «Фениксу» устраивать этот гипнозный балаган. Ну да «Фениксу» видней – в конце концов, это его гениальный проект, так что ему и карты в руки, и любая блажь в голову.

Сеансы «вколачивания» чередовались с тренировками по минированию, которые проводились в просторном саду за особняком с помощью брёвен, завезенных Пинг Понгом в срочном порядке и врытых в землю вертикально. Расположение столбов имитировало опоры зданий в соответствии с имеющимися планами.

Все три последние недели члены группы прожили относительно дружно. Большая и близкая цель всех сплотила. Василий, потирая руки в предвкушении скорых денег, приставал к каждому со своими радужными идеями:

– Открою школу подготовки террористов и собственное детективное бюро!, – хвастался он, – одной рукой буду совершать теракты по заказу, а другой – раскрывать их за крутые бабки! Двумя клешнями бабло грести стану!

– Полный дурак, конечно! – бормотал японец. И широко улыбался русскому при мысли о собственной великой самурайской славе, которая ждёт его в ближайшие дни.

Каждое утро Понг поднимал команду в семь утра, выводил диверсантов в сад для подтягиваний на турнике и обливаний холодной водой из ведра, после чего следовал недолгий завтрак, который готовился участниками проекта по очереди, а затем наступало время отработки заданий. Объекты были пронумерованы от №1 до №4 и в такой же последовательности происходили тренировки. Каждый раз из подвала выносились ящики и прежде всего имитировались разгрузка и распределение заранее сформированных колбасок взрывчатки, детонаторов, креплений и прочих профдеталей по всей геометрии площади минирования в соответствии с расположением опор. После этого происходило моделирование закладки и крепления взрывчатки, установки детонаторов, электрических соединений и электронного тестирования. Оптимизировалась роль, конкретные действия и передвижения каждого из участников. Под первым номером значился самый большой и сложный объект – Дом правительства России (один лишь Макс знал что это за здание, ему приказано было остальным участникам название объекта не разглашать). На его минирование ушло с первой попытки восемнадцать часов при тридцатиминутном перерыве. Это было слишком много. После пятой попытки удалось завершить эту работу за двенадцать часов. И это вшестером, с полным трудовым участием самого Пинг Понга, который к концу тренировки передвигался, как и все остальные, качаясь от усталости, но хмурился больше других, поскольку даже и этот результат не вписывался ни в какие заданием установленные графики. Оставили в покое объект номер один и стали отрабатывать второй и третий, оказавшиеся очень похожими между собой. За следующие шесть дней довели минирование этих двух объектов до восьми часов на каждый. Последний, четвёртый, самый маленький объект с учётом уже наработанного опыта удалось заминировать до полной готовности за пять часов. Итого получалось тридцать три часа непрерывной работы вшестером без сна и отдыха – задача практически нереализуемая на чужой территории, в замкнутом, тёмном пространстве и в состоянии крайней усталости и постоянного стресса. Да еще требовалось учесть переезды с объекта на объект. К двадцатому августа общий отрицательный результат уже не вызывал никаких сомнений: произвести работу по всем четырём объектам в течение суток не представляется возможным. С этим приговором крайне

встревоженный Пинг Понг убыл для переговоров с Фениксом. Диверсанты несколько дней отсыпались и восстанавливали растроченные до нуля силы. Настроение в коллективе было сумрачным, но не злобным: все понимали, что какое-нибудь решение принято да будет, и никуда их яхты и дворцы от них не денутся. Как обычно, больше других хорохорился Василий:

– Эй вы, хуньдуны трёпаные – а слабо у Васьки Оношкова в буру выиграть? – приставал он к товарищам с мятой колодой игральных карт, которую ловкой шулерской рукой, как фокусник, извлекал откуда-то из-за пазухи. Василий вообще ужасно потешался над названием легендарной террористической организации «Хунь-Дунь», придумывая бесконечные матёрные варианты для названия этой организации и её членов, причём донимал этим своим творчеством преимущественно Макса Триллера, который единственный из всей банды способен был оценить всю глубину незатейливого русского юмора в исполнении весёлого мордвина. – «Ждёт мексиканская Дуня своего мексиканского Хуня», – подначивал Василий молчаливо сидящего перед ним Мигеля, – «а какого Хуня она ждёт, спрашивается? Не дожждётся она своего Хуня ни хуня!». Но «мексиканский Хунь» лишь бесстрастно следил за русским шутком немигающими, медвежьими коричневыми глазками: по-русски он не понимал ни слова.

Пинг Понг вернулся через три дня и сообщил, что операция не отменяется, но сдвигается на неделю. От объекта номер один придётся отказаться, но три остальных требуется отработать заново, разбившись на три группы по два человека. Задача поставлена такая: работая ночь и день на всех трёх объектах одновременно, уложиться в двадцать четыре часа, чтобы следующей ночью эвакуироваться.

К тренировкам приступили незамедлительно. Теперь нагрузка на каждую группу значительно возросла, но зато и времени на исполнение добавилось, так что теоретически можно было успеть. Разбились по группам так: за Пинг Понгом с Максом и мексиканцем с русским закреплены были большие объекты, а гипнотезёру с японцем достался маленький. За неделю тренировок уложиться в установленное время удалось лишь Максусу с Понгом. «Феникс» рвал и метал, он передал через Пинг Понга, что если через три дня сроки не будут отработаны, то вся группа будет «закрыта». Диверсанты понимали что это означает. «Феникс» отложил операцию ещё на неделю, но это – крайний срок, предупредил он. Макс подключился к отстающим бригадам в качестве арбитра и инструктора, и спустя четыре дня Варригас с Оношковым и Чакол с японцем в норматив всё-таки уложились. Пинг Понг доложил «Фениксу» о полной готовности группы. В ответ от «Феникса» пришла хорошая новость: самим

доставлять и распаковывать груз не потребуется. Чтобы облегчить диверсионной группе задачу, «Феникс» со своей стороны организовал дело так, чтобы всё необходимое было доставлено на объекты и распаковано другими исполнителями. Понговцам останутся только монтаж и подключение. Кроме того, с большой вероятностью будет даже электрическое освещение, хотя исходить всё равно следует из аккумуляторного.

– И за это спасибо нашему великому «Фениксу»! – завершил своё сообщение Пинг Понг, и диверсанты дружно согласились: да, если всё пойдёт по плану, то при таких условиях управиться за сутки вполне реально.

Подрывники провели ещё одно, контрольное испытание, засекая время с уже распакованных ящиков, и утвердились в этой уверенности окончательно. Настала среда последней недели. Понг завёз полный автобус калорийных продуктов и объявил три дня отдыха.

– В ночь с пятницы на субботу готовьтесь к вылету, – предупредил он, – и чтобы мне никаких поносов или насморков! – Косые глазки Пинг Понга почти округлились вдруг, и он впал в пафос: «Великое будущее Соединённых Штатов Америки ждёт нашего подвига! Мы станем героями на века!».

– Ура! – твякнул Василий, но все остальные промолчали, придавленные глобальным историческим весом надвигающегося события. Разошлись в задумчивости, отягощённые внезапно навалившимся бременем собственной значительности. Василий Оношков даже остановился на несколько секунд у настенного зеркала и пристально всмотрелся в себя, новоявленного героя планетарных масштабов.

– Да здравствует Хунь-Дунь! – кивнул он своему изображению и отдал ему честь. Впервые китайское заклинание «Хунь-Дунь» прозвучало в устах русского пересмешника с полным уважением.

8. Manifest destiny: переход в новую эру.

Три дня тянулись долго, но пролетели быстро. Тяжесть от длительных тренировочных нагрузок всё ещё сидела в костях и мышцах, когда пружинный Пинг Понг, не ведавший – так всем казалось – усталости, привёз шесть комплектов защитной одежды из арсенала китайской народной армии, настоящей, китайской, неподдельной, с иероглифами и номерами на шовных бирках, и велел всем переодеться. Размеры были точно подобраны по образцам старой одежды, так что даже здоровенный, медведеобразный мексиканец выглядел в китайской форме бравым литым генералом. Русский мордвин Василий, облачившись в камуфляж, обезьянничал перед зеркалом: подскакивал со стороны, вскидывал руку в нацистском приветствии и

выкрикивал: «Хунь хайль!». Зеркальный Василий приветствовал свой прообраз встречным ликующим жестом, и это ужасно веселило Василия: «Кто ж левой рукой честь отдаёт, хуньвейбин ты хунев!», – кричал он восторженно своему изображению и хохотал. Наблюдая этот зеркальный цирк, даже бесстрастный мексиканец усмехнулся, и было видно, что за минувшие дни тяжёлых тренировок он успел полюбить своего придурочного партнёра. Что ж, надо признать: клоун Василий, когда доходило до дела, умел врезаться в работу до упора и больше: он был шепотливой, но надёжной: за это, надо думать, «Феникс» и взял его в диверсионную группу исторического значения.

Когда всё было готово, предводитель «хуньдуней» Пинг Понг, тоже в китайском камуфляже, произнёс короткую командирскую речь.

– Братья мои! Мы идём на подвиг! На подвиг огромного значения для нашей страны, но и величайшей секретности. Через два дня мы вернёмся героями, но героями особенными: мы должны будем забыть всё, что совершили. Алоис поможет вам на обратном пути стереть из памяти всё опасное для вас: то, как мы готовились и как выполняли задание. Это задание трудное, но выполнимое: вы все в этом убедились. Уложиться требуется в двадцать четыре часа – это условие не изменилось. Все перемещения будут совершаться в полностью закрытых транспортах, переходы – с плотно завязанными глазами. По завершении операции любые общения с прессой, воспоминания или передачи посторонним лицам информации, касающейся нашего дела, категорически запрещены...

– Так мы же тогда уже ничего помнить не будем! Чего мы кому скажем? – встрял недовольный Василий, но Пинг Понг лишь отмахнулся от него и продолжал: – «В успешном завершении операции лично я не сомневаюсь: «Феникс» подготовил всё на высшем уровне. Это всё. Вопросы есть?».

– А как быть с китайцами? Когда они свои пагоды подорвут? Тоже в эти дни? – хотел знать Василий Оношков.

– На данный момент нам с вами этого знать не положено. Вернёмся – всё увидим, всё услышим и всё узнаем. Выезжаем через полчаса, когда окончательно стемнеет. Нам предстоит перелёты, в том числе длительные. Где-то придётся ждать. Вести себя терпеливо, вопросов не задавать, экономить силы и нервы. Алоис, ты отвечаешь за спокойствие в команде...

– За какое ещё спокойствие? Усыплять он нас будет, что ли? Пошёл он в жопу – я ему не дам! Я о своей яхте думать буду по дороге!

– Оношков, отставить болтовню!

– Слушаюсь, сэр! Да здравствуют свобода и демократия! Слава великому Хуню-Дуню!

– Разойдись!

Ввиду высочайшей степени секретности диверсионной операции, возложенной на террористическую группу с вымышленным названием «Хунь-Дунь», подготовленную в недрах ЦРУ, и с учётом колоссальных геополитических последствий её осуществления, не следует удивляться, что документальных свидетельств о подробностях её реализации не существует в природе, и даже сама эта взрывоопасная тема останется под запретом лет на двести вперёд. Поэтому любые описания, касающиеся деталей исполнения этой фантастической операции, являлись бы выдумками и спекуляциями на заданную тему, имеющими весьма сомнительную реальную цену. Принимая к сведению эту данность, описывать подробно как происходило минирование группой «Хунь-Дунь» объектов номер два, три и четыре, как диверсионный отряд добирался до цели, как его встречали, разделяли на группы по два человека и сопровождали в закрытых кабинах глухонемые на вид люди в гражданской одежде, изъясняющиеся только жестами, как диверсантов заводили в помещения и запирали позади них тяжёлые двери, как потом, после минирования, их вывозили опять на взлётное поле неизвестного аэродрома – бессмысленное дело, ибо никто всего этого подтвердить не может. Тем более, что на обратном пути, где-то в непосредственной близости от Луны, на сверхзвуковой скорости, с которой военный самолёт возвращал домой сверхсекретных террористов, гипнотизёр Алоис Чакол старательно изымал из мозгов участников всякую память о содеянном. Оценить, какой объём воспоминаний остался в голове у каждого после его манипуляций представляется опять же невозможным, потому что спросить об этом сегодня некого – не существует в адресных книгах людей с теми именами, под которыми готовились к операции «Хунь-Дунь» американские диверсанты.

В частности, на этот вопрос не ответил бы и Макс Триллер. Хотя Алоису Макс и соврал в самолёте, после сеанса, что ничего больше не помнит. Но усмехнулся при этом, и Чакол заметил эту усмешку и, возможно, не поверил Триллеру, но только кто же может теперь это перепроверить?

– А самому тебе кто память стирать будет: другой гипнотизёр, калибром побольше? – спросил Макс Алоиса расслабленно. На самом деле его это мало интересовало, он задал этот вопрос для того только, чтобы Чакол побыстрее отстал от него.

– Конечно, другой, – очнулся в соседнем кресле Василий, – а то как же он сам себе память отшибёт? Ему помощник нужен. С тяжёлой бейсбольной битой, например. Я лично готов пособить товарищу. Эй, афродит американский, давай я тебе память отшибу по дружбе. Бесплатно... Ага,

молчит, герой нашего времени. Конечно, молчит: он же теперь великим человеком стал! На него же теперь не дунь! Сам чёрный как хунь, а на него не дунь! – захохотал над собственной шуткой разгипнотизировавшийся вдруг до исходного состояния русский. Но великий герой Чакол уже перешёл к следующему, более покладистому клиенту, к мексиканцу, который и без помощи сторонних сил крепко спал в своём кресле и ничего не помнил о последних сутках. Мигелю снились не пластиковые бомбы и не предстоящие термоядерные войны, а сладкие дыни на безбрежной плантации, утыканной гигантскими кактусами. Почему именно дыни и почему именно кактусы – неизвестно. Всё это относится к загадкам человеческого сознания, а к предстоящему тысячелетнему могуществу Соединённых Штатов Америки, только что заложенному собственными руками молчаливого мексиканца, никакого отношения эти дыни не имели.

Впрочем, все участники операции были настолько измотаны физическим и нервным напряжением последних дней и часов, что попав в самолёт, несущий их домой после успешно выполненного задания, впали в глубокий транс и безо всякого внешнего гипноза. На ликование и осознание своей огромной исторической миссии в подготовке катастрофы, из которой Соединённым Штатам Америки предназначено выйти единственным и неоспоримым планетарным гегемоном, у участников операции просто не было уже никаких сил. «Завтра, завтра, завтра», – говорил себе каждый, – «Завтра начинается моё новое, моё прекрасное, моё великое будущее!».

Сомнительные психосоматические манипуляции Алоиса Чакола некоторое воздействие на подопытных кроликов-террористов всё-таки оказали. В частности, перелёт через океан показался Максиму необычайно коротким. Но он вопросов не задавал. Ни о том, почему на пути туда они сменили три самолёта, а на обратном перебежали на следующий борт лишь один раз, где-то в Европе, надо полагать. Ни почему в заранее доставленном на объекты грузе не оказалось баллончиков с краской, чтобы по завершении работ исписать стены натренированными китайскими проклятиями и обозначением «Хунь-Дунь». Забыли? Но как же теперь мир узнает о том, что именно китайцы совершили столь дерзкую и ужасную диверсию против России – а ведь именно в этом состояла главная цель операции? Не спросил Макс Пинг Понга и о том, слышал ли тот, как русский охранник, запиравший за ними стальную дверь, коротко сказал по рации: „Number one ready“. Для чьих ушей предназначалось это сообщение и почему оно было сделано на английском языке, а не на русском, или хотя бы на китайском, ради закрепления легенды о китайской террористической организации «Хунь-Дунь»? Но Макс ни о чём не спрашивал. Во-первых теперь, когда всё благополучно завершилось и осталось позади, это

его уже не касалось. А во-вторых потому, что он очень устал и не желал ни о чём думать и рассуждать – он мечтал лишь о горячем душе и хорошем, глубоком сне в тихой комнате, в горизонтальном положении и на чистых простынях. И чтобы часов тридцать ни одна сволочь не подходила его будить. В результате из состояния ватной апатии он не спросил у Понга даже о том, куда они летят. По большому счёту ему и это было безразлично. Главное – всё позади. А что будет дальше? Что-нибудь да будет. «Будет колоссальная пьянка на яхте у Василия», – усмехнулся Макс, вспомнив последнюю клятву неугомонного русского, которую тот прокричал из своего кресла когда они взлетали.

Первые признаки грядущей славы ждали героев уже на бетонной полосе неизвестного военного аэродрома, на которую они сели вскоре после рассвета. Их ожидал длинный ряд машин. Так встречают только президентов на крупных международных разборках: сколько президентов, столько и машин. Плюс сопровождение. Хромированных мотоциклов, правда, не наблюдалось. Зато лимузины были все чёрные и длинные, как ночные акулы.

– Ого! – сказал Василий, – сейчас нас сам президент обнимать выйдет – прямой кишкой чую. А где же красный ковёр с оркестром? Нема ковра! Нет, я решительно протестую!

Но всё совершилось куда проще. Из чёрных транспортов вышли равнодушные люди с хмурыми, но внимательными глазами, разобрали героев по отдельным машинам и увезли без объяснений. Макс оказался в лимузине вместе с Пинг Понгом. Видно, машин всё-таки не хватило на всех. Ехали молча. Пинг Понг – с закрытыми глазами. Тоже устал, конечно. Учитывая возложенную на него ответственность. Сквозь затемнённые окна Макс озирает незнакомую местность, по которой мчался лимузин. Других машин со звёздными диверсантами видно не было: надо полагать, они разъехались разными дорогами. Макс хорошо понимал почему их разделили. Теперь, когда операция позади, но главное событие ещё не разразилось, «Фениксу» важно было героев своих рассредоточить. Чтобы не перепились на радостях и не передрались, припомнив друг другу былые обиды, или не ринулись на гражданские подвиги да не наболтали по всем углам лишнего раньше времени. Герои – штука хорошая, но держать их лучше порознь: меньше геморроя для властей. Ведь огонь и воду способны пройти многие, а вот медные трубы – лишь редкие единицы. Диверсанты из группы «Хунь-Дунь», славные сыны Америки, геройские «фениксовцы» вряд ли могли быть отнесены к числу этих редких единиц. За исключением, разве что, Макса и самого Пинг Понга – тёмной китайской лошадки. В отношении остальных – невозможно предсказать, как по

прошествии времени поведёт себя каждый из распираемых гремучим газом загнанной внутрь славы герои: мексиканец на своих дынных латифундиях, или Василий в окружении плэйбойных моделей на палубе своей океанской яхты, или «американский афродит» Чакол во главе института психоанализа. Да и японец с его еврейским дедушкой в качестве арбитра самурайской чести вряд ли удержится, чтобы не изобразить рухнувший кремлёвский кремль на своём родовом гербе.

Макс стал думать об Австралии. Совсем скоро он будет там. Он вернётся туда навсегда. Австралия – континент будущего. Его, Макса будущего – уж это точно!

Макс не имел представления о местности, по которой они ехали. Поля, рощи, гряда синих холмов на горизонте. Канзас? Миссури? Оклахома? Да какая разница? Можно было напрячься, сосредоточиться, прочесть пролетающие мимо указатели, по номеру дороги попытаться сообразить по какой части Америки они передвигаются. Можно было спросить об этом Понга, дремлющего рядом. Но зачем? Всё, что хотелось Макс – это отключиться, опрокинуться в долгий сон, избавиться от тяжести в мышцах, в костях, и особенно – в душе. Эта особенная тяжесть, тяжесть совести навалилась на него и вползла в него, когда они ещё летели над Россией, покидая её. Она давила на него тяжёлым гранитом памятника адмиралу Ушакову в Севастополе, и она давила печальными глазами Адама Вандималунгу. Максусу казалось, что Адам молча, горестно упрекает его за страшную и теперь уже непоправимую ошибку, совершённую им за последние сутки. Макс хотел отделаться от этой тягучей муки и ему представлялось, что долгий и глубокий сон избавит его от этой напасти. На свежую голову всё, что они совершили в России, будет представляться иначе, верил Макс. Он хотел верить в то, что их ужасный теракт не станет трагедией для всего человечества, но сделает мир надёжней и справедливей. В течение всех последних месяцев группу убеждали в этом, и теперь, когда они сделали своё дело, просто необходимо было в это верить. Но сомнения всё-таки оставались. И они пилили Макса шершавой, холодной, чёрной нитью, ползущей сквозь сердце, и мозг, и печень... Спать, спать, спать: завтра всё будет выглядеть по-другому, завтра всё будет снова окей. А вдруг теракт не состоится вовсе? Русские вовремя обнаружат заряды, например, или изменится вдруг политическая обстановка? Ведь всё может быть...

– Прибыли, – сообщил Пинг Понг, – выходим.

Машина стояла перед шестиэтажным домом неприглядного вида. В таких обычно селится мексиканская беднота из числа иммигрантов, а то и

нелегалов. Вся улица и противоположная сторона её тоже была застроена такими же и похожими домами. Здание, перед которым остановилась машина, имело цвет подводной лодки, успевшей обрасти тиной. Расцветка и фасад дома обогащены были совместным творчеством его обитателей и самого Времени: облупленной штукатуркой, ржавыми потёками тут и там, а также пятнами от соприкосновения с брошенными в стену пищевыми отходами. На алюминиевой поверхности входной двери, несущей на себе бесчисленные следы грубого человеческого обращения, высокохудожественным стилем граффити в цветовом решении американского флага напысканы были магические слова:

„*FUCK YOU!*“

Относились ли они к приближающимся к подъезду незнакомцам типа Макса, или к жильцам дома от имени его владельца, или наоборот, это был посильный мессидж владельцу от благодарных жильцов, или, наконец, надверный призыв представлял собой чей-то персональный пламенный привет всему американскому обществу в целом – каждый мог трактовать эти слова по собственному разумению: ведь лаконизм универсален и всеобъемлющ...

К входной двери вела кое-как подметенная асфальтовая дорожка, заляпанная тут и там разноцветными жвачками, частью свежими, частью уже растоптанными. Кроме того, вдоль фасада этого дома, выгодно отличая его от соседних строений, расстился газон с остатками зелёной, хотя и давно не стриженной травы. В пыли газона валялись пока ещё не попавшие в поле зрения дворника следы человеческой активности: использованный шприц, смятая банка из-под пива и половина белозубо улыбающегося лица на обрывке предвыборного плаката. Набор мусора случайный, но символический: вещной портрет только что завершившегося тысячелетия. Среди этих символов шагнувшего в новую, геномодифицированную, космоенизированную и компьютерно-шизофренированную эру человечества сидел взъерошенный серый кот совершенно сумасшедшего, дикого вида, хотя и с ремешком на шее, и с остервенением жрал птичку – свою последнюю добычу. В сторону дорожки, предупреждая незваных посетителей своего дома, он угрожающе приподнял лапу: «Не подходи! Моё!».

– Квартира пятьдесят два, – сказал Понг, – её снимает орнитолог Джозеф Зайгезунд. Он редко бывает дома – ловит птиц для зоомагазинов и пишет о них потом книги.

– «Это не его ли котяра там, на газоне, птичку уминает?», – хотел было спросить Макс, но позыв к шутке тут же и растаял. Они поднялись в квартиру по лестнице, потому что лифт в доме не работал.

Жильё оказалось двухкомнатной, вполне прилично обставленной квартирой, содержащей даже кондиционер и телевизор с большим плоским экраном и компьютером рядом с ним на отдельном столике. Над телевизором сидело на вделанном в стену сучке чучело совы и, не мигая, возмущённо пялилось круглыми жёлтыми глазами на вторженцев.

– Значит, так: ты приятель Зайгезунда, представитель зоопарка. На случай, если кто-то спросит. Но это вряд ли произойдёт, народ тут нелюбопытный, всем дело только до себя. Тем более, что ты из квартиры выходить не будешь. Холодильник полон, на кухне найдёшь виски, водку, джин, текилу – всё что может пожелать настоящий усталый герой. Ешь, пей, отдыхай. По телефону звонить запрещено. Имей в виду, он на прямой прослушке. Всё. Расслабься, отключись, ни о чём не думай. Это продлится недолго. Всё, я пошёл. До связи.

– Когда? Что будет дальше?

– Завтра утром я позвоню. Прощай.

Макс остался один. С тяжестью на сердце, которая всё не отступала, а наоборот, усиливалась. Суровая нить воспалённой совести наждаком грызла и точила внутри этой тяжести, так что непонятно было уже, от чего исходит большая мука – от самой тяжести или от боли в ней. Макс прошёл на кухню. Виски, водка... Он выбрал водку. Нашёл в холодильнике консервы, хлеб. Достал с полки чашку. Наполнил доверху. Выпил залпом, не ощутив вкуса. Выпил вторую, закусил консервами. Допил остаток. Съел хлеб. Почувствовал, как жар разливается по телу и растворяет тяжесть вместе с грызущей нитью. Это было хорошо. Это было то что нужно. Макс пошёл и встал под душ. Долго стоял там под горячими струями, покачиваясь и постанывая то ли от удовольствия, то ли от душевной боли. Потом вытерся кое-как баннным халатом, прошёл голяком в спальню, забрался под одеяло и отключился в соответствии с инструкцией Пинг Понга и собственным устремлением.

Надежды Макса вроде бы оправдались. Утро принесло ему, кажется, некоторое облегчение. Солнечный луч упирался в стену, в нем танцевали мирные пылинки, всё было тихо, укутанная в синее небо тёплая, живая земля уплывала вместе с Максом всё дальше и дальше от позавчерашних событий в бескрайнюю бездну космоса, а за окном между тем вопил ребёнок, не желая садиться в машину, протестуя против детского сада или ещё против чего-то общественно-полезного. Жизнь продолжается, убедился Макс. Но уже начали опять подступать вчерашние мысли. Они напирали. Макс пытался сопротивляться. Да, они снова подготовили чью-то смерть. Кто-то должен будет

погибнуть. Ну и что? Сотни тысяч людей умирают и погибают на земле ежедневно, в том числе и от рук друг друга, но это не мешает человечеству плодиться и размножаться из века в век, перевалив уже на сегодняшний день за три миллиарда агрессивных существ, пожирающих воздух и недра... Но нет, это не оправдание. Ибо дано человеку простое и понятное правило: «Не убий». И это есть грань между зверем и человеком. Зверю дозволено убивать ради продолжения жизни, а человеку для этого дан разум. И мораль. Но он перешагнул через эту грань. Человек убивает. Он, Макс Триллер, убивает. Америка убивает. Россия и Китай, наверное, тоже убивают, но это их дело, за это им будет своя расплата. Америка убивает, и снова подготовилась кого-то убить. Его, Макса, руками. В геополитических масштабах! Нет, не славу, не великое будущее принесёт Соединённым Штатам это преступление, а великий позор на много веков вперёд, презрение и проклятия народов. И это делается его, Макса, руками. Его и ещё пятерых дебилов, моральных уродов, задолбанных, зазомбированных идиотов... О Господи! Как можно было поверить в эту чушь:

«Сильный пожирает слабого, и в этом состоит жестокая формула продолжения жизни»; «Китай и Россия, превратившись в монстров на планете, неизбежно уничтожат Америку»; «Соединённые Штаты будут сопротивляться, и прольётся много крови. Так почему же не предотвратить большую кровь малой кровью, не дав России и Китаю превратиться в монстров? Зачем убиваться по нескольким загубленным жизням русских или китайцев, когда на кону стоят наши, американские жизни, наши, американские великие завоевания – свобода и демократия, в первую очередь, но и наука и техника, и автомобилестроение, и медицина, и фармацевтика, и его величество Компьютер, и родившийся с его подачи всемирный интернет, и система спутниковой связи, и навигационная сеть Джи-Пи-Эс – да всё абсолютно!».

– «Чушь, чушь, чушь! Враньё! Фальш! Мы с тобой совершили преступление!, – стонала душа Макса, – Геоглобальное, страшное преступление!»... – «Но, возможно, ещё не совершили? И может быть, ещё не поздно?..».

– Чёрт меня побери! Чёрт меня побери, идиота!, – громко закричал Макс, окончательно проснувшись и вспомнив все подробности того, что произошло в последние три дня. Он вскочил и голым заметался по комнате. Какие к чертям собачьим монстры? Какие свобода с демократией? В любой момент под каким-то огромным зданием в Москве, или даже под тремя зданиями разом рванёт со страшной силой, и там погибнут люди – сотни, а может быть и тысячи людей. Если уже не рвануло... О, Господи! Надо включить телевизор... И, возможно, точно такими же геройскими злодеями как мы, заложены уже заряды под

Пекином, и там с минуты на минуту произойдёт то же самое. И это должно называться малой кровью? С какой целью? Чтобы две супердержавы схлестнулись после этого атомными дубинками и отравили весь остальной мир полонием, плутонием и стронцием? Чтобы на это мёртвое поле выехал потом на белом коне великий американский герой Макс Триллер под звёздным флагом Соединённых Штатов Америки – главного поставщика свободы и демократии на планете? – «Макс Триллер! Зачем ты сделал это? В какой миг ты сошёл с ума, Макс Триллер?», – отчаяние предыдущего дня снова потащило Макса в чёрную бездну, предсказанную ему Мурр-Мурром. Не просто предсказанную, но и изображённую им на скале. Макс схватился за голову. Что делать? Можно ли ещё остановить это безумие? Кто это может сделать? Нужно срочно связаться с этим чёртовым «Фениксом». Сказать ему... Нужно сказать ему, что русский говорил по-английски, что забыли положить баллончики с краской, что всё это похоже на провокацию, что надо всё это остановить, пока не поздно. Пока не разразилась катастрофа, несущая вечный позор Америке. «Феникс» должен связаться с российским посольством, предупредить их о полученных якобы от американской разведки данных, сообщить о заминированных объектах... Сказать им в том числе и о возможном китайском участии, о диверсионной группе «Хунь-Дунь». Пусть Россия перессорится с Китаем – бес с ними обоими –, но Америка осталась бы тогда в добрых отношениях с Россией. Мысли Макса путались. «Феникс»! Срочно нужен этот таинственный, этот проклятый «Феникс»! Пинг Понг! Ты обещал позвонить...

И в этот самый миг телефон зазвонил – как будто Пинг Понг услышал Макса Триллера с криками его души. От неожиданности Макс вздрогнул, но тут же пробежал в гостиную, всё так же в голом виде, и схватил трубку.

– Доброе утро, Макс. Включи телевизор.

– Что? Зачем? Где? Уже?

– Ещё нет, но скоро. Из квартиры не выходи.

– Понг, где?

– Какая тебе разница? Смотри телевизор.

– Где, Понг? Мне нужно знать! Я хочу говорить с «Фениксом»! Понг, это нужно остановить! Понг, Понг, послушай меня: русский говорил по-английски! Мы не оставили китайского следа! Понг, это провокация, это нужно остановить пока не поздно...

– Подожди, не гунди. Я тебя понял. Я передам «Фениксу» всё, что ты мне сказал, – Макс показалось, что Пинг Понг то ли хмыкнул, то ли кашлянул, – а пока найди в интернете и выведи на экран телевизора видеокамеру, которая смотрит на... ммм... на телевизионную башню в Останкино – это та, что над

Москвой возвышается. Но главное – следи при этом за новостями и не пытайся никуда выйти. И вообще – не дёргайся...

– Понг, ты что, меня не понял? Это провокация! Мне нужен «Феникс»! Срочно!.. – но в трубке уже раздавались короткие гудки.

Макс снова заметался по комнате, бросился к компьютеру, схватил пульт телевизора, увидел в отражении экрана голого мужика, сообразил, что это он сам, бросил пульт, кинулся собирать одежду, брошенную вчера где попало, натянул её второпях, затем вернулся к телевизору, включил его, пощёлкал каналами, ничего примечательного не обнаружил, потыкался в меню, соединяя телевизор с компьютером, затем долго искал в интернете выход на нужную ему видеокамеру, пока не получил в нижнем углу телевизионного экрана квадратную картинку с видом на московскую телебашню. Она стояла вполне вертикально. Может быть, Понг пошутил? При чём тут эта единственная башня? – ведь их было три диверсионных группы... А трёх таких башен в Москве нет – есть только одна ещё, старая, маленькая, сама скоро завалится... Чушь какая-то... Они ведь три объекта заминировали... А если это всё же правда? Если эта телебашня – одна из трёх объектов? Именно та, которую Макс минировал вместе с Понгом? Поэтому он и сказал следить за ней. А другие сейчас следят за «своими» объектами? Если она вот-вот рухнет – эта махина, набитая людьми?... Надо что-то делать... Ладно бы ночью, когда никого нет, а то ведь середь бела дня! Там же людей полно – там внутри и везде вокруг... А что, если самому попытаться связаться с советским, то есть теперь уже с российским посольством? Предупредить от имени неизвестного? С этого телефона нельзя, это понятно. Выйти в город, найти таксофон. Вдруг еще не поздно? Ведь башня всё ещё стоит...

Макс кинулся к входной двери. Но ключа в замке не было, а дверь оказалась заперта. Понг оставил ключ где-то в комнате? Макс кинулся обратно, обшарил все зримые поверхности и понял вдруг, что его заперли преднамеренно. Он бросился к окну. Рамы не открывались. Да с пятого этажа и не прыгнуть. Зазвонил телефон. Макс схватил трубку, но не успел ничего сказать. Голос Пинг Понга ворвался ему в ухо первым:

– Макс Триллер! Немедленно перестань дёргаться. Я тебя предупредил. Не делай роковой ошибки. Ты не самый умный. За тебя уже всё продумано. Сиди спокойно и смотри телевизор, как тебе велено было. Всё идёт по плану. «Фениксу» твоё желание встретиться передано. Он посетит тебя в ближайшее время. – И Пинг Понг снова положил трубку.

И Макс рухнул на диван. Он понял: он под колпаком, за ним наблюдают. Его видят и слышат. И ничего странного в этом нет. «Забыл на кого работаешь, Макс Триллер? Вот ты и прибыл на станцию «Приехали», и нет на этой станции

того ломбарда, где осталась твоя совесть, чтобы забрать её обратно... А может быть и нет её там больше? Бродит она давным давно уже по сонному царству Мурр-Мурра, не понимая куда попала и где выход? А только нет оттуда никакого выхода...».

А телевизионная башня всё стояла в правом нижнем углу экрана, тогда как на основном экране телевизора демонстрировался какой-то очередной комикс-«хохотунчик» для самых тупых зрителей, которые не знают, в каких местах нужно смеяться, и за них после каждой фразы это делает за кадром невидимый театральный хор. Макс ненавидел эти «хохотунчики» до приступов тошноты, и сразу переключился на другую программу. Там несколько аналитиков дебатировали на тему, суть которой Макс никак не мог уловить, да она его и не интересовала. Он слышал учёных мужей, но следил глазами лишь за Останкинской башней в Москве. А та всё ещё стояла. Но что-то было не так с ней, что-то было неправильно. Что-то было фальшиво во всей этой истории, а что именно – Макс никак не мог понять.

Прошло полчаса, часы на стене показывали восемь-ноль семь. Московская башня продолжала стоять вертикально. Зачем ему велено было смотреть телевизор? Что он должен там увидеть? Господи! Вмешайся хоть ты, если ты есть! Сделай так, чтобы всё это было одним большим фарсом, инсценировкой, сделанной «Фениксом» ради ему одному известных целей. А может быть то, что Макс хотел предложить «Фениксу», как раз уже и сделано им? И посольство России уже предупреждено? И это и есть суть проекта «Хунь-Дунь» – спровоцировать диверсию так, чтобы всё выглядело правдоподобно, а потом «спасти» русских по линии спецслужб и вернуть этим их расположение с последующим свободным допуском к сибирским недрам? Сказал же Пинг Понг: «Ты не самый умный, Макс Триллер. За тебя уже всё продумано». Может быть, не будет никаких взрывов, не будет тысячи смертей?

– Господи! Вмешайся!

Макс никогда в жизни не был набожным. В Бога веровал, но набожным не был. Теперь ему хотелось молиться. «Отче наш! Пусть всё обойдётся! Пусть ничего не случится!», – шептал он. И подумал вдруг с надеждой, что если ничего не случится, то совесть его, может быть, ещё вернётся, найдя обратную дорогу к нему из затерянного царства Мурр-Мурра. Только не слишком ли поздно?... А вдруг ещё не поздно? Ведь башня в Москве ещё стоит! И вместе с ней сам Макс Триллер ещё не рухнул в преисподнюю беды...

По основному телевизионному экрану теперь уже бегали полосатые африканские зебры, сменившие одноцветных аналитиков. Макс безо всякого интереса наблюдал за зебрами, спасающимися от стаи львов, озабоченных

очередным обедом. Львы были ещё молодые, у них получалось плохо. Наконец, одному из них атака удалась: он упал с поверженной лошадкой в высокую траву и продолжал держать её за горло. Остальные львы азартно собирались вокруг накрытого кровавого стола. В то время как жертва ещё взбрыкивала, стадо зебр успело окончательно успокоиться. Зебры как ни в чём не бывало щипали травку вокруг кровавой трапезы львов: каждая из них была в хорошем настроении, довольная тем, что не ей выпала сегодня смерть. А до завтра ещё дожить нужно. А до завтра столько ещё сладкой травки можно будет сожрать!..

А Московская телевышка всё ещё стояла. Львы принялись рвать добычу. Камера оператора наслаждалась видом окровавленных клыков и дымящихся потрохов... Башня стояла... Забрызганный кровью, пьяно-свирепый львиный глаз уставился прямо в объектив камеры. Лев перестал жевать. В этот момент передача прервалась. На экране возникли титры:

«ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ».

В Максе что-то коротко надорвалось, и ему показалось, что его сковывает паралич. Но ведь башня стояла!...

Между тем в телестудии за модераторским прилавком возник растерянный ведущий, о чём-то вопрошающий, обращаясь к кому-то невидимому, стоящему в глубине студии. Затем, заикаясь от необходимости произносить нестандартные слова, не подсказанные бегущей перед ним строкой, ведущий программы сказал: «Только что, несколько минут назад нам сообщили... нам прислали кадры ужасного события..», – модератор медлил, глядя мимо камеры: похоже, там кто-то подавал ему знаки... Но московская телебашня в углу экрана всё ещё стояла! Она стояла!!! И Макс услышал: «...Гражданский самолёт врезался в здание Всемирного торгового центра в Нью-Йорке... Вот эти страшные кадры...», – ведущий программы давил на кнопку и подавал жесты, но картинка на экране всё не возникала: у техников что-то там не ладилось. Наконец, дергаясь и качаясь, возникли суетливые кадры любительской съёмки. Безвестный турист непрофессионально скользил камерой по запруженной транспортом улице и стенам домов. Потом в кадре показались два голубоватых столба небоскрёбов Всемирного торгового центра, и камера стала задираться вверх, приближая вид гигантских зданий. В этот миг в кадре возникло изображение летящего самолёта, который через долю секунды врезался в одну из башен. Из противоположной стороны здания в небо над городом шарахнулся огромный шар из огня и чёрного дыма. – «Ничего

себе!», – произнёс растерянный голос снимающего. Затем другой голос закричал: «Он врезался! Джисас Крайст! Он врезался в небоскрёб! Он ударился в него!...». – «Снимай!, снимай!, снимай!», – требовал третий голос. – «А-а-а-а!», – уже кричали люди рядом... – «Нужно звонить в полицию, в пожарную часть, в неотложку... там же люди!...»... – «Какой кошмар, господи!»... – «Это киносъёмки!»... – «Какие к чёрту съёмки! – это катастрофа!»... – «Снимай, снимай, снимай!»...

Макс заподозрил на секунду, что он попал на некий очередной, идиотский сериал о приключениях пожарников, и переключился на другую программу. Но и там мелькали похожие кадры и раздавались похожие крики. То же самое повторялось и на следующем канале, и на следующем: на всех. Везде всё мелькало, визжало и металось. И только Останкинская башня в нижнем правом углу экрана стояла вертикально и не шевелилась. Это был какой-то дурной сон, гротеск с непонятным тройным дном, ибо Макс в ужасе и отчаянии ждал рукотворную катастрофу, им же самим подготовленную далеко от Америки, но никак не эту, Нью-Йоркскую. Почему аварии пассажирского самолёта над Нью-Йорком суждено было разразиться как раз в те минуты, когда на противоположной стороне земного шара должно произойти нечто совсем другое? Что за странная шутка дьявола разыгрывается на земле в эти минуты? Или это всё события одного проекта? Абсурд! Абсурд, абсурд!

Макс в очередной раз переключился на следующий телевизионный канал, и здесь на него обрушилось новое потрясение: через пятнадцать минут после первого ещё один гражданский самолёт врезался в соседний небоскрёб – во вторую башню Торгового центра. Теперь уже горели, испуская столбы чёрного дыма, два здания рядом. И не оставалось больше сомнений: столкновение первого самолёта с небоскрёбом не было случайной аварией, оба эти события представляли собой преднамеренные, организованные террористические акты. Но кем организованные? Первой мыслью Макса было: «Нас опередили русские или китайцы!. Раскрыли нашу диверсию и ударили первыми! Но как они долетели до нас сразу двумя неперехваченными самолётами? И зачем, с какой целью? Спровоцировать Штаты на немедленный ответ, на третью мировую войну, на атомный удар по России и Китаю? Мы хотели сравнить Россию и Китай между собой: это понятно. Но каков смысл им провоцировать нас?»...

А московские башни продолжали стоять!... – «Что происходит? Что происходит??? Что происходит, чёрт возьми, Господи, ответь же ты мне!»...

Как будто отвечая на немой вопрос Макса, в истошных, полувменяемых репортажах с экрана зазвучало новое имя – название предположительного

организатора терактов: «Аль-Каида» – ультрарадикальная террористическая организация, возглавляемая «террористом номер один», загадочным Усамой бен Ладеном, бывшим полевым командиром моджахедов в Афганистане, вооружённым и обученным не так давно самими же Соединёнными Штатами Америки на свою голову. И так, получается, что это не Россия и не Китай. Если только этот самый Бен Ладен не выступил от имени и по поручению одной из этих двух стран... В голове Макса вопросы лишь множились. Какая может быть связь между этим Усамой, будь он неладен вместе с его Аль-Каидой, к их собственными диверсионными операциями в Москве и Пекине? Что же, «террорист номер один» сотрудничает с Москвой и Пекином и по их заказу совершил упреждающий шаг? В этом случае как он узнал о готовящейся диверсии со стороны Штатов? У него в ЦРУ есть свои люди? Полный бред! Крот в ЦРУ – это дело вероятное, но связь Аль-Каиды с Россией – абсурд полнейший! Случайное столкновение двух глобальных террористических инициатив? Но каковы в этом случае цели Аль-Каиды? На чёрта им это нужно? Просто обозлить Америку? Ну, обозлили, и ещё как: несколько тысяч людей погибло, да ещё пассажиры угнанных самолётов! Но дальше-то что? Что это – приглашение Соединённым Штатам стереть с лица земли весь мусульманский мир? И ведь сотрём же, если захотим, потому что можем! Но тоже ерунда получается: Аль-Каида – это всего лишь экстремистская, радикальная исламская банда, они за весь мусульманский мир никак не отвечают и отвечать не могут! На кого же, на чьи головы рассчитывают они вызвать ответный огонь? Абсурд, абсурд, абсурд!.. Да, конечно абсурд, но у этого абсурда есть – обязательно должно быть – объяснение. И в любом случае: случайным совпадением два теракта в Нью-Йорке и минирование Останкинской вышки в Москве быть не могут. Никак не могут. Каким-то загадочным образом эти грозные события связаны между собой. И результаты этой связи уже выходят из дьявольской тени: две башни в Нью-Йорке уже горят. Почему же всё ещё стоит, не падает московская телевышка?.. Полупарализованный картинами нью-йоркского кошмара, Макс теперь уже почти не ощущал недавних конвульсий совести, их вытеснили панические усилия перевозбуждённого ума разгадать эту, самым сатаной загаданную загадку: ЧТО ПРОИСХОДИТ?....

Часы на стене показывали без нескольких минут десять. На экране, клубясь чёрными дымами, горели вершины двух небоскрёбов. Кричали и взывали к Господу люди, выли сирены, о чём-то свидетельствовали невменяемые, косноязычные очевидцы, опрашиваемые на улицах Нью-Йорка многочисленными репортёрскими бригадами. В новостной поток врезались всё новые и новые информационные сообщения и видеоматериалы. Оказывается,

параллельно, помимо этих двух, совершены были и другие теракты в Соединённых Штатах, и тоже с использованием самолётов: один из них, захваченный террористами, то ли врезался в здание Пентагона, то ли упал рядом. Другой ещё куда-то упал... – «...Белый дом эвакуируется!... – «...Америка атакована!...», – «...Это война!...», – неслось с экрана телевизора. И снова вид горящих башен. В этот миг почудилось Максу, что у него что-то стряслось со зрением: в глазах его дёрнулось и поплыло. В следующую секунду он понял, однако, что зрение его в полном порядке, и картина плывёт не у него в глазах, а на экране. А там, взрогнув, начала оседать, складываясь в себя, южная башня Всемирного торгового центра. Основание здания заволкло быстро густеющим облаком пыли, которое стремительно вспухало и чёрной стеной цунами катилось на зрителей. Раздались истошные вопли. Несколько голосов кричали громче других – наверное, это кричали сами участники съёмочной группы. Казалось, что башня садится медленно, но то была иллюзия обострённо воспринимающего события мозга. Ибо через короткое мгновение башни уже не было, она вся исчезла в гигантской, ею же рождённой туче пыли. Изображение на экране пропало – очевидно, цунами накрыло оператора съёмки. Макс торопливо переключился на другой канал. Там камера ещё работала, причём казалось – сама по себе, в автоматическом режиме, без комментариев репортёров, то ли убитых уже налетевшими обломками, то ли лишившихся дара речи. Сквозь муть и чад летящего кувырком мира над огромным грязным облаком, как тонущий корабль над бушующим океаном всё ещё извергала сполохи огня в прокопчённое небо вершина теперь уже одиноко торчащей северной башни. Но вот вздрогнула и она, и тоже начала оседать, точно как и первая, строго вертикально, в себя, очень красиво с точки зрения подрывника, очень высокопрофессионально и качественно. А ведь первая, южная башня осела точно так же профессионально-красиво, проскочило в голове Макса боковая мысль. И вслед за ней чёрной молнией ударила следующая мысль, настолько безумная, что даже не оформилась в слова. Но и без всяких слов подбросила она Макса с кресла, и он закричал, схватившись за голову:

– НЕТ! НЕТ! НЕТ! НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-Т !!!!!...

– Отличная работа! – чётким и спокойным человеческим голосом отозвалось безумие в голове у Макса...

– Отличная, великолепная работа! – повторил тот же самый голос – теперь уже непосредственно за спиной у Макса. Триллер резко обернулся и понял, что действительно сошёл с ума. И это было хорошо: этим всё объяснялось – и рухнувшие башни на экране телевизора, и его попытки выпрыгнуть в окно и явление этого призрака, стоящего перед ним. Ибо перед

ним стоял покойник! Хорошо знакомый покойник... Сильно постаревший, но очень хорошо знакомый покойник в плаще и шляпе... Покойник с лицом... Тома Грэя. Австралийского шефа Макса Триллера и мужа Николь. Того самого, которого под другим именем... как его... Браун... похоронили весной под торжественный салют на фирменном кладбище ЦРУ...

– Отличная работа, Макс Триллер, великолепная работа, говорю я Вам. Высший класс! Поздравляю! – повторил призрак в третий раз и указал пальцем на экран телевизора. – Я горжусь Вами, Триллер. Я знал, кому поручить эту работу. Блестяще исполнено. Просто блестяще!

Макс молчал. Ему было тоскливо. Ну вот. Он сошёл с ума. Как Питер Айерс в Руанде. Он сумасшедший. Бог лишил его разума. Это наказание ему за все его чёрные дела в ЦРУ. Теперь он закончит свои дни в клинике, за дверями без ручек и зарешёченными окнами. И эта сволочь, этот призрак Тома Грэя повинен в этом. Это он привёл его, Макса, в ЦРУ, соблазнив его своей чёртовой ведьмой, прекрасной Николь, которая в тридцать пять выглядела на семнадцать...

– Провались к бесу, – махнул на призрака рукой Макс, – тебя нет. Тебя сожгли и закопали. Ты зола, ты призрак. Сгинь!.. Я болен! Слава Богу, что я сошёл с ума. Значит, всё это неправда. Пусть лучше так...

Но призрак лишь рассмеялся в ответ:

– Ну-ну, Макс, очнитесь. Вы не больны, Вы в полном порядке. Вы же сами хотели видеть «Феникса»? А теперь, когда я перед Вами, Вы говорите мне «Сгинь». Будьте последовательны. Ну что Вы пялитесь на меня, как клоп на дыню? Не призрак я! И никто меня не сжигал. Я просто исчез из списков сотрудников ЦРУ, чтобы обмануть русскую разведку и возродиться заново под другим именем. Я сгорел? Да, именно так. И восстал из пепла. Как тот легендарный Феникс. И поэтому я – «Феникс». Тот самый, которого Вы хотели видеть. Ну что, дошло, наконец? Да, да, да – перед Вами Ваш бывший начальник Том Грэй. Да сядьте Вы, ей-богу! Воды Вам подать, что ли? Или лучше водки? Вы ведь теперь водку предпочитаете, после Севастополя, не так ли? Макс Триллер! Очнитесь, в конце концов, дьявол Вас заберет! Разговаривать с буйно помешанным не входит в мои планы. Сядьте! Да и я тоже присяду, пожалуй... – и Грэй, не спуская внимательного взгляда с Макса и не поворачиваясь к нему спиной, нащупал стул у стены, переставил его напротив кресла Макса и тяжело опустился на него. «Старик уже», – автоматически отметил начинающий приходить в себя Макс. Он заметил также, по привычке ко внимательности, что правая рука Грэя-«Феникса» скрыта в кармане просторного плаща.

– Сядьте, Триллер! – повторно и властно приказал Грэй, и Макс рухнул в кресло. Его сознание всё ещё пребывало в тумане, но туман этот постепенно рассеивался. Макс уже понял: он не спятил, нет. И Том Грэй вполне реален. Но это откровение не принесло ему облегчения. Напротив, явление живого Грэя и слова, им сказанные, содержали в себе угрозу куда более холодную и страшную, чем все вышедшие из ада призраки вместе взятые. Смертная тоска родилась в сердце Макса и росла, разливаясь по телу. У тоски этой не было дна. Она имела глубину бездны. Последней бездны, вечной и бесконечной...

– Так зачем же Вы хотели меня видеть, Макс Триллер? – спросил Том Грэй.

Макс вздрогнул от его голоса, но потом, скованный льдом расширяющейся внутри него бездны, указал всё же пальцем на экран и произнёс:

– Останкинская башня... она стоит...

Том Грэй засмеялся:

– Великолепно! Вы поверили! На что и был расчёт. Вы все поверили в эту мою легенду! Пинг Понг молодец. Забудьте Вы эту чёртову башню, Макс. Нет никакой Москвы, и нет никакого Пекина. Ваша работа – перед Вами. И как я уже сказал: это отличная работа! Ни одно здание вокруг серьёзно не пострадало. Только то, что нужно.

– Но мы летели... далеко...

– Да, пришлось вас покатасть по небу для достоверности. Дорогонько обошлось, конечно. Но цель оправдывает средства, как говорится.

– Но мы минировали три объекта...

– С третьим тоже всё в порядке, я ценю Вашу озабоченность, Макс. Скоро сообщат и про третий.

– Зачем был весь этот театр: Москва... Пекин?..

– О, это было необходимо. Если бы вы заранее знали про истинные цели, то подобные Вам идиоты-патриоты сразу дали бы задний ход, это было мне очевидно, да и любой кретин сообразил бы, что после **такой** операции его в живых не оставят – слишком опасно. Пришлось вас на русских с китайцами натравить, а это было просто – вас всю жизнь на них пропаганда натравливала, оставалось лишь заострить чуть-чуть дополнительно...

– ...Там погибли тысячи людей...

– Ну и что? Зато миллионы американцев будут спасены в будущем...

– ...Николь уверена, что Вы погибли..., – мысли всё ещё слегка путались в голове у Макса.

– Бедняжка. Это самая большая жертва, на которую мне пришлось пойти ради достоверности легенды. Но в ближайшие дни я воскресну и для неё тоже,

так что за наше счастливое будущее Вы можете не беспокоиться, мистер Триллер. Честно говоря, я посетил Вас не потому, что Вы хотели меня видеть, а потому, что увидеть Вас хотел я сам, да. Вы же помните наш с Вами последний разговор в вагончике. Я лично его не забыл...

– Том Грэй, или покойник Браун, или как тебя там ещё: плевать я хотел на наш разговор в вагончике, это всё уже неважно, это было сто лет назад... Вопрос: там, в Нью-Йорке... только что... зачем Вы это сделали, зачем вы взорвали...

– Не я – Вы взорвали, Вы взорвали, Макс...

– Зачем вы взорвали наши собственные, американские небоскрёбы? Днём. Когда они полны людей. Если это действительно так, и если Вы меня не дурачите...

– Это действительно так, Макс Триллер, и я Вас не дурачу. Это мой личный проект, между прочим. И я в высшей степени горжусь им. В высшей степени горжусь, повторяю Вам! Я только что повернул Америку на новый, великий путь её развития. С этого момента, – указал он пальцем на телевизор, – наступает эпоха тысячелетнего американского доминирования на земле. Наступает великое тысячелетие особого предназначения Америки – Manifest Destiny! И Вы лично внесли свой огромный, может быть даже решающий вклад в этот космический разворот, Макс Триллер...

– В гробу я видал Ваши развороты, Грэй. Самолёты – это тоже Ваше дело?

– В некотором плане, да, конечно. Параллельный ход для отвлечения внимания. Непосредственное исполнение его – действительно за Аль-Каидой. Это их шахиды совершили его, камикадзе, другими словами. Но проект централизованный, да. А знаете, сколько эти черти с нас запросили? Уму непостижимо! Сволочи! Чуть весь проект своей безмерной жадностью не погубили! На эти деньги новое государство основать можно. Что они и собираются сделать, кстати. «Исламастан», или что-то в этом роде. Пусть основывают. Надо будет – прихлопнем. Но крокодилы! Самая дорогая часть проекта получилась...

– И что же, Бин Ладен погиб теперь?

– Ха-ха, Макс Триллер, наивный Вы человек! Бин Ладен – вождь. Дело вождей – посылать на смерть других и считать деньги. Это во-первых. А во-вторых, Бин Ладен погибнуть никак не мог, даже если бы и захотел. Потому что Бин Ладен – это легенда. Нет никакого Бина Ладена. Всё это – один большой голливуд. Нам нужен был злой герой, и мы такого монстра создали. Теперь, даже если Луна сойдёт с орбиты, виновным будет объявлен Бин Ладен с его пособниками – Россией, Китаем, Ираном или кем-либо ещё – в соответствии с

нужным нам сценарием. А вот «Аль-Каида» существует реально. Хотя и в таком же примерно формате, как ваша террористическая организация «Хунь-Дунь», ха-ха-ха. В её руководящей части, во всяком случае, да...

– Зачем вы совершили это чудовищное преступление? Нам не будет прощения! Никогда!

– Вы не просто хороший – Вы отличный подрывник, Макс Триллер, но во всём остальном Вы полный болван. Глупец! Прошу не обижаться, я лишь констатирую. Я пришёл к Вам, в общем-то, по сугубо личному делу, Макс, и обсуждать мировую политику не входило в мои планы, но раз Вам так интересно, то чёрт с вами, объясню Вам смысл и цель операции «Феникс». В самом деле: почему бы мне не открыть Вам все тайные карты проекта теперь, когда всё кончено? Напоследок, так сказать... Видит бог: я человек милосердный и справедливый. А Вы, со своей стороны, всё равно никому ничего не расскажете, не так ли, Макс? Вы ведь не расскажете же? – и «покойный» Том Грэй, явившийся к Максиму из небытия под именем «Феникса», мелко, аккуратно и почти дружелюбно рассмеялся, лишь акульи глаза его оставались холодными и бесстрастными, как Бездна Челленджера в Марианской впадине. После короткой паузы, с видимым удовольствием понаблюдав за убитым выражением лица Макса Триллера, Грэй продолжил:

– Соединённым Штатам Америки жизненно важно установить мировое господство на планете. Мы выросли до таких масштабов, что поддерживать свою мощь за счёт собственной экономики уже не в состоянии. Мы вылепили нашу мощь из бумаги, и это было гениально: реальное могущество наше возникло из жалкой тонны целлюлозы и бочки дешёвой краски. Но теперь наше же могущество начинает пережимать нам горло. Реальный внешний долг Штатов делает нас заложником внешнему миру, которому мы все эти последние десятилетия скармливали свою пустую бумагу – наш вездесущий доллар. Если теперь мир откажется от доллара, то мы рухнем, превратимся в пыль и прах. У палки два конца, говорят. И вот второй конец уже висит над нами. Если страны, посаженные нами на долларовую цепь, сговорятся против нас и швырнут нам наши доллары назад с требованием покрыть их чем-нибудь реальным, то нам конец: расплатиться с миром будет нечем. Отсюда вывод: требуется не допустить, чтобы мир сговорился. Любой ценой! Любой, понимаете, Макс? А Вы говорите – «люди погибли». И это в то время, когда на другой чаше весов – триста миллионов американцев... Так вот: сегодняшним актом положена надёжная основа для предотвращения объединения внешнего мира против Соединённых Штатов Америки. Ни много ни мало! Ведь время все эти последние десятилетия работало против нас, и мы это ясно видели: заговор человечества против нас уже начался. Да, мы успешно

глобализировали планету в послевоенные годы. Но так просто, сама по себе глобализация не происходит. Ей оказывается отчаянное сопротивление со стороны многих и в силу довольно однообразных причин: каждый народ желает сохранить свой суверенитет, самостоятельность принятия решений по максимально широкому кругу вопросов, национальную идентификацию. И это для нас неприемлемо. А теперь ещё и огромная Россия восстаёт. И громадный Китай становится супергромадной проблемой. Так что же делать? Одним махом взять весь мир на абордаж мы не можем, к сожалению. Даже всего нашего колоссального военного потенциала для этого недостаточно. Выказывались идеи подавить антиамериканские протесты точно: разбомбить, например, только потенциальных лидеров сопротивления – Россию, Китай, Бразилию, Индию, Иран, Сирию. И мы обрушили бы на их головы сотни и тысячи атомных бомб не колеблясь, если бы убийственная радиация и последующая ядерная зима не похоронили бы нас самих. Этот путь неприемлем. А значит, нам снова остаётся лишь одно: взять мир хитростью. Придумать нечто такое, чтобы человечество сдалось нам на милость по собственной воле, да ещё и с энтузиазмом, с азартом. Это звучит безумно и неосуществимо, я знаю. Но вот нашёлся человек, который придумал, как всё это устроить. И этот человек – я! Именно я – Ваш бывший австралийский босс, Макс, и Ваш последний, незримый повелитель «Феникс» – руководитель самой победоносной в истории Америки и для истории Америки операции – операции, открывающей новую эру на земле: эру США! Послушайте, Макс: вот Вы ноете, что мы совершили с Вами чудовищный по своим масштабам террористический акт. Но посмотрите на это дело шире, сделайте над собой усилие, вырвитесь из пелёнок тех морально-этических предрассудков, в которых Вас угораздило вырасти. Поймите: мы этим чудовищным, как Вы изволите выразаться, актом повергли человечество в такой ужас, мы пробудили в мире – уже пробудили на эту минуту, поверьте мне! – такое сочувствие к себе, что на этой волне можем теперь сделать всё. Главное – умело и вовремя оседлать сочувствие человечества и направить его на нужные нам цели. Итак, что будет дальше: мы объявим это преступление актом международного терроризма. Именно международного – это принципиально важно! Международный терроризм будет назван врагом номер один всего человечества. И поскольку то, что произошло в Нью-Йорке, может отныне произойти в любое время и в любой стране, то все начнут искать спасения от международного терроризма. И мы, Америка, как наиболее пострадавшие, с одной стороны, и самые сильные со всех других сторон, объявим международному терроризму беспощадную войну и возглавим эту войну. Представляете, какие широкие двери перед нами распахиваются? Ведь никто не посмеет протестовать теперь. Никто даже не пикнет! Все

государства станут под наши знамёна. Заметьте, Макс, и это очень важно, это центральная, главная часть моей идеи: объявить своим врагом не какое-то конкретное государство и не какую-то конкретную террористическую организацию, но терроризм в целом, как явление. А явление не имеет государственных границ. Мы потребуем от мира права бороться с терроризмом любыми способами на любых территориях, и можете быть уверены: после сегодняшнего дня мы получим такое право от всех стран мира. Мало того, что под предлогом борьбы с терроризмом все они распахнут перед нами свои границы и впустят нас к себе с оружием в руках, но они же будут ещё и всемерно помогать нам искоренять всё то, что мы назовём террористической угрозой. Под знамёнами этой священной войны (а точнее, под нашим, звёздно-полосатым американским флагом, обращаю я Ваше особое внимание, Макс) мы очень скоро внедримся глубоко и надёжно в юридические, политические, а затем и экономические недра всех стран мира. Мы опутаем их бесчисленными и прочными щупальцами зависимости, и никто уже никогда не сможет рыпнуться против доллара, против нашей идеологии, против нашей воли. Вот тогда и наступит наше тысячелетие – тысячелетие Соединённых Штатов Америки. Которое начинается сегодня, одиннадцатого сентября 2001 года. И этот фундамент – фундамент новой Америки заложили сегодня мы с вами: я и вы шестеро...

Всё это время пока Том Грэй говорил, Макс постепенно обретал странное, свинцом наполняющееся спокойствие. Его ледяная тоска осталась замурованной внутри этого свинцового саркофага, она всё ещё жгла сердце бесконечным холодом бездны, но уже не сковывала тело параличом. Горячая кровь, отчаянно борясь с этим мертвящим холодом, билась в мозгу и ушах громким, вязким пульсом.

– Чушь, Грэй, всё это чушь. Фундамент... заложили... какая чушь! Взрывчатку мы с вами заложили! И здания подорвали. А заодно с ним и фундамент. Фундамент Америки. Ты сегодня убил Соединённые Штаты Америки, Грэй! Ты, твои президенты и конгрессмены – все вы, творцы этого преступления... Вы преступники всех времён и народов! Вы начали с краснокожих индейцев. И дошли до Хиросимы и Нагасаки. И теперь пошли ещё дальше. И я вместе с вами... Ты идиот, Грэй. И ты, и все остальные, кто над тобой – до самого сатаны. Моя вина неоспорима, но я был обманут. Я думал, что борюсь с врагом. Я был уверен в этом. Хотя мне даже и это всегда претило. Но я солдат, я принимал присягу, я выполнял приказ. А вы – родные дети дьявола, Грэй, и я теперь тоже вместе с вами... приёмный сын. Совесть моя убита, но я скажу тебе честно, Грэй: мне стало гораздо легче на душе. Потому

что я понял зачем ты явился сюда. Но прежде, чем ты убьёшь меня, я хочу задать тебе несколько вопросов. Ты ответишь мне на них?

– На любые, Макс, теперь уже – на любые. Причём, с большим удовольствием, поверьте мне.

Макс перевёл взгляд за окно. Там, в синем небе сияло солнце. Через несколько часов оно будет сиять над Австралией. Оно будет сиять так ярко, что Адам Вандималунгу не сможет смотреть на него и прочесть в его огне последний привет от своего заокеанского друга Макса Триллера. Что ж... зато я увижу, наконец, свою дорогу в Эру Сновидений...

– Как тебя зовут на самом деле, Грэй? – спросил Макс. – Как тебя называли родители, если ты родился на земле от людей, а не выпечен в аду, в духовке самого дьявола?

– Меня зовут Аарон Гольдберг. Это очень красивая фамилия. «Золотая гора». Или «Гора золота». Я сожалею, что большую часть жизни вынужден был прожить с другими именами. Но умру я снова Гольдбергом, это я знаю точно. Причём действительно на горе золота, как завещали мне мои предки, передавая мне эту фамилию. Есть у Вас ещё вопросы, Макс?

– Что с моими товарищами?

– Это надо спросить у Пинг Понга. На данную секунду я не в курсе. Зачисткой следов по операции «Хунь-Дунь» – согласись, Макс, что это была шикарная придумка с «Хунь-Дунем» – возложена на него.

– Понятно. Почему тогда устранение моей персоны не было также поручено Пинг Понгу? Почему лично «Феникс» почтил меня своим визитом?

– Этим вопросом, Макс, Вы сами возвращаете меня к началу нашего разговора. Тогда я сообщил Вам, что пришёл к Вам по личному делу. Или, если выразаться точнее – по старому счёту.

– То есть, из-за Николь, если я не ошибаюсь? – Макс осклабился. Он теперь уже совершенно успокоился, и даже та бездонная печаль, которая разлилась по всем его клеточкам, как будто растворилась, оставив после себя всего лишь лёгкую немоту во всём теле, когда он понял, что Грэй явился, чтобы убрать его, опасного свидетеля, как уберут или уже убрали всех остальных – и это с самого начала входило в план организаторов... ах, наивные, наивные они дураки... Австралия, яхты, дочки-японочки... Где-то на окраине памяти усмехнулся и кивнул Макс Грэгору Макфейру: «Держись, сынок, до конца держись...». Собрав неведомо откуда взявшиеся силы воли, внутри Макса мобилизовался диверсант и боец, уже не раз смотревший смерти в глаза. И этот диверсант внутри Макса прикидывал холодно и спокойно: потянуть время, попробовать сбить Грэя с его уверенности, разозлить его, заставить потерять

контроль за движениями, а затем кинуться на него. Шанс есть: рука Грэя с пистолетом скована карманом...

– Вы не ошибаетесь. Из-за Ирен, да, – любезно кивнул Грэй. – Видите ли, Макс, я очень не люблю, когда посягают на мою собственность. Ирен – моя жена, я любил её и сейчас люблю, и Вы уже тогда, в Андамуке, своим говёным опалом подписали себе приговор. Жалкий соблазнитель!... Я бы закопал Вас и в пустыне тогда, будьте уверены, но на Ваше счастье Агентство – с моей же подачи, вот ведь ирония судьбы! – уже заинтересовалось Вами, и я получил задание привести Вас в стойло. Но Вы чуть не сорвались с аркана, сбежав в Элис Спрингс...

– Аркан твой – это Николь? – усмехнулся Макс.

– Да, Ирэн, – кивнул Грэй. – И благодаря ей, нам-таки удалось затащить Вас в Агентство.

– Уверю тебя, Грэй, она делала это с большим удовольствием.

– Да, пришлось пойти на эту жертву... Но Вы злоупотребили, Макс, да. Вы грубо злоупотребили. Вы пошли дальше вздохов и хризантем... Она, разумеется, тоже виновата, дело не должно было зайти столь далеко. Но я ей простил. А Вам нет, Макс. Вы меня обидели, унизили, оскорбили. Хотя, конечным итогом я очень доволен, что всё произошло так, как произошло, – и Грэй с глумливым намёком мотнул головой в сторону телевизора, из которого всё еще раздавались крики ужаса и горя, – Вы, можно сказать, даже в некотором смысле отработали свою вину. Скажем так – перед Америкой. Но не передо мной лично, вот в чём дело...

– Да, Грэй-Браун-Золотая куча, раз уж у нас с тобой возник такой откровенно-интимный разговор: твоя Николь-Ирэн, чтоб ты знал, оказалась очень даже сладкой бабёнкой: сладкой и бешеной, – издевательски глядя в пустые глаза Грэя, произнёс Макс, – ни с одной другой шлюхой я в жизни своей так не кувыркался, как с ней – ни до, ни после: клянусь тебе!

С холодным злорадством наблюдал Макс, как судорога боли и ненависти перекашивает лицо суперагента «Феникса», как синеют от бешенства его тонкие, стариковские губы и как начинают судорожно комкать плащ пальцы левой руки. Дёрнулась и правая его рука в кармане. А Макс продолжал:

– И главное, Грэй: ты врешь. Это не я виноват – она сама меня распалила: душик, халатик, курлы-мурлы, сюси-муси... А потом, когда всё закончилось, она называла меня богом любви и смеялась над старым импотентом, умеющим любить только указательным пальцем... Если она и была тебе благодарна в жизни за что-нибудь по-настоящему, то за меня, сказала она мне, за этот твой бесценный подарок, за эту ночь со мной...

Том Грэй, он же Джордж Браун, он же «Феникс», он же Аарон Гольдберг вскочил со стула и в тот же миг Макс бросился на него. Но «Феникс» тоже не был новичком в ремесле убийств – свою первую жертву в Палестине он застрелил, когда ему было шестнадцать лет. Аарон Гольдберг стрелял отменно. И он оказался всего лишь на долю секунды быстрее Макса Триллера. Макс успел лишь услышать громкий треск внутри себя, когда пуля перебила ему позвоночник. Больше он ничего не чувствовал и не слышал – душа его, обретая свободу, с невероятной скоростью устремилась в Эру Сновидений. Но описать этот полёт в небытие не под силу ни одному из живущих, так что дальнейшие дороги подрывника Макса Триллера в бездонном мире Эры Сновидений останутся его вечной тайной.

Вернувшийся пятнадцатого сентября из джунглей Амазонки с партией громогласных пёстрых попугаев «ара» орнитолог Зайгезунд вызвал полицию: в своей квартире он обнаружил смердящий труп со следами пулевых ранений. Полиция явилась быстро. В кармане трупа был обнаружен поддельный паспорт на имя Христофора Псакиса. В полицейском архиве такой преступник не значился. Следствие остановилось на версии, что этот Псакис как-то связан с нелегальной торговлей драгоценными камнями и убит поделчиками в результате внутриклановых мафиозных разборок. Пищу для этой версии дали два обломка великолепного чёрного опала, обнаруженные рядом с трупом. Составленные вместе, они представляли собой уникальную драгоценность, но и по-отдельности были очень хороши и дороги. Однако, и в этом направлении поиски тоже ничего не дали – опрошенные ювелиры, в том числе из теневых структур, Христофора Псакиса не опознали. Дело легло на дальнюю полку и скоро забылось.

Год спустя предприниматель из Австралии по имени Адам Смит из города Элис Спрингс нанял детектива и инициировал розыск пропавшего без вести владельца магазина-салона «Николь». След привёл детектива в Лэнгли. Через некоторое время господин Смит получил официальный ответ на бланке Центрального разведывательного управления Соединённых Штатов, в котором подтверждалось, что Максимилиан Триллер действительно являлся сотрудником Агентства, но в начале две тысячи первого года, находясь с гуманитарной миссией в ДРА – Демократической Республике Афганистан – погиб в результате террористического акта и похоронен на кладбище ЦРУ. В справке указывался даже номер могилы Максимилиана Триллера. (Бизнесмен Адам Смит-Вандималунгу не мог знать, разумеется – да это знание ему бы и не пригодилось –, что в соседней с его другом Максом, пустой могиле числится

захороненным другой герой ЦРУ, некто Джордж Браун). Братья Вандималунгу искренне погоревали по Макс Триллеру, погибшему за правое дело, и перечислили в фонд борьбы с терроризмом солидную сумму. Оба они ещё помнили, как террористы отстреливали аборигенов в буше и считали борьбу с терроризмом святым делом. Они не подозревали при этом, что финансируют ни много, ни мало – новое тысячелетие, новую, американскую версию истории планеты, именуемую американскими стратегами очень красиво и торжественно – „MANIFEST DESTINY“!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Собственно говоря, добавить к изложенному мне больше нечего. Всё остальное История допишет и без меня. Но когда работа над этой печальной историей жизни Макса Триллера была уже завершена и точка поставлена, возникла мысль снабдить роман подходящим эпиграфом. Провидение откликнулось на это моё пожелание и послало мне обрывок тетрадной обложки, обнаруженный мною совершенно случайно на мокрой от дождя, облупленной и обшарпанной лавочке автобусной остановки с проломленной крышей. На этом обрывке бумаги дёрганным почерком накорябана была часть фразы, которую я в ожидании автобуса расшифровал от нечего делать, и которая мне очень вдруг понравилась. Это был, надо полагать, пробный вариант для выпускного сочинения, или черновой набросок для курсовой работы студента исторического факультета, забытый рассеяным автором на скамейке при появлении долгожданного автобуса. Имя сочинителя на обрывке обложки указано не было, поэтому я счёл этот клочок бумаги специальным подарком небес, приуроченным к моему «Максу Триллеру», и решил дарёную фразу, отредактировав её и дописав до смыслового завершения, использовать затем в качестве эпиграфа. Что я и сделал.

Привожу найденный обрывок:

«...Политическая культура Соединённых Штатов Америки состоит сегодня из имперской наглости, государственного высокомерия, дипломатического коварства, бессовестной лжи, глобальной демагогии, беспринципности, хищной кровожадности в международных делах, пренебрежения к традициям и национальным интересам других народов, циничной убеждённости в планетарной вседозволенности и безнаказанности...»

В этом месте фраза обрывалась внизу листочка. Я изменил её по собственному усмотрению следующим образом:

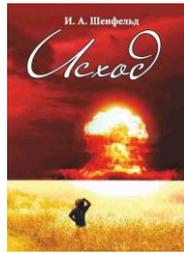
«Если имперскую наглость, политическое высокомерие, дипломатическое коварство, бессовестную ложь, глобальную демагогию, беспринципность, хищную кровожадность в международных делах, пренебрежение к традициям и национальным интересам других народов, циничную убеждённость в планетарной вседозволенности и безнаказанности – если всё это, возросшее на крайне скудной почве собственного исторического опыта, не

сумевшего даже, ограничившись словом из трёх букв, породить нормальное, душевное, человеческое имя для собственной страны, считать за своеобразную культуру, то ... самой культурной страной на земном шаре являются, вне всякого сомнения, Соединённые Штаты Америки».

Однако, для эпиграфа вся эта фраза целиком показалась мне всё же длинноватой, а выбросить её было жаль. И тогда я придумал вынести в эпиграф лишь последние слова её. Подумав, что это получится даже интересно: соединение таким вот оригинальным способом конца повествования с его началом могло бы символизировать неразрывность исторического процесса в целом – исторического процесса, на непрерывной ленте которого ставить точку просто негде. Такую точку на полотне земной цивилизации может поставить лишь сила, вышедшая из-под контроля хранящей длани Создателя, а именно – сила сатаны руками тех, кем он управляет на планете. И сила эта вовсю уже гуляет по земле, расправляя над миром звёздно-полосатые крылья свои с ядерными боезарядами на подвесках. Остаётся надеяться лишь на то, что найдутся в мире и соберутся воедино встречные силы, которые загонят дьявола до скончания веков туда, где его настоящее место, а именно – в бездонную чёрную дыру космоса, из которой нет выхода.

Брянск-Кобленц
25 января 2017

Структура романа	стр. рукописи
Часть I. ЧЁРНЫЙ ОПАЛ	2
1. Америка, Америка...	2
2. Андамука	18
3. Элис Спрингс. Белая игуана	78
Часть II. ХУНЬ-ДУНЬ	120
1. В погоню за белой игуаной	120
2. Миротворцы	145
3. Корробори	170
4. Ломбард	191
5. Севастополь	200
6. Похороны	236
7. Операция «Феникс»	239
8. Manifest destiny: переход в новую эру	257
Послесловие	282
Структура романа	284
Сведения об авторе	286

Сведения об авторе:

Шенфельд Игорь Александрович родился 25 июня 1950 года в селе Кокино Брянской области в немецкой семье. Учился в Кокинской сельской средней школе, потом в школе №16 города Брянска. После ее окончания в 1967 году поступил на факультет физики, отделение «физика на английском языке» Герценовского педагогического института в г. Ленинграде. В 1972 году окончил институт и был направлен на работу в качестве учителя в республику Замбия. Три года проработал в школе-интернате городка Лундази в Восточной провинции, на границе с Республикой Малави. Преподавал физику и „General Science“ по программам Кембриджа. В 1975 году вернулся в Ленинград и работал учителем в средней школе на Васильевском острове. В 1977 г. устроился научным сотрудником на кафедру физики Брянского Технологического института. В 1990 году защитил диссертацию и получил степень кандидата технических наук. В 1997 году выехал с семьей на постоянное место жительства в Федеративную Республику Германия, но остался российским гражданином. Живу попеременно в г.Кобленц, Германия и в Брянске. Литературным творчеством занимаюсь с 1975 года, пишу на русском языке.